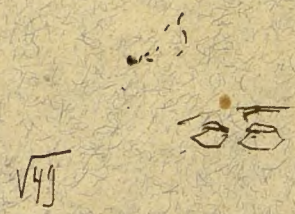
М-37

Библіотека Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО
шкафъ X полка 5 № 10

30



М-37

Григорій Мачтетъ.

СИЛУЭТЫ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

(НОВЫЕ ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ).

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ
ЖУРНАЛА
„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

4676

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средств
В. Ж. КУРСАМЪ.

Лен. Гос. Ун-т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

2331/8 М

МОСКВА.
Типо-лит. Высоч. утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская улица, собст. домъ.
1893.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Въ тундрѣ и въ тайгѣ. (Повѣсть изъ сибирскаго быта) 1

Заклятый козакъ. (Повѣсть) 131

„Жидъ". (Разсказъ) 208

„Бѣлая панна". (Поэма въ прозѣ) 278

Хамелеонъ. (Силуэтъ) 382

Пессимистка. (Старая пѣсня) 400

Холера. (Картинка) 418

Добрый волкъ. (Сказка для всякаго возраста) 431

ВЪ ТУНДРѢ И ВЪ ТАЙГѢ.

(Повѣсть изъ сибирскаго быта).

I.

Скучно въ сѣверной тундрѣ.

Куда ни погляди, на сѣверъ, на югъ, на востокъ и западъ, въ какую хочешь повернись сторону,—все одно и то же. Въ долгую зиму, когда иныя лунныя ночи бываютъ чуть ли не свѣтлѣе короткаго сумрачнаго дня,—кругомъ одно безбрежное, безпросвѣтное море снѣжнаго наста, по которому шибкою рысью бѣгутъ, не проваливаясь, тонконогіе олени, да вихремъ мчатся на лыжахъ люди. Въ осень—одни непроглядные туманы да сѣро-свинцовыя, душныя тучи... И только въ короткую весну-лѣто оживаетъ быстро и на мигъ тундра, пестрѣетъ яркими красками, горитъ синевато-зеленымъ травянымъ блескомъ, небо блещетъ яркою и глубокою лазурью, а все окрестъ полно гама, визга и стрекота несмѣтнаго птичьяго слѣта, нѣжащагося подъ горячими лучами почти неподвижнаго солнца. Но и тогда передъ глазами, подавляющее и мозгъ, и душу непривычнаго человѣка, однообразіе: сине-зеленая

кочка, кочка и кочка... тысячи... милліоны кочекъ, сливающихся на горизонтѣ въ безпредѣльное сине-зеленое море... Томительно скучно. Не даромъ старые, много слышавшіе люди говорятъ, что тундра—дѣло рукъ нечистаго, который задумалъ было овладѣть этимъ кускомъ Божьей земли.

— А Осподь многомилостивый не попустилъ ёму овладѣть совсѣмъ,—говорятъ старые люди. — Кажинный годъ приказалъ красну солнцу и туда заглядывать, чтобы, которые тамъ человѣки есть, благодать Осподню понимали.

Но и тамъ, въ тундрѣ, есть люди, для которыхъ она милѣй и дороже всякаго другого уголка на землѣ, какъ и каждому человѣку его родное мѣсто. Ни на что не промѣняетъ инородецъ, оленеводъ и охотникъ, свою болотную, томительно-скучную пустыню съ ея холодомъ и мракомъ, лѣтнимъ бичомъ—комарами, тучи которыхъ могутъ заживо съѣсть человѣка. Что ему самый богатый городъ, самый роскошный садъ, о которыхъ разсказываютъ бывалые люди!... Есть у него въ безбрежномъ снѣжномъ морѣ изъ оленьихъ шкуръ юрта, есть оленье стадо, пять-шесть привычныхъ къ стаду мелкихъ, остроносыхъ, умныхъ собакъ, есть въ озерахъ и рѣкахъ рыба, а въ пустынѣ—горностай, песецъ и выдра,—и ничего ему больше не надо. Тутъ онъ живетъ и умираетъ, страдаетъ и любитъ, тутъ поетъ свои монотонныя, какъ вой сѣвернаго вѣтра, какъ сама пустынная тундра, безконечно-длинныя пѣсни... Ни о чемъ больше онъ и знать не хочетъ.

Не одинъ, впрочемъ, инородецъ населяетъ тундру, есть тутъ и пришлый народъ. Изъ далекихъ городовъ и селъ

гонять сюда человѣка и нужда, и нажива. Идутъ сюда за «пушниной» и рыбой, которую такъ легко вымѣнивать у наивнаго и довѣрчиваго сына пустыни на разбавленную водою водку, дешевый табакъ и всякую иную дрянь, съ чѣмъ давно уже ознакомили дикаря добрые люди. Пришлые люди у большихъ рѣкъ, на хорошихъ съѣзжихъ мѣстахъ поставили свои крошечные поселки, не то городки, не то деревушки, и живутъ только мѣной да рыбною ловлей. Сжились они съ тундрой, свыклись и стала мила она многимъ изъ нихъ, пожалуй, какъ самому инородцу. Поколѣнія ихъ смѣнялись поколѣніями, а вмѣстѣ съ тѣмъ росла и крѣпла привязанность къ тундрѣ, какъ къ родному мѣсту.

— Благодать здѣся!—говорятъ теперь обитатели такихъ пустынныхъ городковъ, до самыхъ крышъ заносимыхъ снѣгомъ.—Всего вдосталь: рыбы, пушнины всякой... Сущая благодать!...—И ничего другого они тоже какъ будто знать не хотятъ. Избы теплы, ѣды довольно,—любить, богатѣть, родиться и умирать и здѣсь можно...

Но и тамъ выпадаетъ порою такое, что̀ и разсказать, и послушать интересно. А охотники тамъ до разсказовъ добрые люди,—была бы только охота слушать, — многое поразскажутъ. Забылъ я многое изъ того, что̀ доводилось слышать, но одинъ разсказъ хорошо помню. Передамъ его тѣмъ же складомъ, какъ самъ слышалъ, насколько хватитъ памяти,—ну, а гдѣ измѣнитъ она, не взыщите, своимъ складомъ рѣчь поведу.

Сильно всполохнулся одинъ изъ такихъ городковъ, когда на единственной его улицѣ новый человѣкъ объявил-

ся, которому не было никакого дѣла ни до рыбы, ни до пушнины. Было это какъ разъ въ самомъ исходѣ сороковыхъ годовъ. Каждому хотѣлось получше присмотрѣться къ этому худощавому, сутулому человѣку съ глубоко впавшими темными глазами и съ легкою просѣдью въ длинныхъ черныхъ волосахъ, да и разузнать доподлинно, что̀ занесло его къ нимъ. Разное говорили по этому поводу, а никто не зналъ доподлинно. Одни говорили—полякъ, другіе — другое, а третьи несли такую околесицу, что и слушать не хотѣлось. Говорили, смекали, спорили, а дѣло такъ и осталось навсегда темнымъ, — самъ новичокъ, съ виду угрюмый и молчаливый, не обмолвился о своемъ прошломъ ни словомъ. Одно только стало скоро ясно всѣмъ и каждому, что Вадимъ Павловичъ человѣкъ головной *) и душевный.

День-деньской возился онъ съ своими книжицами, которыхъ у него было много, за все платилъ деньгами, жилъ тихо и скромно, со всѣми былъ простъ и ласковъ. И помочь радъ былъ каждому, чѣмъ только могъ, по мѣрѣ силъ. Тому напишетъ, тому подсчитаетъ, того, глядишь, грамотѣ учитъ, а другого и отъ болѣзни вылечитъ. Доктора не было кругомъ верстъ на тысячу, такъ что безъ Вадима Павловича иной разъ и круто приходилось, несмотря на знахарей и дошлыхъ старухъ, да шамановъ, къ которымъ тоже прибѣгали. Вадимъ Павловичъ, говорятъ, первый и картофель сажать научилъ въ тѣхъ мѣстахъ. Сначала опасались и сторонились его, думали: нарочно подосланъ че-

*) „Головной“—мѣстное, то же, что умственный.

ловѣкъ подсмотрѣть, какъ живутъ люди, чтобы послѣ обложить ихъ новымъ ясакомъ, а не то насчетъ солдатчины. Послѣдняго больше всего опасался инородецъ. Но прошло время, и страхи эти разсѣялись, а люди обжились, свыклись и полюбили пришельца. Въ Сибири вообще крѣпко цѣнятъ головныхъ людей, а для городка Вадимъ Павловичъ явился настоящимъ кладомъ. Большой ему былъ почетъ кругомъ.

Жилъ на ту пору въ городкѣ большой богатѣй Сидоръ Карпычъ Русаповъ. На тысячи верстъ первымъ человѣкомъ считался, всю почти рыбу и пушнину скупалъ, лавку въ городкѣ имѣлъ, гдѣ всякаго товара было вдосталь припасено, и не было человѣка, кто бы у него въ долгу не былъ. Одинъ за товаръ должалъ, другой деньги бралъ подъ будущій ловъ или шкуры, третій за снасть всякую, да за соль для рыбьей солки закабалился и всякъ такимъ образомъ на Сидора Карпыча ровно бы на хозяина старался. Большую силу взялъ онъ,—всякъ ему клапялся да шапку ломалъ, иной и заговорить съ нимъ не осмѣливался... И загордился купецъ,—такъ загордился, что и подступу къ нему не стало, каждаго человѣка ни въ грошъ не ставилъ... И сердитъ сталъ, немилостивъ къ людямъ, а прежде, говорили, какъ помоложе былъ да побѣднѣй, совсѣмъ иной былъ: и простъ былъ, и душа у него была мягкая, да жалостливая, и обиды отъ него никакой никому не было. Сильно измѣнился,—чуть кто чего въ срокъ не представитъ ему или не выполнитъ, безъ всякой жалости въ разворъ введетъ и на вѣтеръ пуститъ. Крутой сталъ человѣкъ,—говорили люди.

Кто больше его зналъ и лучше прошлое помнилъ, тотъ утверждалъ, что не богатство сдѣлало такимъ Сидора Карпыча. Грѣхъ у него въ домѣ приключился, большой грѣхъ, съ того грѣха, говорили, и перемѣнился человѣкъ, озлобился. Такъ ли оно было или не такъ, но грѣхъ у него въ домѣ дѣйствительно былъ. Много лѣтъ назадъ Сидоръ Карпычъ, тогда еще только богатѣвшій, женился на туруханской богачкѣ и взялъ за нею много добра. Жили супруги мирно да ладно, объ одномъ только убивались: Господь дѣтокъ не давалъ. Годъ шелъ, другой, третій, много годовъ, а дѣтей все нѣтъ. Грустилъ Сидоръ Карпычъ, ну, а Маланья Семеновна, супруга его, та совсѣмъ убивалась,—шибко ей матерью-то быть хотѣлось. Извѣстное дѣло—баба, безъ дѣтей и жизнь не въ жизнь. И по церквамъ она давала, и въ монастыри ѣздила, колдуновъ да шамановъ даже всякихъ призывала,—все дѣтей не было. Ужъ и ждать они перестали, анъ тутъ-то и случился грѣхъ.

Какъ и что̀ такое вышло, никто не могъ сказать точно, а только вотъ что случилось. Былъ у нихъ молодой подручный, вродѣ какъ бы приказчикъ по пушной части, молодецъ-молодцомъ изъ себя, настоящій, можно сказать, богатырь былъ. Росту громаднаго, въ плечахъ сажень, почитай, цѣлая силища непомѣрная, голова темная, кудрявая, съ лица красавецъ писаный. Пригожъ парень былъ, да и нравомъ ничего, смиренный. Какъ тутъ у нихъ ужъ это вышло, кто его знаетъ,—дѣло ихнее,—только и слюбись онъ съ хозяйкой. Застукалъ ли ихъ Сидоръ Карпычъ, иначе ли оно было, разно говорили, только парень-то ки-

нулся на него съ ножомъ, а сама въ бѣга пошла. Извѣстное дѣло—парня скрутили, въ острогъ повезли, а черезъ сколько-то тамъ годовъ подъ кнутъ да въ каторгу засудили. Маланья Семеновна какъ кинулась изъ дому, такъ и не ворочалась,—въ юртѣ у знакомаго остяка притаилась. Слезно, говорили, каялась, много разъ прощеніе просить подсылала, да не прощалъ супругъ, не миловалъ. Ну, и родила она въ юртѣ остяцкой дочку Машутку, а родивши, Богу душу отдала на судъ Его праведный... И случилось тутъ непонятное диво: какъ только дали знать Сидору Карпычу, что жена его въ родахъ мучается,—а промаялась она долго, сердешная,—тотъ ровно ошпаренный къ ней поскакалъ. Что тамъ промежъ нихъ было, простилъ онъ ее или не простилъ, никто сказать не можетъ; остякъ только божился, что видалъ, какъ купецъ ровно ребенокъ плакалъ... Похоронилъ онъ ее честь-честью, а Машутку къ себѣ взялъ и полюбилъ онъ ее,—свою или не свою, какъ тутъ знать?—такъ, что люди только диву дались.

Вотъ съ того-то онъ, говорили лучше его знавшіе, и озлобился.

Такъ этотъ-то Сидоръ Карпычъ одинъ только и не жаловалъ какъ будто Вадима Павловича въ городкѣ. Завидно ли было почетъ съ нимъ дѣлить, обижался ли, что тотъ съ нимъ запросто, какъ и со всякимъ другимъ обходился, — кто его знаетъ, — но видно было, что не по душѣ тотъ ему. Такъ, въ обхожденіи, при встрѣчѣ, ничего точно, разговоры разговаривали, клапялись, а за глазами не то совсѣмъ. Можетъ, не мало значило тутъ и то, что Вадимъ Павловичъ безъ обиняковъ выкладывалъ вся-

кія свои думушки, — такая ужъ душа у него была. Не разъ и корилъ онъ людей за инородцевъ, за лихву поносилъ, не разъ и Сидору Карпычу глаза промывалъ, ну, а не всякъ это любитъ, извѣстно ужъ... Кто его разберетъ, что̀ тутъ на самомъ дѣлѣ было, можетъ быть, и первое, и второе, и третье, а только вышла у нихъ ссора.

Въ Машуткины именины позвалъ Сидоръ Карпычъ гостей, позвалъ и Вадима Павловича. Тотъ пришелъ, хоть и не гостинный былъ человѣкъ, въ ротъ не бралъ хмѣльного,— зарокъ, говорили, далъ,—но на люди любилъ ходить. Пошло тутъ разливанное море. Въ такой праздникъ хозяинъ не скупился. Ѣли тутъ и пили, пили и ѣли, а все-таки пили больше и хорошо угостились всѣ. И Сидоръ Карпычъ не пивалъ, почитай, совсѣмъ, но въ этотъ день давалъ себѣ полное разрѣшеніе, угощался хорошо тоже. Хватилъ ли онъ въ тотъ вечеръ лишнее, на душѣ-ль у него такъ ужъ было, только сталъ онъ какъ будто придираться къ гостямъ, да своимъ богатствомъ хвалиться.

— Никто супротивъ мошны не выстоитъ... Все купить могу!—кричитъ, а самъ искоса на Вадима Павловича поглядываетъ.—Все на цѣлковый идетъ.

Молчалъ тотъ, молчалъ, да и не вытерпѣлъ, отрѣзалъ:

— Нѣтъ, говоритъ, Сидоръ Карпычъ, ошибаешься, не все...

Того словно бы въ радость кинуло, что Вадимъ Павловичъ отозвался. Поднялъ голову, да и спрашиваетъ таково насмѣшливо:

— Какъ не все?—и глаза щуритъ.

— Такъ не все...

— Чего-жъ это я, къ примѣру, купить не могу?

— Совѣсти,—говоритъ Вадимъ Павловичъ,—купить не можешь.

Повело хозяина отъ этихъ словъ, только онъ справился съ собою, да и повернулъ на смѣхъ.

— Ха, ха, ха, — смѣется, а смѣхъ такъ и дрожитъ у него,—какъ это я ее не куплю, когда она продажная?... Разная есть совѣсть на свѣтѣ и цѣна ей разная... Есть совѣсть дорогая, купецкая, есть дешевая, посельщицкая.

Повело и Вадима Павловича, только онъ не перемѣнилъ голоса.

— Нѣтъ, Сидоръ Карпычъ, не о разной совѣсти, не о такой говорю я, — сказалъ онъ. — Есть одна совѣсть на свѣтѣ, человѣческая, и той ты не купишь.

— Не куплю, такъ подкуплю!—огрызнулся тотъ.

— И не подкупишь.

— Ой ли, баринъ?

— Такъ-съ, господинъ купецъ!

— Все цѣлковикомъ подмажу, что хошь подкуплю!— разсердился Сидоръ Карпычъ, даже брови сдвинулъ.

Посмотрѣлъ на него Вадимъ Павловичъ, посмотрѣлъ, да и скажи:

— А ну-ка, Сидоръ Карпычъ, подмажь да подкупи свою совѣсть...

Остолбенѣлъ купецъ. Какъ сидѣлъ, такъ и руки опустилъ. Въ жаръ его бросило, багровый сталъ, сидитъ и только смотритъ на гостя.

— А зачѣмъ бы мнѣ ее самому подкупать?—спрашиваетъ, наконецъ, глухимъ голосомъ.

— Чтобы не щемила!—говоритъ.

Задрожалъ Сидоръ Карпычъ, зубы скрипнули, но крѣпится еще.

— А ты почемъ знаешь, что она щемитъ у меня?—спрашиваетъ.

— Вижу и понимаю.

— Такъ!... А отчего-жъ бы ей и щемить?

— Ну, это тебѣ лучше знать!—говоритъ гость.

Вскочилъ тутъ Сидоръ Карпычъ, да и хлопъ по столу кулакомъ.

— Нѣтъ, баринъ, стой, не лиси, не гоже увертываться! — кричитъ, еле духъ переводя, такъ трясло его.—Выкладывай!... Началъ, такъ и кончай, выкладывай все передъ честнымъ народомъ! Говори, ничего... Говори, что такое за мной знаешь, отчего у меня совѣсть щемитъ...

Стали тутъ его уговаривать, да успокоивать, а онъ только пуще рвется:

— Говори!—кричитъ.—Корилъ, такъ и скажи, за что коришь,—не увертывайся! Меня на тысячи верстъ вокругъ знаютъ и почитаютъ, а корить никто не смѣлъ... Ну-ка, баринъ любезный, разскажи, а мы послушаемъ... Не бойся!

Всталъ Вадимъ Павловичъ супротивъ него, да и говоритъ:

— Многаго я, конечно, не знаю, а что знаю и вижу, то и скажу.

И началъ онъ ему тутъ выкладывать да отсчитывать. И, Боже ты мой,—такъ прямо въ глаза и рѣжетъ! И про инородцевъ говорилъ, какъ у нихъ обманомъ и пушнину,

и рыбу мѣняютъ, и про лихву, и про спротъ, которыхъ Сидоръ Карпычъ по міру пустилъ за долги родителей, и про наемную кабалу, и про товаръ гнилой,—про все. Даже страшно стало глядѣть на Сидора Карпыча,—такой онъ отъ этихъ словъ сдѣлался. Какъ платокъ стоялъ бѣлый, губы у него свело на сторону, ни живъ, ни мертвъ, только грудь ходенемъ ходитъ.

— Такъ-съ!—поддакиваетъ, а у самого духъ отнимается.

— Именно такъ-съ!—говоритъ Вадимъ Павловичъ.— Душа у тебя человѣчья, а живешь ты по-волчьи... Вотъ и щемитъ у тебя совѣсть.

Тутъ ужъ не выдержалъ Сидоръ Карпычъ.

— Ну-съ,—говоритъ, а самъ ровно мѣломъ вымазанный и улыбается эдакъ злобно, — коли ежели, говоритъ, мы волки лютые, такъ тебѣ, баринъ, съ нами и знаться зазорно... Вотъ тебѣ Богъ, а вотъ порогъ.

Усмѣхнулся Вадимъ Павловичъ.

— Спасибо, говоритъ, на угощеньи, да на добромъ словѣ... Прощай, Сидоръ Карпычъ...

Повернулся и пошелъ ровно бы и обиды ему никакой не было. Ну, и задѣло-жъ Сидора Карпыча,—пошло тутъ ужъ совсѣмъ неподобное. Купецъ изъ себя вышелъ, ногами топаетъ, кричитъ, въ догонку лается, самъ трясется весь, на губахъ словно пѣна отъ злости. «Вонъ, — кричитъ, — вонъ изъ моего дома!... Собакъ спущу, собаками затравлю!» Людей своихъ скликать сталъ, насилу-то прочіе гости удержали его, кое-какъ успокоили. «Пустите,—оралъ,— я его какъ пса убью и ничего мнѣ за это не будетъ... Потому, — смутъянщикъ онъ! Вотъ, кто онъ... такой бу-

детъ, православные... Такъ и знайте напредъ!» Силенъ былъ, удерживать трудно было.

И крутенько стало послѣ того Вадиму Павловичу въ городкѣ жить, очень круто. Изъ Русановской лавки ему отпускать перестали, никакихъ денегъ брать не хотѣли, даже иголку купить не могъ, а лавка-то одна на весь городокъ была. Опять люди обѣгать его стали, боясь Русановскаго гнѣва, поди, и жить негдѣ было бы, не будь у него своей избы, которую онъ у одной старухи-вдовы купилъ. Всякій харчъ, съ трудомъ, за большія деньги доставалъ, потому съ опаской и тайкомъ продавали ему сосѣди. Трудно было ему, да только не долго ило такъ.

Захворалъ Русановъ; отъ злости ли у него что приключилось, или съ чего-нибудь другого, но съ вечера того все недомогалось ему, а тамъ и слегъ. Всѣ бабы дошлыя лечили его, знахарей звали, шаманъ пріѣзжалъ и въ бубенъ свой билъ, и плясалъ, и конскій волосъ жегъ, чтобы нечистаго выгнать, а ничего не легчало. Тридцать три кипарисныхъ креста у изголовья сожгли и тоже ничего. Все ему хуже да хуже. Самъ на себя не похожъ сталъ, жаромъ горѣлъ и заговариваться началъ.

Дѣлать нечего, кинулись тогда къ Вадиму Павловичу. Такъ и такъ, молъ, любезный человѣкъ, прости, зла не помни, ни за чѣмъ не постоимъ, выручай только. И выручилъ Вадимъ Павловичъ, — головной былъ человѣкъ, дошлый. Ровно бы и обиды ему никакой не было, пошелъ сейчасъ и сталъ лечить, — лекарства у него разныя въ баночкахъ съ собой припасены были. И порошки давалъ, и воду на голову лилъ, и горчицей

налилъ,—разное продѣлывалъ и привелъ-таки въ себя человѣка.

Опамятовался Сидоръ Карпычъ, глядитъ, видитъ: врагъ надъ нимъ бьется и хлопочетъ, ровно бы и другъ ему. Диву ли онъ дался, защемило-ль его, только молчалъ онъ, молчалъ, да вдругъ и спрашиваетъ слабымъ такимъ, больнымъ голосомъ:

— Ты-ль это, Вадимъ Павловичъ, будешь?

— Я,—отвѣчаетъ тотъ.

Помолчалъ, помолчалъ больной и опять спрашиваетъ:

— Что-жъ это ты надъ волкомъ лютымъ стараешься?... Зачѣмъ тебѣ?

— Не волкъ ты теперь, — говоритъ Вадимъ Павловичъ,—а больной человѣкъ... Отчего же мнѣ не стараться?

— Такъ!—протянулъ больной и не сказалъ больше ничего. Повернулся къ стѣнкѣ, ровно бы спать собрался. А только крѣпко запали ему эти слова въ душу. Многое онъ передумалъ.

Было это къ вечеру, а на другой день больному сильно ужь полегчало. Дождался вечера и какъ пришелъ снова Вадимъ Павловичъ, долго глядѣлъ онъ на него молча. Глядѣлъ, глядѣлъ, да и спрашиваетъ его опять, только робкій у него какъ-то, вдругъ, голосъ сдѣлался!

— Скажи ты мнѣ, головной человѣкъ, — говоритъ, можно-ль такъ на свѣтѣ человѣку прожить, чтобъ другимъ обиды не было?

Помолчалъ гость, подумалъ, брови сдвинулъ даже и отвѣтилъ, наконецъ:

— Вотъ, что я скажу тебѣ, Сидоръ Карпычъ: трудно

оно, очень трудно,—ну, а все же каждый долженъ оглядываться, чтобы поменьше зла дѣлать.

Опять замолчалъ больной, не проронилъ больше ни слова, а какъ давеча—повернулся къ стѣнкѣ. Съ виду бы и спитъ, а на самомъ дѣлѣ не до сна ему было, въ головѣ и душѣ у него горячая работа шла. Многое вспоминалъ купецъ и во многомъ каялся, такая ужъ полоса ему подошла,—сильно растревожилъ его Вадимъ Павловичъ. Понялъ тотъ, что у него душа какъ бы сама съ собой борется, все понялъ, а и виду не подалъ. Такъ безъ слова и ушелъ къ себѣ. Но какъ пришелъ на третій вечеръ, больной поднялся на локоть, посмотрѣлъ ему въ глаза пристально и спросилъ:

— Крѣпко ты на меня обидѣлся, Вадимъ Павловичъ?

— Нѣтъ, Сидоръ Карпычъ,—отвѣтилъ гость,—ты на себя больше...

— Вѣрно твое слово, правду сказалъ... Сильно зло разобрало меня, что я такъ обидѣлъ тебя, потому давно я видѣлъ, каковъ ты человѣкъ есть... Зависть у меня къ тебѣ, что-ль, какая была, и самъ не разберу... А какъ обидѣлъ тебя, то и сказать не могу, что̀ сталось со мной... И донять тебя, кажется, хочется, и на душѣ камень, только злость пуще разбираетъ.

— Понимаю,—сказалъ Вадимъ Павловичъ.

— Прозорливый ты человѣкъ, потому и понимаешь,—говоритъ больной.—А ты прости меня, золотая твоя душа, кругомъ вина моя передъ тобою... Обозлился я, что ты облаялъ меня, и на то пуще, что во всемъ твоя правда была,—чувствовалъ я это... Никто не лаялъ меня,

всякъ правду про себя таилъ, одинъ ты осмѣлился... И полюбилъ я тебя за это, вотъ какъ полюбилъ! И вѣрно сказалъ ты, спасенная твоя душа: щемитъ у меня, вправду щемитъ.

И сталъ онъ тутъ выкладывать все ровно бы на духу. Выкладываетъ, а самъ слезами обливается,—прорвалась у него душа на свѣтъ Божій. Все, что болѣло у него, что всегда таилъ отъ чужого глаза, о чемъ онъ намекомъ не обмолвился, все выложилъ. И жену помянулъ, какъ она каялась и прощенья просила, а онъ отъ гордости простить не хотѣлъ, какъ захирѣла она оттого въ юртѣ остяцкой. Какъ защемившую затѣмъ душу онъ хотѣлъ злобой къ людямъ заглушить, алчностью да наживой, какія дѣла нехорошія дѣлалъ,—все разсказалъ.

— Правдивое твое слово было... По-волчьи жилъ я!— сказалъ Сидоръ Карпычъ.

И стали они съ того самаго вечера такими друзьями-пріятелями, какихъ и не бывало въ городкѣ. Круто повернулъ Сидоръ Карпычъ, перемѣнился, прежнимъ сталъ, какимъ нѣкогда до грѣха былъ, а можетъ и еще лучше. Много всякаго добра людямъ дѣлалъ; кого обидѣлъ, тому не тѣмъ, такъ другимъ помогъ; сиротъ надѣлялъ, на пріюты и училища давалъ. И пошла про него на тысячу верстъ кругомъ еще бо́льшая слава, только ужъ совсѣмъ иная. Въ тундру къ нему купцы свои споры разбирать пріѣзжали, совѣстнымъ судьей выбирали,—такую славу взялъ человѣкъ.

Упросилъ онъ своего друга-пріятеля къ нему въ домъ переѣхать, чтобы Машутку его тотъ разнымъ наукамъ

обучалъ. «Пусть она, спроточка, — сказалъ, — свѣтъ увидитъ, а не такъ, какъ мы, темные!... Опять, и лай меня, Вадимъ Павловичъ, ругай и правду рѣжь,—на пользу это мнѣ!». И фортепьяны завелъ, издалека выписалъ, чтобы Вадимъ Павловичъ его Машутку ровно барышню играть научилъ, ничего не жалѣлъ для нея. И доволенъ былъ купецъ, когда его любимая дочка ему наигрывала или изъ наукъ, что выучила, разсказывала,—страхъ счастливъ! Погладитъ ея русую головку, задумается, въ глазахъ какъ бы слеза блеснетъ, вздохнетъ глубоко, да и скажетъ:

— Учись, Машуточка, учись, дѣвонька, свѣтъ оно, ученье-то... Въ темной долѣ родились мы на свѣтъ, грѣшные, вынеси тебя Господь изъ нея!

Такъ разсказывали въ тундрѣ добрые люди.

II.

Росла Машутка и училась; всему обучалъ ее Вадимъ Павловичъ: какія на свѣтѣ страны есть узнала, какъ въ нихъ люди живутъ, языкамъ научилъ ее, музыкѣ,—словомъ, дай Богъ всякому знать все то, что знала она еще подросточкомъ. Способная была, на-лету все хватала, и нравомъ хорошее дитя было,—ласковая, жалостливая ко всѣмъ, тихая такая да смирная. Можетъ-быть даже и слишкомъ доброе да податливое сердечко было у нея, тяжело съ такимъ сердцемъ бываетъ подчасъ жить на свѣтѣ,—ухъ какъ тяжело! Частенько подумывалъ объ этомъ Сидоръ Карпычъ, глядя на свою любимицу да загадывая о ея будущемъ, и жутко становилось ему. Что-то ждетъ

ее впереди, на какого человѣка попадетъ она,—тревожно загадывалъ онъ,—будетъ ли тотъ ее стоить, полюбитъ ли и оцѣнитъ ли, какъ она того стоитъ? И съ Вадимомъ Павлычемъ часто заговаривалъ купецъ объ этомъ, много толковали они, но тотъ успокоивалъ его всегда.

— Конечно,—говорилъ тотъ,—не дай Богъ никому на дурного человѣка наскочить, что̀ и говорить... А все же съ такимъ сердцемъ, какъ у Машутки, поручиться можно, что всегда она останется и доброю, и чистою.

— Такъ-то оно такъ,—крякнетъ Сидоръ Карпычъ,—да будетъ ли она счастлива?

Какъ тебѣ сказать?—отвѣчаетъ Вадимъ Павловичъ.—Счастье-то, вѣдь, разное бываетъ,—смотря потому, въ чемъ человѣкъ его видитъ. Извѣстное дѣло, что для иного—счастье, то для другого можетъ быть горе, и наоборотъ... Ну, а есть на свѣтѣ и такія мягкія души, что для нихъ и самая ихъ любовь уже счастье, что̀ бы она ни принесла имъ съ собою.

Соглашался Сидоръ Карпычъ, а въ душѣ, все-таки, не унималась тревога. Извѣстное дѣло—родительское сердце.

Носится и ревмя-реветъ по тундрѣ злая пурга, насыпаетъ снѣжныя горы, застилаетъ бѣлою пылью свѣтъ Божій и тоскливо-жалобно плачетъ въ трубѣ, а у Сидора Карпыча все одна думушка. Хорошо думается въ долгія ночи подъ такое завыванье бури-метели, только думушки-то были тревожныя...

Жили они такъ, поживали, и стряслась вдругъ нежданная бѣда: Вадимъ Павловичъ занемогъ, а черезъ нѣсколько сутокъ и приказалъ долго жить. Грудью все хворалъ

Научная библиотека им. Горького

покойникъ; зиму перенесъ, а какъ пошло дѣло къ теплу— не выстоялъ. Каждый разъ къ теплу онъ прихварывалъ; знали всѣ, что для него это самое тяжелое время,—сырое, парное оно въ тундрѣ. Сильно затужилъ Сидоръ Карпычъ, ровно бы по родномъ, а Машутка цѣлые дни ручьями слезы лила,—любила покойника, привыкла къ нему...

Похоронилъ его Сидоръ Карпычъ, поминки богатыя справилъ, да не долго послѣ того и въ городкѣ оставался. И скучно ему стало безъ друга-пріятеля, и дѣла свои надоѣло уже вести, и Машутку учить теперь было некому, а тянуло ее къ этому, да и свѣтъ ей тоже увидать хотѣлось. Боялся тоже отецъ, чтобы тутъ про материнскій грѣхъ не разсказалъ ей кто-нибудь, скрывалъ онъ отъ нея. Посадилъ онъ вмѣсто себя приказчиковъ, а самъ перебрался съ семьей за многое множество верстъ, въ Красноярскъ, гдѣ сталъ вести только оптовое дѣло. Открыто жилъ теперь Сидоръ Карпычъ, въ знакомство вошелъ, людей принималъ, а все для дочки, чтобы не дикаркой росла, съ людьми обходиться научилась, и учителей хорошихъ пригласилъ для нея. Домомъ завѣдывать и хозяйство вести онъ взялъ сестру свою, Анну Карповну, старую дѣву, а та тоже души не чаяла въ Машуткѣ. Не надышатся, бывало, оба на свою Машутку. Частенько приходилось Сидору Карпычу выѣзжать по дѣламъ на большія ярмарки: въ Ишимъ на Никольскую, въ Ирбитъ, къ Макарью въ Нижній ѣзжалъ, и рѣдко, рѣдко выпадало такъ, чтобы онъ съ собой свою любимицу не бралъ. Научилась она, насмотрѣлась, многое увидала, многое узнала, и выросла она умною, сердечною и доброю красави-

цей. Стройная была, сильная, здоровая, коса длинная русая, лицо—кровь съ молокомъ, только глаза—ни въ отца, ни въ мать, словно ночь темныя, да рѣсницы и брови тоже черныя были. Заглядывались на нее и молодые, и старые. Подниметъ она свои длинныя черныя рѣсницы, взглянетъ на человѣка большими темными глазами и даже жутко станетъ,—не то обожжетъ, не то лаской обдастъ. Чудные глаза были и доброты же таилось въ нихъ, столько доброты, что для одного человѣка, можетъ-быть, и слишкомъ даже!

За женихами, извѣстная вещь, дѣло не стало. Кто-жъ бы не радъ былъ сосватать такую красавицу, да еще и съ деньгами? Знали, вѣдь, всѣ, что для нея Сидоръ Карпычъ не поскупится. Много сваталось къ ней людей разнаго званія: и купцовъ, и промысловыхъ людей, и чиновниковъ, только не шла за нихъ Марья Сидоровна. Не хочу замужъ, да и только, а Сидоръ Карпычъ не неволилъ, даже радъ былъ, что она при немъ останется. «Пусть, молъ, натѣшится дѣвичьею долей: Успѣетъ еще!» И годъ за годомъ уходилъ такъ,—что ни женихъ, то отказъ. Даже сердились на нее, привередницей звать стали, а подъ конецъ и перезрѣлою невѣстой.

— Королевича поджидаетъ!—язвили обиженные ея отказами.—Поджидала яблонька солнышка, а вѣтеръ цвѣтъ разметалъ... Того и она дождется!

Того, да не того...

Ясны думы дѣвичьи, много въ нихъ и свѣта и правды бываетъ, да не всегда сбываются—вотъ бѣда! Свѣтло въ молодомъ довѣрчивомъ сердцѣ, полно оно любовью и жизне-

радостью, да за своимъ свѣтомъ, ослѣпленное, часто не видитъ тѣней, не вѣритъ въ мрачное и злое, и жестоко платится, бѣдное... Поплатилась и Машутка за свое сердце, не сбылись и ея думушки завѣтныя, свѣтлыя и правдивыя... Не о такихъ женихахъ шептали ей золотыя думы, не такихъ звало молодое сердце. Хорошіе эти женихи были, слова сказать нельзя, да не по ней. Не подкупало ее и то, что были они люди степенные и денежные, всякое дѣло вести умѣли или по службѣ хорошо шли, ордена и большіе чины получали. Что было ей до пушнины и рыбы, заводовъ и промысловъ, орденовъ и чиновъ! Дѣвочкой читала она сказки о смѣлыхъ рыцаряхъ, что безстрашно рубились съ великанами и змѣями, спасая людъ Божій; затѣмъ слышала разсказы Вадима Павловича о смѣлыхъ, умныхъ людяхъ,—читала потомъ въ книгахъ, которыя говорили ей, вмѣстѣ съ тѣмъ, о другой, болѣе полной и широкой жизни, о другихъ интересахъ. Чутко прислушивалась она къ толкамъ и слухамъ, что долетали тогда изъ многошумныхъ столицъ и до сибирской глуши, жадно ловила она лихорадочно-возбужденнымъ взоромъ намеки на эту другую жизнь въ тѣхъ городахъ, куда завозилъ ее отецъ. Что была это за жизнь на самомъ дѣлѣ, въ чемъ заключались и состояли эти другіе интересы,—дѣвушка въ точности не знала, сама себѣ не отвѣтила бы она, неясны и смутны были представленія о нихъ,—одно только понимала она и скорѣе чувствовала, чѣмъ понимала, что не было въ нихъ мѣста вопросамъ о пушнинѣ и рыбѣ, о добычливыхъ промыслахъ и успѣхахъ.

И завѣтныя думы рисовали ей заманчивый образъ сильнаго и умнаго человѣка, который одинъ съумѣлъ бы уяснить ей все это неопредѣленное и смутное, и ясно намѣтилъ бы и путь, и задачи, которымъ посвятила бы она свое доброе сердце. Съ такимъ бы пошла она, всю себя отдала бы ему безповоротно и всецѣло, можетъ быть, покорилась бы ему, но дышала бы легко и вольно... На все бы пошла она съ нимъ, не испугалась бы никакихъ лишеній, не смутила бы она его никогда ни хмурымъ видомъ, ни жалобой, ни упрекомъ, — такова ужъ была природа дѣвушки.

Но этотъ образъ сильнаго человѣка былъ тоже неясенъ и смутенъ, какъ и всякая мечта. Реаленъ онъ былъ только съ отрицательной стороны, не имѣя ничего общаго съ тѣми женихами, отъ которыхъ Машутка не знала отбоя. Въ общемъ это была понятная смѣсь различныхъ, воспринятыхъ съ дѣтства впечатлѣній, — смѣсь сказочнаго рыцаря, героя хорошихъ романовъ, покойнаго друга Вадима Павловича, эффектно загримированнаго перваго любовника видѣнныхъ на ярмаркахъ драмъ и оперъ, а можетъ-быть и блестящаго кавалериста съ немного наглымъ взглядомъ, такъ легко принимаемымъ наивнымъ сердцемъ за душевную смѣлость. Дѣвичья душа надѣляла этотъ смѣшанный, неясный образъ физическою красотой, силой и блескомъ, и съ этой именно одной стороны онъ могъ быть хоть отчасти и живъ, и ясенъ.

Понятно, что, при извѣстной долѣ довѣрчивости, неопытности и наивности, такой неопредѣленный образъ дѣвичье сердце могло уложить въ любую рамку, разъ онъ

подкупалъ это сердце своимъ чарующимъ внѣшнимъ лоскомъ и блескомъ. И чѣмъ больше проходило годовъ, чѣмъ дольше не являлся избранникъ думы, чѣмъ сильнѣе разгорались ожиданіе и нетерпѣніе и сильнѣе досаждалъ контрастъ надоѣдавшихъ сватовствомъ мѣстныхъ жениховъ, тѣмъ легче было это сдѣлать, такъ какъ сердце становилось опрометчивѣе, все больше теряло способность анализа и критики. Такимъ-то образомъ и уложила Машутка свой завѣтный образъ въ обольстительную фигуру красавца Юрія Николаевича.

Темно было его прошлое, — разное говорили о немъ люди, но все больше нехорошее, лишь только онъ объявился въ Сибири искать счастья и удачи, какъ всѣ зауральскіе искатели, которыхъ судьба выкинула изъ роднаго мѣста. Темные слухи тянулись за нимъ черною лентой. Говорили, что этотъ черноусый, стройный красавецъ, съ блестящими глазами, рѣчистый и смѣлый, этотъ обольстительный гитаристъ и пѣвецъ, съ такимъ чарующимъ бархатнымъ голосомъ, былъ наглый злодѣй, жестокій и холодный, за многія темныя преступленія оставленный судомъ, какъ тогда было въ обычаѣ, въ сильномъ подозрѣніи. Бумаги его, правда, были въ порядкѣ, но этимъ бумагамъ не вѣрили: по опыту знали люди, какъ легко поддѣлываютъ разные искатели приключеній свои бумаги. Разсказывали, что на родинѣ его исключили изъ полка за шулерство, что хотя по бумагамъ онъ числился вдовымъ, но жена его жива и сбѣжала только отъ насилій и оскорбленій, что служилъ онъ затѣмъ на многихъ должностяхъ, но всегда его исключали за разные проступки,

признавая, однако, способнымъ человѣкомъ. Въ послѣднемъ ему никто не отказывалъ: ловкачъ, ловкая башка!—называли его и тѣ, что бранили. Многое еще разсказывали, а все-таки онъ съумѣлъ и перезнакомиться со всѣми, и стать во многихъ домахъ пріятнымъ гостемъ, и даже причислиться къ секретному столу одного изъ управленій, войти тамъ въ довѣріе и прослыть докой и дѣльнымъ человѣкомъ... Дѣйствительно, ловкій былъ малый.

Этимъ слухамъ и толкамъ, конечно, не вѣрила Машутка. Въ ея глазахъ все это были сплетни, судаченье и захолустные пересуды шипящей зависти и безсильной злобы, которые только сильнѣе поднимали и выдѣляли его. Захолустье всегда преслѣдуетъ все необычное, блестящее, выдающееся,—объясняла себѣ дѣвушка,—а обиженныя самолюбія не прощаютъ ему предпочтенія, явно оказываемаго ею предъ другими, а можетъ-быть и его вниманія къ ней... Послѣднее такъ пріятно щекотало ея молодое тщеславіе. Мало ли людей было заѣдено захолустною клеветой?—думала про себя дѣвушка и все сильнѣе покорялась и вѣрила ему одному. Онъ овладѣлъ ею, лишь только она увидала эту стройную, красивую фигуру, эти блестящіе огнемъ глаза, такъ и говорившіе, казалось, о душевной мощи, услышала этотъ мягкій и нѣжный теноръ, полный неотразимой ласки, услышала живую, остроумную рѣчь. Ловкость, манеры, умѣнье держать себя и добродушно-снисходительное, нѣсколько свысока, отношеніе къ мѣстнымъ «простякамъ» совсѣмъ околдовали ее.

Труднѣе было обойти ему подозрительнаго, много видѣвшаго на своемъ вѣку Сидора Карпыча, но и того

обошелъ ловкій малый... Обошелъ, точно довѣрчиваго, наивнаго ребенка. Ужъ очень открыто и ясно глядѣли у него глаза, и этотъ открытый взоръ, который могъ быть и выраженіемъ душевной чистоты, и верхомъ наглаго безстыдства, больше всего подкупалъ Сидора Карпыча. Сестру его, добродушную и немного слезливую Анну Карповну, Юрій Николаевичъ поймалъ сразу. Со слезами на глазахъ разсказалъ онъ ей какую-то трагическую выдумку о себѣ,—та пожалѣла, всплакнула и дѣло было сдѣлано. Одинъ очень умный человѣкъ сказалъ, какъ извѣстно, что самые великіе артисты бываютъ не на сценѣ, а въ жизни... Великій артистъ былъ Юрій Николаевичъ!

Но, все-таки, крѣпко призадумался Сидоръ Карпычъ, прежде чѣмъ снялъ со стѣны въ золоченомъ окладѣ образъ и благословилъ имъ Машутку. Свѣсилъ онъ посѣдѣвшую голову въ раздумьи, въ душѣ закопошились черныя мысли и злое предчувствіе какъ будто смутило на мигъ старика.

— А что, Машутка, коли ежели онъ только прикидывается такимъ? — сказалъ онъ и голосъ его дрогнулъ.— Что, если правду говорятъ люди?

— Пусть онъ будетъ вдвое худшій злодѣй, чѣмъ говорятъ о немъ,—вызывающе отвѣтила Машутка, —мнѣ все равно... Я все-таки люблю его и безъ него жить не хочу.

— А что, если ему и вправду нужны только твои деньги?

Машутка вспыхнула.

— Пусть!—смѣло сказала она.—Лишь бы меня взялъ съ ними!

Ну, и сыграли свадьбу. Шумная свадьба была, — не поскупился отецъ для любимой дочки,—почти весь городъ пьянъ былъ, дряхлые старики и старухи въ плясъ пускались. По улицамъ на связняхъ *) съ музыкой, почитай, весь день кружили... А послѣ пира молодой, получивъ большую сумму, увезъ жену къ себѣ на родину. Хотѣлось красавицѣ молодой посмотрѣть столичную жизнь, очень хотѣлось...

И хорошо сдѣлали, что уѣхали. По крайней мѣрѣ, не видѣлъ старикъ, какъ очень скоро послѣ свадьбы убивалась его любимица дочка и, обливаясь слезами, шептала, точно безумная: «Гдѣ были мои глаза? Что я надѣлала?» Не видѣлъ, какъ она проводила время въ номерѣ гостиницы среди окурковъ и недопитыхъ бутылокъ подъ пьяный храпъ мужа,—не видѣлъ его пьяныхъ кутежей, картежной игры, поглощавшей приданое его дочери, и многое другое, пожалуй, еще худшее... Хорошо, что не видѣлъ, а то, пожалуй, разбилось бы отцовское сердце, изошло бы кровью. Уже отъ однихъ слуховъ, что доносились порою, побѣлѣла его старая голова, и хотя Машутка не писала ему ни слова о своей бѣдѣ, онъ читалъ ее между строкъ. Не поднималась у Машутки рука написать отцу правду,—жалко было ей старика, да мѣшала и та стыдливая не то щепетильность, не то гордость, что

*) Сибирскій свадебный обычай зимой: связывается вмѣстѣ нѣсколько дровней, которые устилаются коврами, въ дровни запрягаютъ до 20 лошадей, и молодые вмѣстѣ со всѣми гостями подъ музыку, помѣщающуюся тутъ же, „кружатъ“ по городу. На богатыхъ свадьбахъ такихъ поѣздовъ бываетъ нѣсколько. При этомъ пьютъ вино и поютъ пѣсни.

такъ часто побуждаетъ женщину скрывать отъ всѣхъ пороки любимаго человѣка, въ которомъ она обманулась, но, все-таки, любитъ и порвать съ которымъ у нея нѣтъ ни силъ, ни характера, ни воли... А природа ея была именно такова.

— Зачѣмъ писать?—думала бѣдная женщина,—все равно не поможешь... Бросить его я не могу, да и жалко... Раба я уже...

Ну, а тамъ родилась у нея дочка Саша.

Много ушло времени, и въ одно морозное утро, въ тощей шубенкѣ, она появилась съ дочкой на отцовскомъ порогѣ. Ахнулъ старикъ, когда въ этой блѣдной, исхудалой и постарѣвшей женщинѣ, одѣтой почти въ отрепья, узналъ свою красивую любимицу, и навзрыдъ зарыдалъ... И она зарыдала... Ни онъ ее не разспрашивалъ, ни она ему много не разсказывала, — все было само собой ясно. Сказала она ему только, что они съ мужемъ въ конецъ прожились, что тотъ опять вернулся искать должности, а пока послалъ ее къ отцу просить денегъ. Долго рыдалъ Сидоръ Карпычъ.

— Не возвращайся, Машутка, — сказалъ онъ, наконецъ,—оставайся опять у меня, какъ прежде, съ внучкой

— Поздно, батюшка... Не разглядѣла дѣвушкой, не послушалась добрыхъ людей, теперь поздно, — отвѣтила она печально.

— Любишь такъ, что ли?

— Любить—не люблю уже, а жалѣю... жалко мнѣ его, да опять и дочка... Отниметъ онъ ее у меня... Страшно, отецъ.

— Не отниметъ... я къ губернатору пойду, до министровъ доберусь!

Но Машутка покачала головой.

— Пока дойдешь, батюшка, пока доберешься, онъ что-нибудь и выкинетъ... Не такой онъ человѣкъ.

Всталъ Сидоръ Карпычъ, заходилъ по горницѣ большими шагами, долго ходилъ, сильно работала его старая голова, пока тихо текли по щекамъ горячія отцовскія слезы, наконецъ надумалъ, послалъ за зятемъ въ гостиницу. Пришелъ тотъ смиренье ягненка, плачетъ, кается, руки у тестя и жены цѣлуетъ, прощенья проситъ.

— Прости меня, родной!—клялся тестю.—Виноватъ передъ тобою и женой... Закружился, правъ шальной у меня... Ну, да теперь будетъ, одумался... И ты меня прости, Машутка,—просилъ онъ, цѣлуя и руки ея, и платье.

И повѣрили ему,—сильно рыдалъ и каялся. Утопающій, говорятъ, за соломенку хватается, — такъ и сердце женино и родительское. Авось, и въ самомъ дѣлѣ исправится человѣкъ,—думали оба. Всплакнули еще, перецѣловались,—снялъ Сидоръ Карпычъ со стѣны образъ и сказалъ зятю присягнуть предъ Распятіемъ. Присягнулъ Юрій Николаевичъ, святой ликъ поцѣловалъ и страшную клятву на себя положилъ. Отвалилъ старикъ хорошую кучу денегъ еще разъ и даже должность выхлопоталъ для него видную,—дорого ему и это стоило. Уѣхали опять супруги и въ первое время ничего какъ будто: служилъ Юрій Николаевичъ, письма Машутки веселѣй стали и слуховъ нехорошихъ до старика не доходило. Уже и ликовать тотъ

про себя началъ, Бога благодарилъ. Да не долго шло такъ,—рано было радоваться,—скверное дѣло вышло.

Пронеслись сначала темные слухи о какомъ-то крупномъ мошенничествѣ, соединенномъ чуть ли не съ разбоемъ, въ томъ округѣ *), гдѣ служилъ Юрій Николаевичъ. Затѣмъ дальше и больше,—стали говорить чуть не о прикосновенности его самого или попустительствѣ въ этомъ дѣлѣ. Ну, а тамъ уже пришло точное извѣстіе, что зять отрѣшенъ отъ должности, отданъ подъ судъ и что на него, кромѣ того, сдѣланъ начетъ за растрату какихъ-то суммъ. Слегъ Сидоръ Карпычъ отъ такого удара, но оправился,—богатырь былъ человѣкъ. Растрату онъ покрылъ, а дочери написалъ, чтобы та теперь безотлагательно переѣхала съ внучкой къ нему. Но не получилъ онъ на это письмо отвѣта и долго отъ Машутки не было ни слуху, ни духу.

Письмо, конечно, было перехвачено Юріемъ Николаевичемъ, а ему не хотѣлось отпускать отъ себя жену. Не то, чтобы онъ любилъ ее,—о любви и помину быть не могло, — какая ужъ тутъ любовь? Иногда въ его головѣ шевелилась даже такая мысль, что жена стоитъ ему поперекъ пути, что не живи она, онъ еще разъ подцѣпилъ бы «богачиху». Находилась даже такая богачиха, купеческая вдова, которая стрѣляла въ него глазами. Не разъ, замѣтивъ слезы изводившейся жены, онъ корилъ ее этимъ и говорилъ ей съ нескрываемою злобой:

— Чего киснешь? Створожиться хочешь, красавица? И

*) Въ Сибири уѣзды называются округами.

такъ ужъ все добро свое спустила,—однѣ кости да кожу оставила!... Камень ты у меня на шеѣ!... Кабы не ты, не ушла бы отъ меня вдова Селиванова, загребъ бы я ея денежки... Эхъ, ты, бѣда моя лютая!

Слушала жена и только слезы утирать спѣшила. Обтерпѣлась она, привыкла ко всему и давно уже похоронила свою личную жизнь, махнувъ на все рукой. Не смущали ее ни поведеніе мужа, ни постоянныя оскорбленія, ни наглость его любовницъ, ни ужасъ обстановки,—со всѣмъ этимъ она уже давно примирилась. Жила она только своею дочкой Сашуркой и для нея. Мать заслонила въ ней собою жену. И пользовался же этимъ Юрій Николаевичъ,—веревки вилъ изъ нея, какъ говорится: чуть что, онъ сейчасъ припугнетъ Сашуркой... То отдастъ ее на воспитаніе какимъ-то знакомымъ, то въ пансіонъ опредѣлитъ, то еще что-нибудь,—ну, Марья Сидоровна на все готова, хоть жги ее...

Не отпускалъ онъ жену потому, что была она для него золотымъ кладомъ. Хотя Сидоръ Карпычъ и побожился, что не дастъ больше денегъ, и требовалъ, чтобы Машутка его бросила, онъ, все-таки, не терялъ надежды, что любимица дочь съумѣетъ заставить того раскошеливаться, стоитъ лишь припажать ее все тою же Сашуркой. Съ другой стороны, такая послушная и покорная рабыня, какою стала она, еще и нужна ему была въ его новомъ дѣлѣ. Отданный подъ судъ, Юрій Николаевичъ, конечно, не смущался этимъ,—зналъ онъ, какъ при тогдашнихъ сибирскихъ порядкахъ слѣдствія десятками лѣтъ тянулись, да и не въ первой приходилось ему уже подъ судомъ со-

стоять, — привыкъ. Потеря должности была неизмѣримо больнѣе и чувствительнѣе, такъ какъ тесть, покрывшій крупную растрату, скоро не раскошелится, какъ бы ни нажимать жену,—понималъ онъ это. Нужно было, значитъ, промышлять какъ-нибудь, тѣмъ болѣе, что нажитыя на службѣ темными дѣлами деньги таяли въ кутежахъ и на зеленыхъ столикахъ. Да и красивая, дебелая Маланья, его новая страсть, выигранная имъ въ карты у засѣдателя экономка, стоила ему много... Ругалъ онъ жену «камнемъ» и «колодой», ругалъ тестя за скаредность, клялъ свою судьбу горькую, но, все-таки, шнырялъ, высматривалъ и прислушивался, къ чему бы примазаться. Наконецъ, надумалъ, нашелъ...

Въ ту пору какъ разъ слухъ прошелъ, что въ южной части тайги довольно золота объявилось. Отъ «бродяжекъ» этотъ слухъ пошелъ,—они-жъ разсказывали, что тамъ въ иныхъ мѣстахъ уже и вольная промывка идетъ *). Захватило духъ у Юрія Николаевича при этомъ извѣстіи, и сталъ онъ искать среди бродяжекъ такихъ, что ему золотое бы мѣсто указали. Искалъ, искалъ и нашелъ... Переговорилъ какъ слѣдуетъ съ чиновникомъ, которому поручено было слѣдствіе, да и шасть къ женѣ.

— Укладывайся, красавица безплотная,—сказалъ,—въ тайгу ѣдемъ!

Чуть не обомлѣла жена.

— Зачѣмъ въ тайгу?

— Какъ зачѣмъ? Золото рыть! Только, слышь, ни гу-гу...

---

*) Тайные пріиски.

Посмотрѣла на дочку она, сама бѣлая вся стала, да и говоритъ:

— А Сашурка какъ же?... Нельзя мнѣ ѣхать.

— А нельзя—оставайся. Я дочь съ собой возьму.

Зарыдала она, заломила руки, но не могла перечить,—стала укладываться. Не видала она никогда тайги, только разсказы страшные про нее слышала, да про бродяжекъ, что бороздятъ ее въ разныхъ направленіяхъ. Ужасъ овладѣлъ ею за дочку, хотѣла бы она сбѣжать съ нею къ отцу теперь, да далеко было и не съумѣла бы она. Сильно приишибъ уже ее Юрій Николаевичъ.

А тому и на руку было въ тайгѣ укрыться. Узналъ онъ сторонкой отъ друзей-пріятелей, что прежніе, старые грѣхи его, за Ураломъ еще, теперь на свѣтъ выплываютъ и что о немъ по этому поводу разныя извѣстія собираются. Денегъ у него еще малость оставалось, накупилъ что было нужно, платья и бродней набралъ, спирту, припасу всякаго и пустилъ среди бродяжекъ слово, что на пріискъ къ себѣ «вольныхъ людей» *) за хорошую цѣну принимать будетъ. Для разсчета съ ними, правда, денегъ у него не было, за то была надежда добыть, припажавъ жену.

«Ну, а не дастъ, скаредъ, я же ему и удружу!—думалъ-грозился про себя Юрій Николаевичъ.—Лишь бы золота намыть, а ужъ изъ рукъ его не выпустимъ!»

И нужно ему было золото, очень нужно... Красивая Маланья совсѣмъ его къ рукамъ прибрала, почитай такъ,

---

*) Безпаспортные.

какъ онъ жену прибралъ. И жадная была она. Чувствовала она свою власть надъ нимъ и то и дѣло тащила деньги, играя въ равнодушіе, будя его ревность и грозя уйти къ засѣдателю.

— Эхъ, ты, мой старенькій!—какъ-то вызывающе вздохнетъ эта дебелая, здоровая дѣвка.—Волосъ-то ужъ у тебя сѣденькій! — протянетъ она печально, и Юрія Николаевича всего поведетъ, въ жаръ кинетъ, и отъ этихъ словъ, и отъ ихъ тона.

Сильно измѣнился человѣкъ: обрюзгъ, опустился,—прежняго лоска давнымъ-давно уже и слѣда не оставалось; лицо поблѣкло, былой красоты и намека не было. Понималъ онъ это, видѣлъ, потому и боялся,—совсѣмъ она его опутала.

Труднѣе всего было уговорить ему Маланью ѣхать съ нимъ въ тайгу, а безъ нея онъ, кажется, и дышать уже не могъ. Крѣпко ломалась дѣвка, да и боялась она тайги, не любила глухой жизни, вся она сама была веселье, смѣхъ, задоръ... Посулилъ ей Юрій Николаевичъ золотыя горы.

— Каблучки золотые,—сказалъ,—къ башмакамъ сдѣлаю!

Сдалась на золото.

— Ну, а что, старенькій мой, баринъ милый, колп барыня твоя меня погонитъ, куда я дѣнусь тогды?... Какъ же мнѣ, сиротѣ горемычной, ѣхать-то? — поломалась она для форсу, отлично зная, что барыня ее не погонитъ, что давно знаетъ она про эту связь и махнула на нее рукой.—Пропадетъ моя головушка!...

Юрій Николаевичъ только улыбнулся, довольный этимъ

ломаньемъ. Понялъ онъ, что Маланья сдалась. Взялъ гитару, тряхнулъ по старой привычкѣ порѣдѣвшими и посѣдѣвшими уже кудрями и запѣлъ съ большимъ чувствомъ:

„Ла-бба-зай мен-ня! Тв-о-и лаб-бзанья
Мнѣ сал-ллаще мирры и вина!...“

Славно пѣлъ, хоть и хрипѣлъ его теноръ уже. Не тотъ голосъ сталъ, ну, а, все-таки, чаровалъ... Такъ и застылъ у Маланьи на зубахъ нерасколотымъ кедровый орѣшекъ.

III.

Широко раскинулась тайга и нѣтъ ей, кажется, ни конца, ни начала.

Высокіе кедры, лиственицы, сосны да стройныя ели уходятъ почти что въ самое небо. Зимой, когда снѣжитъ сверху, то такъ и кажется, что лѣснымъ великанамъ расти уже некуда, что зелеными верхами они уперлись въ сѣро-свинцовую снѣжную тучу...

Только въ ясное, морозное ночное вёдро, когда такъ чудно искрятся звѣзды, исчезаетъ эта тяжелая и гнетущая иллюзія. Тяжело, право, и какъ-то болѣзненно-душно чувствовать надъ собой нависшій свинцовый сводъ, исключающій всякое представленіе о просторѣ.

Въ лѣтнія, да и морозныя ночи иное. Тогда ясно видишь, что какъ ни тянутся вѣковые кедры, а до звѣздъ имъ далеко. Между мрачною тайгой и звѣздами стоитъ тогда голубой просторъ, такой необъятный, что сорвавшаяся съ неба звѣздочка тухнетъ раньше, чѣмъ коснется

самаго высокаго кедра. И ясно на душѣ дѣлается, и дышется легче, и манитъ тебя куда-то, и какая-то нѣжная грусть охватитъ,—Богъ ее знаетъ, о чемъ эта нѣга грусти: о звѣздахъ или далекихъ людяхъ,—а сердце бьется иначе, почти въ благоговѣйной тревогѣ, точно стоишь ты въ торжественномъ храмѣ или передъ какою-то вѣковѣчною, неразрѣшимою загадкой.

И тихо въ тайгѣ, такъ тихо, что привычное ухо ловитъ движеніе бѣлки, хотя она скользитъ по вѣтвямъ почти неслышною тѣнью. Далеко раздается стукъ копытъ лося, рѣзко доносится лязгъ вѣтвистыхъ роговъ и стукъ оленьихъ ногъ, добирающихся зимой сквозь снѣжный настъ до вкуснаго сѣро-зеленаго мха, даже неуклюжее топтаніе медвѣдя, недоумѣвающаго, зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, вынесло его изъ берлоги, раздается ясно издали. Прошмыгнетъ заяцъ, и тотъ нашумитъ вдоволь. Оттого-то и зовутъ тайгу гулкой.

— Гулка она, братанъ (братъ),—говорятъ сибиряки.—Стоголосая... Все равно, что баба... Ты слово, а она тебѣ десять, а то и поболѣе.

Звонкое въ тайгѣ эхо!...

И чудесъ же бываетъ въ тайгѣ, не приведи Богъ сколько, и какихъ чудесъ!... Зимой тайга большею частью угрюмо молчитъ и дремлетъ, окутанная снѣгомъ. Но чуть потянетъ тепломъ, звонкое эхо подхватываетъ и предсмертные хрипы «бродяжекъ», за которыми ради обуви и лохмотьевъ охотится зоркій и хищный бурятъ, и вольныя пѣсни «бѣглыхъ», и рѣшенія самосуда «золотниковъ» надъ товарищемъ-обидчикомъ, стянувшимъ у другого «песо-

чекъ», и страстныя молитвы бѣжавшихъ мірской скверны подвижниковъ «древляго благочестія», и многое, многое еще подхватываетъ оно, что такъ и остается навсегда вѣковѣчною тайной.

Крѣпко хранитъ тайга свои тайны. Угрюмые лѣсные великаны молчаливы и нѣмы, а если высокія вершины и шепчутъ о чемъ-то другъ другу, то никому непонятенъ этотъ шепотъ, даже ворону, самой умной птицѣ на свѣтѣ.

Не хорошо, говорятъ, и не слѣдуетъ любопытствовать и проникать въ таёжныя тайны. Не добромъ это кончается, а лихомъ. Разъ какой-то засѣдатель, до чуткаго слуха котораго звонкое эхо донесло что-то похожее на звуки станка, на какихъ лихіе таёжные люди работаютъ подчасъ царскія бумажки и старопечатныя книги, полюбопытствовалъ... Золото, говорятъ, такіе звуки засѣдательскому уху. Пошелъ онъ, да и не вернулся. Годъ прошелъ, два, засѣдательша и убиваться перестала, и другого засѣдателя полюбила, а его такъ и не было. На подоконникѣ, говорятъ, разъ нашла она только мужніе усы, завернутые въ бумажку. Кто принесъ ихъ, такъ и не узналъ никто. Какъ водится, клепали на бродяжекъ.

Все на бродяжекъ!... Какая ни выдастся бѣда или напасть, все на нихъ. И никто не обмолвится даже словомъ, что не все отъ нихъ только одно злое бываетъ, что безъ нихъ, пожалуй, въ тайгѣ и похуже было бы,— ни полсловомъ даже. А вотъ хоть бы и тутъ взять, — сильно проклинала засѣдательша бродяжекъ, а все же только по этимъ самымъ усамъ разводъ получила да за другого засѣдателя вышла. Не будь бродяжекъ, стояла

бы тайга лѣсною пустыней, безъ души христіанской, съ однимъ звѣрьемъ лѣснымъ. Бродяжка и скиты пополняетъ, и «стàнокъ» *) оснуетъ, о которомъ, конечно, ни одинъ даже засѣдатель на свѣтѣ не знаетъ, не то что географія, ну, а про пріисковое дѣло и говорить нечего... Двухъ третей пріисковъ не существовало бы безъ нихъ, это ужъ навѣрное. Кто первый работникъ?—бродяжка. Кто за полъ, а то и за четверть цѣны работать станетъ?—онъ же. Кого легче обидѣть, обсчитать, а то и прямо «справить» **)?—ужъ, конечно, его. Ни жаловаться не пойдетъ, ни за него никто не заступится, потому никакого вида при немъ нѣтъ, все равно, что и не человѣкъ... «Безвѣстнаго званія», только всего ему и кличка.

Сколько лѣтъ Демьянъ бродяжилъ уже, онъ и самъ хорошо не помнилъ. Много, еще смолоду, а теперь у него кое-гдѣ и сѣдинка пробиваться стала. Но всѣмъ острогамъ спдѣлъ, все, поди, тюремное начальство наперечетъ зналъ, а ужъ видовъ видалъ, такъ, пожалуй, не всякой сотнѣ людей вмѣстѣ столько выпадаетъ перевидѣть... Гдѣ ужъ! Весь, поди, бродячій міръ Демьяна зналъ и относился къ нему съ уваженіемъ и глубокимъ почтеніемъ. Такой ужъ мужикъ былъ, говорили люди. — Росту богатырскаго, въ плечахъ косая сажень, силища—чисто мѣдвѣжья, а «золотое» дѣло зналъ, какъ никто. Чутьемъ жилу угадывалъ, за то же и дорожили имъ пріисковые люди.. Побаивались, потому что ни себя, ни другихъ Демьянъ

*) „Стàнокъ“—поселокъ.
**) „Справить“—убить.

никогда въ обиду не дастъ, ничего не побоится, на все пойдетъ, а до обиды не допуститъ, и, все-таки, крѣпко дорожили. «Буйный человѣкъ,—говорили про него управляющіе, — а необходимъ, золотой работникъ». На какой пріискъ ни придетъ, вездѣ ему рады, вездѣ почетъ и первое мѣсто, даромъ что бродяга безъ роду и племени, Демьянъ Гони-Вѣтеръ!... Хотя бродяжій міръ и говорилъ, что сердце у него незлобное и отходчивое, но видъ у него былъ такой сердитый и мрачный, что самый страшный душегубъ показался бы передъ нимъ младенцемъ безвиннымъ. Барыни на пріискахъ, что при мужьяхъ живали, пуще огня его боялись, и только завидятъ, сейчасъ прячутся, а если некуда прятаться и встрѣчи не миновать, блѣднѣли и за сердце хватались. Даже ребятъ имъ пугивали: «Шш.. шш!... замолчи, а то Демьянъ придетъ! Знаешь Демьяна, страшный такой, большой, черный?» Зналъ про этотъ страхъ Демьянъ и только ухмылялся... Кажется, нравилось ему это.

Тайгу Демьянъ любилъ, какъ родную мать, зналъ ее и вдоль, и поперекъ, какъ свою громадную, шершавую ладонь, а то и получше. Всю ее перебродилъ онъ своими дюжими, немного искривленными ногами, всѣ яры и прогалины, всѣ ложбины и скалы, горы и болотные долы зналъ. И звѣря всякаго зналъ, и траву зналъ. Зналъ, какая трава отъ чего и гдѣ найти ее, почитай, не хуже всякой бабы-вѣдуньи. Находилъ и «жень-корень» *), за

*) Жень-шень — корень, обладающій цѣлительною и возвращающею будто бы молодость силой.

который на китайской сторонѣ пригоршнями золото дають. Головной человѣкъ былъ, что̀ и говорить... Изъ вся кой бѣды вывернется. На что ни наскочитъ, голова—всегда выручитъ. Оттого и уважали его. Ну, опять-таки, и сильный человѣкъ былъ, зналъ себѣ цѣну. Наѣзжать на себя никому не позволитъ. Вотъ какой съ нимъ разъ случай былъ, разсказывали люди. Работалъ,—говорили,—Демьянъ на таёжномъ пріискѣ; промывка добычливая была, золото важно шло и пріутапивать песочекъ не трудно было *). Пріутаплъ онъ его-таки достаточно, мастеръ былъ дошлый на этотъ счетъ, и говорить нечего. Всѣ, конечно, это знали, да и начальство пріисковое догадывалось, но, какъ водится, виду не показывало, чтобы не злобить. Такъ ужъ часто ведется, что, пока добыча идетъ, людей не трогаютъ, а Демьяна и особенно трогать не хотѣли изъ боязни, чтобы не намутилъ. Знали его вліяніе на бродяжекъ, которыми только и держалась работа,—ну, и боялись, терпѣли. Прикапливай, молъ, прикапливай, братъ, а тамъ, какъ стапетъ работа, да будутъ послѣ разсчета расходиться тайгой золотники, козаки-то **) объѣздчики и обыщутъ намѣченныхъ. Извѣстная это вещь... И было на томъ пріискѣ два козака, молодецъ молодцомъ, Иванъ да Семка, смѣлый народъ. Знали они всѣ золотницкіе фортели, знали, какъ и куда золото прячутъ, и давно уже ходила про нихъ грозная слава, что отъ нихъ ни одинъ

*) Утайка золота не считается грѣхомъ пріисковымъ людомъ.

**) Козаками называются вольнонаемные стражники, служащіе на жалованьи пріисковаго управленія,

золотоноша али хотя бы и спиртонос *) не улизнетъ. Не любили ихъ обоихъ бродяжки и побаивались,—дошлый былъ народъ, налетный **). Не побоялись они и Демьяна, пообѣщались начальству и его обыскать, и прикопленный песочекъ у него отнять. Ничего не боялись. Ну, да и Демьянъ не плохъ былъ.

Работалъ на пріискѣ тоже, такъ себѣ, ледащенькій человѣкъ, Яшка Мятый, изъ бродяжекъ. Хворый человѣкъ былъ, слабый, неудачливый, къ работѣ совсѣмъ, поди, негожій. И умомъ тоже плоховатъ былъ, и нравомъ не казистъ, завистливъ и брехливъ; всѣ его сторонились, недолюбливали, а вотъ же полюбился онъ Демьяну. Какъ, за что, никто не понималъ, а думалось только, что за эту за самую свою слабость. Жалостливъ, говорили, Демьянъ и всегда у него такъ, что самый ледащенькій и плевый человѣчишко милѣй ему всякаго другого, даже верховодить имъ можетъ. Такъ и Яшка Мятый, самый, кажись, непутевый былъ малый, а власть надъ нимъ пмѣлъ большую. И заступится за него Демьянъ, и сработаетъ, глядишь, за него, а порой даже и не по-своему сдѣлаетъ, а какъ Яшка скажетъ. Диву только давались люди.

Такъ вотъ этотъ самый Яшка такъ и не отходитъ отъ Демьяна, сталъ предостерегать его отъ объѣздчиковъ. «Глядп, слышь, на пріискахъ баютъ, что похваляются они и тебѣ на дорогу смотръ сдѣлать». Но Демьянъ и ухомъ не велъ.

---

*) Корчемникъ, тайный торговецъ водкой, торговля которой составляетъ привилегію пріисковаго управленія. Самыми ловкими спиртоносами считаются орочены, небольшое инородческое племя.

**) Дерзкій или наглый.

«Ладно,—говоритъ,—пускай смотръ дѣлаютъ, мы тоже посмотримъ!» Только и всего,—головной человѣкъ былъ, придумалъ уже, какъ быть ему. Вотъ, зашабашали, разсчетъ сдѣлали, въ путь-дороженьку золотнички пошли и Демьянъ съ Яшкой пошелъ своею тропой. Дрожитъ Яшка, ровно заяцъ настороживается,—боязливый былъ человѣкъ, — а Демьянъ все молчитъ про себя, точно и страху на него никакого нѣтъ. У Яшки животъ подводитъ, зубы стучатъ, а тотъ, знай, нѣтъ-нѣтъ, да ухмыльнется, ровно бы и любо ему глядѣть, какъ того страхомъ бьетъ. Передъ самымъ отходомъ далъ онъ ему только бутылку водки спрятать. «На,—сказалъ,—спрячь, да береги, а не то пропадемъ, малый... Да сохрани тебя Богъ не то что потянуть ее, а и лизнуть... Берегись, паря!...» Только и сказалъ всего, какъ ни припугивалъ его Яшка козаками. Ну, вотъ, идутъ они, да идутъ, уже и приставать немного стали. Яшку все страхъ бьетъ, а Демьянъ все молчитъ. Идутъ. Только вдругъ Демьянъ говоритъ: «Стой!» Стали. Постоялъ Демьянъ, послушалъ, наклонился, приложилъ ухо къ землѣ, потомъ поднялся и сталъ зорко кругомъ оглядываться, словно примѣту искалъ на стволахъ. Приглядѣлся къ одному кедру, пошелъ къ нему, отмѣрилъ по землѣ три четверти отъ ствола и сталъ рыть ножомъ яму.

— Сыпь!—говоритъ Яшкѣ.

А тотъ стоитъ да зубами постукиваетъ.

— Сыпь, говорю... Полно зубачить, а не то весь духъ у тебя страхомъ изойдетъ... Сыпь песочекъ!

Тутъ только догадался Яшка, положилъ свою утайку, Демьянъ положилъ сверху свою, засыпалъ и мохомъ прикрылъ.

— Ну, теперь ладно, братанъ... Пойдемъ!

Демьянъ отломилъ еще вѣтку, поглядѣлъ на солнце оглянулся кругомъ разокъ-другой и пошелъ, а за нимъ Яшка еле-еле живой отъ страха. Стало у него уже и глаза пучить, видитъ, бѣднята, что напасть какъ будто недалеко, недаромъ же Демьянъ все это продѣлалъ, а что и какъ — невдомекъ, только пуще боится. Идутъ. Прошли это они шаговъ такъ сотню, не болѣе, глядь, анъ и трескъ по тайгѣ пошелъ, вершниковъ *) слыхать стало, кони фыркаютъ. Занялся духъ у Яшки, оглянуться хорошо не успѣлъ паря, а вершники-то, Иванъ да Семка, при полной амуниціи, тутъ какъ тутъ.

— Здорово!

— И вамъ!—отвѣчаетъ Демьянъ.

А съ Яшки холодный потъ идетъ.

— Куда путь держите?

— Въ свою сторону.

— А которая ваша сторона?

— Ни восходъ, ни заходъ, съ полдня направо, съ полночи налѣво **).

— Такъ,—отвѣчаетъ Семка.—Ну, и намъ, братанъ, туда же... Вмѣстѣ, значитъ...

Усмѣхнулись промежъ себя козаки, а у Яшки съ души сперло, икать сталъ, гдѣ ужъ тутъ слово вымолвить,—не до словъ. Демьянъ еще силыѣе омрачился.

— А слыхалъ ты, паря,—говоритъ,—что бывалые люди баютъ.

---

*) Верховой.

**) Поговорка бродяжекъ.

— Что такое?—усмѣхается Семка, — шустрый парень былъ.

— А то, паря, что козлы на дорожкѣ обиваютъ рожки... Слыхалъ?

Захохотали козаки.

— Ахъ, язви те, паря!... Ловокъ на слова-то. Да намъ не до твоихъ словъ, братанъ... У насъ свои припасены, хорошія,—въ каждой стволинѣ по одному, глянькось!

И козаки взяли на руки свои винтовки. Яшка такъ и присѣлъ, снопомъ упалъ, а Демьянъ точно и не видитъ ничего, не пугается.

— Хорошіе,—говоритъ,— припасы, слова сказать нельзя... Ну, и берегите ихъ про себя, люди добрые.

Опять хохочутъ козаки.

— Пятнай же тебя, паря,—говоритъ, смѣясь, Семка,— какой ты словорѣзъ!... Безъ мыла языкомъ броишь *)... Л-ловко! Ну, а песочекъ, Демьянъ, все-таки, подай,—безъ того не отпустимъ... Самъ знаешь, наше дѣло служебное... Не серчай.

— Чего серчать-то?—говоритъ Демьянъ.—Бери его, коли есть.

— То-то! — осердился уже Семка.— Подавай, слышь, добромъ; много утаилъ, вѣдь, весь пріискъ говорилъ... Поди, полные бродни **) несешь.

— Коли несу, то и бери,—отвѣчаетъ Демьянъ.—Твое счастье.

*) Таёжное: брѣешь.

**) Обувь.

— Подавай добромъ, а то шарить будемъ, паря,— совсѣмъ грозно уже сказали козаки.

— Шарь!

Нацѣлилъ козакъ Иванъ свою винтовку прямо на лобъ Демьяну, чтобы, значитъ, съ мѣста не сошелъ, а Семка соскочилъ съ коня, да и сталъ перво-наперво вязать руки Яшкѣ, а потомъ Демьяну. Наплакался тутъ Яшка, намолился да набожился, отцомъ-матерью заклинался, что никакого песочка и въ глаза не видалъ, а Демьянъ молчитъ, точно и не ему руки вяжутъ.

Слѣзъ тутъ и Иванъ съ коня, да и стали они оба съ Семкой шарить. Шарили, шарили, все общупали, перестукали, перемяли, даже въ потъ ихъ кинуло, а ничего конечно, кромѣ бутылки съ водкой, что Демьянъ далъ Яшкѣ, не нашли. Осерчали.

— Ну, паря,—говорятъ,—спряталъ ты ловко, а мы, все-таки, добудемъ. Не таковскіе мы... Коли на то пошло, и языкъ, братанъ, развязать съумѣемъ... Лучше по добру скажи, куда песочекъ-то дѣвалъ?

— Нѣту у меня песочку,—сумрачно отвѣтилъ Демьянъ, а Яшка голоситъ, да клятвами заклинается.

— Твоя воля,—говорятъ козаки,—только чуръ не прогнѣвайся, ежели не по праву придется... А пока что, мы вонъ эту самую водку себѣ, значитъ, за труды беремъ... Такъ, что-ль, Иванъ?—спросилъ весело Семка.

— Такъ,—поддакнулъ Иванъ, ухмыляясь. Охочи были оба до водки, такъ охочи, ровно младенцы до соски.

Отошли они шаговъ на пять отъ связанныхъ золотопошей, да и стали о чемъ-то промежъ себя шептаться.

Шепчутся, шепчутся, а все на водку искоса поглядываютъ, извѣстно—охота разбирать стала. Пошептались, да и говорятъ Демьяну:

— Ну, вотъ что, паря, мы тутотка позакусимъ маленько, а ты, пока-что, надумывайся,—можетъ, и вспомнишь, куда дѣвалъ утайку-то... А чтобъ лучше тебѣ на умъ шло, мы тебя приподнимемъ,—дальше видѣть будешь.

Высмотрѣли козаки здоровый сукъ, да и повѣсили Демьяна за связанныя руки,—на аршинъ отъ земли подняли. Захрустѣли у него кости въ суставахъ, голова въ плечи ушла, духъ заняло, а и слова даже не вырвалось у него, только глаза отъ крови красные стали... Охъ, и мука-жъ была ему на дыбѣ-то висѣть, страшенная мука, но такой ужъ онъ силовой *) человѣкъ былъ,—слова не сказалъ, только крякнулъ... Взяли потомъ козаки Яшку, разложили на землѣ около себя, сами сѣли, да и стращать его стали.

— Мы тебя, говорятъ, птенчикъ голосистый, подвѣшивать не станемъ, — голосомъ изойдешь... Для тебя мы другое надумаемъ. Полежи пока, надумайся, да струментъ нашъ погляди.

Хитрые были: видятъ, что человѣкъ страшливый, что страхомъ съ него скорѣе возьмешь,—ну, и стали стращать. Нагайки положили, пистоли вынули, шашки сняли, такъ что со страху Яшка-то и кричать пересталъ, стонетъ только. Вынули затѣмъ свой провіантъ, откупорили Демьянову бутылку, отпили по глотку каждый, похвалили, да и стали шутить:

---

*) „Силовой“—мѣстное: сильный волею, духомъ.

- Хороша, язви ее, золотопошская водка, духу въ ней много! Спаснбо, братцы... Вѣчно мы васъ за нее помнпать будемъ,—ну, и вы насъ не позабудете, чай,— говоритъ Семка.

Захохотали оба, да и стали закусывать. Ѣдятъ, изъ бутылки потягиваютъ, да нѣтъ-нѣтъ и пошутятъ съ Демьяномъ, а то Яшкѣ страху нагонятъ.

— Ну, что, Демьянушка, пріисковый богатырь, — налетаетъ все больше шустрый Семка,—чай-атъ вспомнилъ, куда песочекъ дѣвалъ?

Висптъ Демьянъ, кости хрустятъ, жилы болятъ,—молчитъ, а тѣ хохочутъ.

— А мы боимся тебя, Демьянушка,—вставилъ Иванъ,—оченно боимся, потому всѣмъ ты страшливый... Такъ ты ужъ не очень-то стращай насъ, Демьянушка.

Схватились тутъ оба за животы отъ смѣха, такъ и катаются,—своей удали радехоньки, а Демьянъ висптъ да молчитъ. Похохотали, поѣли, глотнули изъ бутылки, и опять Семка шутитъ:

— Ахъ, Демьянушка, сколь ты много свѣта, чай, со своего сука видишь... Поди, и песочекъ свой ужъ разглядѣлъ, а?

Висптъ Демьянъ да молчитъ. Только пуще кости заныли да ноги каменными глыбами кажутся. Такъ и тянутъ, вотъ вотъ разорвутъ тебя, а молчитъ.

— Знать, языкъ-то у тебя затекъ,—говоритъ Семка,—не ворочается, поди, бѣдняжечка... Что-жъ, Демьянушка, не наша воля, самъ знаешь—служба!... Ну, мы теперь за твоего дружка примемся, за скворца голосистаго... Спо-

етъ онъ намъ всю пѣсенку про песочекъ, какъ мы его поджаримъ маленько... А,—какъ думаешь, Ванька?

— Что-жъ,—первый сортъ,—отвѣчаетъ Иванъ.—Всякъ припекъ въ прибыль... Давай угольковъ-то...

Даже повело Яшку отъ такой шутки и не выдержалъ парень, сробѣлъ... Сталъ молить да причитывать, а слово за слово и повинился, выболталъ все. Такъ и такъ, молъ, не я,—говоритъ,—а Демьянъ на три четверти отъ ствола ямку вырылъ, песочекъ въ нее ссыпалъ, а сверху мхомъ прикрылъ.

— Только дерево-то запамятовалъ,—говоритъ,—не примѣтное оно для меня, указать не могу... Пусть самъ Демьянъ укажетъ.

Крякнулъ тутъ Демьянъ съ дерева, да Яшкѣ-то уже не до него,—ему своя шкура дорога была. «Крякай, не крякай, — подумалъ Яшка, — а мнѣ за тебя терпѣть не приходится, чортъ съ нимъ, и съ песочкомъ-то самимъ!»

Похвалили его козаки и стращать перестали, за то на Демьяна накинулись.

— Ну, Демьянушка, — говорятъ, — не прогнѣвайся теперь... Указывай лучше, братанъ, мѣсто по добру-здорову, не то худо будетъ... Нечего теперь запираться... Указывай!

Крякнулъ Демьянъ, да и захрипѣлъ съ дерева. Совсѣмъ не человѣческій голосъ сталъ у него: не то хрипъ свистящій, не то шепотъ.

— Скорѣе,—говоритъ,—воронъ свиснетъ, чѣмъ я вамъ, псамъ лютымъ, указывать буду... Не видать вамъ, псамъ, песочку...

Озлобились козаки.

— Ну,—говорятъ,—посмотримъ: ты еще, паря, угольковъ не пробовалъ... Небось, самъ псомъ залаешь, какъ съ пятокъ-то у тебя сало потечетъ... Вотъ, погоди, мы сейчасъ кострикъ разложимъ.... Дай срокъ.

Стали они закуску спѣшно кончать, торопятся, бутылку глотокъ за глоткомъ по очереди кончили совсѣмъ, крестятся уже... Бѣда приходитъ Демьяну,—Семка уже и сучья сгребать сталъ.

Только и вышло здѣсь дивное дѣло,—помутились вдругъ у нихъ ни съ того, ни съ сего головы. Языки не ворочаются, ноги не держатъ, руки не слушаютъ, тайга кругомъ завертѣлась въ глазахъ, одурь-дремота клонить стала совсѣмъ. Ровно бы, молъ, они оба по ведру однимъ духомъ хватили. Повертѣлись, помотали головами, пробурлыкали про себя что-то дивное, непонятное, да и хвать на-земь, въ повалку... Полазили по землѣ, ровно шальные, да и въ растяжку, храпѣть...

— Ну,—захрипѣлъ тогда Демьянъ съ дерева,—живо, Яшка, бери ножъ, да неси сюда. Будутъ они теперь храпѣть до полуночи, а то и дольше.

А Яшка и себѣ не вѣритъ, и Демьяну не вѣритъ. Лежитъ и глаза вытаращилъ, словно бы спятилъ.

— Тебѣ-ль говорю, Іуда?—осерчалъ Демьянъ,—айда, живо, песъ брехливый!

Схватился тутъ Яшка, добрался ползкомъ до ножа козацкаго, взялъ его связанными назадъ руками и поползъ къ Демьяну.

— Ой, Демьянъ, прости меня, братъ! Вина моя предъ тобою, сробѣлъ.

— Ну, ну,—хрипитъ Демьянъ,—что лясы точишь? Суй мнѣ рукоять въ ноги, невтерпежъ уже... Скорѣе!

Повернулся къ нему Яшка спиной, вложилъ рукоять Демьяну межъ сапогъ и сталъ тотъ пилить ему ножомъ веревки сзади.

Теперь ослобоняй скорѣе меня!—хрипитъ, когда Яшка расправилъ руки.—Скорѣе, паря!

— А ты простишь?—боится Яшка.

— Пили, Іуда!—заскрежеталъ зубами Демьянъ,—не то самъ сорвусь какъ-никакъ, худо, Яшка, будетъ... Пили!

— Не убьешь?—плачетъ Яшка.

— Не душегубъ я, пили!

Отпилилъ тотъ веревку, грохнулся Демьянъ на-земь, сталъ ему Яшка освобождать руки, а самъ все плачетъ. «Такъ и такъ, молъ, Демьянушка, прости, не гнѣвайся... Сробѣлъ я,—плачетъ,—думалъ, пропали совсѣмъ... ну, и устрашился».

Демьянъ лежитъ, въ себя приходитъ, ноги, руки расправляетъ, да и говоритъ ему погодя:

— Эхъ, Яшка, Яшка, слабый ты человѣкъ... Говорилъ я тебѣ, какъ въ дорогу шли: не бойся, околпачимъ казаковъ! Говорилъ?

— Говорилъ!—плачетъ Яшка.

— Ну, вотъ то-то, паря... А ты не послушалъ, сробѣлъ, да чуть было не подвелъ совсѣмъ... Что, кабы не разобрало, язви ихъ, такъ скоро,—пришлось бы мнѣ лютыхъ мукъ патерпѣться.

— Прости ужо, Демьянушка,—плачетъ Яшка.—Прости меня, слабаго.

— Осподь тебя простить! — отвѣчаетъ Демьянъ. — А только знай, паря, что нѣтъ у Оспода грѣха бо̀льшаго, какъ товарища подвести, али въ бѣдѣ оставить... Смертный это грѣхъ, Яшка, все равно, что отца-мать загубить... Самъ Осподь сказалъ, что за друга животъ класть надо... Кто своихъ подводитъ, али отъ своихъ отрекается, тотъ Іудѣ проклятому братомъ становится. Такъ-то... Ну, да Осподь тебѣ прости,—слабъ ты.

Всталъ Демьянъ, кряхтитъ, поетъ тѣло-то у него, не то морозъ по немъ бѣжитъ, не то мурашки кусаютъ, ноги зудятъ и огнемъ горятъ, плохо держится, а крѣпится парень. Оглянулся кругомъ, да и говоритъ снова Яшкѣ:

— Ну, братанъ, будетъ слезы точить, не дѣвка ты... Не слезьми, паря, грѣхи-то смываются... Поворачивайся!

— Что прикажешь, Демьянушка?—лситъ Яшка.

— Какъ, что прикажу?... Самому-то невдомекъ, что ли? Стаскивай съ нихъ сапоги-то,— вишь, новенькіе, намъ, бродяжкамъ, пригодятся... Опучи берп, сумочки тожъ кожаныя, хорошія и провіантъ въ нихъ... Заработали мы ихъ лютою мукой, заслужили... На коней, да и айда!

Стащили они съ козаковъ сапоги да опучи, а тѣ и не шелохнутся, ровно мертвые спятъ, даже и глазъ не открыли, съ боку на бокъ не повернулись. Взяли козацкія сумочки, нагайки прихватили и повеселѣлъ совсѣмъ Яшка, смѣяться даже сталъ.

— Ну, и закатилъ ты имъ, Демьянушка, плепорцію,— говоритъ.—Какой-такой секретъ въ водку подпустилъ?... Головной ты человѣкъ, одно слово!

— Трава такая есть, сонъ-трава, — отвѣчаетъ Демь-

янъ.—На болотинахъ таёжныхъ растетъ, клубень у нея есть, а въ клубнѣ томъ и сила вся. Опять, и ягода такая есть... Ну, паря, садись вершни *) и айда, съ Богомъ!

Сталъ Демьянъ на коня лѣзть, а Яшка и кричитъ ему:

— Стой Демьянушка, а муниція-то что-жъ: кафтаны опять и все прочее?... Жалко бросать.

— Муниція казенная,—отвѣчаетъ Демьянъ,—намъ не къ лицу будетъ, не пристала... Куда намъ ее... Садись!

Вскочилъ Яшка соколомъ, повернули они коней назадъ, гдѣ Демьянъ золото зарылъ; чуть отъѣхали, а Яшка спохватился тутъ и говоритъ Демьяну:

— Ой, Демьянушка, не гоже мы съ тобой, братанъ, сдѣлали!

— Что такое?—спрашиваетъ Демьянъ.

— Какъ что, аль не разумѣешь? Очувствуются козаки, доберутся до пріиска и наскажутъ на насъ.

— И пусть наскажутъ, намъ-то что-жъ?... Надъ ними-жъ и посмѣются... Собрались богатыри бродяжекъ ловить, а сами и коней и сапоги потеряли... Вотъ тебѣ и песочекъ, молъ,—не льстись на водку! И клясть же будутъ, паря, какъ опамятуются... То-то буркалы таращить будутъ.

— Ухмыльнулся тутъ Демьянъ,—рѣдко онъ ухмылялся, а тутъ не выдержалъ. Любилъ онъ, правду сказать, такою злою шуткой врагу насолить, первое для него было дѣло—въ дуракахъ оставить... Смѣется,—ну, а Яшкѣ не до смѣху, не таковскій былъ.

*) На коня, верхомъ.

— Такъ-то оно такъ,—говоритъ, — а все-жъ на насъ бѣда найдетъ, искать станутъ.

— Ну, и пущи,—смѣется Демьянъ.—Ищи-попскивай... Тутъ не Рассея... Въ Сибири-матушкѣ вольно вѣтеръ ходитъ... Опять тайга Божья! Ищи!... Пусть говорятъ, а ты, Яшка, свое, чуръ, помни бродяжье: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Такъ и стой на томъ.

Вздохнулъ Яшка.

— А все же, думается мнѣ,—говоритъ,—для вѣрности лучше бы справить козаковъ... Пра, слышь, лучше бы прикончить съ ими... Давай, слышь, порѣшимъ!

Остановилъ тутъ коня Демьянъ, оглянулся на Яшку, смотритъ на него, а лицо еще сильнѣе омрачилось, ровно бы пожелтѣлъ отъ хмурости.

— Ахъ, ты, Яшка, непутевый,—говоритъ, наконецъ,—слабый ты человѣкъ, а душа у тебя лютая, ровно бы у звѣря... Не зналъ я этого, не сдружился бы... Звѣрь ты, вотъ что, душегубъ! Развѣ воленъ кто жисти человѣка рѣшать, когда отъ Оспода она ему дадена?... Грѣхъ съ тобой. Осердилъ ты меня.

И тронулъ коня. Струсилъ Яшка, боится Демьянова гнѣва, раскраснѣлся весь и сталъ подъѣзжать лестью.

— Не серчай, Демьянушка,—говоритъ.—Я съ сердцовъ сбрехнулъ, слышь, за муки за ихнія... Поднимали-жъ они тебя на дыбу-то.

— Поднимали, — говоритъ Демьянъ, — это ихъ грѣхъ, за него и отвѣтъ дадутъ на судѣ Осподнемъ... Опять служба ихъ такая, на то и присягу брали. За все дадутъ отвѣтъ Осподу... Ну, а намъ съ тобой развѣ можно жи-

сти рѣшать ихъ? Въ оборонѣ оно не грѣхъ, потому каждому положено жизнь свою соблюдать, что дадена ему Осподомъ, а такъ, да еще соннаго, — страшный грѣхъ, Яшка... Не приведи Богъ, какой грѣхъ! Пташку, да что пташку,—жука безвиннаго и то грѣхъ зря убить, потому все Осподне, всему Осподомъ жисть дадена. Всякая муха, трава всякая для ради Оспода живутъ и Его хвалятъ. Какой же ты бродяжка будешь, ежели этого не понимаешь? Бродяжка—не душегубъ, онъ Оспода помнитъ, всякую тварь Осподню почитаетъ,—тайга-ль тамъ, али степь, али горы,—все Осподне, и все Ему мило *).

Поддакивалъ Яшка Демьяну, а самъ другое на умѣ держалъ. «Что ни говори,—думалъ,—а все-жъ лучше было бы, кабы порѣшили, спокойнѣе». Да и амуниціи жалко было,—жаденъ былъ Яшка. Вотъ подъѣхали они къ тому мѣсту, гдѣ Демьянъ золото зарылъ, сразу Демьянъ

*) Среди нѣкоторыхъ разновидностей бродяжьяго типа въ Сибири особенно выдѣляются двѣ: „лётные“ и „шатуны“. Первые бѣгутъ изъ каторжныхъ тюремъ или мѣстъ поселеній всегда въ опредѣленное заранѣе мѣсто, большею частью на родину, за Уралъ, и съ опредѣленною цѣлью: свиданія съ родными, мести врагамъ, воровскаго промысла и т. д Вторые — бродяги по прозванію, бродяги поэты... Съ началомъ весны ихъ манятъ воля и живая природа, тянутъ къ себѣ степь и тайга. Пробродивъ лѣто, они обыкновенно къ зимѣ сами возвращаются въ тѣ мѣста, откуда бѣжали. „Шатунъ“ всегда немножко поэтъ, по міровоззрѣнію преимущественно представитель своеобразнаго пантеизма, добродушенъ и мягокъ по природѣ. Въ жизни его большею частью играетъ роль какой-нибудь „случай“ или „несчастье“, которое и приводитъ его на каторгу, а не то среда, вліяніе болѣе энергичныхъ характеровъ, потому что „шатунъ“ податливъ и замѣчательно вѣрный товарищъ. Къ нимъ по преимуществу приложимъ эпитетъ „несчастный“, которымъ народъ русскій называетъ всѣхъ вообще арестантовъ и ссыльныхъ.

дерево узналъ,—глазъ у него былъ примѣтливый, бродяжій,—слѣзъ съ коня, вырылъ золото, Яшкино Яшкѣ отдалъ, себѣ свое взялъ, да и говоритъ:

— Ослабъ я,—говоритъ,—на дыбѣ висѣвши. Тѣло болитъ... Поотдохнемъ, Яшка, полягемъ часочекъ... На вершп-то опосля мы много уйдемъ.

— А ежели козаки очувствуются, да сюда набредутъ?—говоритъ Яшка.—Хорошо-бъ поотдохнуть, только боязно.

— Сказалъ тебѣ: раньше полуночи не очувствуются, чего-жъ еще? Часикъ можно... Поѣдимъ.

Стреножили коней, поѣли ребята и свое, и козацкій провіантъ и полегли, захрапѣли. Сладко спится Демьяну, только чутокъ бродяжій сонъ. Почудился ему не то шумъ, не то шелестъ какой, проснулся, открылъ глаза, оглянулся, шасть, анъ Яшки-то и слѣдъ простылъ. Удивился сначала Демьянъ, — со сна-то и не разберешь сразу, — сѣлъ, смотритъ, оба коня на-лицо, а Яшки нѣтъ. И сразу ему въ башку ударило, смекнулъ парень, ровно бы шепнулъ ему кто. Такой ужъ догадливый человѣкъ былъ. Поднялся и бѣгомъ побѣжалъ къ тому мѣсту, гдѣ козаки спали. Добѣжалъ, раздвинулъ сучья, гляпулъ, анъ Яшка-то тутъ, къ козакамъ тянется, а у самого ножъ въ рукѣ.

— Стой,—крикнулъ Демьянъ,—стой, непутевый ты человѣкъ! Что задумалъ?

Вздрогнулъ Яшка, такъ и окаменѣлъ съ испугу.

— Что, звѣрь лютый, надумалъ, а? Душегубъ лѣсной!.. Что дѣлаешь?

— Ничего, — говоритъ Яшка, а самъ дрожитъ, какъ

осиновый листъ, лицо бѣлое, что полотно, стало, и глаза таково злобно на Демьяна глядятъ.—Я такъ... ничего.

— Ничего?—кричитъ Демьянъ.— А ножъ-атъ у тебя въ рукѣ зачѣмъ, разбойникъ?

— Ножъ-атъ?—переспрашиваетъ Яшка.—Ножъ?...

Глянулъ злобно на Демьяна, глянулъ на ружья козацкія, что у дерева стояли, дрожитъ, не то кинуться хочетъ, не то нивѣсть что, только и Демьянъ не будь плохъ. Сиганулъ впередъ, схватилъ ружье козацкое, наставилъ въ Яшку и кричитъ ему:

— Убирайся, душегубъ, куда глаза глядятъ, не то убью тебя, какъ пса, на мѣстѣ... Не товарищъ ты мнѣ теперь, Іуда!... Пожалѣлъ я тебя, какъ ты со страху предалъ меня, висячаго... Жалко было кинуть: слабъ, думалъ, человѣкъ, опять же грѣхъ товарища въ пути кидать... Ну, а теперь не товарищъ ты мнѣ, а душегубъ лютый. Кровп тебѣ, псу, надо человѣческой...

Стоитъ Яшка ни живъ, ни мертвъ, голову опустилъ, словъ не находитъ, а Демьянъ опустилъ ружье и говоритъ снова:

— Иди-жъ, душегубъ, куда хочешь, на полночь, на полдень, въ какую хошь сторону, только не моимъ слѣдомъ... Да не попадайся ты мнѣ, окаянный, береги тебя дьяволъ, а не то худо будетъ... Пропади, чтобъ и слыхомъ о тебѣ не слыхано было... не то разславлю тебя... Вонъ твоя сторона, вонъ моя!

И пошли они въ разныя стороны.

Ушелъ Яшка, да не долго и мотыжилъ съ тѣхъ поръ по Божьему свѣту. Не любилъ его бродяжій міръ, а тутъ

еще новый грѣхъ попуталъ: на бродяжей тропѣ *) бабу обидѣлъ,—охочь и ласъ былъ до бабъ. Обидѣлись мужики на бродяжекъ, грозились ловить и не пускать болѣе, насилу-то бродяжки и отмолились за Яшкино злодѣйство... А ему не сошло: бродяжьимъ судомъ судили Яшку, а извѣстно ужъ, какой это судъ бываетъ. Застукали Яшку въ тайгѣ, связали его, раздѣли донага, набили въ ротъ травушки, да и положили плашмя на муравейникъ...

Только косточки бѣлѣютъ теперь на томъ мѣстѣ.

Такъ вотъ каковъ былъ Демьянъ Гонп-Вѣтеръ. Бродилъ онъ съ мѣста на мѣсто, всѣ вольныя промывки **) перебродилъ и занесло его на пріискъ къ Юрію Николаевичу. Слабый пріискъ былъ, мѣсто низкое, болотное, добыча малая, невѣрная, да и народъ собрался все плохой больше, неумѣлый, почитай, одинъ «хлюстъ» ***), такъ что весь «ходъ» на одномъ Демьянѣ, поди, и держался только. И житье плохое было, припасу еле-еле хватало, въ землянкахъ, гдѣ золотники жили, отъ низкаго мѣста вода стояла, только два сруба и поставлено было: подъ хозяйское жилье да кладовую. Невесело работа шла, хоть

---

*) Такъ называется путь, которымъ бродяжки и бѣглые пробираются на западъ къ Уралу. Извѣстна высоко-гуманная черта сибирскаго народа, оставляющаго всегда на ночь на завалепкѣ избы квасъ или молоко и хлѣбъ для „божьяго путника“. За то и отъ бродяжекъ никогда не бываетъ „грѣха“ для окрестнаго населенія, а если и выдастся какое-нибудь рѣдкое озорство со стороны кого-нибудь изъ нихъ, то всегда оно строго паказывается самими же бродяжками. Судъ въ такихъ случаяхъ всегда бываетъ скорый и жестокій.

**) Тайные пріиски.

***) Презрительная кличка новичковъ въ пріисковомъ дѣлѣ.

и лисплъ Юрій Николаевичъ передъ всѣми и никому отъ него пока ни обидъ, ни прижимокъ не было.

А больше всего лисилъ онъ съ Демьяномъ, — нужный ему человѣкъ былъ, первый мастеръ, да и побаивался онъ его, правду сказать. Сметливъ былъ, сразу понялъ, съ кѣмъ дѣло имѣетъ. Подчасъ ему казалось даже, что изъ-подъ своихъ вѣчно опущенныхъ угрюмо рѣсницъ тотъ всегда упорно вглядывается въ него и точно прозрѣваетъ насквозь. Не любилъ такихъ людей Юрій Николаевичъ, крѣпко не жаловалъ и всегда, бывало, чуть встрѣтитъ его, сейчасъ и закуситъ свой черный усъ, брови сдвинетъ,, глаза въ раскосъ пуститъ и залиситъ съ нимъ тутъ же сладенькимъ голоскомъ: «Демьянушка» да «молодецъ-богатырь», иначе и не звалъ его.

— Любитъ онъ тебя, Демьянушка, отличаетъ!—не разъ говорили золотники, принимавшіе эту ласковость за чистую монету.

Хмурый, молчаливый Демьянъ только крякалъ на такія рѣчи, но разъ не выдержалъ:

— Любитъ, братаны, любитъ! — загадочно и полуусмѣшливо подтвердилъ онъ.—Чай, лиса тоже зайчика любитъ! Ну, да насъ за хвостъ не поймаешь!

Засмѣялись золотники на такое слово.

— Оно, конешно, Демьянушка, хозяйская любовь отъ своей же выгоды... Что и говорить, братанъ! А все же. кажись, паря, хозяинъ-то какъ будто и ничего... Ласковый!...

Но Демьянъ не сказалъ больше ни слова, не хотѣлъ зря смущать народъ, хотя и чуялось ему, бывалому

человѣку, крѣпко чуялось, что какъ будто не добромъ дѣло кончится.

«Тертый,—думалъ про Юрія Николаевича,—прожженый! Видать звѣря по слѣду... И лиспть больно, ровно бы ходъ хвостомъ заметаетъ... Не ладно чтой-то!...»

А дѣло дѣйствительно было не ладно. Пока золотники денегъ не брали, забирали все имъ нужное въ счетъ изъ кладовой, харчъ, платье, обувь, разбавленный спиртъ, но запасовъ становилось все меньше, время разсчета близилось съ каждымъ днемъ, а денегъ не было. Круто приходилось Юрію Николаевичу,—зналъ онъ, что золотники не потерпятъ обиды и жестоко расплачиваются за нее съ обидчикомъ. Таково уже исконное правило вольныхъ пріисковъ: никогда не тронутъ золотники хозяйскаго добра, страшно досталось бы отъ своихъ же вору, судили бы его своимъ «кругомъ», судомъ жестокимъ и скорымъ, но за то и свою обиду хозяину не простятъ они,—расправа была бы та же. Правда, на рукахъ было намытое золото, но Юрій Николаевичъ разстался бы съ нимъ только вмѣстѣ съ жизнью, а дорожилъ онъ ею крѣпко.

Оставалась одна надежда на тестя, и приналегъ Юрій Николаевичъ на жену, пригрозилъ ей бѣдой всѣмъ, и Сашуркѣ, конечно, если денегъ для разсчета не будетъ. Оторопѣла отъ ужаса несчастная и написала отцу, прося денегъ уже не для мужа, а для спасенія себя и дочки,—знала, что въ такомъ случаѣ отецъ не откажетъ, изъ-подъ земли достанетъ, а выручитъ. Весь ужасъ свой описала, все свое злосчастье въ таежной глуши среди страшнаго бродячаго люда и звѣря лѣсного, откуда цѣлыхъ шесть

сутокъ ѣзды до ближайшаго почтоваго пункта было,— все написала. Не мѣшалъ, не перечилъ теперь Юрій Николаевичъ, самъ бы еще всякихъ страховъ подбавилъ, лишь бы заставить тестя раскошелиться. Улыбался про себя даже: «Завертится, молъ, старый скаредъ, мигомъ пришлетъ!» Повеселѣлъ.

— Будетъ намъ, дѣвка, на орѣшки!—сказалъ онъ повеселѣвшей тоже Маланьѣ, ущипнувъ ея пухлую руку.— Припугнулъ дуру, она и написала своему скареду страховъ... Ужъ такъ расписала!. .

Оба захохотали, но въ сердцѣ Маланьи, все-таки, защемила жалость. Въ глубинѣ души она жалѣла «дуру», иначе она не называла Марью Сидоровну, хотя и презрительно жалѣла, какъ всякая незлая, счастливая соперница. А злобы не было у этой дебелой хохотуньи.

IV.

Жутко приходилось Марьѣ Сидоровнѣ на пріискѣ, такъ жутко, какъ никогда еще. По цѣлымъ днямъ убивалась и слезы лила втихомолку, боясь, въ то же время, попасться на глаза мужу, который не выносилъ этихъ слезъ, кричалъ на нее, топалъ ногами, ругался. Къ счастью, встрѣчи съ нимъ были рѣдки, къ ней онъ и не навѣдывался даже, проводя все время на работахъ или на охотѣ, а затѣмъ на своей половинѣ съ Маланьей. Срубъ ихъ былъ шестистѣнный, на двѣ половины; въ одной жила она съ дочерью, въ другой, черезъ узкія сѣни, Юрій Николаевичъ съ Маланьей.

Извелась она въ конецъ такъ, что и узнать ее было трудно отъ вѣчныхъ слезъ, тревожныхъ, безсонныхъ ночей и постояннаго страха. Всего боялась она на пріискѣ, всего дрожала. И звѣря лѣсного, что бродилъ порой у самаго сруба, и страшнаго на видъ бродяжьяго люда, буйнаго, грубаго, жившаго, — такъ казалось ей,—одною лютою жаждой крови и презиравшаго, ненавидѣвшаго ее мужа, постоянно твердившаго ей, что она стоитъ на его пути тяжелымъ камнемъ, смотрѣвшаго на нее злыми, холодными глазами. Иногда, въ безсонныя ночи, среди царившей кругомъ непробудной тишины, ей болѣзненно чудился за стѣной тревожный шепотъ, въ которомъ подозрительно настроенный умъ угадывалъ непремѣнно сговоръ соперницы съ мужемъ извести ее вмѣстѣ съ дочерью. Въ ужасѣ вскакивала она и бросалась къ образу съ жаркою молитвой, молясь до изнеможенія, до полнаго упадка силъ, пока не падала въ какомъ-то полуобморочномъ снѣ. Нервы ея расшатались совсѣмъ, порой она сама себя спрашивала: не помѣшалась ли?... Такое состояніе обострялось еще больнымъ сознаніемъ собственной вины, позднимъ безсильнымъ и потому невыразимо жгучимъ раскаяніемъ въ томъ, что во всемъ виновата она же сама.

— Если что случится съ Сашуркой,—то и дѣло повторяла она про себя,—я виновата, я подвела ее... Отчего не осталась у отца, отчего не убѣжала?... О, глупая, глупая, глупая!

И съ трудомъ подавляя, чтобы не пугать дѣвочку, готовый разразиться истерическій припадокъ, она и проклинала себя, и клялась, что останется у отца, если Богъ

спасетъ ее съ дочкой отсюда. Не будь у нея Сашурки, она, навѣрное, наложила бы на себя руки. По крайней мѣрѣ, мысль о самоубійствѣ приходила ей въ голову часто, но, вспомнивъ о дочкѣ, она съ ужасомъ открещивалась. Разъ Сашурка проболѣла нѣсколько дней и въ одну изъ особенно тревожныхъ ночей, когда дѣвочка металась въ безпамятствѣ и жизнь ея, казалось, уступала въ борьбѣ со смертью, Марья Сидоровна впилась сухими, блестѣвшими неподвижно глазами въ желѣзный крюкъ, вбитый въ стѣну, котораго она какъ-то совсѣмъ не замѣчала раньше. Этотъ крюкъ манилъ ее и тащилъ къ себѣ какою-то почти сверхъестественною силой. Она не могла отвести отъ него обезумѣвшихъ глазъ и, въ то же время, холодныя руки ея безсознательно, сами собой какъ-то или повинуясь чьему-то неотразимому внушенію, теребили, свивали и спутывали поясъ. Еще немного и она, можетъ быть, не устояла бы. Что спасло и удержало ее, она сама не знала и не понимала. «Одинъ Богъ»,—говорила Марья Сидоровна. Она помнила только, что въ ночной тишинѣ раздался внезапно рѣзкій протяжный окрикъ пріисковаго сторожа и съ этимъ окрикомъ свалился съ нея тяжелый кошмаръ, смѣнившись истерическимъ припадкомъ. Съ тѣхъ поръ этотъ крюкъ наводилъ на нее ужасъ, отъ взгляда на него у нея пробѣгалъ морозъ по спинѣ. Ей чудилась въ немъ какая-то скрытая влекущая сила и она успокоилась только послѣ того, какъ его вытащили. Но и самое мѣсто, гдѣ былъ онъ вбитъ, его темный слѣдъ бросалъ ее въ дрожь,—она всегда боялась поднять туда свои глаза.

— Не уйти мнѣ отъ грѣха... Охъ, не уйти! Господи, спаси меня!—молилась она съ ужасомъ, когда что-нибудь нагоняло на нее особенно мрачное настроеніе.—Нѣтъ уже у меня силъ, вся извелась!...

Она хватала тогда свою Сашурку, плача, осыпала ее поцѣлуями и тутъ понемногу успокоивалась. Близость ребенка, ощущеніе теплоты его тѣла точно согрѣвали ея застывшую душу.

Говорятъ, человѣкъ не можетъ *всего* бояться, расплыться, такъ сказать, въ безпредметномъ страхѣ; запуганный, онъ непремѣнно на чемъ-нибудь одномъ сосредоточиваетъ эту свою запуганность и свою боязнь. Такъ, говорятъ, и новичокъ въ перестрѣлкѣ выберетъ себѣ какую-нибудь точку, показавшуюся ему почему-либо страшнѣе другихъ, уставится на нее испуганными глазами и непремѣнно оттуда именно ждетъ себѣ бѣды, хотя огонь идетъ по всей линіи и пули свистятъ со всѣхъ сторонъ. Марья Сидоровна, по крайней мѣрѣ, свела свою боязнь всего на пріискѣ, свой вѣчный трепетъ на два ужаса. Одинъ былъ закравшееся подозрѣніе, что мужъ съ Малашей готовы ее извести, которое преслѣдовало ее больше по ночамъ, другой — высокій, хмурый Демьянъ, преслѣдовавшій ее вездѣ и всегда. Она сама не могла отдать себѣ отчета, что̀ собственно въ Демьянѣ приводило ее въ такой трепетъ, но видъ его наводилъ на нее положительный ужасъ. Ей вѣчно чудилось, что у него кровавыя руки, что онъ таитъ въ себѣ какое-то страшное, задуманное зло, собирается поджечь или, самое главное, сдѣлать что-нибудь ея Сашуркѣ. Это была какая-то страшная, нелѣпая галлюцинація, не-

решедшая чуть ли не въ убѣжденіе, тѣмъ болѣе странная, что на пріискѣ были люди съ болѣе мрачными лицами, чѣмъ у Демьяна. Что̀ тутъ была за причина, трудно сказать; можетъ-быть Марья Сидоровна подмѣтила робость, съ какой относился къ нему даже безстрашный, на все готовый Юрій Николаевичъ, и это на нее такъ подѣйствовало, а можетъ и случайный испугъ. Передъ тѣмъ какъ писать Сидору Карпычу, напуганная донельзя ужасами, нарисованными ей мужемъ, обезсиленная, она усѣлась у открытаго окна и разрыдалась. Она не сдерживалась и рыдала навзрыдъ. Былъ уже поздній вечеръ, мужъ ушелъ на охоту, кругомъ не было никого, кромѣ мирно спавшей Сашурки, и стѣсняться было нечего и некого. Судорожныя рыданія ея какъ бы отдѣльными отрывистыми взрывами, то слабѣвшими, то усиливавшимися, будили глухое безмолвіе неподвижной тайги. Наконецъ, она успокоилась немного, вытерла слезы, подняла склоненную на руки голову и, отчаянно вскрикнувъ, отшатнулась въ ужасѣ. Прямо передъ собою, въ нѣсколькихъ шагахъ, она разглядѣла высокую фигуру Демьяна и устремленный на нее неподвижно взглядъ его темныхъ, какъ будто блестѣвшихъ глазъ.

Съ тѣхъ поръ она не только боялась его, она задыхалась, замѣтивъ его издали. При встрѣчахъ, не рѣшаясь сама поднять на него свои глаза, она чувствовала, что тотъ смотритъ на нее, и, казалось, видѣла, ловила закрытыми глазами его неподвижный взглядъ... Что̀ было въ этомъ взглядѣ: угроза-ль, злоба, жалость, сожалѣніе,—она не могла бы отвѣтить; что̀ ее страшило—она тоже не знала. Но онъ

страшилъ ее не меньше, если не больше, чѣмъ холодный, стальной взглядъ способнаго извести ее Юрія Николаевича.

И нужно-жъ было такъ, чтобъ именно Демьянъ оказалъ ей неоцѣнимую услугу.

Всѣ хозяйственныя хлопоты, инвентарь, кладовую мужъ, конечно, взвалилъ на ея плечи, потому что веселая Маланья бѣгала всякаго труда и менѣе всего годилась вести хозяйство. Марья Сидоровна была экономна, бережлива, аккуратна, любила порядокъ и съ этой стороны, конечно, была очень нужна Юрію Николаевичу. Такую вѣрную рабыню-хозяйку за деньги нельзя найти; въ душѣ онъ не разъ сознавался себѣ въ этомъ, хотя такое сознаніе ничуть не поднимало ее въ его глазахъ. Все это онъ принималъ какъ должное, свыкся съ нимъ такъ, что оно нисколько не мѣшало ему третировать и обижать ее, тѣмъ болѣе, что она сама какъ будто пріучала его къ такому обращенію своею кротостью и безропотностью. Кротость, безропотность, податливость далеко были не такія свойства, которыя уважалъ бы этотъ безшабашный жуперъ, свалившій ихъ въ одно общее презрительное понятіе «слезливость». Маланья, которая всегда сама могла дать сдачи, которую вѣчно приходилось ловить и держать, вѣчно будившая ревность и подозрительность, въ его глазахъ, конечно, была и неизмѣримо выше, и привлекательнѣе, и интереснѣе. Она была «женщина», «огонь-дѣвка», а не «выжатая мокрая тряпка» или «простокваша», какъ по-своему образно выражался, сравнивая жену съ любовницей, Юрій Николаевичъ, находя въ такомъ сравненіи нѣчто вродѣ оправданія себѣ.

Хлопотъ у Марьи Сидоровны было много,—вся мелочная хозяйственная работа лежала, такимъ образомъ, на ней одной. По цѣлымъ часамъ приходилось возиться въ кладовой, отпускать, отмѣривать, отвѣшивать и, что было, конечно, самымъ тяжелымъ для нея, сталкиваться съ страшнымъ для нея бродяжьимъ людомъ. Демьянъ былъ артельнымъ старостой и чаще всего поэтому ей приходилось имѣть дѣло съ нимъ. И, странное дѣло, ни его молчаливость, ни видимая робость и что-то вродѣ застѣнчивости, проглядывавшія въ его обращеніи съ нею, ни покорность, съ какою онъ принималъ все, не покушаясь даже на протесты и пререканія, столь обычныя у старость съ «кладовщиками»,—ничто не могло разсѣять подозрѣній и предубѣжденій Марьи Сидоровны. Напротивъ, все это скорѣе укрѣпляло ея недружелюбіе, наводя на мысль, что тотъ маскируетъ такимъ образомъ свои злые замыслы, поддѣлывается съ какими-то скверными цѣлями. Всѣ на пріискѣ ясно видѣли, что Демьянъ какъ-то особенно мягко относится къ «барынѣ», всегда первымъ спѣшитъ оказать услугу, жалостливъ къ ней, изъ-за нея же, пожалуй, не взлюбилъ бойкую Маланью, которой отъ него доставалось-таки порядкомъ при всякомъ удобномъ случаѣ,—не видѣла этого только сама «барыня». Такъ она уже запугалась, такъ измаялась, что и въ голову не могло придти ей, чтобы кто-нибудь могъ пожалѣть ее или относиться мягко здѣсь, въ этомъ страшномъ пріискѣ.

За возней въ кладовой разъ Марья Сидоровна и не замѣтила, какъ Сашурка исчезла съ того мѣста, гдѣ играла у сруба. Когда она хватилась ея, дѣвочки и слѣдъ

простылъ. Захватило у нея дыханіе, покачнулась она, задрожала, но мигомъ какъ-то овладѣла собой и сразу измѣнилась. Совсѣмъ не та женщина стала. И страхъ, и робость, и забитость,—все это куда-то провалилось, исчезло, точно и не было вовсе, и передъ всѣми явился нежданно совсѣмъ новый человѣкъ, смѣлый, рѣшительный, энергичный, съ лихорадочно блестѣвшимъ взглядомъ, властно распоряжавшійся и быстро отдававшій приказанія. Юрій Николаевичъ, попробовавшій было выругаться и что-то закричавшій по поводу поднятой ею суеты, сейчасъ же стушевался. Она только взглянула на него—и онъ оторопѣлъ и замолчалъ отъ этого страшнаго, совсѣмъ незнакомаго ему взгляда. Послѣ, придя въ себя, онъ даже сплюнулъ съ досады, пробормотавъ про себя: «Ишь, взбѣленилась какъ, точно волчица!» И, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ она походила теперь на волчицу, для спасенія щенятъ смѣло бросающуюся на огонь стрѣлка. Забывъ всякій страхъ, она прямо кинулась на пріискъ, остановила работы и послала людей въ поиски за дѣвочкой. Неподдѣльное участіе, встрѣченное ею тутъ, переполохъ этихъ страшныхъ прежде, мрачныхъ людей, ихъ готовность помочь, сожалѣнія и соболѣзнованія, высказанныя ими такъ искренно, что даже ея ухо не могло усомниться,—все это нисколько ее не удивило,—иначе, казалось ей, и быть не могло. Она не отдавала себѣ отчета, гдѣ она, кто даритъ ее такимъ участіемъ, ей не было времени думать о чемъ бы то ни было, кромѣ одной Сашурки. Только значительно позже, придя въ себя, успокоившись, она вспомнила все, удивилась своей храбрости и

этой странной мягкости и душевности жестокихъ и злыхъ, какъ она думала, людей, проявившихъ вдругъ столько участія и ласки, удивилась и невольно задумалась. «Вотъ, поди же,—подумала она тогда впервые,—и у нихъ, значитъ, есть сердце!»

— Идите, идите!—громко кричала она столпившемуся люду.—Бросайте работу, ищите Сашурку!... О, Господи, можетъ быть, ее медвѣди разорвали!

— Что ты, матушка, барыня,—успокоивали ее страшные люди, взволнованные и встревоженные,—что ты, Богъ милостивъ!

Они окружили ее гурьбой, успокоивали, усаживали на свои кафтаны, увѣряли, что найдутъ дѣвочку.

— Найдемъ, найдемъ, — говорили они въ перебой,— Осподь милостивецъ не попуститъ зла младенцу... Найдемъ, будь покойна, барыня.

— Найдите, добрые люди, я за васъ Бога молить буду... я... я...—но тутъ ей помѣшали слезы. Онѣ хлынули, наконецъ, сами собою, безъ удержу. Повалившись на чей-то изорванный кафтанъ среди брошенныхъ мотыгъ и заступовъ, она плакала, закрывъ лицо руками, пока ея слуха не коснулся шумъ приближавшейся толпы и радостные возгласы. Она задрожала вся, подняла голову и, радостно вскрикнувъ: «Сашурка»!—кинулась впередъ стрѣлою.

Впереди приближавшейся бродяжьей толпы на чьихъ-то дюжихъ рукахъ спокойно сидѣла, улыбаясь, ея любимица-дочка. Несъ ее Демьянъ.

— Нашли, нашли!... Вотъ она, здоровехонька!—галдѣ-

ли кругомъ, но Марья Сидоровна ничего не слыхала, ничего не видала, кромѣ своей Сашурки и ея улыбки. Не помнила она даже, какъ бросилась въ ноги Демьяну и лихорадочными устами говорила ему: «Спаси тебя Богъ!»— на что тотъ неуклюже топтался на мѣстѣ и, поблѣднѣвъ, сталъ какъ будто задыхаться немного,—ничего она не помнила. Схватила съ рукъ Сашурку, осыпала ее поцѣлуями, унесла къ себѣ на рукахъ и долго затѣмъ не могла еще придти въ себя, опомниться. Въ груди все что-то схватывало и плакать хотѣлось..

Съ тѣхъ поръ характеръ ея отношенія къ Демьяну измѣнился. Къ неумиравшему страху примѣшалось чувство признательности, смягчившее отчасти первое, сдѣлавшее его не такимъ острымъ и болѣзненнымъ. Все-таки, ей дѣлалось жутко, когда Сашурка съ того дня безбоязненно ласкалась къ этому мрачному, дюжему гиганту, и онъ поднималъ ее своими сильными руками, улыбаясь и заигрывая съ ребенкомъ. Даже когда онъ приносилъ ей свои самодѣльныя игрушки, телѣжки, бочки, иногда очень хитро собранныя, Марьѣ Сидоровнѣ становилось жутко, хотя она и силилась улыбнуться привѣтливо и ласково благодарила. Странное было это чувство, неестественное— и страхъ, и признательность. Иногда, впрочемъ, вспоминая участіе, съ какимъ встрѣтили ея бѣду всѣ эти страшные люди, ей дѣлалось какъ-то неловко за свой страхъ. Точно виноватой передъ ними чувствовала она себя, но совладать съ боязнью, все-таки, не могла.

Такъ прошло у нея лѣто. Осень наступала быстро, слякотная, промозглая, съ холодными туманами, и нало-

жила на дремучую тайгу еще болѣе грустныя и мрачныя краски. Все стало мрачнѣе—и природа, и люди. Работы близились къ концу, приближался часъ «разсчета». Юрій Николаевичъ хмурился больше и больше, а отъ Сидора Карпыча все еще не было ни слуху, ни духу. Два раза ѣздилъ онъ уже за сотни верстъ на почту, но возвращался оба раза ни съ чѣмъ, только сильнѣе озабоченный. Жгучая тревога охватила и Марью Сидоровну; знала она, что отецъ никогда не замедлитъ явиться ей на помощь, лишь получитъ письмо. «Не боленъ ли, живъ ли?»—то и дѣло тревожно недоумѣвала она и отъ одного представленія, что онъ боленъ или что она осталась одна, у нея отъ ужаса подкашивались ноги.

— Нѣтъ, Богъ милостивъ, не допуститъ, — крестилась Марья Сидоровна,—не попуститъ насъ на гибель!

И она успокоивалась на мгновенье, чтобы черезъ минуту снова задрожать отъ этихъ страшныхъ вопросовъ. И въ голову не приходило ей, что Сидоръ Карпычъ могъ уѣхать, что ея письмо лежало въ пустомъ домѣ нераспечатаннымъ, какъ оно и было на самомъ дѣлѣ.

Передъ самымъ разсчетомъ, дня за два, Юрій Николаевичъ въ третій разъ вернулся съ почты. Только взглянула на него Марья Сидоровна, такъ и обмерла: сразу поняла, что вернулся онъ снова съ пустыми руками, что какой-то страшной бѣды не миновать. Жаръ разлился по ней и, въ то же время, всѣ члены окоченѣли, точно мертвые, только сердце застучало часто и сильно. А тотъ не сказалъ ей ни слова, прямо прошелъ къ себѣ на половину, пошепталсяо чемъ-то съ Маланьей, выпилъ и

совсѣмъ почти пьяный ввалился къ ней только передъ вечеромъ. Бросилась къ нему Марья Сидоровна съ забившимся въ страхѣ сердцемъ, съ окоченѣвшими устами, которыми такъ и не могла выговорить рокового вопроса, и остановилась, какъ вкопанная, — такъ холодно глядѣли его пьяные глаза.

Потоптался онъ пьяный, покачался, скривилъ губы злою улыбкой, оглядѣлся кругомъ, точно соображая или припоминая что-то, и сказалъ, наконецъ, заплетающимся языкомъ:

— Ну-съ, госпожа, второй гильдіи купеческая дочка, наслѣдница тысячная, теперь ужъ сами изворачивайтесь... Пожалѣлъ, видно, тятенька, купецъ-тысячникъ, родной дочкѣ конѣчку!

Не разслышала и не поняла Марья Сидоровна,—такой шумъ стоялъ у нея въ ушахъ.

— Да, пожалѣлъ! — продолжалъ мужъ плохо служившимъ языкомъ, все такъ же язвительно улыбаясь и качаясь на мѣстѣ.—Ну, и чортъ съ нимъ! Сами изворачивайтесь за то, а ужъ на меня не надѣйтесь... не надѣйтесь, чортъ поберп!...

Онъ хотѣлъ хлопнуть кулакомъ по столу, но промахнулся, потерялъ равновѣсіе, зашатался и чуть не грохнулся на-земь.

— Да что съ отцомъ? — вырвалось у нея, наконецъ, крикомъ.

Онъ потоптался, все такъ же улыбаясь, точно соображая, какъ всѣ пьяные, когда имъ задаютъ въ упоръ вопросы.

— А чортъ его знаетъ, что съ нимъ!... Только на меня не надѣйтесь... Слышите? Не надѣйтесь!... Нѣтъ, дудки!... Не надѣйтесь!—и, бормоча все одно и то же, онъ вывалился изъ горенки. У Марьи Спдоровны захватило дыханіе, подкашивались ноги, но ее привелъ въ себя окрикъ проснувшейся Сашурки.

Нужно было думать, напрягать всѣ свои силы, чтобъ извернуться отъ грозившей бѣды. Какая это была бѣда, чѣмъ она грозила, что таила въ себѣ,—Марья Спдоровна не знала, не подозрѣвала даже. Но бѣда придетъ, — объ этомъ говорило ей все вокругъ, это подтвердилъ ей и пьяный лепетъ мужа. Она не могла ни молиться, ни плакать, ни думать, и всю ночь прометалась точно въ бреду... Что-то должно случиться, что-то ужасное, жестокое, злое,—только одно это и сознавала она, ясно и широко открытыми глазами всматриваясь въ мирно спавшую дѣвочку, какъ бы надѣясь провидѣть это грозившее зло. Голова ошеломленная совсѣмъ отказывалась работать. За стѣной она слышала долгій сдержанный шепотъ, какую-то возню, точно бы укладывали вещи, но все это теперь ускользало какъ-то отъ ея вниманія не тревожа, не будя подозрѣній,—до того она была разбита и подавлена. Значитъ, такъ и нужно... Къ бѣдѣ это, которой не миновать! — только и могла бы она сказать себѣ. Это былъ тотъ жестокій столбнякъ страха, та безъисходная подавленность, что, парализируя и волю, и энергію, и сознаніе жертвы, дѣлаетъ ее неподвижной передъ самою страшною катастрофой и заставляетъ овцу, напримѣръ, неподвижно и медленно сгорать въ объятомъ пламенемъ сараѣ.

Даже утромъ, проснувшись отъ короткаго лихорадочнаго сна, похожаго скорѣе на забытье, и узнавъ, что Маланья уѣхала съ пріиска, она не встревожилась, не придала этому особаго значенія,—ну, значитъ, такъ нужно, и легко повѣрила мужу, что тотъ послалъ ее куда-то за деньгами, необходимыми для разсчета, который онъ отложилъ на нѣсколько дней, до пріѣзда Маланьи. Даже то, что мужъ, лгавшій обыкновенно нагло, съ открытыми глазами, смѣло, теперь какъ-то путался, запинался, объясняя ей внезапный отъѣздъ Маланьи, — почти робѣлъ и конфузился,—даже это ускользнуло отъ нея...

Только къ ночи спохватилась она, опомнилась. Ночь была лунная и въ неясномъ лунномъ свѣтѣ она, все-таки, хорошо разглядѣла, какъ Юрій Николаевичъ крался тихо къ конюшнѣ, сѣдлалъ послѣдняго коня, приворачивалъ къ сѣдлу мѣшокъ съ провизіей. Сердце ея застучало сильно; она точно проснулась, все незамѣченное ею до сихъ поръ вспомнилось какъ-то сразу и вылилось въ опредѣленное страшное подозрѣніе, она ожила и задрожала отъ ужаса, но было уже поздно... Кинувшись въ сѣни, Марья Сидоровна столкнулась съ выходившимъ мужемъ, тепло одѣтымъ, какъ одѣваются въ дальній путь, и схватила его за руку.

— Ты куда?—зашептала она, дрожа какъ въ лихорадкѣ,—говорить она не могла.—Ты куда?—и ея слабыя руки съ неестественною силой сжимали и тянули его руку.

Юрій Николаевичъ растерялся сначала и молча старался только вырвать свою руку, но пальцы жены впились въ нее какъ желѣзные.

Въ головѣ у нея вспыхнуло вдругъ ужасное подозрѣніе.

— Ты хочешь насъ кинуть, да?!—шептала она запекшимися губами.—Ну, скажи же! Скажи, да?!

Шла борьба. Такъ же молча мужъ старался освободиться и задыхался въ своей шубѣ, а жена, напрягая всѣ силы въ этой борьбѣ, шептала все одно и то же, какъ бы вѣря и не вѣря себѣ. Она хотѣла крикнуть, но не могла, изъ горла выходилъ одинъ тихій шепотъ.

— Неужели ты насъ кинешь, Юрій?—взмолилась она тѣмъ же шепотомъ, слабѣя, наконецъ, въ этой борьбѣ.— Да скажи же хоть слово... Юрій! Неужели?...

Онъ вырвался, наконецъ, и, вмѣсто отвѣта, сильно толкнувъ ее назадъ, быстро выбѣжалъ изъ сѣней, захлопнувъ за собою дверь. У него тоже, кажется, не двигались уста,—тяжело же въ самомъ дѣлѣ причинять зло.

— Кинулъ! — прошептала только Марья Сидоровна, какъ бы увѣряя себя въ этомъ. — Кинулъ! — Она не въ силахъ была подняться отъ стѣны, о которую тотъ ее толкнулъ, и, полунагнувшись, заломивъ руки, шептала одно слово: «Кинулъ!» Казалось, она не понимала и даже не слышала своего шепота. Наконецъ, она поднялась и, сама не зная зачѣмъ, вошла въ комнату мужа. Тамъ было все пусто, тихо и непотушенная въ торопяхъ свѣча освѣщала безпорядокъ, какой остается всегда послѣ спѣшныхъ сборовъ. Марья Сидоровна разглядѣла оставленныя письма на столѣ и жадно стала читать ихъ. Въ письмѣ какой-то пріятель извѣщалъ Юрія Николаевича, что ему нужно на время скрыться, такъ какъ дѣло принимаетъ дурной оборотъ, нужно переждать, пока оно застрянетъ

въ какомъ-нибудь столѣ канцеляріи. Марья Сидоровна читала, перечитывала и ничего не понимала. И буквы, и слова, и строчки, и смыслъ — все сплеталось у нея въ безъисходный хаосъ. Она пошла назадъ, къ себѣ, машинально задувъ свѣчу, машинально задвинувъ по пути запоръ наружной двери, и остановилась посреднѣ комнаты, все еще шепча про себя одно и то же слово: «Кинулъ!» Глаза ея безсмысленно блуждали, пока не наткнулись на спавшую Сашурку. Тутъ она опомнилась и зарыдала...

Наступила ночь, та страшная ночь, отъ которой у нея къ утру побѣлѣли волосы. Спать она, конечно, не спала. Весь ужасъ ея положенія стоялъ передъ нею ясно и опредѣленно; она понимала и видѣла теперь все. Покинутая, одинокая, она знала, чѣмъ ей грозило утро. Съ первыми лучами, можетъ быть, свѣтлаго, яснаго, безмятежно проснувшагося дня буйная бродяжья толпа узнаетъ о побѣгѣ мужа и весь страшный гнѣвъ за обманъ обрушитъ, конечно, на нее. Этого момента она ждала съ бо́льшимъ трепетомъ, чѣмъ ждетъ его приговоренный. Тотъ ждетъ только для *себя*, она ждала и для безмятежно спавшей пока дѣвочки. Приговоръ падалъ своею страшною тяжестью и на ребенка.

Сначала въ ней шевельнулась жестокая мысль—самой предупредить катастрофу. Можно было зажечь избу и сгорѣть или задохнуться въ дыму и пламени вмѣстѣ съ дочкой, безъ мукъ ожиданія, безъ особенныхъ пытокъ, безъ надруганія, котораго она больше всего боялась. Мысль, что буйная толпа, прежде чѣмъ убить, надругается надъ

ними, была страшнѣе мысли о смерти. Затѣмъ, конечно, можно было разжечь уголья и незамѣтно угорѣть безъ всякихъ мукъ, безъ болп. Эта мысль ей особенно улыбалась: уголья были близко, Сашурка спала безмятежно, ничего не зная, не подозрѣвая никакой бѣды, и такъ же безмятежно и тихо заснула бы на-вѣки. Несчастная даже двинулась было къ угольямъ, но оглянулась на дочь, засмотрѣлась и вдругъ ей стало невыразимо жаль ее, такъ жаль, что злой умыселъ какъ-то сразу исчезъ. «Пусть будетъ, что Богъ дастъ, что Богъ дастъ!»—прошептала она и кинулась къ образу.

Тутъ, за молитвой, она какъ будто успокоилась или одеревенѣла. Сашурка проснулась, попросила пить и мать напоила ее и стала баюкать. «Спи, спи, моя козочка,—шептала она ей,—спи, до утра еще долго!» И сама какъ будто вздохнула легко оттого, что ночи еще осталось много. До бѣды у нея было еще нѣсколько спокойныхъ, безмятежныхъ часовъ, и сначала сознаніе этого казалось даже пріятнымъ. Гдѣ-то зашевелилась даже мысль, что, можетъ быть, Господь и спасетъ отъ бѣды. Но мало-помалу эти спокойные часы перешли въ настоящую пытку. Чѣмъ больше близилось время къ разсвѣту, тѣмъ яснѣе вырисовывалась грядущая гроза, тѣмъ неотвратимѣе она казалась, тѣмъ труднѣе было ее ждать и тѣмъ медленнѣе тянулось время ожиданія. Ждать становилось невыносимо.

Пламя свѣчи въ избѣ стало блѣдиѣе и зіявшая въ крошечное оконце ночная мгла растаяла какъ-то совсѣмъ незамѣтно, смѣнившись чуть брезжущимъ пепельно-сѣрымъ, туманнымъ свѣтомъ. Шло утро. Несчастная уже дрожала

съ ногъ до головы и, ничего, казалось, не представляя, ни о чемъ не думая, чувствуя одинъ мучительный холодъ внутри, вся жила однимъ острымъ, невыразимо больнымъ ожиданіемъ. «Скорѣй, скорѣй, о, Господи, скорѣй бы только!»—шепталъ въ ней чей-то глухой голосъ невидимыми устами. Возбужденное, настороженное ухо страстно прислушивалось, ловя кругомъ хоть намекъ на какое-нибудь движеніе, шумъ, угрозу. Но все было еще тихо, только утренникъ пронесся тихимъ шепотомъ въ густой таежной чащѣ, да гдѣ-то каркнула проснувшаяся съ утренникомъ ворона.

— Не могу, не могу больше!—взмолилась вдругъ Марья Сидоровна откуда-то взявшимся истерпчимъ голосомъ и заломила руки.—Господи, пощади же меня!

Она сорвалась съ мѣста, ей хотѣлось пойти, крикнуть, разбудить спавшихъ, разсказать все. Пусть будетъ, что будетъ, лишь бы скорѣй, сейчасъ. Въ ней проснулась, вдругъ откуда-то взявшаяся смѣлость, энергія, она окрѣпла, силы возвратились, прежняго изнеможенія какъ ни бывало. Глаза ея лихорадочно заблестѣли, въ головѣ зашевелилась мысль, складывалось что-то такое, что она могла бы сказать этимъ страшнымъ людямъ, и сказать такъ, что они, пожалуй, и пощадили бы ее съ дочкой. Но все это продолжалось одно мгновеніе, только мгновеніе. Возбужденіе потухло такъ же быстро, какъ и вспыхнуло. Душу охватилъ прежній холодъ, кругомъ царили тѣ же полумракъ и тишина, часы ожиданія все еще тянулись. И несчастная, кажется, совсѣмъ уже окоченѣла, она не думала ничего и даже не ждала уже. Даже стра-

ха она не ощущала. Это было счастье покоя, безмятежность оцѣпенѣнія, безстрастіе полнаго упадка силъ, съ которымъ жертва ложится подъ ножъ.

А веселое, румяное утро играло уже золотыми блестками на оконныхъ стеклахъ, румянило воздухъ и синезеленые кедры. Золотыя волны свѣта врывались въ избу и ложились пятнами на полъ и стѣны. Въ тайгѣ уже слышалось движеніе, звучали голоса проснувшихся людей, мѣрно стучалъ издали топоръ. Марья Сидоровна этого не видѣла и не слышала; можно было подумать, что она спитъ съ широко-открытыми глазами. Изъ оцѣпенѣнія ее вывели только приближавшіеся топотъ большой толпы и ея громкій говоръ, смутившіе прежній миръ какъ будто внезапно. Несчастная вздрогнула, похолодѣла еще больше и сразу вдругъ все поняла, замѣтила и вспомнила, точно проснувшись.

— Вотъ оно! Идутъ!—прошептали ея сухія губы. Она хотѣла подняться и не могла, хотѣла крикнуть и тоже не могла, голоса не стало.

Шумъ и говоръ усиливались, росли, приближались и, казалось, властно тянули ее къ себѣ. Точно повинуясь этой влекущей неодолимо власти, она напрягла всѣ свои силы и, зашатавшись, все-таки, поднялась съ мѣста. Тутъ она опять почувствовала какъ бы притокъ оживленія и подъемъ силъ, — нужно было стать грудью между толпой и спавшимъ ребенкомъ. Дрожа, шатаясь, блѣдная, какъ ея косынка на шеѣ, съ распущенными волосами, сама не понимая зачѣмъ и куда собственно, не отдавая себѣ ни въ чемъ отчета, она бросилась къ выходу. Лихорадочно сѣшив-

шими, дрожавшими руками она долго не могла отодвинуть задвижку двери, за которой шелъ уже громкій, многоголосый и грозный говоръ. Наконецъ, задвижка подалась и дверь распахнулась.

Грозно бушевавшая за дверью толпа, увѣренная въ томъ, что въ избѣ никого нѣтъ, что бѣжали всѣ, моментально смолкла. На всѣхъ этихъ грозныхъ лицахъ легло глубокое изумленіе, близко граничившее съ испугомъ. Вся облитая яркимъ солнечнымъ свѣтомъ на порогѣ стояла блѣдная, какъ полотно, Марья Сидоровна, похожая скорѣе на привидѣніе, чѣмъ на живого человѣка, и, ничего не видя, ничего не слыша, что-то беззвучно шептала губами. Изъ груди ея не выходило ни звука, ни даже хрипа, губы шевелились какъ у тѣни или привидѣнія. Наконецъ, она справилась съ собою и крикнула: «Кинулъ, бѣжалъ!»—или что-то въ этомъ родѣ,—она не помнила,—и тутъ же грохнулась на-земь.

V.

Когда Марья Сидоровна очнулась, солнце было уже высоко. Она лежала на своей постели раздѣтая, въ тишинѣ и полумракѣ, такъ какъ оконце было тщательно завѣшено чьею-то заботливою рукой. Какая-то баба суетилась надъ нею и, наклонившись, смачивала ей голову и виски холодною водой. Долго водила больная широкооткрытыми, изумленными глазами, стараясь понять или припомнить что-нибудь, но голова работала плохо, память не приходила, мысли путались. Мѣшала слабость,

похожая на сонливость, и какой-то странный туманъ, въ которомъ тонули мысль и память, застилавшій, казалось, самое зрѣніе. Наконецъ, послѣ долгаго напряженія, она разглядѣла Акульку Варначку *). Бойкая, здоровая Акулька, единственная баба въ бродяжьей средѣ, исправляла обязанности стряпухи на пріискѣ и, несмотря на свои 40 съ хвостикомъ лѣтъ, одолѣвала еще не одно бродяжье сердце.

— Это ты, Акулька? — прошептала, наконецъ, Марья Сидоровна, сомнѣваясь и тщетно стараясь что-нибудь сообразить.

Сильно обрадовалась Акулька.

— Я, я, ро́дная, — зачастила она своимъ громкимъ, полумужицкимъ голосомъ.—Я самая... Аль опамятовалась?

Она забыла и былыя распри съ хозяйкой изъ-за «харча», и мастерскую ругань съ невообразимыми проклятіями, которыя такъ часто расточала на головы «господъ», и ворчанье, и даже то забыла, что, вслѣдъ за распространившимся на пріискѣ слухомъ о побѣгѣ, кричала громче всѣхъ, подстрекая мужиковъ ловить бѣглецовъ и требовала самой лютой мести всѣмъ, «всему отродью». Теперь это была самая заботливая сидѣлка,—размякла она при видѣ горя.

— Опамятовалась?—радостно допрашивала она, не переводя духу. — Ну, слава Осподу, слава! — тараторила Акулька, крестясь.—А я-то ужъ въ страхѣ намаялась!..

---

*) Варнакъ, варначка — мѣстная обидная кличка ссыльныхъ, синонимъ злодѣя.

Ужъ и намаялась! Померла, думаю... Лежитъ бѣлехонькая, словно бы душа изъ тѣла вышла, какъ сорочка бѣлая... Лью это я воду-то, что̀ ни дѣлаю, все лежишь, совсѣмъ бездыханная... Ужъ и намаялась я, душенька вся изболѣла... Какъ увидала-то, что твой-атъ, окаянный, кинулъ тебя, такъ у меня всю злость рукой сняло, жаль стало! Извѣстно, какая наша доля бабья! — причитала, всхлипывая, Акулька, какъ она всегда всхлипывала, говоря о бабьей долѣ, даже послѣ побѣдной драки, съѣздивъ кого-нибудь ухватомъ.—Кто нашу сестру не изобидитъ?... Какъ свалилась ты, сердешная, такъ меня словно бы по сердцу рѣзануло...

Акулька совсѣмъ расхныкалась,—не могла она безъ этого. Пока она, хныча, вытирала глаза фартукомъ, Марья Сидоровна пришла въ себя, опамятовалась. Голосъ Акульки, ея разсказъ и хныканье вернули ей память.

— Сашурка?—схватилась она озабоченно.

— Здѣся, здѣся!—затараторила опять Акулька, быстро вытирая глаза и сморкаясь. — Здѣся, милая; не сумлѣвайся, здоровехонька. Съ Демьяномъ, слышь, у него она, спроточка,—захныкала опять Акулька жалостно,—съ жучкой играетъ... Кликнуть, что-ль?

Марья Сидоровна отрицательно закачала головой. Слово «спроточка» и упоминанье о Демьянѣ, котораго она теперь какъ будто не боялась уже, привели ее совсѣмъ въ себя. Смѣшанное чувство, въ которомъ таились и боль воспоминанія, и тихая радость сознанія жизни, и мягкая, глубокая благодарность ко всѣмъ этимъ страшнымъ людямъ, которые не истерзали, не замучили, а окружили

нежданно попеченіемъ и лаской, потрясло ее всю. Она хотѣла обнять Акульку, но силъ не хватило... И вдругъ изъ ея сухихъ, воспаленныхъ глазъ брызнули живительныя слезы. Рыдали онѣ обѣ, Марья Сидоровна тихо, не пытаясь даже удержать этого потока вырвавшихся слезъ, разжалобленная Акулька съ проклятіями по адресу всѣхъ мужей на свѣтѣ, обижающихъ «нашу глупую сестру». Наконецъ, она спохватилась и съ катящимися по щекамъ слезами стала уговаривать больную.

— Не плачь, барыня, не убивайся, сердешная!—говорила она, насколько могла, ласково.—Ничего тебѣ не будетъ, не бойся, не тронутъ тебя мужики... Всѣмъ тебя жалко, горемычную... Не звѣри, чать, лѣсные, сердце-то не каменное у нихъ, не то, что у твоего злодѣя окаяннаго, чтобъ ему и на этомъ, и на томъ свѣтѣ!—кляла Акулька, глубоко увѣренная, что эти проклятія живительно дѣйствуютъ на истерзанное сердце.—Не плачь, усни, милая!

И Марья Сидоровна, дѣйствительно, незамѣтно заснула.

Пока она спала, на дворѣ шелъ дѣлежъ. Обиженная толпа, уже успокоившаяся, хотя все еще сулившая всякія бѣды вѣроломному хозяину, грозившая самыми лютыми муками ему при встрѣчѣ,—«эхъ, попадись онъ только!»—вздыхали менѣе сдержанные,—мрачно дѣлила остатки всякихъ запасовъ и харча. Эти скудные остатки и крупицы утаеннаго при промывкѣ золота являлись теперь единственнымъ ея заработкомъ. Озлобленіе, конечно, было сильное, но вспыхнувшая было буря, все-таки, улеглась съ неожиданнымъ появленіемъ Марьи Сидоровны на порогѣ и послѣдовавшимъ затѣмъ обморокомъ ея. Поразило бро-

дягъ злодѣяніе мужа, кинувшаго въ дремучей тайгѣ жену съ ребенкомъ, ужасъ положенія несчастной уменьшалъ, казалось, представленіе о собственной бѣдѣ. Порою вырывалась даже шутка какого-нибудь безшабашнаго молодца, иронически восклицавшаго: «вотъ такъ зарѣбилъ, язви его!» — когда при дѣлежѣ на его долю приходилось что-нибудь совсѣмъ неподходящее, вродѣ сковородки, напримѣръ, или бубенцовъ. Несмотря на раздраженіе, толпа, все-таки, искренно хохотала при такихъ восклицаніяхъ. Когда завѣдомо скупому и алчному Тришкѣ, такъ и прозванному за это «засѣдателемъ», досталась совсѣмъ ненужная старая дуга, въ хохотѣ слышалось даже удовольствіе и веселье. Скудный пай выпалъ на долю каждаго, но о грабежѣ «барынинаго» добра никто и не заикался, кромѣ Тришки, которому тутъ же и влетѣло за это. Обозвавши его жадною воронои, ненасытною глоткой, вся толпа ворчала на него.

— Не замай! — угрюмо возражали ему. — Только попробуй!... Ей, поди, горше нашего будетъ!

Ни одна нога не покусилась переступить порогъ избы. Но барынино добро само появилось на порогѣ. Съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ Акулька вытащила сундукъ съ запасомъ бѣлья и платья и, таща его, громко кричала, что барыня сама велѣла ей это сдѣлать, несмотря на ея сопротивленіе.

— Самой тебѣ, говорю, сиротѣ, нужно, а она и слухать не хотѣла... Тащи, говоритъ...

Замялась толпа перѣшительно, молчитъ, одинъ Демьянъ голосъ подалъ.

— Не нужно намъ!—проворчалъ.—Тащи назадъ!

— Такъ, такъ, Демьянушка!—поддакнули другіе.—Что ужъ сиротъ обижать? Такъ!

— И я то же говорила,—продолжала Акулька,—такъ не слухаетъ. Не нужно мнѣ, говоритъ, куда оно мнѣ?... Мнѣ бы только къ отцу, говоритъ, какъ добраться,—хоть вѣсточку бы, говоритъ, ему дать въ Красноярскъ...

— Ишь ты, горемычная!—загудѣлъ мрачный басъ старика Софрона,—экую даль... въ Красноярскъ!

— Ужъ какъ не горемычная! Извѣстно, какъ нашей сестрѣ отъ мужьевъ-то бываетъ! — захныкала сейчасъ же разжалобленная Акулька. — Только свяжись съ какимъ чортомъ! — и она метнула глазами въ своего «аспида» Мишку.

— Ну, и ваша сестра тоже!... — хотѣлъ было огрызнуться сердцеѣдъ Мишка, но его перебилъ Демьянъ.

— Стой! Что лясы точить? Развѣ сговоришь съ бабой?— по обычаю угрюмо проворчалъ онъ.—На то и баба, чтобъ языкомъ трещать!... А ты бы, сорока,—угрюмо обратился онъ къ Акулькѣ, поднявъ на нее свои темные глаза,— замѣсто, чтобы добро тащить, какъ-никакъ успокоила бы барыню: не оставятъ, молъ, мужики тебя...

— Сказывала, Демьянушка,—ласково подхватила Акулька, побаивавшаяся-таки мрачнаго старосту,—сказывала... только здохнула бѣдная... Добрые вы, говоритъ...

— Ишь какъ, варнаковъ добрыми называетъ!—проворчалъ прежній басъ.

— Что-жъ?—обидѣлся кто-то въ толпѣ,—нешто у варнаковъ души нѣтъ?

Но Софронъ не сдавался.

— Есть, да варнацкая,—пессимистически вставилъ онъ съ глубокимъ вздохомъ.

— Про то Осподь одинъ знаетъ, какая душа у кого!— угрюмо возразилъ Демьянъ.—Осподь и разбойниковъ миловалъ, и разбойницкую душу въ рай посылалъ.

Обрадовались всѣ такому слову Демьяна.

— Вотъ ужъ Демьянушка правду сказалъ, такъ правду! — загалдѣли кругомъ. — Золотая твоя голова! Осподу всѣ отвѣтъ дадимъ, — милосердный, Онъ и нашу, можетъ, душу помилуетъ... На комъ грѣха нѣтъ? Всѣ грѣшны.

— Грѣшны-то грѣшны, да не варнацкимъ грѣхомъ!— не унимался мрачный, ворчливый старикъ, вѣчно донимавшій всѣхъ страшными угрозами грядущихъ адскихъ мукъ.—Грѣхъ-атъ разный бываетъ, ребята... Иной грѣхъ прощеный, а иной смертный бываетъ.

Жутко становилось отъ мрачнаго ворчанья Софрона; чулась за этимъ ворчаньемъ какая-то невыразимо-больная, сверлящая и страшная рана, которую отъ всѣхъ таилъ въ себѣ этотъ грозный старикъ... У каждаго начинало всегда сверлить свое больное отъ его словъ, а у кого оно не таилось? И какъ затянетъ, бывало, Софронъ, такъ не скоро угомонится, — долго ворчитъ. Но теперь выручила Акулька,—крѣпко хотѣлось бабѣ въ сундукъ заглянуть и обновками попользоваться,—любила она наряды.

— Какъ же съ вещами-то быть, люди добрые?—перебила она нетерпѣливо Софроново ворчанье. — Не нужны, слышь, ей,—куды мнѣ, говоритъ, тащить за собой?... Такъ пропадать имъ, что-ль?

— Зачѣмъ пропадать? — подхватилъ радостно алчный Тришка.—Пусть лучше на конъ идетъ...

— Ты стой, — перебилъ Тришку староста Демьянъ, — подожди на конъ-то брать, больно прытокъ... Съ вещами во какъ надлежитъ, робя... Пусть наперво барыня отберетъ, что ей въ путь нужно, а тамъ и на конъ пустимъ, коли ей въ самомъ дѣлѣ тащить съ собой нельзя... Такъ, что-ль?

— Такъ,—согласились всѣ.

— Ну, и такъ, значитъ... А теперь, вотъ, еще, робя... Кто охочъ брести нонече, броди, пошли Осподь путь-дорогу... Ну, а только Акулькѣ до завтра посидѣть нужно,— нельзя барыню-то ей пока кинуть... Значитъ, и Мишкѣ не рука нонече идти. Сиди, Мишка, сторожи!

Хоть и сказалъ это Демьянъ своимъ обычно-суровымъ тономъ, однако, сердцеѣдъ Мишка, все-таки, сконфузился. Хотѣлъ-было онъ запротестовать, ссылаясь и на время позднее, и на то, что брести ему далеко, но этого не далъ ему договорить общій хохотъ. Такъ и посыпались шутки.

— Вѣрное слово, Мишка, сиди!—кричали ему со всѣхъ сторонъ.—Сиди, братъ, сторожи! Связался съ бабой, такъ и колысать нужно. Самъ виноватъ! А ты привяжи его, Акулька, для вѣрности, не пущай парня-то,—того и гляди, сбѣжитъ!—съ хохотомъ обращались изъ толпы къ Акулькѣ, которой это очень нравилось, хотя она и пыталась скрыть веселую улыбку подъ пахмуреннымъ, недовольнымъ видомъ.

— Чтой мнѣ его привязывать, аспида? — жеманилась она въ отвѣтъ.—Вотъ невидаль!... Мало, что-ль, такихъ-

то?... Пусть бредетъ, куда хочетъ, а я ужъ, извѣстное дѣло, барыню не кину, — посижу до завтрева... Горемычная она... Только какъ же быть-то съ ней, люди добрые?

— И въ самомъ дѣлѣ, какъ быть съ нею?—точно спохватились люди.

— Вотъ какъ быть,—глухо заговорилъ Демьянъ.— Ты посиди, баба, съ ею хоть до полдня завтрева, а я вернусь къ вечеру... Пойду сейчасъ на Маймыновскій пріискъ, тамъ, чать, не разъѣхались хозяева,—подвезутъ ее въ какое село на трахту, — ну, а тамъ видно будетъ... Только бы изъ тайги какъ вызволить...

И сталъ Демьянъ сейчасъ въ путь собираться,—верстъ 40 считалось до другого вольнаго пріиска, Маймыновскаго, тоже плохенькаго. Снялъ онъ шапку, кинулъ ее о земь и поклонился всѣмъ на стороны. И какъ увидѣли люди, что Демьянъ «старосту сдаетъ» *), сейчасъ же сняли, по обычаю завѣтному, свои шапки и кинули ихъ въ кучу къ тому мѣсту, гдѣ его лежала.

— Спасибо, Демьянушка,—загалдѣлъ народъ,—правдой артель велъ.

Поклонился Демьянъ.

— Можетъ, на комъ зло лежитъ?—спросилъ, по обычаю.

— Ни на комъ, Демьянушка,—отвѣчалъ въ голосъ народъ,—чистъ ты предъ нами!

Опять поклонился Демьянъ.

— Добромъ ли отпускаете?

---

*) Сдаетъ должность старосты.

— И пускаемъ добромъ, и помянемъ добромъ, — отвѣтили ему.

Поднялъ Демьянъ тогда свою шапку, надѣлъ ее, поклонился и сказалъ:

— Легкій путь, братаны!

— И тебѣ путь!...

Стали всѣ разбирать свои шапки и каждый затѣмъ подходилъ къ Демьяну, кланялся ему, благодарилъ и сулилъ хорошаго. Зашагалъ Демьянъ тайгой, распростившись, и все въ головѣ у него одна дума стояла. Шагалъ низинами, шагалъ прогалинами, на кручи взбирался, чудными мѣстами шелъ, — такими чудными, что и его привычные глаза залюбовались бы,—но ничего не видѣлъ онъ за своею думой теперь. Пріостановится на минуту, подниметъ голову, да и опять впередъ. Хруститъ подъ ногами сухой валежникъ, разсыпаются столбомъ пыли давнымъ-давно перегнившіе стволы «падуна», цѣпляется за ноги «ползунка», блестятъ ему на встрѣчу таёжныя озерки, съ берегами, похожими на края большой чаши, а онъ все только спѣшитъ, да думаетъ одно: какъ бы не опоздать, упаси Господи, какъ бы застать еще господъ на пріискѣ... Такъ и стоитъ передъ нимъ образъ горемычной барыни.

Что дѣлать, какъ быть, если, не дай Господи, и съ Маймына уѣхали?

Уже и звѣзды затлѣли въ высокомъ небѣ, въ которое точно совсѣмъ воткнулись недосягаемые таёжные великаны, а онъ все шагалъ еще... Но вотъ непроглядно-глубокій мракъ сталъ окутывать долъ и, разстилаясь сначала по корнямъ, становясь тутъ все гуще и гуще, неудержимо

ползъ по громадпымъ стволамъ вверхъ, окутывая постепенно и выдѣлявшіяся еще въ бѣлесоватой вечерней мглѣ вершины. Ночь, казалось, выходила изъ нѣдръ земли, которая дышала вверхъ на звѣзды все сгущавшимся мракомъ... И, точно споря, точно борясь съ этимъ надвигавшимся снизу мракомъ, небо разгоралось все ярче и ярче. Звѣзды не тлѣли уже, онѣ казались каплями расплавленнаго ярко блестящаго золота или блестками разсыпавшагося солнца. Тогда ночь сдалась,—она не потянулась выше, врѣзалась въ море звѣзднаго свѣта прихотливыми зубцами темныхъ вершинъ вѣковыхъ лиственицъ и кедровъ и налегла всею массой своего мрака на безотвѣтный долъ... И долъ совсѣмъ потонулъ въ этомъ мракѣ...

Демьянъ давно сидѣлъ у костра, ярко багровое пламя котораго рѣзко прорѣзало ночную мглу и посылало въ нее клубы то красноватаго, то пепельно-золотистаго дыма. Поужиналъ онъ хлѣбомъ, спать бы пора, да не давала ему сна его дума. Жалко было ему эту вдову не вдову, сироту не сироту, — горемычную барыню съ ея дочкой. Давно жалѣлъ онъ ее, безотвѣтную, тихую, скромную, давно, какъ только разглядѣлъ и понялъ ея горькую долю, да увидѣлъ слезы въ тотъ самый вечеръ, когда напугалъ ее своимъ видомъ... Вотъ и теперь, уставившись въ догоравшій костеръ, онъ различаетъ ее въ перебѣгающемъ то красными, то синими змѣйками огнѣ, такою же точно, какъ сидѣла она тогда у окна, рыдая... Видитъ и блѣдное лицо, и сложенныя безсильно руки, и вздрагивающія плечи, — видитъ и чувствуетъ, какъ тянутся къ нему лучи отъ его костра и разливаются внутри, точно

бы въ душѣ, какимъ-то мягкимъ, нѣжащимъ тепломъ... И никогда и нигдѣ не оставляли его ни ея лицо, ни улыбка, что̀ бы онъ ни дѣлалъ, гдѣ бы онъ ни былъ... Такъ и тянуло его къ нимъ, тянуло поглядѣть еще разъ, и съ каждымъ разомъ сильнѣе, лишь онъ увидѣлъ ихъ, и, увидя, вздрогнулъ... А отчего-жъ онъ вздрогнулъ тогда? О-хо-хо, грѣхи наши тяжкіе!—вздохнулъ бы онъ только, и самъ себѣ, можетъ быть, не отвѣтилъ бы сразу... Такъ!—сказалъ бы, хотя и чувствуетъ Демьянъ, что не *такъ*. Помнитъ онъ, такъ хорошо помнитъ, что, уставившись теперь въ пламя костра, насквозь, кажется, чувствуетъ, какъ зашевелилось тогда въ его одряхлѣвшей уже груди что-то давнее, былое, знакомое, близкое, что-то погребенное во мракѣ многолѣтнихъ скитаній, но такое острое и жгучее, что и въ этомъ мракѣ оно не могло потонуть безслѣдно, не могло найти забвенія... И знаетъ Демьянъ, что̀ это такое... Оно встаетъ передъ нимъ въ клубахъ сѣраго дыма, въ перебѣгающихъ разноцвѣтныхъ змѣйкахъ огня, смѣняясь картина за картиной, отчего ему и дѣлается то жутко, то сладко, то невыразимо больно... Десятки лѣтъ прошли, горя сколько пришлось пережить, сколько гнета, скорби и муки ложилось на человѣка, а вотъ же встаютъ они передъ нимъ... это самое лицо, развѣ не такое, можетъ быть, блѣдное, эта самая, кажется, добрая, ласковая улыбка, точно воскресшія въ чужой ему горемычной барынѣ...

— Глаза не тѣ, — шепчетъ про себя Демьянъ,—не тѣ глаза лишь, а схожа, совсѣмъ схожа, ровно бы сама она!

И у догоравшаго костра въ эту сырую осеннюю ночную мглу, пробужденныя вдругъ воспоминанія, цѣлая цѣпь видѣній когда-то пережитаго и перечувствованнаго, наполнили закаленную грудь стараго бродяги особою нѣгой, въ которой было столько же грустной скорби, сколько и счастья.

Марья Сидоровна проснулась только къ вечеру. Сонъ укрѣпилъ ее, вернулъ силы, а разсказанное Акулькой, которая, обрадовавшись, наконецъ, возможности передать все происшедшее съ утра на пріискѣ, затараторила сразу во весь духъ, оживило и ободрило. Мягко стало и радостно послѣ испытаннаго ужаса, при сознаніи, что ее не оставятъ, не покинутъ, что она выберется отсюда съ дочкой цѣла и невредима. «Не бойся, барыня, — затараторила Акулька,—не такой человѣкъ Демьянъ, чтобы въ обиду дать... Головной онъ,—ужъ коли взялся выручать тебя, то и выручитъ... Жалостливый, даромъ что звѣремъ лѣснымъ смотритъ, а душа у его добрая... На Маймынъ для тебя побрелъ:—тамъ, слышь, какъ бы не расходились еще,—подвезутъ тебя!»—безъ умолку трещала Акулька, и чѣмъ болѣе трещала, тѣмъ веселѣе становилось на душѣ Марьи Сидоровны, тѣмъ сильнѣе поднималось и росло теплое, мягкое чувство признательности ко всѣмъ этимъ, прежде пугавшимъ ее, людямъ за ихъ участіе и ласку. «Могли они убить и надругаться,—думала она, какъ бы недоумѣвая,—все могли сдѣлать, а вотъ же не только не сдѣлали никакого зла, а и вещей ея трогать не хотѣли, хотя она сама выслала имъ эти вещи, и еще, къ тому же, заботятся о ней, ухаживаютъ, берегутъ, точно бы родной имъ

была она... Что же удерживало ихъ отъ зла, что̀ двигало на добро этихъ отщепенцевъ, бродягъ, озлобленныхъ, голодныхъ, преступившихъ законы, — что̀, какъ не та же душа, то же сердце, что̀ удерживаютъ и двигаютъ всѣхъ? И такіе же они люди, какъ и всѣ на землѣ, эти страшные бродяги,—шепталъ ей внутренній, мягкій голосъ какъ бы просыпающагося сознанія,—и та же искра Божія горитъ въ нихъ и свѣтитъ, только несчастнѣе они другихъ, обездоленнѣе, бѣднѣе, несчастнѣе тебя, несчастнѣе кого-нибудь, несчастнѣе всѣхъ!... Такъ шепталъ ей этотъ невѣдомый доселѣ голосъ, и мягкое тепло любви и жалости разливалось отъ него въ груди, смягчало собственное горе, щемило позднимъ раскаяніемъ и сожалѣніемъ, что всего этого не видѣла, не понимала она раньше.

— Добрые вы, добрые,—говорила она въ отвѣтъ Акулькѣ, смотря на нее влажными благодарными глазами. — Не знала я васъ раньше...

— Какіе мы добрые, барыня! — просто удивлялась Акулька.—Развѣ на свѣтѣ такіе добрые?... Грѣшные мы, барыня!...

— Не предо мной, Акулька!... Всѣ мы грѣшные. Чѣмъ я только отблагодарю васъ?

— Не нужно намъ, барыня, ничего не нужно!—затароторила снова Акулька — Мы и такъ твоею милостью довольны. Сколько обновъ-то выслала намъ... Вотъ платокъ, рубаха...

Акулька успѣла уже надѣть доставшіяся на ея долю обновы и была несказанно счастлива. Но Марья Сидоровна не могла успокоиться. Она подумала, порылась въ

шкатулкѣ и вытащила изъ нея на тоненькой золотой цѣпочкѣ коралловый крестикъ, послѣдній остатокъ ея приданаго.

— Вотъ тебѣ, Акулька, на память... Возьми!—сказала она подавая крестикъ.—Ничего нѣтъ у меня больше.

Акулька вспыхнула и брать не рѣшалась. Что-то удерживало ее взять эту, казалось ей, невиданно-прелестную вещь и сначала она сконфуженно шептала только:

— Зачѣмъ, барыня? Тебѣ самой понадобится!

Тогда Марья Сидоровна сама надѣла ей на шею крестикъ и Акулька сейчасъ же заморгала глазами, залилась слезами и, точно позабывъ о крестикѣ, стала причитать о горькой женской долѣ. Марья Сидоровна обняла ее, поцѣловала и это еще больше усилило ея слезы. Акулька разрыдалась такъ сильно, что и у Марьи Сидоровны вызвала слезы, и вдругъ, точно повинуясь какому-то инстинкту или потребности, стала передавать ей свою скорбную, казалось ей самой, давно позабытую повѣсть.

Сапурка уже спала; сальная свѣча тускло мерцала, слабо освѣщая горницу, по которой тянулись длинныя сѣрыя тѣни отъ стола и скамеекъ; сверчокъ трещалъ въ углу свою монотонную пѣсню объ очагѣ и домовитости. Затаивъ дыханіе, не сводя глазъ съ разсказчицы, Марья Сидоровна жадно слушала эту повѣсть о загубленной жизни, какъ слушаетъ больной разсказы о чужихъ болѣзняхъ, и, казалось, топила въ ней свое горе. Видъ чужого страданія всегда уменьшаетъ для насъ интенсивность собственнаго. Поблѣднѣвшая Акулька, давно переставшая плакать, взволнованно, но просто разсказывала грѣхъ

своихъ юныхъ дѣвическихъ лѣтъ, за который платилась теперь бродяжьей старостью.

Была она «отецкая дочь» изъ хорошей, строгой мѣщанской семьи въ уѣздномъ городишкѣ, гдѣ отецъ ея торговалъ рыбой,—разсказывала Акулька.—Строгіе были родители, строго вели ее, хоть и была она у нихъ одна-одинешенька, и любили они ее безъ памяти. Никуда, бывало, мать отъ себя ее не отпуститъ, все при себѣ держитъ... Такъ прошло ея дѣтство въ холѣ и довольствѣ, а какъ подрастать стала, къ мастерицѣ ее отдали шитью и всякому рукодѣлью обучать. «И училась я,—вспоминала Акулька,—впереди всѣхъ товарокъ шла; бывало, что самое трудное шить, такъ мнѣ даютъ». Такъ и говорили ей: золотыя у тебя руки, на радость отцу-матери. Гордились и радовались родители, да не долго пришлось и радоваться: осрамила ихъ родная дочка... Охъ, кабы не глупа была, кабы знала все, не сдалась бы на льстивыя рѣчи, не повѣрила бы клятвамъ, не бѣгала бы на зорькѣ въ темный садъ, не была бы теперь бродягою!... Уходи отъ меня злодѣй!—сказала бы полюбившемуся судейскому чиновнику, прокляла бы и его кудри русыя, и очи ясныя, заткнула бы уши на его рѣчи сладкія.... Да вотъ бѣда: глупа была, довѣрчива, молода, ну, а сердце молодое само на ласку рвется. Вотъ и вышелъ грѣхъ, обманулъ чиновничекъ и ей одной, молодой, про все и за все пришлось отвѣтъ нести; точно бы и такъ мало выплакала она слезъ отъ обмана милаго. Ему смѣхъ только, да прихоть, а ей стыдъ да каторга. «Не равно подѣлили людей, ой не равно!—качала головой Акулька.—Понесла я, и что стра-

ха набралась, и теперь вспомнить, такъ страшно. Отъ зари до зари только въ дрожь кидало, какъ бы отецъ съ матерью не провѣдали, какъ бы срамъ свой отъ людей скрыть. И скрыла, милая, никто не прозналъ, пока часъ мой не насталъ... А случилось это ночью, въ самую студеную пору къ Рождеству... Схватилась я, болѣзная, съ постели, кинулась въ сарай и какъ ужъ тутъ я металася на холоду, какъ все случилось, не помню теперь... Вотъ только одно: руку всю искусала, чтобы крикъ унять, людей не перебудить. Да еще одно помню,—охъ, помню, окаянная: какъ закричалъ-атъ ребенокъ, меня такой страхъ объялъ, слышь, что и разумъ помутился... Только и думка одна, какъ бы люди не разслышали, отецъ съ матерью не прознали, и откуда сила взялась на злое дѣло, сама не знаю, знать дьяволъ помогалъ... Пластомъ, слышь, лежала, а тутъ схватилась я, подлая, да и зажала ему, ангелу невинному, ротокъ. Сижу это я, жму ему ротокъ, а сама молитву шепчу отъ страху-то, и невдомекъ мнѣ, что я за грѣхъ творю, помутилъ, знать, дьяволъ. И сколь долго спдѣла я такъ, какъ назадъ добрела, какъ въ постель легла, ничего не помню. Только на утро меня въ острогъ повели, за то, что сына родного, окаянная, заморила. Тутъ я вотъ и поняла, какой грѣхъ на мнѣ!...»

Замолчала Акулька и долго всматривалась въ темный уголъ сухими, неподвижными глазами, словно бы впдѣла она тамъ и эту студеную ночь, и сарай, и весь свой грѣхъ, и какъ затѣмъ въ острогъ шла. Смотрѣла,—строгое лицо стало у нея, — покачала головой и, не отводя глазъ,

не обращаясь ни къ кому, какъ бы про себя только, вздохнула и сказала:

— Такъ вотъ и пропала я, окаянная!... Мать въ гробъ ввела, отца — въ запой, сына убила, а сама въ Сибирь ушла... Доля ужъ, видно, такая мнѣ была написана. За все сама отвѣтъ дала, да родители, царство имъ небесное, а тотъ, кто меня навелъ на грѣхъ, можетъ, апосля такихъ же, какъ и я, грѣшная, судилъ... Вотъ она,—правда-то земная... Ну, да Богъ милосердный разсудитъ... Можетъ, и помилуетъ на томъ свѣтѣ окаянную. Знаетъ, чай, вѣдаетъ долю нашу!

И долго еще просидѣла, такъ же мрачно уставившись въ уголъ, разбитная, никогда, казалось, не знавшая горя и бѣды Акулька. Сумрачно стало ея поблѣднѣвшее лицо и неудержимо катились по этому лицу крупныя, рѣдкія, но за то горячія слезы. Плакала съ ней и Марья Сидоровна. Ея горе потускнѣло предъ скорбною повѣстью бездомной бродяги Акульки.

VI.

Лихорадочно провела весь слѣдующій день Марья Сидоровна въ ожиданіи Демьяна. Акулька ее не оставляла, какъ ни тащилъ ее самоё нетерпѣливый Мишка, намѣтившій себѣ какой-то зимній промыселъ, на который боялся опоздать. Тщетно напоминалъ онъ, что уговоръ былъ сторожить только до полдня, что Демьянъ непремѣнно хотѣлъ вернуться къ вечеру, Акулька не сдавалась, — варила, пекла, суетилась, тараторила и нетерпѣливо ждала извѣстій съ Маймына.

— Не пойду, хоть самъ уходи!—категорически заявляла она своему «аспиду». — Не кину я ее тута одну-одинёшеньку!... Пусть ужо Демьянъ вернется!... Какъ ей одной быть, когда весь народъ разбрелся, пустой пріискъ остался? Варнакъ ты, Мишка!

Мишка сердился, ворчалъ, но мало-помалу поддался-таки и успокоился. Обидное оно, въ самомъ дѣлѣ, и больное слово—«варнакъ», кому пріятно быть варнакомъ!

Демьянъ вернулся поздно вечеромъ. Пришелъ онъ хмурый, угрюмый, какъ бы сильно усталый, и сейчасъ же спать улегся. Акулька увидѣла его еще издали, побѣжала на встрѣчу и, какъ ни приставала къ нему съ разспросами, не многое выпытала.

— Ладно все, Акулька!—по обыкновенію, хмуро встрѣтилъ онъ ея разспросы, — такъ и барынѣ скажи: пусть спитъ, не тревожится.

— Такъ намъ съ Мишкой на утрѣ брести, что-ль? — допытывала она хоть косвенно этого «молчуна».

— Бреди, бреди, Богъ съ тобой... А какъ барыня? — спросилъ онъ немного помолчавъ.

— Ничего, барыня въ себя пришла; ужъ такъ тебя ждала, Демьянушка, такъ ждала, болѣзная!... Ну, и добрая-жъ душа у нея!—тараторила любопытная баба, въ надеждѣ разузнать все доподлинно, но какъ ни вертѣлась, какъ ни забрасывала словечки, Демьянъ не раскрылъ больше рта.

— Ишь, молчунъ проклятый!—выругалась она про себя, раздосадованная, и пошла успокоивать Марью Сидоровну.

— Ну, спи, болѣзная, спокойно, Богъ съ тобой!—гово-

рила она ей. — Все, слышь, ладно. Завтра кони будутъ, пріѣдутъ за тобой, а ужъ я пойду съ солнцемъ... Прости, не поминай лихомъ!

Акулька и побожилась бы, что Демьянъ самъ говорилъ ей о коняхъ, которые пріѣдутъ завтра. Не было у нея, конечно, недостатка въ воображеніи, которое частенько-таки одерживало побѣду надъ слухомъ и дополняло его. Отъ доброй души было это, и крѣпко заснула успокоенная Марья Сидоровна.

За то утромъ, когда хмурый Демьянъ сказалъ ей робкимъ голосомъ правду, что на Маймынѣ онъ никого не засталъ, что оттуда уѣхали уже всѣ, пояснивъ тутъ же, что не сказалъ этого вчера, чтобы не тревожить ее передъ сномъ,—она чуть снова не свалилась въ обморокъ. Побѣлѣла вся, вздрогнула отъ испуга, въ головѣ зашевелились мрачныя подозрѣнія и, готовая сейчасъ же разрыдаться, она безмолвно уставилась на страшнаго бродягу широко-открытыми глазами. Тотъ стоялъ передъ нею еще болѣе хмурый, мрачный и, какъ будто подавленный чѣмъ-то, нерѣшительно скребъ затылокъ.

— Не пужайся, барыня,—сказалъ онъ, наконецъ, точно рѣшившись.—Богъ милостивъ, выберешься отсюдова.

— Какъ?—вырвалось у нея болѣзненнымъ хрипомъ.

— Брести нужно.

— Брести?—повторила она машинально.

— Идтить!—пояснилъ бродяга.—Идтить, говорю, нужно будетъ... Трудно оно тебѣ, конешно, да Богъ милостивъ... Дѣвчонку-то твою я на рукахъ снесу.

Отлегло у нея на сердцѣ и она свободно вздохнула,

наконецъ. Идти, такъ идти! Она ничего не боялась, ни передъ чѣмъ, кажется, не остановилась бы, лишь бы выбраться отсюда съ дочкой.

— Ну, что-жъ, пойдемъ!—сказала она живо.—Вотъ жаль только, Акулька ушла... Вмѣстѣ бы.

Опять зачесалъ хмурый Демьянъ затылокъ.

— Не съ руки намъ, барыня, была-бъ Акулька. Оттого и пустилъ я ее,—протянулъ онъ.

— Отчего не съ руки?

— А оттого не съ руки, что путь разный.

Еще болѣе замялся бродяга, нахмурился, скребъ свой затылокъ и, наконецъ, сказалъ:

— Не дойтить тебѣ, барыня, до трахту; не выстоишь: пути много... Кабы конь, ну, оно конешно, а брести—не добредешь, далеко. Коня, слышь, нужно.

— Гдѣ же его взять? — перебила Марья Сидоровна, которую опять стала охватывать тревога. Видимое колебаніе бродяги и загадочная нерѣшительность его пугали ее. — Гдѣ же его взять? Ты самъ сказалъ, что нужно идти.

— То-то вотъ!—подхватилъ онъ угрюмо, какъ бы сердясь даже и не зная, какъ сказать яснѣе. — Да, не дойдешь ты до трахту.

— Дойду, Богъ милостивъ.

— Не дойдешь, барыня!—угрюмо и рѣшительно закачалъ головой бродяга.—Не на трахтъ идтить нужно.

— А куда же?

Этотъ прямо поставленный вопросъ вывелъ, наконецъ, бродягу изъ его нерѣшительности. Онъ крякнулъ, поду-

малъ и, какъ бы набравшись смѣлости или рѣшительности, заговорилъ:

— Вотъ что́ скажу я тебѣ, барыня... Есть тутъ мѣсто одно, только скрытное оно и не всякъ то мѣсто знаетъ... Мало оно кому вѣдомо будетъ. Не далече отсюдова, дня три всего брести-то, коли брести нашимъ ходомъ. Люди тамъ, слышь, по-своему спасаются, отъ міра ушли, — извѣстно, ихъ души это дѣло, всякъ по-своему Оспода славитъ, — а только то мѣсто мнѣ вѣдомо и меня тамъ знаютъ... Доведу я тебя, ну, а тамъ видно будетъ...

Хотѣлъ еще продолжать Демьянъ, но его перебила Марья Сидоровна. И жутко ей было, и понимала еще она плохо, и недовѣріе шевелилось.

— Кто же тамъ?—спросила она, недовѣрчиво и пугливо всматриваясь въ мрачные глаза бродяги.

— Спасаются, слышь. Скитъ тамъ у нихъ, въ скитѣ живутъ,—повторилъ Демьянъ и, подмѣтивъ ея недовѣріе, продолжалъ насколько могъ мягче: — Не сумлѣвайся, барыня, не поведу я тебя на зло. Ты думаешь — бродяга... Ну, оно, конешно, много бываетъ грѣха отъ бродягъ, а только ты не бойся... Кабы я на тебя зло мыслилъ, зачѣмъ бы мнѣ и вести тебя ни вѣсть куда? Все равно и здѣся тайга... Не бойся, барыня...

Покраснѣла Марья Сидоровна и опустила глаза. Тронули ее слова и мягкій тонъ бродяги и неловко стало ей, что онъ уловилъ ея боязнь и недовѣріе.

— Ты прости меня, Демьянъ, — отвѣтила она ему искренно.—Добрые вы всѣ ко мнѣ были и не забуду я вашего добра. А только напугана я,—всего ужъ боюсь, все-

го страшно мнѣ!... Ты не сердись, прости меня! — и она тихо заплакала.

— Какъ тебѣ да не бояться!—успокоивая, подхватилъ Демьянъ, лицо котораго еще сильнѣе омрачилось отъ этихъ словъ. — Мало, что-ль, лихого человѣка на свѣтѣ? Какъ же не бояться? А ты не плачь, барыня,—выведу я тебя, вѣрное слово тебѣ говорю. Коли Богъ попуститъ, доставлю я тебя въ твое мѣсто изъ тайги... И не сумлѣвайся, что я въ скитъ поведу,—не будетъ тамъ зла, оправишься и выбраться оттудова спорѣе будетъ... Не всякаго и допускаютъ скитники, ну, а насъ допустятъ, потому вѣдомъ я имъ... Только одинъ уговоръ, барыня, есть,—твердымъ уже голосомъ сказалъ Демьянъ, въ упоръ смотря на нее,—чтобы никто отъ тебя про то мѣсто не слыхалъ, не провѣдалъ. Вотъ какой уговоръ, потому — мѣсто скрытное... Клятвенный уговоръ, крестный.

Подошла Марья Сидоровна на эти слова къ образу, перекрестилась и поклялась.

— Вотъ, Демьянъ, передъ святымъ образомъ клянусь,—говорила она ему.—Гляди! Всѣмъ поклянусь, только спаси меня, Демьянъ!—обернулась она къ нему, рыдая.—Спаси, если у тебя душа есть... Не за себя прошу, — что мнѣ? и жизнь не въ жизнь уже,—за ребенка прошу, дочку спасай безвинную.

Низко опустилась голова бродяги на эти слова и слезы, шибко заходила его широкая грудь, многое, кажется, готово было сорваться съ его сжатыхъ устъ, да не умѣлъ онъ говорить, словъ не нашлось, недаромъ слылъ «молчуномъ». Повернулся онъ только къ востоку, поднялъ два

перста, перекрестился и поклялся въ свою очередь, что выручитъ.

И сдержалъ онъ свое бродяжье слово... На другой день, чуть проснулось солнце, разбудилъ онъ ее и они двинулись въ путь. Барыню, одѣвшуюся въ простое платье, Демьянъ пустилъ налегкѣ, а самъ несъ въ мѣшкѣ дорожный харчъ, котелокъ, безъ котораго не ходитъ бродяга, узелъ съ кошмой для ночлега, да «плетунку» изъ лыка за плечами, въ которой, беззаботно смѣясь, сидѣла Сашурка. Силенъ былъ старый бродяга,—много несъ на себѣ, а легко шелъ, ровною бродяжьей поступью, какъ всегда, слегка насѣдая на колѣни. На первыхъ порахъ легко шла и Марья Сидоровна; къ счастью, день былъ сухой и солнечный, идти было не трудно. За нервнымъ возбужденіемъ, полная радости, что выбрались, наконецъ, она не чувствовала усталн. Но въ полдень, на первомъ же привалѣ, у нея онѣмѣли ноги, заныло все тѣло, ощущеніе тяжести было такъ сильно, что, казалось, она, не поднимется, а если и поднимется, то не сдѣлаетъ и шага. Впрочемъ, отдохнувъ, пообѣдавъ похлебкой, которую сварилъ бродяга на кострѣ, она оправилась немного. Все-таки, поднялась она и зашагала сначала съ большимъ трудомъ, но затѣмъ мало-помалу разошлась и опять пошла бодро и весело, какъ утромъ, — усталость, казалось, исчезла совсѣмъ. За то къ вечеру она уже еле-еле брела за Демьяномъ.

— Что, аль приставать стала?—обернулся онъ къ ней озабоченно, замѣтивъ, какъ она трудно дышетъ и спотыкается на каждомъ шагу.

— Да, Демьянъ, — отвѣтила она задыхаясь,— силъ моихъ нѣтъ больше... Ослабла я.

— То-то вотъ! — покачалъ головой бродяга. — Ну, да ничего, оно и вправду, пора пристать,—ночь идетъ... Дай вотъ только мѣсто выбрать; повыше бы подняться, слышь, надо...

Они шли доломъ, а бродяга хорошо зналъ, какъ опасенъ долъ для тѣхъ, кто почуетъ въ тайгѣ. Самый сильный человѣкъ можетъ свалиться за одну ночь, проведенную въ этихъ нездоровыхъ, сырыхъ мѣстахъ, даже въ самыя теплыя и сухія ночи заволакивающихся молочно-бѣлымъ густымъ туманомъ, котораго и звѣрь бѣжитъ *). Непривычному путнику и на высокихъ мѣстахъ опасно спать на землѣ даже у самаго большого костра въ осень, ну, а тамъ, гдѣ «бѣль» стоитъ, и самый привычный человѣкъ, бывало, просыпается,—хорошо, если въ бреду да въ жару только, а то часто и совсѣмъ безъ ногъ и рукъ. Ляжетъ человѣкъ здоровымъ, а проснется калѣкой, съ неподвижными конечностями, которыя злая бѣль отнимаетъ, и умретъ такъ на томъ же мѣстѣ съ голоду да холоду, заѣденный комарами, если звѣрь не загрызетъ. Нерѣдко, говорятъ люди, выпадаетъ такая страшная доля пьянымъ «золотничкамъ», если они отъ гурьбы отобьются и бредутъ пьяные тайгой въ-одиночку. Зналъ это Демьянъ и потому какъ ни изнемогала Марья Сидоровна, а, все-таки, потащилъ ее за собой на ближайшую кручу.

---

*) Таежники увѣряютъ, что всѣ звѣри уходятъ ночью съ мѣстъ, которыя окутываетъ „бѣль“,—такъ зовутъ въ тайгѣ этотъ туманъ.

— Ну, вотъ тута, дастъ Богъ, ладно будетъ,—сказалъ онъ, оглянувшись на долъ, который съ кручи казался уже молочнымъ.—Тута ничего... Заночуемъ...

Онъ очистилъ ногами мѣсто на югъ отъ ствола громаднаго кедра, сгребъ сучья, набралъ мху и устроилъ изъ него ложе. Затѣмъ наломалъ молодыхъ вѣточекъ кедровъ и елей, душистыхъ, смолистыхъ, мягкихъ, и густо усыпалъ ими мшистое ложе на четверть, такъ что мохъ совершенно исчезъ подъ густою зеленью молодыхъ вѣтокъ *). Сверху онъ постлалъ кошму половиной ея, чтобы другою половиной можно было прикрыться, завернувшись въ нее, и сказалъ довольнымъ голосомъ, который странно какъ-то шелъ къ его мрачной, хмурой фигурѣ:

— Ну, барыня, садись, отдохни, пока я котелокъ заварю... Ничего, не бойся, постелюшка славная... Брели мы съ тобой ладно, еще дай Богъ денекъ такъ, а тамъ ужъ недалече будетъ.

Сейчасъ же и заснула Марья Сидоровна съ дочкой, только и успѣла пробормотать: «спасибо»! А бродяга пошелъ костеръ собирать, да «ночь пытать». Посмотрѣлъ на долъ и нахмурился,—«бѣль» молочнымъ пластомъ лежала, не клубясь, не волнуясь, — почти явный признакъ, что ночь будетъ сырая, мглистая, нехорошая ночь. На небо посмотрѣлъ—и еще того хуже нахмурился: не разгорались звѣзды, чуть теплились въ вышинѣ красноватымъ

*) По увѣренію таежниковъ, такимъ образомъ хорошо устроенное ложе предохраняетъ отчасти спящихъ отъ простуды, которой вообще легко подвергаются непривычные путники, въ особенности въ туманныя ночи.

свѣтомъ. Разложилъ онъ большой костеръ и дымъ отъ костра пошелъ низомъ, такъ и стлался по корнямъ. Совсѣмъ жутко стало Демьяну и хмуро сидѣлъ онъ за весело кипѣвшимъ котелкомъ. Зналъ онъ, какъ опасны для непривычныхъ такія мглистыя ночи, предвѣстники дождливой погоды,—того и гляди «огнецъ» *) схватитъ, хотя и хорошо, кажется, устроилъ онъ ложе. А если и помилуетъ Богъ отъ болѣзни, то не миновать, можетъ быть, въ пути дождя, — все на дождь показывало... А дождь въ пути—самое послѣднее дѣло.

Поднялся онъ, хмурый и озабоченный, и сталъ смолистую кору драть съ громадныхъ стволовъ, чтобы тайгана умилостивить по обычаю. Надралъ цѣлый пукъ, перевязалъ его ползункой, воткнулъ въ середину пука зеленую вѣточку, перекрестился и кинулъ въ середину костра. Зашипѣла, затрещала смолистая жертва, затянулась густымъ синимъ дымкомъ и сейчасъ же вспыхнула яркимъ факеломъ. А все-таки не сходила тревога съ сердца бродяги.

---

*) Огнецъ, жаровникъ,—такъ зовутъ таежники особую болѣзнь, характеризующуюся большимъ жаромъ, нестерпимою головною болью, часто бредомъ и безпамятствомъ. Люди заболѣваютъ ею только почуя въ тайгѣ подъ открытымъ небомъ. Огнецъ почти всегда проходитъ самъ собою, при переходѣ больного подъ крышу въ избу, въ которой настланъ полъ, или съ выходомъ изъ тайги. Предвѣстниками его служатъ, говорятъ, необычайная бодрость и возбужденіе, быстро смѣняющіяся полнымъ упадкомъ силъ. Суевѣрные люди,—а кто же въ тайгѣ не суевѣренъ?—приписываютъ огнецъ гнѣву „тайгана“ (нѣчто посильнѣе и пострашнѣе нашего „лѣшаго“), котораго и стараются умилостивить разными способами, перенятыми отъ бурятъ и иныхъ инородцевъ. Говорятъ, что огнецъ не поражаетъ будто бы дѣтей, потому что тайгану не дано надъ ними власти.

На утро еще сильнѣе растревожился онъ. День выдался сѣрый, мглистый, небо заволокло облаками, и хотя барыня шла, повидимому, легко и бодро, эта бодрость, послѣ вчерашняго утомленія, и тревожила особенно Демьяна. Много разъ случалось уже наблюдать ему такую обманчивую бодрость, смѣняющуюся затѣмъ потерей силъ у тѣхъ, на кого злой тайганъ насылаетъ свой огнецъ. Зорко всматривался онъ въ лицо своей спутницы, чтобы уловить на немъ тревожные признаки, страшно дѣлалось ему при этомъ, но каждый разъ страхъ его оказывался напраснымъ и бродяга благодарилъ Господа. Безкровныя губы оставались такими же, какъ всегда, за то блѣдное лицо даже румянилось слегка отъ ходьбы и свѣжаго воздуха. Радоваться сталъ Демьянъ, повеселѣлъ даже, преобразился совсѣмъ, какъ будто и не хмурый сталъ. Ни дождя не было, ни болѣзни, — бо́льшая часть пути была пройдена къ вечеру, оставалось уже немного и, радуясь, Демьянъ сталъ даже похваливать свою спутницу.

— Ишь, ты какая проворная, барыня! — весело говорилъ бродяга, сидя у разложеннаго костра и мѣшая въ котелкѣ похлебку. Онъ устроилъ уже такое же ложе, какъ вчера, но Марьѣ Сидоровнѣ сегодня спать не хотѣлось, не чувствовала она такого утомленія, была весела и говорлива. — Совсѣмъ проворная! — говорилъ Демьянъ. — Сколько пути пройдено, а ты и ничего, ровно бы бродяга старый! Жутко, знать, на чужой сторонушкѣ, тянетъ въ свою... Ну, да слава Осподу, недалече до скита-то, оттудова выберешься скоро...

— Спасибо тебѣ, Демьянушка,—ласково и тепло отвѣтила ему барыня. На душѣ у нея было какъ-то особенно легко и хорошо теперь, точно бы опьянѣла она слегка отъ сознанія близости людского жилья.—Какъ и благодарить-то тебя, не знаю,—продолжала она такъ же ласково.—Ровно бы родной отецъ ты мнѣ, столько ты для меня сдѣлалъ... Вотъ далъ бы Богъ только добраться...

— Доберешься, милостивъ Осподь!—хмуро подхватилъ бродяга, какъ бы желая прервать эти ласковыя слова теплой благодарности. — Доберешься! Только не велика моя заслуга передъ тобой, — какая христіанская душа не поможетъ въ тайгѣ путнику? А сильно, чай, барыня, хочется тебѣ въ свою сторону?—улыбнулся онъ снова весело.

— А кому же не хочется, Демьянъ?—съ тихою грустью отвѣтила она ему.—Развѣ тебѣ не хочется?

Нахмурился бродяга.

— Не у всякаго есть она, своя сторона!—отвѣтилъ онъ.

— У тебя нѣтъ? — спросила она живо и сейчасъ же пожалѣла, понявъ, что затронула больную рану, — такъ мрачно стало лицо Демьяна. Помолчалъ онъ и сурово покачалъ головой, наконецъ.

— Нѣтъ у меня сторонушки, барыня! — такъ скорбно отвѣтилъ бродяга, что у той сжалось сердце.—Была она, да нѣтъ ея!...

— Ну, а теперь опять будетъ. Будетъ, Демьянъ! Не отпущу я тебя, какъ доберусь къ отцу! — страстно говорила Марья Сидоровна. — Будешь жить ты у насъ на покоѣ.

Разгладилось лицо стараго бродяги, улыбнулся онъ и покачалъ головой.

— Спасибо тебѣ, барыня,—сказалъ онъ.—А только быть этого не можетъ.

— Почему не можетъ?

— Потому не можетъ, барыня, что не усидѣть мнѣ у тебя... Нѣтъ, не усидѣть!... Ничего, думаешь, столь годовъ бродяжить?—много оно значитъ-то!... Забродяжилъ я уже, духъ во мнѣ такой сталъ, старый я бродяга... А бродягѣ только и житья, что тайга-матушка, да степь вольная... Такъ оно, барыня ласковая, спаси тебя Осподь!—мягко говорилъ Демьянъ, глядя на нее ласковымъ взглядомъ.—Бродяга все равно что вотъ звѣрь, али птица: перебьется кое-какъ зимушку,—все равно гдѣ,—ну, а чуть тепло дохнетъ, съ первой травкой онъ и въ путь бредетъ... Ровно бы птица въ лётъ... Тянетъ его волюшка, тайга манитъ, степь, сказываютъ, кличетъ... Такъ и люди баютъ: птичій стрекотъ—бродяжій зовъ... Вотъ, развѣ, помирать къ тебѣ приду, коли пустишь!

Поспѣла похлебка, похлебали они, да обоимъ не до спа было. Много думушекъ забродило въ головѣ стараго бродяги, разбуженнаго лаской, размякъ онъ какъ-то, точно бы разнѣжился, и само собой стало вспоминаться многое, связанное съ бывшею когда-то и у него «своею сторонушкой». А Марьѣ Сидоровнѣ его жаль было, и такъ жаль, что эта жалость, казалось, сонъ прогнала. Давно уже спала Сашурка, завернутая въ теплую кошму, а она все сидѣла у костра, жалѣя и какъ бы раздумывая, чѣмъ приласкать и отблагодарить этого добраго скитальца. Жаръ

разливался по ней отъ костра, душно какъ-то становилось, особая слабость, похожая на сонную истому, охватывала ее, а сна, все-таки, не было.

— А знаешь, Демьянъ,—какъ бы каясь, сказала она,—знаешь, я прежде боялась тебя... страшно боялась...

— Знаю, что боялась! А ты не спишь еще?—удивился тотъ, разбуженный отъ думушекъ.

— Не спится, — отвѣтила она.—Все, вотъ, о тебѣ думаю... Жалко мнѣ тебя... И какъ подумаю, что я боялась, такъ...

Тронули эти слова Демьяна, но онъ не выдалъ себя и отвѣтилъ спокойно:

— Всякъ, барыня, бродягъ боится, потому грѣха отъ нашего брата много бываетъ... Иной разъ бродягѣ-то и идти не куда, какъ только на грѣхъ... Каторжная жизнь, ну, и озвѣрится человѣкъ... Опять и видъ страшливый.

— А ты давно бродяжишь?

— Давно, барыня хорошая, скоро и счетъ забудешь.

— Отчего-жъ ты сталъ бродягою?

Помолчалъ Демьянъ и отвѣтилъ глухо:

— Отъ грѣха своего... Вотъ отъ чего, а ты жалѣешь.

— Жалѣю, Демьянъ, всѣмъ сердцемъ жалѣю, какой бы грѣхъ ни былъ на тебѣ... Не вѣрю я, чтобы ты могъ на зло пойти когда-нибудь.

— Не вѣришь, а вотъ же ходилъ я на зло,—такъ же глухо отвѣтилъ бродяга.—И на самое лютое зло.

— На какое же?

— Долго разсказывать, добрая барыня.

— Разскажи, Демьянъ,— почти взмолилась она, — все

равно мнѣ не спится. Ты мнѣ теперь что родной сталъ и все я знать хочу... И тебѣ легче станетъ самому.

Екнуло что-то отъ этихъ словъ и тона ихъ въ сердцѣ бродяги и разлилось въ немъ небывалымъ тепломъ. Какъ бы чудесное что-то крылось для него въ этой ласковой просьбѣ жалѣвшей его женщины, и онъ не могъ противустоять ей. Сами собой какъ-то раскрылись уста вѣчно хмураго, молчаливаго бродяги, оживленнаго теплою, любовною лаской. Онъ помолчалъ нерѣшительно, крякнулъ, поправилъ въ кострѣ сучья и началъ:

— На лютый грѣхъ пошелъ... Давно это было... Годовъ тридцать,—сказалъ онъ, подумавъ.

— Это, значитъ, меня на свѣтѣ еще не было,—вставила Марья Сидоровна.

— А тебѣ кой будетъ?

— Двадцать девять, Демьянъ, стара я...

— Ну, за годъ, значитъ... Было мнѣ въ тѣ поры годовъ 23, а то и 24, — плохъ на счетъ я памятью... Ражимъ, говорили люди, парнемъ былъ, видный изъ себя, да на грѣхъ только... Есть, знать, барыня, люди такіе, что на грѣхъ только и родятся на свѣтъ... Осподня воля, знать!—грустно вздохнулъ бродяга.—Какъ въ Писаніи сказано на счетъ этого, знаешь ты, чай? — спросилъ онъ пытливо.

— Въ Писаніи сказано, что мы всѣ въ грѣхѣ родимся и что каждому дана воля творить или не творить зло,— отвѣтила Марья Сидоровна.—А только и еще сказано тамъ, Демьянъ, что грѣхи свои человѣкъ искупить можетъ раскаяніемъ.

— Такъ оно!—задумчиво и хмуро сказалъ бродяга. — Осподь милостивецъ, можетъ, и помилуетъ на томъ свѣтѣ... Можетъ, и простится на томъ свѣтѣ грѣшнику... Ну, а только пока живъ человѣкъ, нѣтъ ему на землѣ прощенія... Такъ я полагаю, барыня?

— Отчего же?... Развѣ люди не прощаютъ?

— Люди-то простятъ, да душа не проститъ, вотъ что! Богъ не попускаетъ... Такъ ужъ человѣку, знать, дадено, чтобъ онъ завсегда свое зло помнилъ на землѣ... Вотъ, хоша бы я, къ примѣру.. сколь перебродилъ свѣту, а все свое зло помню... Въ тайгѣ-ль, вотъ, въ степи ли, все душа его поминаетъ и нигдѣ съ нимъ не укрыться... Нигдѣ, до самой твоей смерти!—вздохнулъ бродяга, и глубокая скорбь почуялась въ его вздохѣ.

— Это и есть раскаяніе, Демьянъ,—сказала растроганная Марья Сидоровна.—Какое-жъ зло сдѣлалъ ты?

— Какое зло, спрашиваешь? Самое лютое, барыня: на благодѣтеля своево руку поднялъ, загубить хотѣлъ. Вотъ какое зло!—мрачно отвѣтилъ бродяга.

— Но не загубилъ? — съ тревогой спросила Марья Сидоровна.

— Нѣтъ, не загубилъ,—Осподь милостивецъ не попустилъ злодѣйства, руку окаянную удержалъ.

— За что же ты убить хотѣлъ?

— А вотъ слушай, коли на то пошло,—сказалъ Демьянъ, помолчавъ немного. — Можетъ, и жалѣть меня тогда не станешь. Сиротой росъ я, безъ отца, безъ матери, хлѣбомъ побирался, одна тетка, слышь, у меня была, да и та побиралась. И пожалѣй меня, мальчонка, купецъ

одинъ, доброй души человѣкъ былъ, первѣющій богачъ на всю округу и слава про него хорошая межъ людей далеко ходила. Видитъ, что будто не плохъ мальчонка, и пожалѣлъ меня, благодѣтель мой, къ себѣ взялъ и къ дѣлу приставилъ. Перво-наперво къ приказчику своему отдалъ, чтобъ обучилъ меня по торговой части, ну, а черезъ сколько лѣтъ, когда обучился я у приказчика, къ себѣ взялъ въ подручные. Полюбился я, слышь, ему за вѣрность да за расторопность свою, и надумалъ онъ, благодѣтель мой, меня человѣкомъ сдѣлать... Да лучше бы не надумывалъ... Съ того и грѣхъ пошелъ, что купецъ меня къ себѣ взялъ... Отплатилъ я тутъ благодѣтелю!»

Съ сердцемъ сказалъ это бродяга; больная горечь звучала въ его голосѣ, нахмурился онъ и замолчалъ, точно вспоминая.

«Какъ пріѣхалъ къ нему въ домъ отъ приказчика, съ того и грѣхъ пошелъ,—повторилъ онъ глухо, послѣ раздумья.—Была, слышь, хозяйка у него, изъ хорошей семьи взялъ онъ ее, изъ купецкой, и добрая была, ласковая, смирная, съ лица пригожая, ровно бы красавица писаная... Съ тобой вотъ, слышь, схожа была, барыня,— говорилъ бродяга, всматриваясь въ лицо слушательницы,— больно схожа по облику-то, только вотъ глаза у тебя темные, не тѣ глаза, да видиѣй она была съ тѣла, дебелѣй и ростомъ словно повыше тебя; ну, извѣстное дѣло, житье привольное, купецкое, въ холѣ жила... За схожесть-то эту самую и полюбилась ты мнѣ теперь. Инда въ страхъ меня кинуло, какъ увидалъ я тебя впервой, глазъ, слышь, отвести не могъ... Все покойница, царство ей небесное,

вспоминалась; такъ думаю, что Осподь, знать, наказать хотѣлъ меня, схожество наслалъ... А можетъ и перстъ тутъ Осподень былъ, чтобы, значитъ, въ бѣдѣ твоей не кинулъ я тебя»,—въ раздумьи сказалъ бродяга.

Поняла теперь Марья Сидоровна, почему такъ упорно слѣдилъ за ней Демьянъ, пугая ее своимъ загадочнымъ взглядомъ. Жаръ становился все сильнѣе, такъ и разливался по ней пламенемъ, дышалось ей тяжело, голова точно бы кружилась, но, возбужденная, она жадно вслушивалась въ разсказъ, вся превратившись въ одно напряженное вниманіе.

«И попутай меня страшный грѣхъ,—продолжалъ какъ бы про себя, въ раздумьи, Демьянъ,— полюбись мнѣ хозяйка-то!... Чуяла душа моя, что великій грѣхъ мужнюю жену любить, понималъ-атъ я, что не ровня ей, купецкой женѣ, самъ себя дуракомъ зову, да надъ собой издѣваюсь: зарится, молъ, ворона на лебедя,—а ничего съ собой подѣлать не могу,—силъ моихъ нѣту... Умъ помутился; пройдетъ, слышь, она,—меня, окаяннаго, въ дрожь кинетъ, воровскихъ своихъ глазъ отвести не могу, такъ бы и кинулся за ней волкомъ... Голоса ея слышать не могъ, разумъ терялъ, самъ не свой дѣлался, живъ ли, не живъ — не знаю, вотъ какъ попуталъ меня, злодѣя, дьяволъ... И Бога забывать сталъ, одна только дума на сердцѣ была, какъ бы ее увидать... Ночей не сплю, съ лица спалъ, дѣло свое запустилъ; купецъ въ тѣ поры въ разѣздахъ былъ, по торгамъ ѣзжалъ, такъ на мнѣ-то много дѣла стояло...

«Таилъ я свой грѣхъ про себя, — говорилъ дальше

бродяга, послѣ недолгаго молчанія, — тапилъ, да только, знать, не утаишь грѣха,—вижу я, что хозяйка ровно бы примѣчать стала... Жили они вдвоемъ ладно, — ужъ такъ жили, точно бы голуби,—жалѣлъ онъ ее и она его уважала; какъ слѣдовало, хорошо жили... Объ одномъ, слышь, убивались, что Осподь дѣтокъ не давалъ, и купецъ тужилъ, а сама и того пуще... Извѣстное дѣло, какъ дѣтей не хотѣть: птица—и та ради птенцовъ гнѣздо вьетъ... Такъ вижу я, что хозяйка ровно бы запримѣтила грѣхъ мой, разглядѣла, что я, окаянный, на красоту ея зарюсь... Ласковая была, привѣтливая, а тутъ какъ рукой сняло, разсердилася; слова не кинетъ, хмурится, гнѣвная стала... И все ей не такъ, что̀ ни сдѣлаю, что̀ ни скажу, на все хмурится, обѣгаетъ меня, глазъ поднять не хочетъ, — зачуяла, знать, грѣхъ мой... И что-жъ ты думаешь? Замѣсто, чтобы грѣхъ свой унять, предъ Богомъ покаяться,—какъ увидалъ я, что запримѣтила она, еще сильнѣй распалилъ меня дьяволъ, совсѣмъ умъ помутилъ... Жисти не радъ былъ, сколько разъ руки на себя наложить хотѣлъ, да только откладывалъ все, чтобъ на нее поглядѣть, — дай, думаю все, еще разокъ погляжу... Только и думка такая была, тѣмъ и спасся...»

Онъ замолчалъ вдругъ и, уставившись въ пылавшій костеръ, машинально сгребалъ горѣвшіе сучья. Трудно доставались ему эти воспоминанія и за ними онъ, казалось, совсѣмъ забылъ о слушательницѣ.

— Что же, Демьянъ?—потревожила нетерпѣливо его думы Марья Сидоровна.

Онъ не поднялъ головы, не шевельнулся и, все такъ же

всматриваясь неподвижно въ костеръ, продолжалъ глухимъ голосомъ:

«Ну, вотъ, разу одново,—хозяинъ на ту пору въ отъѣздѣ былъ,—заходитъ она въ лавку товаръ для дома взять. Набрала что нужно было, да и стала въ дверяхъ на улицу, а тамъ купчиха одна съ приказчикомъ какъ разъ съ гостинъ шли... Смотритъ она, да и зоветъ Митюшку,—мальчикъ у насъ въ лавкѣ былъ, къ дѣлу пріучался. «Гляди, говоритъ, Митюшка, виданое ли дѣло, чтобы купецкая жена да съ наёмнымъ своимъ по гостинамъ ходила? Срамъ одинъ, говоритъ, какой нонѣ свѣтъ сталъ... Всякій наёмникъ—безъ роду, безъ племени—ишь что въ голову забираетъ!» Какъ услыхалъ я это слово, такъ меня ровно ножомъ полыснулъ кто,—понялъ я, что не къ Митюшкѣ, значитъ, ея рѣчь, а ко мнѣ была... Стою это я, ровно зарѣзанный, а она взглянула искоса, увидала, что на мнѣ, знать, лица не было, зарумянилась, сдвинула брови гнѣвно и прочь пошла. И что со мной было тутъ, я и сказать тебѣ не могу. И думалъ—не думалъ, и глядѣлъ—не видалъ, и слыхомъ—не слыхалъ, ровно бы живой и мертвый былъ... И сколь я такъ стоялъ, тоже не знаю... Помню, слышь, что заперъ лавку, отнесъ ключи, какъ слѣдовало, да самъ подъ ея окнами въ амбаръ пошелъ, ровно бы кто меня силой толкалъ туда... Какъ попалъ, зачѣмъ, ничего не знаю, а только, пришедши, скорѣй поясъ снялъ, на перекладину закинулъ, да петлю вязать сталъ... И сдавалось мнѣ такъ, что не самъ я, а кто другой за меня все дѣлаетъ... Пробую это я петлю рукой, вотъ, ужъ и голову просуну, анъ, тутъ скрипнула дверь

и заявись она передо мною. Смекнула, слышь, что не на добро человѣкъ въ амбаръ пошелъ, прибѣжала... «Что надумалъ, говоритъ, оглашенный?» — да хвать меня за руку, а сама бѣлая вся, трясется да глазами поводитъ... Рвусь это я къ петлѣ-то, умъ помутилъ дьяволъ, а она не пущаетъ, слышь, тянетъ меня да все кричитъ... Ужъ что тутъ было... что говорилъ я... что она... а только съ той поры промежъ насъ и грѣхъ пошелъ...»

Осѣкся голосъ у бродяги и послѣднія слова онъ произнесъ такимъ глухимъ шепотомъ, что Марья Сидоровна скорѣе, казалось, угадала ихъ, чѣмъ разслышала. Озаренный огнемъ костра, его скорбный образъ, съ низко опущенною головой, судорожно сжатыми на колѣняхъ руками, ясно выступалъ изъ навислаго кругомъ ночного мрака, тая въ себѣ столько горя, что невольно, само собою, сжималось сердце. Долго просидѣлъ онъ такъ молча, ничего не видя, не двигаясь, точно истуканъ, весь уйдя въ свои скорбныя думы. Марья Сидоровна смахнула скатившуюся слезу и тоже задумалась... Плохо она чувствовала себя, а не могла не слушать,—слишкомъ занялъ ее разсказъ Демьяна.

— Вотъ какъ любилъ ты, Демьянъ!—вздохнула она въ раздумьи, какъ бы завидуя инстинктомъ такой сильной любви, не выпавшей на ея, тоже скорбную, долю. Чего бы не дала она за такую любовь, которая одна, казалось, могла уже все оправдать собою!—Вотъ, какъ любилъ!—повторила она, снова вздохнувъ, но бродяга врядъ ли слушалъ ее.— Что же дальше было, Демьянъ?—спросила Марья Сидоровна, горя нетерпѣніемъ и тяготясь молчаніемъ.

— Дальше?—онъ поднялъ въ раздумьи голову,—а даль-

ше вотъ что, барыня,—продолжалъ бродяга совсѣмъ глухимъ голосомъ.—Понесла она, а только не въ радость себѣ... Купцу-то радость была, шибко веселый сталъ,—ну, а ей только больше слезъ отъ того веселья его было... Все, сердешная, спаси ее Осподь, слезы лила, обо всемъ убивалась... И за срамъ свой, и за грѣхъ, и за то, что мужа въ обманъ ввела, а меня, окаяннаго, на глаза не пускала: какъ понесла она, такъ и видѣть не могла... И жалко мнѣ ее было, и зло разбирать стало, потому сильно ужъ затянулъ меня грѣхъ, и жисть безъ нея была не въ жисть... Коритъ она меня,—уйди, молитъ, чтобъ и слыхомъ о тебѣ не слыхала, и видомъ не видала, грѣхъ свой забыла,—а меня только пуще дьяволъ мутитъ, да на зло толкаетъ... И въ день, и въ ночи, и во всякъ часъ мутитъ меня окаянный: «Твоя она,—въ уши свиститъ,—и дитё твое, а мужъ-атъ одна вамъ помѣха!» И все только одно это на умъ идетъ, другой думы нѣтъ,—знать, совсѣмъ помутилъ меня нечистый, душу мою сгрёбъ окаянную... Въ такую злость вогналъ меня супротивъ благодѣтеля мово, что не знаю, слышь, какъ меня земля носпла... Тутъ вотъ и надумалъ я лютое дѣло... На благодѣтеля своево надумалъ руку поднять...

«Ужъ и не знаю, въ какой-то разъ пришла она, царствіе ей небесное, молить меня, окаяннаго, чтобъ ушелъ я отъ нихъ, а только пообѣщалъ я въ тотъ разъ, поуспокоилъ... «Ладно, говорю, на утресь разсчетъ возьму, уйду съ глазъ твоихъ!», а у самого другое уже на умѣ стоитъ, такъ и переливается злость-то по жиламъ... Былъ у насъ въ лавкѣ ножъ большой, навострилъ я его, да и спряталъ

до ночи... Какъ полегли всѣ, я, молъ, самъ не самъ, взялъ ножъ, да и побрелъ на хозяйскую половину... И дивно мнѣ было, что и знаю я ровно, куда и зачѣмъ бреду, и ровно бы не знаю, и страшно мнѣ, и не страшно... Такъ, ровно бы самъ другъ съ кѣмъ шелъ,—я и другой-ать у меня въ нутрѣ сидѣлъ... Я-то иду и ничего не знаю, а тотъ знаетъ, мнѣ-ать страху нѣтъ, а ему страхъ... И холодъ такой меня пронялъ, ровно бы я лядяной сталъ, и въ головѣ холодъ, и въ нутрѣ холодъ, зубъ на зубъ не попадешь... Вступилъ это я въ горницу, вижу—дверь въ опочивальню открыта, свѣтъ отъ кіота идетъ, немного пройти; а только заслышала она шагъ мой, схватилась, какъ была, и выбѣжала на встрѣчу... Глянула, сердешная, и все какъ есть поняла. Схватила это она меня, руки цѣлуетъ, ласковыя слова говоритъ, молитъ, чтобъ оставилъ зло, а я, слышь, ровно бы каменный, ничего не слышу, ничего знать не хочу, все толкаю ее, чтобъ пустила меня... И сталъ тутъ меня какой-то смѣхъ разбирать,—дьяволъ, знать, смѣялся во мнѣ. Смѣюсь это я и со смѣхомъ говорю ей: «Пусти, глупая, говорю, не будетъ намъ помѣхи... Наше дитё будетъ!»—да тутъ ужъ самъ Осподъ вступился... Проснулся мужъ, выбѣжалъ, смотритъ со спа, а у меня ножъ-ать въ рукѣ блеститъ, да только рука не поднимается, ровно плеть виситъ... Осподь, знать, руку на тотъ часъ отнялъ, чтобы грѣха не допустить... Стоитъ онъ и я стою, трясетъ меня, зубы стучатъ, съ мѣста ступить не могу, а хозяйка промежду насъ на колѣняхъ кается и прощенья проситъ... Закричалъ онъ тута, кинулся ножъ вырывать, да какъ хватитъ меня въ грудь, я словно бы

снопъ соломенный свалился, такъ и лежалъ, пока руки вязали... Ну, а тамъ, извѣстно, въ острогъ повели...»

Замолчалъ бродяга, точно бы голосъ пропалъ у него, и понурилъ низко голову.

— Вотъ мой грѣхъ!—прошепталъ только.

— А съ нею-то что?... Съ нею что сталось?—лихорадочно спросила Марья Сидоровна, задыхаясь отъ волненія.

— Съ нею?... А вотъ что съ нею было, барыня, въ острогѣ опосля слыхалъ. Съ нею было, что не простилъ купецъ, отъ себя прогналъ и укрылась она, горемычная, въ юртѣ остяцкой, у остяка знакомаго... Тамъ и дочку родила, и померла тамъ, родимши, царство ей небесное! Сказывали, шибко купецъ убивался, полетѣлъ, слышь, къ ней, какъ прослышалъ, что въ хворости мается, и прощенье далъ, а дитё къ себѣ замѣсто своего взялъ,—шибко ему тоже дѣтей хотѣлось... Съ той поры и не видалъ я того мѣста, не стало у меня своей стороны.

Снова угрюмо замолчалъ бродяга,—щемящая боль засверлила въ его закаленномъ, казалось, сердцѣ, картина за картиной вставала ярко въ возбужденной разсказомъ памяти, ниже и ниже склонялась его сѣдѣвшая голова... Видѣлъ онъ и роковую петлю, чуялъ горячія ласки и любовныя рѣчи, видѣлъ, какъ сверкалъ ножъ при трепетномъ свѣтѣ кіотной лампады, какъ молила она и каялась, видѣлъ, казалось, и одинокую юрту, гдѣ на вѣкъ застыли дорогія ему черты... И что-то закипѣло въ его богатырской груди, что-то горячее и острое поднимало ему грудь, сжимало сердце и, неудержимо поднимаясь выше, рвалось наружу. Но силенъ былъ человѣкъ, не поддался, ничто не

прорвалось, только еле слышный вздохъ разжалъ эти плотно сжатыя губы и потонулъ безслѣдно въ тихомъ шепотѣ горѣвшаго костра... А у Марьи Сидоровны давно уже текли по щекамъ слезы, еще больше стало ей жаль этого горемычнаго скитальца, искупившаго такою крупною цѣною свой грѣхъ, въ которомъ многое прощало ея доброе сердце... Голова у нея кружилась все сильнѣе, въ вискахъ стучало, жаръ смѣнился легкимъ ознобомъ, она завернулась въ кошму и, заворачиваясь, почувствовала вдругъ необычайную слабость, но при этомъ, все-таки, спросила еще:

— Ты не былъ тамъ... развѣ не тянуло тебя, Демьянъ?

— Зачѣмъ, барыня?

— А дочь?

— Нешто есть дочь у бродяги?—глухо отвѣтилъ Демьянъ дрогнувшимъ голосомъ.—Не признала бы меня, купецкая она теперь дочка, богачиха, поди, на весь край остяцкій...

— Край остяцкій,—въ раздумьи проговорила Марья Сидоровна, слабѣя все больше и больше,—она не спала, но отъ озноба, что ли, соображала, казалось ей, хуже.—Край остяцкій... А, вѣдь, Демьянъ, и я оттуда родомъ... Тамъ и матушка схоронена... Оставила она меня спротой, родивши...

— Красноярская, слышь, сказывала? — въ удивленіи схватился бродяга.

— Въ Красноярскѣ отецъ торгъ повелъ, какъ подрастать стала,—говорила Марья Сидоровна, кутаясь все больше.—А родилась я въ —скомъ посадѣ, тамъ отецъ пушнину скупалъ.

Закутавшись, не видала Марья Сидоровна, какъ вскочилъ Демьянъ, словно ужаленный,—не видала, какъ поблѣднѣлъ онъ и ровно мертвецъ стоялъ надъ костромъ... Да еслибъ и видѣла, не разглядѣла бы,—все у нея спуталось въ глазахъ отъ одолѣвшей слабости. Таяла она, казалось, совсѣмъ въ какой-то болѣзненной истомѣ.

— Пушшшу скупалъ!—долетѣлъ до нея, вдругъ, чей-то глухой, точно изъ подземелья, совсѣмъ, казалось, незнакомый голосъ.—Пушшшу!... А какъ звать отца-то?!

— Русановъ звать,—чуть прошептала она совсѣмъ ослабѣвшими устами.

— Сидоръ Карпычъ?!

— Да... Ты зналъ его?...

Она не договорила. Невыразимая слабость одолѣла ее всю, затуманила память, сковала уста... Налетѣлъ, казалось, сонъ, но какой-то странный, болѣзненный сонъ, оставлявшій почему-то нетронутымъ одинъ слухъ. Чей-то крикъ, похожій на хриплый стонъ, прорѣзалъ воздухъ и она ясно разслышала его, но не могла уже шевельнуться. За то она разслышала, какъ на этотъ стонъ отозвалось все окрестъ, какъ заскрежетали, казалось, столѣтніе кедры, застонала въ отвѣтъ глухая тайга, какъ, испадая съ высокаго неба, съ тихимъ шумомъ закружились надъ ней плавно сѣрыя тучи... Ей почудилось, наконецъ, что гдѣ-то совсѣмъ близко лѣсной звѣрь зарыдалъ надъ ней человѣческимъ рыданіемъ... Затѣмъ, все слабѣя и слабѣя, она медленно и безслѣдно растаяла, казалось, въ этомъ скрежетѣ, стонѣ и рыданіи, какъ таетъ синяя даль въ дымчато-сѣрыхъ волнахъ заклубившагося тумана...

А вверху блестѣлъ клочокъ синяго неба... Въ черной рамкѣ, очерченной темными силуэтами кедровъ, съ полусіявшей ночной синевы сверкали въ таёжную мглу звѣзды и тихо дрожали точно бы отъ подувшаго сиверка, разорвавшаго тучи и морозившаго тайгу. Эти дрожавшія звѣзды точно шептали что-то сердцу бродяги, все еще охваченному ужасомъ; эта полусіявшая синева тоже какъ будто таила въ себѣ что-то для него роковое... Чье-то незримое дыханіе, казалось, слѣдило за нимъ оттуда и, властное, таинственное, неподкупное, неотступно ставило ему все одинъ и тотъ же страшный вопросъ, заданный ослабѣвшими устами... И ночная мгла, и пламя костра, и молчаливые кедры, и вся тайга, сливаясь въ общій хоръ, точно повторяли ему все одно и то же страшное: «Ты зналъ его?»

Зналъ ли онъ?... Что же другое вырвало бы изъ его груди этотъ больной стонъ, похожій на вопль раненаго звѣря, и эти страстныя слезы?... Тридцать лѣтъ скитаясь, развѣ забылъ онъ, какъ поднялъ на него руку, какъ блестѣлъ его ножъ при трепетномъ свѣтѣ кіотной лампады? Развѣ забылъ онъ свой грѣхъ предъ нимъ и предъ тою что валялась на колѣняхъ въ ту страшную ночь, моля и каясь? Нѣтъ, онъ никогда и нигдѣ не забывалъ!

Зналъ ли?—спросила она... А что же, какъ не то, что онъ зналъ, такъ влекло его къ ней, воплотившей въ себѣ дорогія, любимыя черты?... Развѣ охватилъ бы его такой ужасъ, не знай онъ? Да, онъ зналъ, окаянный!... Онъ знаетъ теперь тоже и кто она сама, и чьи это у нея черныя, «совсѣмъ не тѣ» очи... Нѣтъ, грѣшно ему,—онъ не мо-

жетъ знать, не долженъ,—хотя его сердце стучитъ ему немолчно, хотя онъ съ трепетомъ чуетъ здѣсь невидимый Божій перстъ!... Онъ не стоитъ, чтобы знать, а ей?... Ей не нужно! Зачѣмъ ей бродяга?

Теплыя слезы оросили лицо бродяги; онъ овладѣлъ собой, наконецъ, и, не отводя глазъ отъ полусіявшей ночной синевы неба, широко и размашисто перекрестился.

— Не стою, Осподи! — прошепталъ онъ впервые.— А ей зачѣмъ?... Не нужно ей, горемычной... Не нужно, незачѣмъ!

Онъ упалъ на сырую, холодную землю и, припавъ къ ней горѣвшею головой, плакалъ, какъ ребенокъ, можетъ-быть впервые послѣ той страшной ночи. О чемъ онъ плакалъ: о разбитой ли жизни, объ этихъ ли очахъ, которыя онъ имѣлъ и не могъ назвать своими, не долженъ былъ,—какъ ни рвалось его сердце,—о томъ ли, что бродяга никому не нуженъ и что нѣтъ у него права даже на то, что имѣютъ и каждый звѣрь, и птица,—обо всемъ ли вмѣстѣ, — онъ и самъ бы себѣ не отвѣтилъ... Слезы текли сами собою, пока его слуха не коснулся знакомый лепетъ... Тогда онъ вздрогнулъ и поднялъ голову. Блѣдное, какъ полотно, дорогое лицо ясно выдѣлялось при мерцавшемъ огнѣ догоравшаго костра и спними, совсѣмъ темными устами давно шептало какія-то безсвязныя рѣчи.

— Христосъ съ тобою! Спишь, что ли, барыня? — въ испугѣ прошепталъ бродяга, склонившись и ощупывая пылавшую жаромъ руку.—Спишь?—повторилъ онъ громче, дрожа отъ возраставшаго испуга.

Она открыла глаза и посмотрѣла куда-то вдаль, неви-

дящимъ, безумнымъ, огнемъ горѣвшимъ взглядомъ, продолжая шептать тѣ же безсвязныя рѣчи. Демьянъ понялъ, наконецъ, и задрожалъ, какъ осиновый листъ... Владыка тайганъ дышалъ на нее и зажигалъ въ ней свой страшный огнецъ...

А вверху блѣднѣли уже звѣзды и полусіявшая синева принимала сѣроватые тоны зарождающагося утра.

И чуть засіяло оно, морозное, румяное утро, чуть задрожали въ розовыхъ тонахъ таёжныя тѣни, бродяга бережно взвалилъ ее на дюжія плечи и, тяжело ступая, побрелъ своимъ ровнымъ, бродяжьимъ ходомъ. Дѣвочка плелась рядомъ, и когда уставала, онъ подсаживалъ ее въ плетунку и несъ обѣихъ—безпамятную мать и уставшую дочь. Бѣднякъ, найдя золотой кладъ, бѣжитъ съ нимъ, не зная ни тяжести, ни устали. Не зналъ ихъ и Демьянъ. Его кладъ, посланный ему, казалось, непосредственно самимъ Провидѣніемъ, былъ цѣннѣе всѣхъ золотыхъ кладовъ на свѣтѣ...

И онъ несъ его, точно исполняя святой завѣтъ, почти благоговѣйно, попрежнему, боясь даже признаться себѣ, кого несутъ его сильныя плечи, кого такъ нѣжно сжимаютъ крѣпкія руки... Несъ таёжными долами, несъ прогалинами, карабкался на кряжи, переходилъ въ бродъ болотныя мокрины... Лепетъ ребенка разгонялъ хмурыя думы, каждый стонъ больной придавалъ, казалось, новыя силы...

«Добраться бы помогъ Осподь!—только и думалъ бродяга. — Живо въ скиту очувствуется! — успокоивалъ онъ

самъ себя. — И доставятъ куда слѣдуетъ, — упрошу ужъ скитниковъ!... Ну, а самъ... самъ далече побреду, чтобы и слыхомъ обо мнѣ не слыхала... Зачѣмъ ей бродяга? Стыдъ одинъ!... Спасибо, Осподи, что хоть открылъ мнѣ ее, поглядѣть довелось, какова она, сердешная... И въ томъ Твоя милость великая! Покаюсь дѣду въ скиту, да и на Олекшу, а не то и на Шилку... Не долго, чай, Осподи, бродить-то осталось...»

Онъ взобрался на высокую скалистую кручу и передъ нимъ раскинулось внизу необъятное таёжное море, надъ которымъ весело всплывало утреннее солнце, золотя и румяня сине-зеленыя вершины, похожія сверху на застывшія волны.

Далеко на горизонтѣ, выдѣляясь изъ бѣлесоватой мглы, синею дымкой тянулась цѣпь островерхихъ холмовъ, пестрѣя уже кое-гдѣ пятнами солнечнаго свѣта, отливавшими то серебромъ, то золотомъ, то багрянцемъ. Таёжная птица поздняго отлета купалась въ воздухѣ, перелетая внизу съ вершины на вершину, рѣя и описывая красивыя, своеобразно-прихотливыя дуги, оживляя собою этотъ дивный, широкій пейзажъ, и живой, и мертвый... Бродяжье сердце затрепетало бы отъ счастья, не мѣшай ему тревожная забота. Но Демьянъ видѣлъ только одну синѣвшую на горизонтѣ дымку зубчатыхъ холмовъ.

— Только, вонъ, туда донеси, Осподи!—взмолился онъ, осѣняя себя широкимъ крестомъ, когда зоркій глазъ уловилъ знакомыя примѣты. — Недалече будетъ уже... Не оставь меня, грѣшнаго!...

А синѣвшая дымка, все ярче заливаемая свѣтомъ под-

нимавшагося солнца, сама, казалось, двигалась ему на встрѣчу, съ каждою секундой выступая яснѣе изъ бѣлесоватой утренней мглы...

VII.

Довольно лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Совсѣмъ постарѣлъ и осунулся Сидоръ Карпычъ, не мало годковъ налетѣло и Марьѣ Сидоровнѣ. Сашутка ея, поди, совсѣмъ подросткомъ стала, но хорошо выглядѣла она теперь, живя въ покоѣ и довольствѣ подъ отцовскою кровлей. Юрій Николаевичъ давно погибъ гдѣ-то жертвой бродяжьей мести, какъ ходили слухи, и скверное прошлое, таившее въ себѣ столько больного и тяжелаго, вспоминалось ею точно въ туманѣ. Все подернуло дымкой быстролетящее время, все, казалось, залечило, одного только не тронуло, и это одно вѣчно сверлило, вѣчно сжимало болью и грустью ея доброе сердце. Никогда не умирала въ ней память о Демьянѣ, который, дотащивъ ее въ скитъ и сдавъ на руки старухамъ, упросилъ скитниковъ доставить ее по выздоровленіи до ближайшаго села, а самъ безслѣдно исчезъ затѣмъ. Куда онъ исчезъ, что сталось съ нимъ, жилъ ли, не жилъ ли на свѣтѣ, никто не зналъ. «Ушелъ, милая!— только и сказали ей скитскія старухи, когда она очнулась,—твово отца, слышь, оповѣстить хотѣлъ!»—и ничего не могла она узнать о немъ съ тѣхъ поръ, ровно бы онъ въ воду канулъ. Но часто вспоминалось ей хмурое лицо съ его скорбнымъ взглядомъ, воскресая, точно живое, вызывая на глаза слезы. Часто слышала она, казалось, глухой голосъ, передававшій ей въ сырую таёжную ночь,

у ярко пылавшаго костра, страшную повѣсть. А когда молодая весна будила къ жизни спавшую природу и, сгоняя ручьми снѣгъ, вызывала зеленую травку, а птичій слетъ наполнялъ все окрестъ стрекотомъ и гамомъ, ей всегда чудилась мрачная тайга и высокая фигура хмураго бродяги, одиноко бредущая никому невѣдомыми тропами.

Страшная повѣсть подняла въ ея душѣ цѣлый рядъ сомнѣній, лишь только она очнулась въ скиту, и смутная догадка точно бы и тогда уже зашевелилась въ ней тревожно. По крайней мѣрѣ, она какъ-то особенно старалась тогда припоминать ранніе дѣтскіе годы и все, что ей доводилось о нихъ слышать. За то, въ первый же день свиданія, когда отецъ, оповѣщенный о ея судьбѣ чьимъ-то письмомъ, прискакалъ къ ней въ село, куда доставили ее добрые скитскіе люди, и, жадно слушая разсказъ о пережитомъ, такъ сильно вздрогнулъ, такъ измѣнился въ лицѣ, узнавъ повѣсть бродяги, — ея сомнѣнія и догадки перешли для нея сразу въ непреложный фактъ. Поблѣднѣла она тогда, что-то больное почувствовала и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ей невыразимо стало жаль—какъ будто не отца, а бродягу, или обоихъ вмѣстѣ. И нисколько не удивилась она уже, когда долго крѣпившійся старикъ подошелъ къ ней темною ночью и дрожавшимъ голосомъ, сильно волнуясь, разсказалъ ей всю правду о себѣ и о Демьянѣ: «Долго берегъ я отъ тебя, Машутка, — говорилъ, точно исповѣдуясь, Сидоръ Карпычъ,—что, можетъ, и не дочь ты мнѣ. Для того изъ тундры выбрался, чтобъ не сказалъ кто... Зачѣмъ, думалъ, грѣхъ тебѣ родительскій знать?

Да, видно, Господь иначе судилъ,—нельзя мнѣ скрывать, грѣшно, какъ будто!...» Крѣпко обняла она тогда старика, называла отцомъ, говорила, что другого отца у нея и быть не можетъ, всплакнула, успокоила его, но съ того часу точно бы еще больше стало ей жаль хмураго, безпріютнаго Демьяна. Какъ ни любила она отца, а все-таки ныло ея сердце.

Ныло оно и у Сидора Карпыча. Никогда не заживала тамъ рана, связанная съ памятью о покойной женѣ, больно было сердцу точно за то, что не съумѣло простить оно, а теперь и новое прибавилось. Часто являлся передъ нимъ въ старческія безсонныя ночи образъ хмураго, нищаго человѣка, котораго точно само Провидѣніе послало нести на плечахъ любимую Машутку, покинутую и больную, и слышалъ онъ, казалось, какъ этотъ нищій-бродяга самъ разсказывалъ ему свою покаянную повѣсть. Десятки лѣтъ смыли все, что стояло когда-то между нимъ и этимъ нищимъ, а далекое прошлое, въ которомъ время самыя больныя черты затянуло тусклымъ туманомъ, все-таки связывало ихъ другъ съ другомъ. Связывало ихъ и недавнее: эта глухая тайга, гдѣ металась больная дочь, и эта покаянная повѣсть, смягчавшая, казалось, его старый грѣхъ. И старику тоже становилось жаль нищаго, безпріютнаго бродягу, не посмѣвшаго даже признаться той, кого послалъ ему какой-то святой случай, кого спасалъ, изнемогая, десятки лѣтъ искупавшаго свой юный грѣхъ невозможно-тяжелою долей. А съ этою долей, такъ или иначе, опять-таки связывало его то, что въ глухую ночь онъ крутилъ ему безсильно висѣвшія руки.

— Прости, Господи, всѣ мы грѣшны!—набожно крестился старикъ, вспоминая эту давнюю, давнюю, полузабытую глухую ночь.—На комъ грѣха нѣтъ?

Онъ вставалъ, зажигалъ свѣчу, надѣвалъ очки и бралъ какую-нибудь работу или книгу, потому что иначе, на поставленный такъ прямо вопросъ, никогда не заживавшая рана начинала ныть особенно больно.

Пріютили бы, пригрѣли у себя стараго бродягу и отецъ, и дочь; но довольно лѣтъ прошло, а Демьяновъ и слѣдъ простылъ. Ничто не говорило о немъ, кромѣ памяти, а память говоритъ и о мертвыхъ, и давно уже крестились и отецъ, и дочь, вспоминая бродягу. Но въ одну холодную октябрьскую ночь кто-то сильно постучалъ въ ворота Русановскаго дома. Кинулись на стукъ собаки, вышелъ встревоженный сторожъ и доложилъ затѣмъ хозяину, который только что было спать собрался, что какой-то странникъ его спрашиваетъ. Екнуло сердце у Сидора Карпыча, велѣлъ онъ впустить странника и самъ къ нему вышелъ.

— Что скажешь, человѣкъ Божій?—спросилъ онъ.

Поклонился въ поясъ странникъ, — молодой, здоровый парень, былъ,—и отвѣтилъ ему тихо:

— Бродяжка я, твое степенство, и другого съ собой веду, старика хвораго... Шибко спѣшили сюда, издалеча бредемъ и совсѣмъ занедужилъ старикъ въ пути, — помретъ, видно... Меня къ тебѣ послалъ,—покаянное дѣло, слышь, говоритъ, къ тебѣ есть... Пустишь, что-ль?

— Какъ звать старика?—спросилъ Сидоръ Карпычъ и губы его дрогнули.

— Демьяномъ звать, дочку твою несъ изъ тайги,—отвѣтилъ бродяжка.—Недалече тута я оставилъ его...

Застучало сердце у Сидора Карпыча. Полѣзъ въ карманъ, сунулъ деньги, не глядя, въ руку бродяжки, приказалъ лошадь запречь и засуетился.

— Бери лошадь... Вези скорѣй!

Спала уже Марья Сидоровна и не слышала, какъ подъѣхалъ Демьянъ, — не будилъ ее пока отецъ. Ввели его подъ руки,—самъ не шелъ уже,—и никто, поди, не призналъ бы въ немъ теперь прежняго мощнаго бродягу. Посѣдѣлъ, какъ лунь, исхудалъ, одни кости да кожа остались и совсѣмъ посинѣло худое лицо, ровно бы у мертвеца стало... Долго хрипѣла старческая грудь, долго не могъ онъ отдышаться.

Выслалъ всѣхъ изъ горницы Сидоръ Карпычъ и остался самъ-на-самъ съ умиравшимъ.

— Ты ли Демьянъ будешь?—спросилъ онъ, всматриваясь въ искаженныя болѣзнью черты, и сердце его застучало особенно сильно.

— Я самый, я, благодѣтель мой,—прохрипѣлъ тотъ и остановился.—Не признаешь, что ли?

Сидя, онъ старался поднять голову, но голова плохо держалась.

— Трудно признать!... И меня, поди, не призналъ бы ты сразу,—много, чай, времени-то ушло,—говорилъ Сидоръ Карпычъ, стараясь казаться бодрымъ, хотя что-то большое уже сжимало ему горло.—Что же съ тобой, Демьянушка?

— Часъ мой пришелъ, — прохрипѣлъ опять Демьянъ; трудно было ему говорить.

— Богъ милостивъ...

Какъ безсильная висѣла его голова, и тихо покачалъ ею бродяга.

— Пришелъ часъ, благодѣтель,— хрипѣлъ онъ.— Бродяга, какъ и звѣрь лѣсной, часъ свой чуетъ... Оттого и прибрелъ я... Съ покаяннымъ дѣломъ прибрелъ къ тебѣ, благодѣтель... Сними съ меня грѣхъ мой!

И, хватаясь безсильными руками за край спдѣнья, онъ силился согнуть свои слабыя колѣни. Полудѣтскій плачъ вырвался изъ его хрипѣвшей груди и судорожными всхлипами громко раздавался въ царившей тишинѣ... Спдоръ Карпычъ не сдерживалъ уже слезъ и, обнявъ его плечи дрожавшими руками, старался успокоить.

— Пусть Господь тебя прощаетъ,— говорилъ онъ,—а мнѣ нечего прощать тебя,—всѣ мы грѣшны, Демьянушка, всѣ!... Много несъ ты, много терпѣлъ,—зачтетъ тебѣ Господь...

Новымъ усиліемъ Демьянъ двинулся съ мѣста и упалъ безсильнымъ пластомъ ницъ на землю. Слабыми руками онъ хваталъ его ноги, а безсильными отъ хрипа и плача устами старался вымолить прощенье. Эти уста говорили что-то неясное о мукѣ, о чьей-то жизни, загубленной въ остяцкой юртѣ.

— И ее загубилъ... Не загибла-бъ, кабы не я!—несвязно вырывалось у него вмѣстѣ съ хрипомъ.

Но Сидоръ Карпычъ понялъ. Блѣдный, какъ его рубашка, онъ склонился низко къ рыдавшему бродягѣ и, судорожно схвативъ его за руку, почти крикнулъ ему голосомъ, въ которомъ слышалась невыразимо-больная мука:

— Не ты ее загубилъ, Демьянъ, а я... я... я... Слышишь?—Я за-гу-билъ ее, окаянный! Гордость моя!

Но Демьянъ уже не слышалъ; онъ лежалъ неподвижнымъ пластомъ въ полуобморочномъ состояніи. Сидоръ Карпычъ съ людьми бережно перенесъ его на свою постель и послалъ за лекаремъ. Полупьяный лекарь нашелъ его въ томъ же состояніи. Онъ пощупалъ пульсъ и объявилъ, что «поздно».

— Кабы раньше, можно-бъ еще поправить было... Ну, а теперь поздно,—до утра не доживетъ!

Но лекарь ошибся или не принялъ въ разсчетъ бродяжьей живучести. Къ утру Демьяну полегчало; онъ какъ будто пришелъ въ себя. Большими темными глазами бродяга уставился въ Марью Сидоровну, не отходившую отъ него весь остатокъ ночи, и, казалось, узналъ ее. Когда она прикоснулась губами къ его жесткой, морщинистой, безсильной теперь рукѣ, эта рука дрогнула, а изъ глазъ потекли слезы.

— Благослови ее, Демьянъ... И внучку благослови,— прошепталъ ему сквозь душившія его слезы Сидоръ Карпычъ, подвигая Сашурку.—Благослови внучку-то!...

Безсильная рука дрогнула еще разъ, что-то неуловимое пробѣжало по губамъ, глаза вспыхнули и — потухли на вѣки.

Вотъ что̀ бываетъ въ глухой тайгѣ и пустынной тундрѣ!—говорятъ добрые люди.

ЗАКЛЯТЫЙ КОЗАКЪ.

(ПОВѢСТЬ).

(Посвящается Виктору Александровичу Гольцеву).

Ну, и сказочникъ же былъ покойный дѣдъ, царствіе ему небесное,—такой сказочникъ, что даже въ Полтавѣ о немъ знали, даромъ что до нея отъ нашего хутора и въ недѣлю не доберешься, особенно если въ распутицу. Извѣстное дѣло—слава: ни распутицы, ни разстоянія не существуетъ для нея, такъ и плыветъ безъ удержу съ людскою молвой, какъ волна за волною... И частенько навѣдывались къ намъ добрые люди ради этихъ сказокъ. Въ Кобеляки ли ѣдутъ, въ Золотоношу ли на выборы, на крестины ли къ протопопу спѣшатъ, а, все-таки, нѣтъ-нѣтъ, да и завернутъ къ дѣду на хуторъ послушать, особенно если дѣло подъ праздники. Наставитъ тогда бабушка пироговъ съ кашей, съ капустой, со сливами, съ тертымъ макомъ и со всякою другою всячиной, а пекла она ихъ такъ, не въ похвальбу будь сказано, что даже мать-протопопица, на что ужъ, кажется, именитая дама по пирожной части была, а и то завидовала покойницѣ; принесетъ

дѣдъ изъ погреба свою знаменитую настойку «полоскунку», секретъ которой еще отецъ его, покойникъ, у гадячской попадьи на двѣ поросныя свиньи вымѣнялъ; выложатъ на столъ еще всего другого горячаго, да и кланяются, просятъ: «не побрезгуйте, молъ, гости добрые, хлѣбомъ-солью, не обижайте хозяина и хозяйку». Позакусятъ гости, покрякаютъ да похвалятъ «полоскунку», погадаютъ на какихъ такихъ «фигахъ-мигахъ» она настоена, поспросятъ, ну, и начнетъ тутъ дѣдъ разсказывать бывальщину, да такую, что малодушному человѣку лучше и не слушать, право. У самыхъ храбрыхъ, бывало, чубы кверху лѣзутъ и духъ захватываетъ, а, все-таки, каждому хотѣлось послушать,—такой ужъ покойникъ былъ мастеръ. Да что ужъ, сама пугливая предводительша, хоть и заткнетъ вначалѣ уши и причитаетъ: «ой, боюсь, ой, не разсказывайте!», а все-таки, въ концѣ-концовъ, вынетъ изъ ушей пальцы и проситъ только не поминать чорта чортомъ. «Какъ хотите, — проситъ, — поминайте его окаяннаго, а только не такъ!»—и слушаетъ... Страшное разсказывалъ дѣдъ и каждый разъ клялся, что все это сущая правда была. Такъ и говорилъ: «чтобъ у меня горло пересохло, чтобы горилки не выпить мнѣ, коли вру! — ну, а станетъ ли человѣкъ такую клятву говорить понапрасну? Оно, конечно, по нынѣшнимъ маловѣрнымъ временамъ... А, впрочемъ, лучше вотъ сами послушайте, что разсказывалъ дѣдъ подъ святой вечеръ. Набилъ онъ свою старую люльку, закурилъ, потянулъ хорошо, да и началъ.

I.

Было это еще, видите ли, за гетмана Дорошенко *), чтобы ему на томъ свѣтѣ одинѣ галушки снились, славный козакъ былъ! У насъ тогда малая зачепка съ Москвой ила,—ну, и гетманъ, вѣчная ему память, слышно было, что народъ скликать хочетъ. Какъ никакъ, а только «старшина» стала усы покручивать, въ полкахъ сабли точили и копей ковали, дивчата, какъ водится, расшитыми рукавами глаза утирали да почаще стали въ садки выбѣгать, ну, а кое-гдѣ, говорили, уже и до драки со стрѣльцами доходило дѣло... Гонцы туда и сюда скакали, по улицамъ народъ какъ пчелиный рой жужжалъ,— видно было, что не миновать горячей каши да червоннаго пива, ну, а прадѣду моему, царствіе ему небесное, лучшаго ничего и не надо было. Былъ онъ тогда войсковымъ товарищемъ и ратное дѣло любилъ больше горилки и жартованья **), хочь и ласъ былъ, по правдѣ говоря, покойникъ до молодыць и чарки, не во гнѣвъ ему будь сказано, какъ котъ на сало. Извѣстно, козацкая душа, когда во рту сухо да нельзя тебѣ освѣдомиться: тонко ли полотно на расшитой сорочкѣ, или тамъ плахта, что ли, къ примѣру, хорошо

*) Петръ Дорошенко—гетманъ правобережной Украйны, оставшейся въ союзѣ съ Польшей, когда Самойловичъ гетманствовалъ въ лѣвобережной, называвшейся „Московскою“. Дорошенко всю жизнь свою посвятилъ возсоединенію раздѣленной родины, изъ-за чего велъ долгую и упорную борьбу съ Самойловичемъ и Москвою. Народъ въ своихъ пѣсняхъ, думахъ и легендахъ считаетъ его однимъ изъ величайшихъ своихъ героевъ.

**) Ухаживанья.

соткана, то и скучно на душѣ, — на то и козакъ. И молодыци льнули къ нему, такъ льнули, какъ мухи на медъ, потому что бравый изъ себя лыцарь былъ, хоть куда, никому не уступитъ... Высокій, статный, чернявый, усъ имѣлъ длинный, за ухо закладывалъ, и рубака былъ не послѣдній, съ самимъ чортомъ биться готовъ былъ. За жениханье да чарку и прозвали его въ Сѣчи «ласымъ» *). И не разъ остерегали его товарищи: «Ой, гляди, Петро, не добромъ кончится тебѣ твое жениханье **), не доводитъ оно до добра, того и гляди, ноги перебьютъ»,— да не слушалъ, не сдавался покойникъ, пока на бѣду не наткнулся... Послѣ ужъ и самъ другихъ остерегалъ.

Такъ вотъ и радовался покойникъ, что войной запахло. Объ одномъ только Бога молилъ, чтобы въ хорошую передѣлку ему попасть, да такъ, чтобы самъ гетманъ о немъ провѣдалъ. И похвались онъ разъ въ шинкѣ за чаркою, что изъ-за этого самаго онъ и съ чортомъ подружиться бы не прочь. Такъ и сказалъ... «За это за самое,— говоритъ, — я бы ему, куцому, ни въ чемъ не отказалъ. Души, конечно, не отдалъ бы,—говоритъ, — потому душа у меня козацкая, нечистый къ ней и приступиться не смѣетъ, ну, а услугу бы всякую сдѣлалъ!» Сболтнулъ человѣкъ зря, а посмотрите же, люди добрые, что изъ этого вышло. Извѣстное дѣло, не хочешь лиха, не болтай зря глупаго слова.

Сидѣлъ въ ту пору въ шинкѣ тоже молодой козакъ въ

---

*) Лакомкой.

**) Любезничанье.

богатомъ жупанѣ и совсѣмъ какъ бы въ прадѣда складомъ: и росту такого же, и плечи такія, какъ у него, широкія, и даже съ лица схожій, только, вотъ, какъ смерть блѣдный. Ни кровинки въ лицѣ не было, а губы ровно у мертвеца, синія, не то помирать человѣкъ собирался, не то отъ тяжкой болѣзни всталъ. Ни съ кѣмъ не заговаривалъ козакъ, сидѣлъ насупившись, да тянулъ себѣ молча горилку, а какъ сболтнулъ прадѣдъ свое глупое слово, онъ посмотрѣлъ на него, покрутилъ усъ, да и поднялся.

— Вотъ,—говоритъ,—козакъ, такъ настоящій козакъ!... Люблю такихъ!... Давай,—говоритъ,—чокнемся.

Чокнулись они, да и стали пить вмѣстѣ. Пили, пили, а ужъ сколько выпили, то и самъ шинкарь Сруль не могъ сказать, счетъ потерялъ. Вышелъ послѣ того прадѣдъ изъ шинка, видитъ—буря по улицѣ мететъ, свѣтъ пылью застилаетъ, вербы до самаго низа клонитъ и его самого подхватываетъ, изъ стороны въ сторону кидаетъ, идти не даетъ. Хочетъ прадѣдъ вправо, а буря его влѣво относитъ; возьметъ онъ влѣво,—анъ, глядишь, несетъ его вправо, ровно бы языкомъ отъ колокола шатаетъ... «Цуръ тебѣ и пекъ, — думаетъ онъ, — ишь какъ нечистая сила разыгралась, чтобъ ей ни дна, ни покрышки! Оно бы слѣдовало по настоящему, — говоритъ, — куму провѣдать, ей Богу же, слѣдовало бы, да гдѣ же тебѣ дойти? Самъ чортъ,—и тотъ не дойдетъ! Вишь, какъ шатаетъ, анаоемская! Еще,—говоритъ,—не дай Боже, какой добрый человѣкъ подумаетъ, что я лишнее перехватилъ у Сруля!» Почесалъ прадѣдъ подъ шапкой, уперся на мѣстѣ, а буря

какъ заревetъ, какъ подхватитъ его... «Тю... Тю... на тебя!—кричитъ покойный,—стой, нечистая тебя возьми!»—такъ куда тебѣ, несетъ его и слушать не хочетъ, какъ ни упирался бѣдняга, да прямо и бухъ въ стогъ сѣна.

— Ну, это еще и слава Богу, если такъ,—говоритъ прадѣдъ, зарываясь въ сѣно.—Ишь, какъ нечистый расшатался, должно съ вѣдьмой женихается, проклятый, не иначе!

Зарылся онъ въ сѣно и только было глаза сомкнулъ, спать собрался, глядь, анъ, тотъ козакъ предъ нимъ стоитъ и глаза на него уставилъ.

— А я къ тебѣ, Петро,—говоритъ.

— Что же, ложись, товарищъ,—отвѣчалъ прадѣдъ.—Постель, кажись, хорошая, шире поповской будетъ...

— Не спать я пришелъ,—говоритъ козакъ,—дѣло есть. И такое дѣло, такое,—говоритъ,—дѣло, Петро, что если выручишь меня, я тебѣ крѣпко заслужу...

Вздохнулъ козакъ и такъ грустно, что прадѣду даже жалко его стало. «Ге,—думаетъ,—отчего же бы мнѣ и не выручить товарища, когда ему, знать, сильная бѣда приходитъ?»

— Какое же твое дѣло будетъ?—спрашиваетъ.

— Разведи,—говоритъ,—меня съ женою,—вотъ какое дѣло!

Даже глаза вытаращилъ отъ изумленія прадѣдъ, своимъ ушамъ не повѣрилъ.

— Эге-ге, козаче,—говоритъ,—хорошую же, значитъ, наливалъ намъ Сруль горилку, если у тебя всѣ клѣпки въ головѣ спутало... Очумѣлъ ты, что ли?... Развѣ попъ я, чтобы мужа съ женой разводить?

— И не попъ, а можешь, въ томъ-то и штука!—отвѣ-

чаетъ козакъ.—Самъ же ты похвалялся, что на все готовъ, лишь бы славу ратную взять, да чтобы гетманъ о тебѣ провѣдалъ... Ну, слушай же, сдѣлаю я все, чего ты хочешь, но и ты же выручай меня, какъ похвалялся. Вотъ тебѣ слово мое, что все будетъ такъ, какъ ты хочешь.

Разсмѣялся прадѣдъ.

— Ложись, козакъ, — говоритъ, — проспись-ка лучше, право... Ну, подумай самъ, пьяная твоя голова, какъ мнѣ можно развести васъ?

— Отбей ее у меня,—говоритъ козакъ.

Даже присѣлъ прадѣдъ и затылокъ чесать сталъ.

— Вотъ такъ оказія,—говоритъ,—чудеса, право! Сколько лѣтъ живу на свѣтѣ, чего-чего не видѣлъ, въ какихъ передѣлкахъ ни бывалъ, а еще ни разу не доводилось слышать мнѣ, чтобы мужъ самъ себѣ рога выпрашивалъ... Вотъ же, ей-Богу, ни разу...

— Не роговъ я выпрашиваю, человѣче, а свободы, потому что закрѣпощена душа моя,—отвѣчаетъ грустно козакъ.—Видишь ли, у насъ съ женой такой уговоръ былъ, что пока ей другой не полюбится, или хоть только приглянется, до тѣхъ поръ долженъ я ея рабомъ быть и душой, и тѣломъ... Ничего не должно быть у меня, кромѣ нея одной,—ни родины, ни товарищей,—словно бы здрадникъ я... Пойми же мою муку, Петро,—говоритъ,—если и на томъ свѣтѣ не должна моя душа знать покоя, если и оттуда, изъ холодной домовины *), жена можетъ вызвать ее и рабомъ дѣлать...

---

*) Могила, гробъ.

Заломилъ бѣдный козакъ руки и, вдругъ, такъ горько заплакалъ, что и прадѣдъ чуть было не заплакалъ съ нимъ вмѣстѣ. Чесалъ онъ затылокъ, чесалъ, а все никакъ въ толкъ взять не могъ,—никогда ему не доводилось такое слышать. «Вотъ такъ оказія,—думаетъ,—ей же Богу никогда такого еще на свѣтѣ не бывало, самъ Соломонъ премудрый—и тотъ не зналъ бы, что сказать тутъ, право!»

— А зачѣмъ же, козаче, — спрашиваетъ, наконецъ, — ты да такой уговоръ съ бабой, чтобъ ей трясця приснилась, дѣлалъ, а?

Вздохнулъ козакъ.

— Моя вина, — отвѣчаетъ, — полюбилась ужъ очень, очаровала, ну, и пошелъ я съ дуру на такой уговоръ... Знать, Господь наказать хотѣлъ, потому что, правду сказать, очень я ласъ на молодицъ былъ и крѣпко любилъ женихаться...

— Те, те, те,—протянулъ прадѣдъ, и посмотрѣлъ какъ-то искоса на товарища.—Вотъ оно что!

— Эге! — вздохнулъ печально бѣдняга и голову понурилъ.—Большой ласунъ я былъ...

Крякнулъ прадѣдъ да и не знаетъ, что сказать ему. Совсѣмъ не знаетъ,—даже ротъ раскрылъ и глаза выпучилъ. Покрутилъ усъ, покрутилъ да и надумалъ, наконецъ:

— А какъ будто нехорошо оно, говорятъ люди, ласовать и женихаться, козаче... Какъ ты думаешь?—спрашиваетъ, а самъ и глазъ поднять не можетъ.

— Теперь и я такъ думаю,—отвѣчаетъ печально козакъ.

— То-то, вотъ, — говоритъ прадѣдъ, и даже икнулъ, бѣдняга, такъ ошеломили его слова товарища.

Помолчали тутъ оба, помолчали, прадѣдъ все усъ покручиваетъ, а козакъ и говоритъ опять:

— Что же, Петро, выручишь ты меня или ты только на вѣтеръ, какъ баба, похвалялся въ шинкѣ? Обѣщаю я тебѣ, что все по-твоему будетъ, обѣщай же и ты мнѣ... Мастеръ, вѣдь, ты на эти дѣла,—другого такого и не найдешь, поди...

«Мастеръ-то мастеръ, чтобъ тебѣ тошно стало, — думаетъ прадѣдъ, да только какъ бы и мнѣ, чортовъ сынъ, не влетѣло за такое мастерство, какъ тебѣ... Ну, да только— нѣтъ, не такой я дурень, чтобъ уговоры съ бабой дѣлать,—держи карманъ! Да и не годится мнѣ отказываться, разъ я похвалился... Опять же и товарища какъ не выручить?»

— А злая она, твоя жена?—спрашиваетъ.

— Нѣтъ, для меня не злая, только любитъ ужъ очень, какъ пьявка вплась,—отвѣчаетъ козакъ.

— И неужто такъ-таки никому никогда и не моргнула даже?

— Въ томъ-то и бѣда, что ни разу, — вздохнулъ бѣдняга.

— Дивно мнѣ что-то,—отвѣчаетъ прадѣдъ перѣшительно,—какъ будто и не бываетъ оно такъ на свѣтѣ... Ну, да, можетъ, поганая она изъ себя?

— Нѣтъ,—говоритъ,—не поганая, видная молодица, на рѣдкость баба.

«Ишь ты какое диво!»—думаетъ прадѣдъ. Скребъ онъ затылокъ, долго скребъ, а наконецъ и согласился-таки, даже слово козацкое далъ.

— Ну, хорошо, — говоритъ, — отчего бы и не помочь товарищу, только и ты, — говоритъ, — свое обѣщаніе помни.

— Объ этомъ не безпокойся, — живо отвѣтилъ повеселѣвшій сразу козакъ.—Все будетъ, какъ хочешь... Такъ даешь слово?

— Даю тебѣ козацкое слово, — говоритъ прадѣдъ. — Только гдѣ же она, эта твоя жинка, чортъ бы ее взялъ, да и когда мнѣ?...

Не договорилъ онъ, все ему еще какъ-то дивнымъ казалось.

— И объ этомъ не безпокойся,—придетъ часъ и узнаешь,—говоритъ козакъ.—Ну, а пока спи себѣ спокойно.

Сказалъ и исчезъ, какъ въ землю провалился. А прадѣдъ залѣзъ въ сѣно, сомкнулъ глаза и заснулъ сейчасъ же. Сколько спалъ — трудно сказать, а только слышитъ, вдругъ, трясетъ его кто-то, да здорово-таки трясетъ.

— Вставай же, пьяница,—оретъ чей-то сердитый голосъ, — очнись!... Ишь какъ нализался, чортовъ сынъ!... Ну, же, тебѣ говорю, пьяница!

«Вотъ такъ лается ни за что, ни про что человѣкъ,— думаетъ прадѣдъ, не открывая сонныхъ глазъ. — Да еще и нехорошо же лается, бисовъ сынъ».

— Ну же,—тормошатъ его,—вставай, колода пьяная!... Долго ли будешь ты, всѣ чорты твоему батькѣ, какъ безпогая кобыла валяться? Три ведра воды уже на чортову голову пошло, выльемъ и четвертое.

«Хочетъ, видно, человѣкъ попробовать, сильна ли у меня рука, — думаетъ прадѣдъ, — ей же Богу хочетъ!»

Открылъ онъ глаза, наконецъ, да сейчасъ же и снова зажмурилъ,—такъ и рѣзнуло ихъ яркое солнце.

«Ишь ты, чудасія,—думаетъ,—былъ, кажись, вечеръ и вдругъ день сталъ... Можетъ, и ошиблось какъ-нибудь солнце спьяна».

— Очухался! — слышитъ онъ надъ собою прежній голосъ.—Слава Богу, добудились, открылъ, чортовъ сынъ, глаза, да снова закрылъ... Вставай же, пьяная гадюка, а не то....

Тутъ ему дали такого здороваго штурханца *), что бѣдняга волей-неволей открылъ снова глаза. Смотритъ и себѣ не вѣритъ: стоитъ ясное утро, а два гетманскихъ стража, одинъ поменьше, потолще да поспокойнѣе, а другой повыше, потоньше и погорячѣе, такъ и бьются надъ нимъ.

— Очухался, чортовъ сынъ?... Вставай же! — говорятъ ему.

— А зачѣмъ бы мнѣ и вставать?—спрашиваетъ недоумѣвая прадѣдъ.

— Слышишь, Микито,—говоритъ тотъ, что погорячѣе, тому, что потолще, — и еще спрашиваетъ, бисовъ сынъ, зачѣмъ ему вставать... Гетманъ кличетъ!

— Гетманъ кличетъ?—размышлялъ вслухъ прадѣдъ.— А зачѣмъ же бы это и попадобился я гетману?

— Вотъ такъ чудакъ, Микито, — слышишь, какой чудакъ,—удивился болѣе горячій посланецъ,—зачѣмъ попадобился гетману, спрашиваетъ... Да затѣмъ, чортовъ сынъ, чтобы повѣсить тебя на первомъ сукѣ,—вотъ зачѣмъ!

---

*) Толчокъ кулакомъ въ ребра.

— А за что же меня и вѣшать, добрый человѣкъ? — такъ же невозмутимо спрашиваетъ прадѣдъ, все еще плохо соображая.

— Не пей горилки, бисово отродье...

— Не пей горилки,—ишь, что выдумалъ человѣкъ!— отвѣчаетъ прадѣдъ. — А развѣ же я на вартѣ *) стою, что мнѣ нельзя пить горилки?

— Что-жъ, Остапъ, — вмѣшался, наконецъ, спокойный Микита, — человѣкъ этотъ правду говоритъ. Если не на вартѣ, то отчего бы ему и не выпить горилки?... На то она и горилка, чтобъ ее пить...

— Вотъ и видно сейчасъ разумнаго человѣка, — говоритъ прадѣдъ,—ей-Богу же видно... Не лается, какъ москаль или перекупка базарная, а умныя слова говоритъ... И, ей-Богу же, умныя! Какъ не пить горилки, когда на то и гонятъ ее люди?

— Ну, ну, разговаривай еще! — перебилъ его горячій Остапъ, однако, значительно уже помягче.—Сказано тебѣ, самъ вельможный гетманъ тебя кличетъ... Очухайся да иди...

— Что-жъ, и пойду, — говоритъ прадѣдъ, — отчего не пойти, — и самому гетману такъ скажу... Святая правда, люблю я горилку, ну, а кто же ее и не любитъ, люди добрые?

Подмигнулъ тутъ прадѣдъ глазомъ, да такъ ловко подмигнулъ, что даже горячій Остапъ не нашелъ словъ и и только крякнулъ какъ то въ сторону. А Микита потоптался на мѣстѣ, потоптался да вздохнулъ глубоко.

— Оно такъ, конечно,—вздохнулъ почему-то еще разъ

*) На часахъ.

Микита,—всѣ ее, проклятую, любятъ... А только, все-таки, нужно тебѣ идти, козаче... Нужно идти!...

II.

А прадѣдъ про все забылъ... И козака того забылъ, и уговоръ свой, и слово свое,—какъ рукой сняло. Такъ и отшибла у него память печистая, знать, спла. Жутко ему стало, какъ понялъ, наконецъ, что и въ самомъ дѣлѣ поведутъ его къ гетману. Сами знаете, чай, легко ли оно простому козаку было стать передъ ясными очами вельможнаго, особенно, если душа чуяла кое-что такое за собой, что не всякому по вкусу оно пришлось бы. «Чтобъ это гетману понадобилось, и какъ же онъ узналъ, вельможный,—думаетъ прадѣдъ,—что есть такой козакъ Перерубенко на свѣтѣ? Ге-ге, безпремѣнно, — думаетъ, — это Солохины каверзы, ей-Богу же ея, потому клялась вѣдьма, что и до вельможнаго доберется, какъ я съ кумой... того... — зачесалъ прадѣдъ чубъ. — А, можетъ, еще и не Солохины,—думаетъ,—можетъ Хивря, чорты-бъ ея батька взяли... тоже, вѣдь, зубъ на меня давно имѣетъ и тоже клялась... Ухъ, и липкая-жъ баба,—какъ деготь пристанетъ Ге, а вотъ же и не Хивря,—ей-Богу, не она, а дьякъ... Никто другой, какъ дьякъ, чтобъ ему подавиться, наплелъ на меня!... Такъ и есть, что дьякъ,—потому здорово садапулъ его, чорты-бъ его всѣ взяли, когда онъ застукалъ насъ въ коморѣ съ дьячихой... А, можетъ, и на дьяка напраслина, можетъ Гандзя вдова...» Но тутъ уже сплюнулъ прадѣдъ съ досады, да и сталъ оправлять на себѣ жупанъ, поясъ подтянулъ, саблю прицѣпилъ, какъ слѣдуетъ. «Много

ихъ наберется, — думаетъ, — не разберешь, которая это мнѣ подстропила, анаоемскія души, чтобъ имъ въ нѣмецкой смолѣ кипѣть, да съ нечистымъ на томъ свѣтѣ цѣловаться!... Эхъ, а правду же люди говорили, что нехорошо женихаться!» — вздохнулъ бѣдняга, да и сталъ ни живъ, ни мертвъ передъ гетманомъ. Глянулъ на него вельможный и усмѣхнулся довольный,—любилъ онъ, правду сказать, добрыхъ и рослыхъ козаковъ.

— Ты ли будешь Петро Перерубенко?— спрашиваетъ.

— Я самый, вельможный гетманъ,—отвѣчаетъ прадѣдъ съ поклономъ.—Такъ и батька моего звали...

А у самого такъ и дрожатъ поджилки...

— Такъ не онъ ли это,—онять спрашиваетъ гетманъ,— не отецъ ли твой въ Сѣчи отъ випа сгорѣлъ?

— Должно такъ, что онъ, царствіе ему небесное,—отвѣчаетъ прадѣдъ,—потому что дѣйствительно такой слухъ въ народѣ ходитъ... Опо, конечно,—говоритъ,—смерть разная бываетъ, а только всякая въ рукѣ Божіей, такъ и въ Писаніи сказано!

И самъ себѣ удивился прадѣдъ, гдѣ у него смѣлость взялась на слово такое.

— И вѣрно, что сказано, — говоритъ вельможный. — Молодецъ же ты, Петро, что чтишь отцовскую память... А твой батько лихой казакъ былъ, славный лыцарь, царствіе ему небесное, и хорошо я его помню, потому что нѣкогда мы куренными товарищами были въ кошѣ... И враги наши, должно быть, хорошо его помнятъ, потому что всегда онъ, бывало, въ первыхъ рядахъ стоялъ... Дай Богъ и тебѣ такимъ быть,—говоритъ гетманъ.

Какъ заслышалъ эти слова прадѣдъ, такъ ровно бы полведра однимъ духомъ хватилъ, даже расцвѣлъ весь... Заходило въ груди козацкое вѣрное сердце, поклонился онъ низко гетману, положилъ руку на рукоять сабли, да и говоритъ вельможному:

— Повели только, ясный гетманъ, батько козачій, только слово скажи и увидишь, что не осрамлю я памяти отцовской... До смерти стоять буду, и гдѣ велишь, тамъ и лягу головою.

Усмѣхнулся на такія слова довольный гетманъ.

— Хорошо отвѣтъ держалъ,—говоритъ,—козацкія это слова, видно, не перемерли еще молодцы въ Украинѣ... Ну, а теперь скажи мнѣ, Петро,—спрашиваетъ,—за что тебя ласымъ зовутъ?

Даже въ жаръ кинуло прадѣда и глаза въ раскосъ пошли у бѣдняги.—«Ишь ты,—думаетъ,—дьякъ проклятый что надѣлалъ!» Поперхнулся, но оправился козакъ,—нашелся.

— Не я себя зову такъ, вельможный, а люди,—отвѣчаетъ,—такъ имъ и знать за что...

Стоитъ весь красный, ровно ракъ вареный, очей поднять не смѣетъ, а гетманъ какъ засмѣется снова!

— Пусть и такъ будетъ, Петро,—говоритъ смѣючись,—вижу, ловкій ты козакъ, правду мнѣ говорили о тебѣ... Ну, да не наласовался ли ты ужъ достаточно, не пора ли за дѣло, козакъ, а?—и зорко глянулъ на него вельможный.

Сразу отлегло у прадѣда на сердцѣ.

— Не бѣгу я отъ козацкаго дѣла, вельможный гет-

манъ,—отвѣчаетъ смѣло,—укажи только... Въ адъ пошли, и туда пойду...

— Ну, въ адъ оно далеко будетъ, да и незачѣмъ пока,—засмѣялся снова гетманъ.—А пошлю я тебя, Петро, все-таки, пошлю, потому что мнѣ указали тебя какъ добраго козака, а такого мнѣ и нужно... Да и самъ я,—говоритъ вельможный,—вижу, что ты малый не промахъ. Слушай же, Петро, да хорошо слушай, а языкъ, смотри, держи самъ крѣпко за зубами... Проберись къ хану Селимъ-Гирею *) и во что бы то ни стало постарайся склонить его на нашу сторону, я и грамоту тебѣ дамъ къ нему... Въ дружбѣ съ нимъ были мы до сихъ поръ, проси же его, чтобы не измѣнилъ этой дружбѣ и подалъ намъ помощь. Если самъ не можетъ, пусть пришлетъ съ ордой сына своего Азамата... Да скажи ему, что и Сѣрко съ запорожцами теперь на нашей сторонѣ. Стоитъ же ханъ съ таборомъ **) подъ Перекопомъ,—проберешься ли ты лугомъ ***)?—и снова зорко оглядѣлъ его гетманъ.

— Проберусь, если Богъ поможетъ,—твердо отвѣтилъ прадѣдъ,—а не проберусь, значитъ, и ждать меня живымъ нечего будетъ.

— Хорошо, Петро,—говоритъ вельможный.—Такъ. Ну, а грамоту мою не отнимутъ у тебя?

---

*) Селимъ-Гирей (1671—1678)—крымскій вассалъ султана, долго воевавшій съ Москвою и помогавшій Дорошенкѣ.

**) Отрядомъ.

***) Великій Лугъ—днѣпровскія плавни, болотныя, покрытыя камышомъ, а мѣстами густыми порослями вербы, осоки и кое-гдѣ даже дуба,—въ тѣ времена, конечно.

— Развѣ у мертваго,—отвѣчаетъ прадѣдъ.

— Ни у живого, ни умертваго, слышишь, козакъ?— внушительно заговорилъ гетманъ. — Помирать будешь— смерть задержи и сначала грамоту уничтожь. Для того и совѣтую тебѣ выбрать товарища въ путь, самъ выбери,— вдвоемъ спорѣе будетъ... Ну, ступай же, козакъ, вотъ тебѣ моя грамота и пусть хранитъ тебя Пречистая... Прощай, Петро!

Пошелъ прадѣдъ веселый,—какой козакъ не повеселѣлъ бы отъ такой чести? — живо снарядился, товарища себѣ выбралъ хорошаго, побратима своего, да и вскочилъ на вороного, а конь у него былъ знатный,—у мурзы татарскаго взялъ онъ его съ бою. Не одна молодица на встрѣчу ему выбѣгала,—куды, Петро, Богъ несетъ?—спрашивала съ тревогой и глазами на садочекъ моргала, да не таковъ покойный былъ, чтобъ отъ козацкаго дѣла по садамъ шляться. Выѣхали козаки въ поле, прадѣдъ и говоритъ побратиму:

— Вотъ что́ я скажу тебѣ, Тарасъ, побратимъ мой... Ѣдемъ мы,—говоритъ, — по большому дѣлу, нужно намъ зарокъ дать, чтобы бѣды не вышло...

— Какой зарокъ?—спрашиваетъ его побратимъ, Тарасъ Квачъ.

— А такой зарокъ,—говоритъ,—чтобы перво-на-перво съ бабами не женихаться.

— Цуръ имъ и пекъ, — отвѣчаетъ одноглазый Квачъ, (другой глазъ ему вышибли въ бою ляхи).—Развѣ не знаешь ты, Петро, что я неособенно охочъ до нихъ, то-есть не такъ я, правду сказать, какъ онѣ до меня не охочи?

И правду говорилъ человѣкъ, потому хоть и славный былъ вояка, а съ виду не очень то бабамъ нравился.

— Чтобъ имъ, сорокамъ, — говоритъ,— такое приснилось, какое у чорта рогатаго бываетъ... И знать ихъ не хочу... А какой же еще зарокъ будетъ, Петро?—спрашиваетъ.

— А такой зарокъ еще,—говоритъ прадѣдъ,—чтобъ горилки не пить.

Поскребъ побратимъ затылокъ.

— Горилки не пить, вишь ты!—говоритъ, да и задумался немного.

— Эге-жъ, — отвѣчаетъ прадѣдъ. — Въ такомъ дѣлѣ нельзя иначе, побратимъ мой...

Чесалъ бѣдняга подъ шапкою, чесалъ, да и повеселѣлъ снова.

— А зачѣмъ бы мнѣ,—говоритъ, наконецъ,—и зарекаться, когда она, проклятая, чтобъ ей ни отца, ни матери не знать, и такъ ужъ какъ будто опротивѣла мнѣ вовсе?.. Ей же Богу опротивѣла,—говоритъ Квачъ и даже сплюнулъ.

— Тѣмъ и лучше, — отвѣчаетъ прадѣдъ. — Ну, а мнѣ, грѣшному, признаться не дошло до этого. Тянетъ меня, чтобъ тому въ огнѣ горѣть, кто ее выдумалъ! Ну, да я больше маленькой чарки пить не буду... Такъ, са-амую маленькую, какъ бабій глотокъ, не больше...

— Одну чарку, да еще маленькую,—говоритъ побратимъ,—оно, конечно, ничего не значитъ... А только же правду говорю я, что опротивѣла она мнѣ... Вотъ лопни глазъ мой послѣдній, если вру...

И погнали казаки коней.

III.

Ѣхали козаки, ѣхали, много пути проѣхали, всего натерпѣлись молодцы, много кое-чего насмотрѣлись, бѣду всякую видѣли, а кое-гдѣ и до сабель у нихъ доходило... Ну, да выбрались въ степь, наконецъ, сворачиваютъ уже къ Великому Лугу. И кони даже повеселѣе стали, степь почуявъ,—пофыркиваютъ широкими, горячими поздрями, идутъ себѣ вольнымъ ходомъ. Куда ни глянь, все степь, да степь одна, а надъ нею, зеленою, опрокинулось куполомъ голубое небо, точно бы необъятная бирюзовая чаша, и упирается краями въ землю. Кругомъ «ни кусточка, ни бугрочка», — вольно ходить вѣтру, и тихо колышетъ онъ высокую, зеленую траву, отчего и кажется, будто плыветъ степь, какъ вода движется... И солнце веселѣе свѣтитъ надъ степью, потому что и въ степи, какъ въ морѣ, не бываетъ тѣни,—нечему и некому закрывать свѣтъ ясный. Только отъ всадника тянется тѣнь, да отъ высокихъ степныхъ могилъ ложатся темныя пятна, но могилы такъ же рѣдко встрѣчаются въ степи, какъ и всадникъ... Вотъ и орелъ еще, когда, распластавъ широкія крылья, взлетаетъ надъ степью, кидаетъ на нее быстро улетающую тѣневую дымку...

Ѣдутъ козаки день, ѣдутъ другой, вотъ и третій къ концу подходитъ,—немного уже пути имъ осталось. Спустилось солнце, мѣсяцъ блѣднолицый показался, уже и зори тихія кое-гдѣ заалѣли,—пора привалъ дѣлать. Подъѣхали козаки къ высокой могилѣ, стреножили коней, разостлали свои свиты, сѣдла подъ головы положили, въ головахъ

какъ водится, воткнули копья, а съ боковъ пистоли поклали, да и спать собрались. Только слышатъ, вдругъ, ровно бы завыло что въ степи.

— Я не я буду, — говоритъ чуткій Квачъ,—если это не песъ воетъ.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ прадѣдъ,—быть этого не можетъ. Откуда же,—говоритъ,—и взяться псу, когда жилья кругомъ нѣтъ?... Не песъ это...

— А что же по-твоему?—спрашиваетъ побратимъ.

— Кто его знаетъ,—говоритъ,—что́,—мало ли въ степи чего водится? Разное водится...

— А вотъ же и песъ,—отвѣчаетъ побратимъ, прислушавшись,—ей же Богу песъ...

— А и не песъ!—упирается прадѣдъ. Любилъ онъ всегда на своемъ настоять.

Даже вскочилъ побратимъ.

— Не песъ—говоришь? Давай объ закладъ, что песъ! Ставь полкварты...

— Что-жъ,—и поставлю,—отвѣчаетъ упрямый прадѣдъ,—отчего не поставить. Только ставить намъ нельзя,—помнишь зарокъ, чай... Да и опротивѣла-жъ она тебѣ, говорилъ ты...

Почесался малый.

— Такъ то опо—такъ,—отвѣчаетъ,—чтобъ ею чорту подавиться!... Ну, а все-таки—песъ это...

— А вотъ же-жъ и нѣтъ!—упирается прадѣдъ.

— Ну, стой же, коли такъ,—разсердился Квачъ.—Взберусь я на могилу, да и погляжу съ нея,—можетъ, что и увижу... Посмотримъ, чья правда будетъ!..

Влѣзъ Тарасъ на могилу, оглядѣлся кругомъ, да и кличетъ весело прадѣда.

— А, ну-ка, лышень, иди сюда,—погляди, что намъ Богъ послалъ!

Полѣзъ себѣ и прадѣдъ, посмотрѣлъ вдаль, — что за диво, въ самомъ дѣлѣ? Видитъ,—такъ, въ верстѣ, не больше, — глубокая балка, а въ ней какъ бы хата стоитъ и такъ и свѣтитъ въ окна огнями.

— Что за диво?—говоритъ,—и въ самомъ дѣлѣ жилье!

— Не жилье, — кричитъ повеселѣвшій Тарасъ, — а корчма...

— Можетъ, и корчма.

— Ей же Богу, корчма,—говоритъ побратимъ,—я духомъ чую ее... Потяни, Петро, носомъ, развѣ не учуешь горилки?

Потянулъ прадѣдъ носомъ и даже сплюнулъ.

— И въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ,—какъ будто слышно... Ишь, ты, апаоемская, какъ далеко разитъ!

Сошли они задумавшись съ могилы, а Тарасъ и говоритъ ему:

— Не завернуть ли намъ въ корчму, побратимъ?... Ей-Богу же лучше завернуть... Въ степи оно, какъ будто, и не такъ, чтобы совсѣмъ хорошо почевать, да и конямъ овесъ найдется, а давно они, бѣдные, овса на видали, подтянулись на травѣ одной...

— Оно бы можно,—отвѣчаетъ прадѣдъ,—отчего же и не завернуть... Извѣстное дѣло, въ корчмѣ не въ примѣръ лучше будетъ, чѣмъ въ степи голой, да только боязно мнѣ, побратимъ,—самъ знаешь, по какому дѣлу ѣдемъ...

Тебѣ оно ничего, — говоритъ, — коли проклятая горилка опротивѣла и въ ротъ не идетъ,—ну, а меня она потянетъ... За версту, вотъ, и то въ носу крутитъ, чтобъ ей горько стало!

— А ты не пей,—говоритъ Квачъ, — пусть себѣ крутитъ... Плюнь на нее, поганую! Развѣ такъ... самую маленькую, отъ холода...

— Нѣтъ, — говоритъ прадѣдъ, — знаю я себя... Не пойду!

— А пди-жъ, побратимъ!

— А вотъ же и не пойду, ей-Богу, не пойду, хоть сплкомъ тащи,—отвѣчаетъ прадѣдъ.—Иди себѣ одинъ...

Поговорили они такъ, поговорили, да и побѣжалъ побратимъ одинъ.

— Погляди,—сказалъ,—Петро, коней, а я духомъ сбѣгаю,—обогрѣюсь только, потому что оно, какъ будто, и морозитъ меня малость... Да и овса кстати конямъ прихвачу...

И остался прадѣдъ одинъ въ степи.

IV.

Ой, и свѣтитъ мѣсяцъ, свѣтитъ ясный,—вся степь широкая мрѣетъ отъ него молочнымъ свѣтомъ, только въ балку не хочетъ заглянуть бѣлолицый, оттого и стоитъ такой глубокій мракъ въ темной балкѣ. Нехорошее, знать, мѣсто, потому, извѣстно, что заказано оно мѣсяцу Господомъ заглядывать туда, гдѣ недоброе творится, да на бѣду свою не всѣ люди это помнятъ. Смотритъ мѣсяцъ

козаку прямо въ очи, потому что чиста душа козацкая, и тотъ слѣдитъ за нимъ очами, какъ плыветъ онъ безшумно по небесной степи, кое-гдѣ только задѣвая легкія тучки, отчего онѣ и загоряются сейчасъ же чистымъ серебромъ да золотомъ... Глядитъ прадѣдъ и на тихія, ясныя зори, какъ онѣ другъ къ дружкѣ въ гости летаютъ, хороводы по небу кружатъ, а не то и «шуляка» *) играютъ, отъ котораго улепетываютъ такъ быстро, что и глазомъ не услѣдишь. Долго лежалъ онъ такъ и глядѣлъ, а все ему сна не было. Только, вдругъ, слышитъ: задрожало, зазвенѣло, звякнуло что-то въ тихомъ, неподвижномъ воздухѣ. Прислушался козакъ, а это музыка звенитъ, такъ и расплывается изъ балки по степи... Бубенъ гремитъ, скрипочки «гандзю» напиливаютъ, такъ и заливаются,—цимбалики то звякнутъ, задрожатъ легкимъ тихимъ стономъ, то замрутъ на мгновенье, — хоть сейчасъ въ плясъ иди, — такъ и зовутъ, манятъ козацкую душу. «Ге,—думаетъ прадѣдъ,—а это, знать, въ корчмѣ банкетъ идетъ, да и знатный же, видно, банкетъ, чортъ бы его взялъ! Вотъ и засидѣлся товарищъ въ теплой корчмѣ, а ты лежи себѣ въ степи колодою!» Разсердился даже прадѣдъ, но сейчасъ же вспомнилъ, что грѣхъ оно на побратима сердиться. «Лучше бы,—думаетъ,—чѣмъ сердиться, провѣдать бы его, — не приходитъ ли ему бѣда какая?» Грѣхъ оно, извѣстное дѣло, побратима въ бѣдѣ оставлять. Думалъ такъ прадѣдъ, думалъ, а музыка гудитъ себѣ и и топотъ даже доноситься сталъ, ровно бы гопака люди

*) Игра въ ястреба.

откалывали. И надумай онъ вдругъ, что и въ самомъ дѣлѣ ему провѣдать должно, не въ бѣдѣ ли какой таварищъ?... Покрутилъ усъ, поднялся, сѣлъ, послушалъ еще немного, головой раскинулъ и говоритъ себѣ, наконецъ: «А что-жъ, оно и ей-Богу слѣдуетъ побратима провѣдать,—можетъ, и въ самомъ дѣлѣ ему бѣда какая грозитъ, не дай Боже!» Хорошій товарищъ былъ прадѣдъ, вѣрный.

Всталъ на ноги, подтянулъ саблю, коней осмотрѣлъ, хорошо ли стреножены, да и побрелъ въ балку на выручку побратима, если бы тому что-нибудь понадобилось. Идетъ, видитъ — горитъ корчма огнями, музыка гудитъ, плясъ слышенъ, и чѣмъ ближе, тѣмъ сильнѣе гудитъ, такъ и заливается музыка, такъ и выстукиваютъ каблуками гопъ, да гопъ!—даже воздухъ дрожитъ.—«Ишь ты, дьявольская музыка,—говоритъ,—какъ хорошо играетъ, анаоемская,—сами собой ноги выкрутасы разные выдѣлываютъ!» — чуть не заплясалъ даже прадѣдъ. Подходитъ, заглянулъ въ одно окно,— жидъ-корчмарь съ жидовкой да бахурами своими шабашъ справляютъ. «Вотъ оно какъ, — думаетъ,—такъ завтра, значитъ, воскресенье будетъ!» — за дорогу козаки и дни потеряли. «Что же это за нехристи подъ праздникъ банкетъ справляютъ?»—говоритъ недоумѣвая, а у самого такъ и вывертываетъ ноги дьявольская музыка. Подошелъ къ другой половинѣ, смотритъ,— Господи ты Боже мой! — одни пани да паны, — полная корчма паповъ,—музыка пилитъ, мазурку откалываютъ, а съ боку, въ сторонкѣ, на таганкѣ варенуху *) варятъ,

*) Водка, прокипяченная въ плотно замазанномъ горшкѣ съ пряностями и медомъ.

да такую славную варенуху, что у прадѣда черезъ стекло и то въ носу завертѣло... Только духъ успѣлъ затаить, а то и чихнулъ бы такъ на всю степь широкую. «Ишь ты,—думаетъ,—какую знатную штуку варятъ бисовы дѣти! И что это у нихъ за праздникъ такой сегодня,—не чорта ли къ себѣ въ гости ждутъ?»

Почесалъ чубъ, въ недоумѣньи, да и вспомнилъ про товарища. Ищетъ его глазами,—когда, глядь, анъ побратимъ на лавкѣ сидитъ, съ панями жартуетъ, туды-сюды однимъ своимъ окомъ стрѣляетъ, точно бы и нивѣсть какой нарубокъ. Даже себѣ не вѣритъ прадѣдъ и ротъ раскрылъ.

— Вишь, чортовъ сынъ,—говоритъ,—а еще увѣрялъ, что и неохочъ будто!... Да и то удивительно,—думаетъ,—съ чего это пани такъ и льнутъ къ нему, одноглазому, ровно мухи на медъ липнутъ? Что за чудасія?»—Покрутилъ прадѣдъ усъ и только было подумалъ, не зайти ли ему въ корчму, побратима провѣдать, анъ тутъ кто-то хлопъ его по плечу. Обернулся покойный и самъ себѣ не вѣритъ. Стоитъ передъ нимъ, видитъ, какой-то блѣдный, преблѣдный козакъ въ богатомъ жупанѣ, смотритъ въ глаза и улыбается блѣдными губами.

— Здорово, Петро,—говоритъ,—не признаешь, что ли? Неужто такъ-таки и забылъ ты уговоръ нашъ?

Тутъ только вспомнилъ прадѣдъ и козака того, и уговоръ свой.

— Бувай здоровъ,—отвѣчаетъ изумленный и даже отступилъ на шагъ, точно, нивѣсть что увидѣлъ.—А признаться-таки,—говоритъ,—и забылъ я... Совсѣмъ память отшибло.

— Не бѣда,—отвѣчаетъ козакъ,—лишь бы теперь вспомнилъ... Ну, сдержи свое слово, выручай, Петро!

Икнулъ слегка прадѣдъ, зачесалъ поясницу и совсѣмъ не знаетъ, бѣдняга, что и сказать ему.

— Гдѣ же мнѣ,—говоритъ наконецъ,—выручать тебя?

— А здѣсь же,—отвѣчаетъ блѣдный козакъ.

— Вотъ такъ оказія!—удивляется прадѣдъ.—Ну, а гдѣ же она, къ примѣру, твоя баба?

Взялъ козакъ прадѣда за плечо, подвелъ его къ крайнему окну корчмы, указалъ въ это окно пальцемъ и сказалъ ему только: «Гляди!» Глянулъ прадѣдъ, да такъ и замеръ на мѣстѣ.

Такой дивной красы не видали еще его очи. Да и не слыхалъ онъ, чтобы могла быть такая красота на свѣтѣ, потому что, казалось ему, и глядѣть было страшно на красавицу, что предстала вдругъ его изумленному взору. Съ какимъ-то содроганіемъ глядѣлъ онъ на длинныя, до полу, черныя, густыя косы, на бѣлое чело, какъ бы вырѣзанное изъ кости, на тонкія, точно выведенныя, дугой брови и длинныя рѣсницы, на эти глаза, въ которыхъ таился какой-то страшный пламень вмѣстѣ съ безъисходною грустью. Жутко стало ему, но невольно потянулась его рука къ черному усу... Какъ ни жутко было, а все-таки неотразимо влекли къ себѣ добраго парубка и эти сочныя и тонкія, вмѣстѣ съ тѣмъ, губы, точно вымазанныя алою кровью, и эта пышная грудь, мѣрно дышавшая подъ расшитою сорочкой... Здóрово закрутилъ козакъ молодецкій усъ, пожирая глазами сидѣвшую въ тоскѣ красавицу.

«Ге, а чего-жъ она тоскуетъ такъ, голубка, когда тутъ банкетъ идетъ?»—подумалъ онъ, и только подумалъ, какъ сейчасъ же и зашепталъ ему блѣдный козакъ:

— Оттого тоскуетъ,—шепчетъ,—что меня нѣтъ съ ней... По уговору, мы видаемся только съ полуночи, Петро, ну, а съ полуночи, самъ знаешь, наступаетъ праздникъ... По праздникамъ мнѣ воля полагается и тебѣ въ самый разъ приступить!—говоритъ.

— Ге,—подумалъ прадѣдъ, лихо улыбнувшись,—чтобъ мнѣ ни капли горилки въ ротъ не попало, если-бъ я въ праздникъ ли, въ будёнь ли да ушелъ бы отъ такой голубки! Что я за дурень такой? Не я у нея, а она у меня запросила бы себѣ на праздникъ воли!—Обернулся прадѣдъ, чтобы сказать это самое козаку, анъ того и слѣдъ простылъ. Удивился онъ, да не до того ему теперь было, чтобъ удивляться чему-нибудь. Закрутилъ онъ усъ, поясъ поправилъ, шапку сдвинулъ на ухо и только было собрался жартъ выкинуть, въ оконце постучать красавицѣ, какъ вспомнилъ, вдругъ, про коней да оружіе въ степи.

«Нѣтъ,—думаетъ,—прежде коней сюда приведу и скарбъ заберу...»

Исправный козакъ былъ,—одно слово...

V.

Много ли, мало ли времени провозился прадѣдъ въ степи,—извѣстное дѣло, не медлилъ онъ,—но какъ вернулся назадъ, въ корчмѣ какъ будто и потише стало, грохоту такого не было. Можетъ, кто и домой уѣхалъ, на-

гулявшись досыта, а можетъ и варенуха проклятая, отъ которой у него все еще въ носу шиломъ крутило, угомонила пировавшихъ... Кто же не знаетъ, что отъ нея, анаоемской, и добрый козакъ порой клонится, какъ былиночка отъ вѣтра, а тожъ была еще и хорошая варенуха, какой не доводилось никогда прадѣду и носомъ чуять. Выстукалъ онъ въ оконце жида-корчмаря, спросилъ, гдѣ ему коней поставить, овса спросилъ, самъ отсыпалъ имъ по хорошей мѣрѣ, справился, да и пошелъ отъ стойла черезъ дворъ въ корчму. Идетъ, сдѣлалъ шагъ, другой, только-что поднялъ ногу, чтобъ еще ступить, да какъ наткнется на что-то живое, такъ чуть и не растянулся пластомъ...—«Съ нами крестная сила,—говоритъ,—кто это лежитъ колодою на пути, чтобъ ему глаза выскочили?» Когда приглядѣлся,—анъ это его побратимъ барахтается и никакъ, бѣдняга, на ноги подняться не можетъ.

— Пусти меня,—бормочетъ самъ не зная кому,—не держи!... Вотъ, поднимусь, такъ такого задамъ тебѣ!..—грозитъ.

— Перекрестись, — говоритъ изумленный прадѣдъ. — Очумѣлъ ты, что ли? Кто тебя держитъ?...

— А кто-жъ его знаетъ кто?—бормочетъ въ отвѣтъ побратимъ.—Знать, — нечистая сила, добрый человѣче. Видишь, вонъ, ноги не слушаютъ!...

Разсердился тутъ прадѣдъ и поднялъ малаго за чубъ.

— Да ты,—говоритъ,—никакъ всѣ клепки съ головы растерялъ въ корчмѣ!... И меня уже не признаешь...?

А тотъ стоитъ, шатается да только глазомъ однимъ хлопаетъ. Здорово потрясъ его прадѣдъ.

— Ахъ, ты, пьяница,— говоритъ,—а еще и брехалъ, что опротивѣла ему горилка, а? Смотрите, люди добрые!

Очухался тутъ побратимъ и тоже себѣ не вѣритъ. Скребетъ только поясницу да сплевываетъ.

— Ей-Богу-жъ,—отвѣчаетъ,—не брехалъ я... Ей же Богу, что опротивѣла...

— Опротивѣла!—разсердился прадѣдъ.—А зачѣмъ же ты нализался такъ, чортовъ сынъ?

— А вотъ же и не нализался, — отвѣчаетъ. — Ей же Богу, что не нализался, Петро,—ни капельки не покоштовалъ... Даже и усовъ не замочилъ...

— Отчего же ты на ногахъ не стоишь?—не вѣритъ ему прадѣдъ.

— Отъ духу,— говоритъ,— не стою, знать... Вотъ отъ чего...

— Отъ какого духу?

— Да отъ того самаго,—отвѣчаетъ,—отъ варенухи этой анаѳемской... Такой отъ нея духъ, Петро, такой духъ шелъ, что вотъ и ноги не держатъ.

— Положимъ,—говоритъ прадѣдъ,—духъ отъ нея крѣпкій, что и говорить... У меня самого,—говоритъ,—черезъ стекло, и то въ носу комари закусали, чтобъ ей до дна выкипѣть! А только, все-таки, дивно мнѣ это, побратимъ, чтобъ отъ духу одного козакъ свалился. Развѣ вотъ отъ того можетъ-быть, что опротивѣла она тебѣ и душа не принимаетъ?

— Эге-жъ, Петро, отъ того,—говоритъ,—отъ самаго... Ей-Богу-жъ отъ того!

— Ну, а въ корчмѣ,—спрашиваетъ прадѣдъ,—ты зачѣмъ съ панями женихался?

— Кто, я?—удивляется Тарасъ.

— А кто же, — говоритъ прадѣдъ, — конечно, ты, а не я.

— А вотъ же и не думалъ, Петро... Чтобы мнѣ,—говоритъ,—на коня не сѣсть,—что и не думалъ даже... Это онѣ, сороки, со мною женихались, а не я съ ними... Цуръ имъ и пекъ, стрекотухамъ! Эхъ, Петро,—говоритъ,—не въ доброе кажись, мѣсто попали мы съ тобою... Ей Богу же,—въ недоброе...

Дивится прадѣдъ и самъ думаетъ, что недоброе оно въ самомъ дѣлѣ мѣсто, да ничего не подѣлаешь,—нужно уговоръ исполнить, слово козацкое додержать.—«Опять же и красавица такая!»—думаетъ. Хотѣлъ онъ затылокъ почесать, чтобы лучше разумомъ пораскинуть, пустилъ плечо побратима, а тотъ и грохнулся сейчасъ, такъ и не стоитъ на ногахъ.

— Охъ, Петро,—со сна бормочетъ,—дай ужъ мнѣ выспаться,—сильно дремота клонитъ...

И захрапѣлъ онъ тутъ же. Постоялъ прадѣдъ, почесалъ чубъ, покрутилъ усъ, заложилъ его молодецки за ухо, сплюнулъ, да и пошелъ въ корчму.

VI.

Гуляютъ себѣ паны и пани въ корчмѣ, варенуху пьютъ, отъ которой такой чудный духъ идетъ, жартуютъ промежъ себя, а прадѣдъ все стоитъ, какъ сталъ онъ въ боковушкѣ передъ грустною красавицей, и слова вымолвить не можетъ... Онѣмѣлъ козакъ, хоть и не глядитъ на него та,

не замѣчаетъ, ровно бы и нѣтъ его совсѣмъ, даже не обернулась ни разу. Мало ли, долго ли глядѣлъ онъ такъ, только все же опомнился, наконецъ, покрутилъ усъ, да и говоритъ ей, хотя и робко сначала:

— А глянь же,—говоритъ,—красавица на меня... хоть глазкомъ однимъ погляди,—проситъ.

Даже не обернулась молодица.

— Зачѣмъ мнѣ глядѣть на тебя?—отвѣчаетъ холоднымъ, насмѣшливымъ голосомъ.

— А затѣмъ, голубка моя, — говоритъ прадѣдъ, — что нѣтъ тебя краше на свѣтѣ... Такъ и молитъ душа твоего взгляда...

— Не новость мнѣ это,—отвѣчаетъ,—надоѣло мнѣ слышать одно и то же,—и даже плечомъ повела съ досады.— Не наглядишься, много васъ такихъ-то наберется, всѣ попросятъ...

— Ге, ге!—засмѣялся уже смѣлѣе прадѣдъ, довольный, что какъ-никакъ, а завелъ-таки разговоръ. — Ге... ге! А вотъ же и глянь... Можетъ быть, я да и не такой какъ всѣ.

— Ты?—спрашиваетъ полупрезрительно красавица. Повернулась и глянула.

Жаромъ запылало прадѣдово сердце отъ ея взгляда, ровно бы мѣткая татарская стрѣла впилась въ это сердце, но и съ красавицей сталось что-то неладное. Глянула— и не можетъ опустить длинныхъ рѣсницъ, не можетъ отвести широко раскрытыхъ изумленіемъ очей. Сами собой полуоткрылись удивленныя чудныя уста и замѣтно, хотя и слабо, зардѣлись румянцемъ ея щеки.

— Какъ ты похожъ... — говоритъ удивленнымъ шопотомъ, но спохватилась, не договорила.

— На кого, голубка? — спрашиваетъ прадѣдъ, усмѣхаясь.

— Все равно,—говоритъ,—на кого, козакъ, а только страшно похожъ... Словно двойникъ...

Понялъ прадѣдъ, о комъ рѣчь, и сразу осмѣлился. Присѣлъ на лавку рядомъ съ изумленною красавицей, да и повелъ свое дѣло козакъ. Какъ ужъ тутъ онъ крутилъ, водилъ, а только зашутили они шутки промежъ себя,—мастеръ былъ на то, что и говорить. Шутилъ онъ, шутилъ, да и протянп руку, какъ всякій добрый козакъ ее протягиваетъ, когда шутитъ съ бабой.—А, ну,—говоритъ,—погляжу, тонко-ль оно, полотно, на твоей сорочкѣ!—сказалъ, да вдругъ и хвать назадъ руку,—такое холодное нащупалъ, чуть не вскрикнулъ. «Эге-жъ,—думаетъ,—а она же и вѣдьма!... Ей-Богу же, знать, вѣдьма... Ну, да пусть себѣ будетъ... Много ихъ такихъ, какъ тутъ разбирать, которая вѣдьма, а которая нѣтъ?»

А красавица насупилась и даже вздрогнула сердито.

— Какія у тебя,—говоритъ,—горячія руки, козакъ.

— Отъ любви это,—отвѣчаетъ прадѣдъ.

— Отъ любви?—повторила та насмѣшливо и презрительно вмѣстѣ.—Всѣ вы говорите о любви, а никто изъ васъ и любить не умѣетъ,—и вздохнула горько.

— Ну, ужъ неправда,—обидѣлся прадѣдъ,—можетъ, кто и не умѣетъ, а только я, слава Богу, этого еще ни отъ одной бабы не слыхалъ...

— Такъ отъ меня,—говоритъ,—послушай.

— Знать, плохо тебя любитъ человѣкъ твой, что ты и на другихъ клепаешь,—говоритъ, усмѣхаючись, раздосадованный прадѣдъ.

Обидѣлась та, такъ и вспыхнула, огнемъ загорѣлись очи.

— Меня?—гордо переспросила красавица,—да онъ рабомъ моимъ сталъ, такъ меня любитъ! Я покорила его, у него и воли своей не стало,—захочу только, онъ весь мой... Но мало мнѣ этого, козакъ,—грустно уже заговорила красавица,—другого проситъ душа, мало ей радости въ такой любви...

— А чего-жъ бы тебѣ еще хотѣлось, къ примѣру?—спрашиваетъ прадѣдъ.

— А того хотѣлось бы,—заговорила она страстно, и чудныя очи ея зажглись горячимъ желаніемъ,—того хотѣлось бы, козакъ, чтобы не я только покорила его, а и онъ меня. Чтобы не по моей волѣ сталъ онъ моимъ, а по своей же, чтобы, отдавъ мнѣ свою душу, онъ вѣчно желалъ бы меня, а не избѣгалъ, и такимъ желаньемъ самъ бы властвовалъ надо мной... Да гдѣ тебѣ, козакъ, понять мое желанье, всѣ вы хуже всякой слюнявой бабы будете... Вамъ только глазомъ моргни, вы и отца съ матерью забудете!—съ вызывающимъ презрѣніемъ сказала красавица, а глаза ея такъ и впились въ прадѣда съ насмѣшкой.

Вспыхнулъ, вскочилъ козакъ на такія рѣчи, да и закрутилъ молодецкій усъ гнѣвно.

— Нѣтъ, стой, — говоритъ, — не всѣ такіе, неправда твоя!

И хорошъ же сталъ козакъ при этомъ, дивно хорошъ, молодецъ молодцомъ! Заблестѣли у него глаза, заходила

богатырская грудь и смѣло посмотрѣлъ онъ красавицѣ въ очи, а та еще шире раскрыла ихъ, на него глядя. Точно бы невиданное видѣла она.

— Нѣтъ,—говоритъ прадѣдъ,—плохой тотъ козакъ, что за бабой забудетъ то, что ему помнить должно... Не такой я!

Разсмѣялась красавица. Такъ и покатился звонкимъ серебромъ ея холодный, вызывающій, презрительно-надменный смѣхъ по всей корчмѣ и разсыпался, казалось, гулкимъ эхомъ далеко-далеко въ мирно дремавшей и молчаливой степи. Холодомъ разилъ этотъ смѣхъ и зло разобрало отъ него прадѣда, обидѣлся онъ, — гордый козакъ былъ. Закусилъ усъ.

«Ну, постой же, вѣдьма,—думаетъ, — гляди, чтобъ и я не посмѣялся еще!»

А та выдвинула капризно свои чудныя уста, сощурила слегка глаза, склонила на бокъ голову и говоритъ ему, все еще дрожа отъ смѣха, не то дразня, не то насмѣхаясь:

— Молоко, знать, козакъ у тебя еще не совсѣмъ обсохло на губахъ, оттого и говоришь хвастливыя рѣчи... Только бы захотѣла я, и все забылъ бы ты для меня на свѣтѣ...

— А вотъ же и не все! задорно отвѣчаетъ прадѣдъ.

— Не все, говоришь?—надменно и обидчиво протянула та, сверкая очами.—Не все? Ой, не хвались, козакъ, пожалѣй свои молодые годы!—и вызываетъ и насмѣхается красавица.—Ни за что загубишь жизнь свою, за одно мое слово отдашь ее, только пожелаю...

— Жизнь?—говоритъ прадѣдъ. — Да, жизнь, пожалуй,

и не пожалѣю для тебя, красавица, да и какой козакъ жалѣетъ свою жизнь? Ну, а большаго... нѣтъ,—говоритъ,—большаго не отдамъ тебѣ!...

Раззадорилъ ее козакъ. Извѣстное дѣло,—ничѣмъ не проймешь такъ красивую бабу, какъ словомъ такимъ. Завертѣлась.

— Не отдашь, ой-ли?—вызывающе стала дразнить она.—Большаго не отдашь, ха, ха, ха!—смѣется красавица.—И душу отдашь, товарищей бросишь, самое мѣсто, гдѣ родился, забудешь... забудешь, кто ты и за чѣмъ послалъ тебя твой гетманъ... А въ тайную грамоту, что далъ тебѣ вельможный,—говоритъ она съ ядовитымъ смѣхомъ,—заверну я свои яркія ленты!...

Такъ и вздрогнулъ козакъ, такъ и вспыхнулъ, какъ порохъ. «Неужто-жъ,—думаетъ, — проговорился побратимъ? Ахъ, онъ чортовъ сынъ!» Разгнѣвался онъ козацкимъ гнѣвомъ, поднялъ гордо голову и крѣпко сжала стальная рука рукоять отцовской сабли.

— Слушай,—говоритъ смѣлымъ, громкимъ голосомъ,—не хвалился я, не пустыя слова говорилъ, что и жизнь за тебя не пожалѣлъ бы, потому что,—говоритъ,—развѣ только слѣпой пожалѣлъ бы ее за такую красоту... Но, слушай, не болтай зря пустыхъ рѣчей, не касайся того, что́ не бабьяго разума дѣло... Видишь ты эту старую отцовскую саблю? Много работала она въ козацкой рукѣ и съ москалемъ, и съ турчиномъ, и съ ляхомъ, — со всякимъ, кого напосила бѣда на Украину... Слушай же, баба, какъ ни хороша ты, но да будетъ проклята моя правая рука,—гнѣвно говоритъ прадѣдъ,—если и на твоей бѣлой шеѣ не

блеснула бы эта сабля, только коснись ты гетманской грамоты, хотя бы мнѣ и самому послѣ того не оставаться жильцомъ на бѣломъ свѣтѣ... Слышишь? Такъ помни же это!—и еще сильнѣе сжалъ козакъ рукоять сабли.

И вспыхнула красавица на такую рѣчь,—не слыхала, знать, она еще такого слова. Огнемъ запылали щеки, засверкали очи, гнѣвно сдвинулись брови, такъ и заходила пышная грудь подъ расшитою сорочкой. Вскочила падменная, разгнѣванная и топнула маленькою ножкой.

— Не боюсь я твоей сабли!—говоритъ и дрожитъ вся съ досады,—только пальцемъ двину и поднимется за меня такихъ сабель сотня!...

— Я и съ сотней биться стану!—перебилъ гнѣвно прадѣдъ и еще сильнѣе разсердилъ ее тѣмъ, раздосадовалъ.

— Тысяча поднимется! — перебиваетъ, не помня себя, красавица,—да не въ томъ дѣло, — бейся себѣ, съ кѣмъ хочешь!—смѣется презрительнымъ холоднымъ смѣхомъ.— А вотъ же и ты послушай, козакъ... Только бровью поведу я, только глазомъ моргну тебѣ, и ты сейчасъ хоть татариномъ изъ козака станешь, щенкомъ у моихъ ногъ ползать будешь!

Не могъ вынести прадѣдъ такой обиды, поблѣднѣлъ весь. Дрогнули у него губы.

— А ну, моргни?—говоритъ.

— Хочешь?

— Хочу!—отвѣчаетъ смѣло.

— А не пожалѣешь ли, козакъ? Подумай!

— Не бойся, — говоритъ, — попробуй... Вотъ сейчасъ такъ и стану изъ козака татариномъ... Моргни!

Вскипѣла она,—распалилъ ее бравый козакъ добѣла,— и совсѣмъ потеряла отъ бабьей гордости голову. Задрожали тонкія ноздри, темныя, сверкавшія очи метнули огонь и еще сильнѣе заходила высокая грудь. Провела она бѣлою рукой по длиннымъ, густымъ косамъ и разсыпались тѣ до полу черною волной, еще ярче оттѣняя бѣлизну прелестнаго лица и лебединой шеи... Подняла темныя рѣсницы и дивныя очи метнули огненныя стрѣлы въ затрепетавшее козачье сердце... Вздрогнулъ козакъ, — чуетъ онъ, что адскій огонь запылалъ въ его груди отъ этого взгляда, жжетъ его и туманитъ голову, но сжимаетъ еще козацкая рука отцовскую саблю.

— Не сдавайся,—шепчетъ ему чей-то, ровно бы батьковскій голосъ, и крѣпится прадѣдъ. Такъ и влечетъ его кинуться къ ней, но стоитъ еще, бодро стоитъ козакъ.

— Ты самъ того хотѣлъ, — говоритъ красавица, — на, гляди же!

И разорвала воротъ бѣлой, расшитой сорочки. Слетѣли покровы, разсыпались, покатились по полу бусы, и козачьимъ очамъ представилась женщина такой дивной красоты, какой не видали еще на землѣ ни солнце, ни блѣдный мѣсяцъ, какая только во снѣ можетъ явиться человѣку. Даже свѣтъ померкъ кругомъ отъ ярко сверкавшей бѣлизны этого тѣла, даже глазъ слабѣлъ и переставалъ различать ясно эти невиданно-чудныя, упругія формы неземной красоты... Воздухъ—и тотъ, казалось, замеръ и оцѣпенѣлъ отъ восторга, цѣлуя и лаская это тѣло... Все на свѣтѣ должно было затумaниться, замереть предъ такою красотой, погрузившись въ одно жадное созерцаніе,—

и дрогнула козачья рука на старой, завѣтной саблѣ, заглядѣлся, позабылся козакъ.

— Ну, и что же, помнишь ли еще что-нибудь на свѣтѣ?—звонко засмѣялась красавица и даже воздухъ задрожалъ серебрянымъ смѣхомъ надъ возможностью что-нибудь помнить.

— Помню!—сами собой отвѣтили упрямыя уста, хотя и дрожала рука на рукояти сабли.

— Помнишь? Нѣтъ, неправда твоя, козакъ!—страстно заговорила красавица и тонкія ноздри ея дрожали отъ волненія, а очи такъ и жгли, какъ пламя.—Но постой же только одно мгновеніе еще, и ты все позабудешь на свѣтѣ! — задыхалась она отъ страстнаго волненія. — Только одно мгновеніе!.. Иди ко мнѣ, испробуй чару моей ласки! Ну, иди же!... Ты любъ мнѣ, упрямецъ,—слышишь?...

И красавица протянула къ нему свои бѣлыя, полныя руки. Ея горячее дыханіе жгло ему лицо и туманило мысль и память. Вотъ-вотъ, казалось, эти бѣлыя руки обовьютъ козацкую шею, какъ змѣи, сожмутъ и задушатъ,—этотъ огонь ея дыханья высушитъ кровь въ его жилахъ, убьетъ противленье и волю... Все какъ-то спуталось у козака и закружилось сразу въ бѣшеномъ вихрѣ. Этотъ вихрь, казалось, поднялъ его, какъ былинку, и онъ помчался куда-то съ невообразимою быстротой, отъ которой задыхалась его богатырская грудь. Бѣлыя руки почти уже касались его шеи, еще мгновеніе... Но тутъ красавица вскрикнула и, какъ подстрѣленная птица, свалилась на землю.

VII.

— Спасибо-жъ тебѣ, Петро,—слышитъ, вдругъ, ошеломленный, какъ бы опьянѣлый даже прадѣдъ. — Выручилъ ты меня, сдержалъ свое слово... Заслужу и я тебѣ, вотъ увидишь!—говоритъ кто-то и хлопъ его по плечу какъ ледъ холодною рукой.

Обернулся прадѣдъ, пришелъ немного въ себя и глазамъ не вѣритъ... Что за диво такое стряслось? Не поймешь, какъ оно и вышло... «Тьфу, ты, дьявольское наваждение!»—думаетъ. Оглядѣлся лучше, да и похолодѣлъ отъ ужаса.

Нѣтъ ни чудной красавицы, ни корчмы, ни банкета,— одна глухая, мрачная балка кругомъ, а надъ нею вверху плыветъ себѣ безмятежно полный блѣдный мѣсяцъ. Давно истлѣвшій надгробный крестъ лежитъ у зіяющей темной могилы, тутъ же бьется въ судорогѣ страшная, вся синяя, дряхлая и сѣдая вѣдьма, а рядомъ съ нимъ стоитъ знакомый козакъ въ богатомъ жупанѣ,—да не козакъ, а мертвецъ,—и смотритъ на него сквозь закрытыя вѣки мертвыми очами... Даже чубъ полѣзъ у прадѣда подъ шапкою въ гору.

«Съ нами крестная сила!» думаетъ казакъ и не можетъ отъ ужаса поднять для креста руку.

— Не бойся меня, Петро, — слышитъ онъ, какъ говоритъ ему могильнымъ голосомъ мертвецъ, — хоть и не живой я, а не врагъ тебѣ... Не бойся. Выручилъ ты меня и не забуду я твоей услуги. Ну, и ты вѣдьма, — говоритъ мертвецъ, — прощай теперь, конченъ до-

говоръ нашъ... Долго ты мною владѣла,—буду я теперь лежать спокойно, давно ужъ жаждетъ душа моя покоя... Видишь, Петро,—говоритъ мертвецъ снова прадѣду,—каково оно женихаться!... Связался я съ вѣдьмой, и даже могила не спасла меня,—изъ могилы вызывала она меня для своей утѣхи... Охъ, и тяжко-жъ мнѣ было, Петро!

Застоналъ мертвецъ, и такъ застоналъ, поднявъ къ мѣсяцу мертвыя руки, что все окрестъ застонало. Даже истлѣвшій крестъ дрогнулъ отъ этого стона.

— Ну, спасибо-жъ тебѣ!—говоритъ.—Прощай пока!—сказалъ и свалился въ могилу, ровно бы и не было его вовсе.

Не пришелъ еще въ себя прадѣдъ,—двинуться съ мѣста не можетъ,—а глядитъ—тянется вдругъ къ нему проклятая вѣдьма и, точно жаба, таращитъ на него зеленые круглые глаза...

И глядѣть бралъ ужасъ, во что обернулась былая красавица, все чаровавшая неотразимою чарой неземной красоты. Синяя стала, беззубый ротъ ввалился глубоко, подбородокъ сошелся съ носомъ, уши вытянулись, какъ у летучей мыши, и жидкія пряди пожелтѣвшихъ отъ дряхлости, сѣдыхъ волосъ впсѣли клочьями, какъ шерсть у мохнатой старой козы. Встала и улыбается прадѣду беззубымъ ртомъ, стрѣляетъ въ него круглыми зелеными глазами, подмаргиваетъ.

— Эхъ, и чего-жъ это я такъ убивалась?—шамкаетъ и взялась подъ бока руками, ровно молодица задорная.—Ишь, какая невидаль: не хочешь любить—и ступай себѣ въ свою домовину, чортъ съ тобой!... Одного потеряла,

за то другого нашла,—еще и получше будетъ!... Правда, козакъ?—спрашиваетъ и притоптываетъ по-козиному ногою.

— Это-жъ, къ примѣру спросить, къ чему ты рѣчь свою клонишь?—рѣшился, наконецъ, вымолвить прадѣдъ.

— Смѣшной ты, козакъ,—жеманится вѣдьма, — ровно бы и не знаешь самъ къ чему!...—и моргнула еще бровью, проклятая.—Любъ ты мнѣ, очень любъ,—вотъ къ чему!... Давно я желала такого упрямца,—ну, и покорилъ ты меня... Хи, хи, хи!... Иди-жъ ко мнѣ, сизокрылый, приголублю, — говоритъ, — тебя, пригрѣю! — еще и глаза закатила.

Даже сплюнулъ прадѣдъ.

— Приголубь себѣ,—говоритъ,—бабусю, чорта лысаго, то и будетъ тебѣ пара... Да еще, — говоритъ, — смотри, чтобы мѣсяца не было на ту пору, а то чорта перелякаешь *).

Затряслась вѣдьма и зубами защелкала отъ злобы.

— Какъ, путаникъ бабій, джигунъ **) безголовый,—кричитъ,—такъ ты назадъ думаешь? Отбилъ меня отъ мужа, вдовой горемычной оставилъ и отступать хочешь? Эге, нѣтъ же, безстыжіе твои глаза, не выпущу я,—не на такую напалъ...

— Цуръ тебѣ и некъ! Опомнись, вѣдьма!—разсердился уже и прадѣдъ.—Да тебѣ,—говоритъ,—мѣсто на огородѣ стоять, да воробьевъ пугать, а не съ козакомъ женихаться... Разсыпешься еще!

*) Испугаешь.

**) Сорви голова, ловеласъ.

— Не разсыплюсь,—отвѣчаетъ вѣдьма,—не бойся! Гляди, какъ бы самъ не разсыпался!

— Перекрестись!—уговариваетъ прадѣдъ, да и повернулся было уходить, анъ не тутъ-то было. Подскочила къ нему вѣдьма, да и руки костлявыя протянула.

— Стой,—говоритъ,—и не думай себѣ уходить, не пущу я... Вздумалъ отбивать, такъ и голубь теперь!

Не до шутокъ прадѣду было, даже страшно, какъ будто, стало,—впдитъ, прицѣпилась нечистая сила, какъ пьявка. Выхватилъ онъ саблю, взмахнулъ ею, да только разсмѣялась вѣдьма.

— Не боюсь я твоей сабли,—говоритъ,—захочу, и тысячу сабель подниму на тебя... Брось, говоритъ, да цѣлуй лучше,—все равно не уйдешь!

«Эге-жъ,—струхнулъ прадѣдъ, — а оно-жъ какъ будто и неладно выходитъ... Вотъ тебѣ и выручай человѣка!» Хотѣлъ онъ зачесать чубъ, да не до того, знать, было... И струхнулъ опъ-таки порядкомъ, да и въ гнѣвъ вошелъ.

— Пусть тебя слѣпой чортъ цѣлуетъ! — говоритъ, и скокъ въ сторону, а вѣдьма за нимъ... Онъ отъ нея, а она, проклятая, за нимъ, такъ и кружатъ вкругъ могилы, ровно кошка съ мышью. Кружили они такъ, кружили, то въ эту сторону, то въ ту кинется прадѣдъ, задыхаться сталъ уже, чуетъ, что пагонитъ его вѣдьма, да какъ закричитъ онъ тутъ не своимъ голосомъ: «Ой, ратуйте, кому душа христіанская дорога!» — такъ ровно громъ по степи прошелъ... И что же вы думаете, люди добрые? Глядитъ прадѣдъ, откуда ни возьмись, летятъ на

его голосъ бабы разныя. Своимъ глазамъ не вѣритъ: и Солоха тутъ, и Хивря вдова, и кума, и дьячиха, и Гандзя и сколько ихъ еще набралось, такъ и счесть нельзя,—всѣ тутъ были, кому онъ только медовые лясы точилъ. Да какъ накинутся всѣ на чортову вѣдьму, какъ сцѣпятся съ нею, да и дружка съ дружкой, такъ одной трескотни и перебранки на десять ярмарокъ хватило бы. Тычутъ, рвутъ и каждая кричитъ себѣ: «Мой онъ!» — «Хоть и путаникъ,—кричатъ,—обманщикъ бабій, а никому не отдамъ, никому не уступлю!» — кричитъ каждая. Глядитъ козакъ и не знаетъ, вѣрить ему или не вѣрить, да какъ тутъ не повѣрить, когда своими глазами видишь, и каждая баба, притомъ же, и лаетъ тебя, и наровитъ за что-нибудь ухватить, чтобы другой не дать. Такъ и цапаютъ, стрекотухи, щипками, не разбирая, куда ни попало. «Эге-жъ,— думаетъ, бѣдняга, пожимаясь да изворачиваясь,—а вотъ же я такъ и не зналъ, что каждая изъ нихъ вѣдьма. Ей-Богу же не зналъ!... Да и не было того тоже, чтобы на хвостъ когда наткнулся, и никогда даже не было, вотъ не сойди я!... Что за чудасія!»—думаетъ... Да улучивъ минуту, лишь тѣ расходились хорошо промежъ себя, — какъ пригуститъ козакъ, какъ махнетъ изо всѣхъ силъ, такъ и вѣтру бы не догнать его. Летитъ со всѣхъ ногъ, самъ не знаетъ куда, несется ровно конь безъ узды. Видитъ— и корчма уже передъ нимъ, и побратимъ стоитъ, спину себѣ почесываетъ сонный да по сторонамъ озирается: «Ровно бы,—говоритъ,—Петро кричалъ, на помощь звалъ!» А прадѣдъ и остановиться не можетъ. Такъ прямо и влетѣлъ въ стогъ и съ самою головой въ сѣно и зарылся.

Только побратима вспугнулъ; тому показалось, что конь промчался, даже «тпрр!» закричалъ съ просонокъ.

«Ну, — думаетъ,—отдѣлался какъ-никакъ!... И принесла-жъ ихъ нелегкая видимо-невидимо!... На смерть защипали бы, кабы не удралъ, чтобъ имъ до смерти сладкаго не пробовать!... А вотъ же, — думаетъ, — и пригодилось-таки мнѣ жениханье, ей-Богу же пригодилось. Что́ тамъ ни говори, а слопала бы меня вѣдьма анаоемская, кабы не тѣ.»

Да только рано еще порадовался козакъ. Слышитъ, вдругъ, шумъ идетъ, ровно бы топотъ большой. «Эге-жъ, — думаетъ, — а это онѣ, проклятыя, за мною, знать, гонятъ!» —да и юркнулъ поглубже въ сѣно. Лежитъ и слышитъ, крикъ и брань поднялись такіе, ровно бы на ярмаркѣ.— «Держи, — радуются проклятыя, — нашли его!... Вотъ онъ, чтобъ ему въ огнѣ горѣть!» Догадался прадѣдъ, что это вѣдьмы, знать, на побратима наскочили, да въ темнотѣ не разобрали хорошенько,—а мѣсяца не было уже на ту пору, ушелъ съ неба, — догадался, а и слово боится сказать, гдѣ тутъ, дрожитъ только. «Ничего ему,— думаетъ, — не будетъ. Какъ разглядятъ, проклятыя, что это не я, а одноглазый Тарасъ, то и кинутъ его, оставятъ въ покоѣ. Какъ бы, вотъ, только въ стогѣ не стали шарить!» Дрожитъ бѣдняга, зубъ на зубъ у него не попадаетъ, а все прислушивается, хоть и плохо оно слышно ему было. И слышитъ, вдругъ, ровно бы вѣдьминъ голосъ, глухой и грубый такой, спрашиваетъ побратима:

— А, ну, такой сякой сынъ, — спрашиваетъ,—кого-жъ ты изъ насъ выбираешь себѣ?

— А всѣхъ,—отвѣчаетъ спокойно одноглазый Тарасъ.

— Какъ же такъ, чортовъ сынъ, всѣхъ?—кричатъ ему бабы вмѣстѣ.

— А такъ, — говоритъ, — всѣхъ... Мнѣ, — говоритъ,— чѣмъ больше, тѣмъ и лучше.

«Вишь, ты какой, чорты-бъ его батька взяли, ласунъ!— думаетъ прадѣдъ.—Хоть и зовутъ меня «ласымъ», а вотъ же-жъ я никогда такого не говорилъ, ей-Богу же, что никогда!... Да разрази меня громъ, если-бъ я сталъ съ такою поганою вѣдьмой женихаться!... А еще-жъ говорилъ, чортовъ сынъ, что и не охочъ!» Думалъ такъ прадѣдъ, думалъ, но слышитъ, вдругъ, кричатъ Солоха съ дьячихой:

— Такой онъ всегда былъ... Такой самый путаникъ безстыжій! — И Хивря тоже кричитъ, и другія. Хотѣлъ было прадѣдъ закричать имъ въ гнѣвѣ: «Брешете, гавы*) хвостатыя!»—да побоялся, а побратимъ и говоритъ:

— Эге-жъ,—говоритъ,—такой я самый и есть... Козаку все равно,—говоритъ,—какая бы чарка ни была, лишь бы горилка въ ней была хорошая... Не люблю я разбирать,—говоритъ... И побратимъ мой, Петро,—говоритъ,— такой же...

— А и брешешь!—не удержался отъ обиды прадѣдъ, да, къ счастью, не разслышали вѣдьмы его шопотъ,—не до того имъ, знать, было.

— А развѣ жъ ты не Петро?—кричатъ.

— А нѣтъ же,—говоритъ побратимъ, — не Петро я!... Петро,—говоритъ,—теперь, дожно быть, гдѣ-либо горил-

---

*) Вороны.

ку пьетъ, либо съ бабой женихается... Не можетъ онъ безъ этого!

— Ахъ, ты, сорока брехливая!—снова не удержался въ гнѣвѣ прадѣдъ.

— Кто же ты—впзжатъ Гандзя съ Хиврей не своимъ голосомъ.

— Я Тарасъ, — говоритъ побратимъ. — Такъ и попъ крестилъ, такъ,—говоритъ,—и люди зовутъ... Вотъ кто я.

Какъ заголосятъ вѣдьмы, какъ завпзжатъ, подлыя, такъ прадѣда бѣднягу даже въ жаръ кинуло. «Тьфу, ты, нечистая тебя возьми! — сплевываютъ, слышитъ, и Солоха, и Хивря, и другія всѣ,—и впрямь,—говорятъ,—это Тарасъ одноглазый, чтобъ ему еще до смерти отъ впна сгорѣть! А мы,— говорятъ,— съ дуру подумали, что это Петро,— вотъ тебѣ и разъ!... Ну,— кричатъ,— бѣсъ твоей матери, сбилъ ты насъ съ толку, далъ Петру улизнуть, говори-жъ теперь, гдѣ онъ? Не скажешь, — кричатъ, — мы на тебя такую бѣду напустимъ, такую, — кричатъ, — бѣду, что и часъ свой проклянешь! Говори,—кричатъ,— гдѣ Петро?

Въ самую середину стога забился уже прадѣдъ, а все-таки слышитъ, какъ побратимъ клянется, что не знаетъ, гдѣ онъ, что и въ очи давно не видалъ его... Кричатъ, визжатъ бабы, грозятъ всякимъ лихомъ, а тотъ все свое... И пошло туть такое, что и разобрать нельзя было, что оно такое... Только вдругъ видитъ прадѣдъ,—черезъ груду сѣна видитъ,—тянется къ нему страшная синяя вѣдьма, протягиваетъ костлявыя руки, смѣется беззубымъ ртомъ и смотритъ на него, въ упоръ смотритъ круглыми зелеными глазами.

— Вотъ гдѣ ты, Петрусь мой желанный! — шамкаетъ чернымъ ртомъ,—нашла я тебя таки... Ну, приголубь же меня, козакъ!

Задрожалъ прадѣдъ; ровно бы въ холодную прорубь окупули человѣка. Побѣлѣлъ весь, какъ снѣгъ, чубъ поднялся кверху, чуетъ сердцемъ, что послѣдній часъ приходитъ. Охъ, и горько же стало ему помирать такою скверною смертью,—не въ ратномъ полѣ, не въ бою за родину, какъ оно подобаетъ козаку, а въ костлявыхъ объятьяхъ старой вѣдьмы. Вспомнилъ онъ гетманскій приказъ, а синія, костлявыя руки уже тянутся къ нему, вотъ-вотъ схватятъ за горло и нѣтъ у него силъ шевельнуться даже... Да спасъ его Господь, пѣтуха разбудилъ... Какъ закричитъ тутъ пѣтухъ, какъ запоетъ вдругъ, такъ у бѣдняги сразу съ души камень свалился. «Слава тебѣ, Господи,—шепчетъ бѣлыми устами,—спасенъ я теперь!» А чортова вѣдьма затряслась сейчасъ, посинѣла еще больше, блеснули у нея глаза, какъ у совы, подняла вверхъ костлявыя руки и грозитъ въ безсильной уже злобѣ.

— Постой же, путаникъ,—говоритъ проклятая,—улизнулъ отъ меня, мужа отбивши, но отплачу я тебѣ... Крѣпко,—говоритъ,—попомнишь меня, разнесутъ твои кости черные вороны!—и провалилась тутъ же въ самое пекло.

А прадѣдъ и захрапѣлъ себѣ спокойно.

VIII.

Сколько проспалъ козакъ, кто его знаетъ,—разный сонъ бываетъ у человѣка,—а только когда проснулся уже, то

на дворѣ ясный день стоялъ. И все на свѣтѣ Божьемъ было такъ же, какъ оно и всегда бывало, ровно бы и ничего не случилось ночью. Такъ же и солнце свѣтило, и трава колыхалась, и кузька всякая стрекотала, и накаленный солнечнымъ жаромъ прозрачный воздухъ какъ бы дрожалъ и струился, а въ воздухѣ весело рѣяла мелкая пташка всякая. Самая балка не казалась теперь страшной, а корчма, въ которой случились такія необычныя вещи, выглядѣла даже домовито, такъ и манила укрыться въ нее отъ дневной жары. Одно только было дивно, чего никакъ не могъ понять прадѣдъ: проснулся онъ не въ стогѣ, а на громадной кучѣ навоза, который, видимо, накопился многими годами и выросъ въ добрый стогъ. Удивился прадѣдъ, чубъ зачесалъ, да сразу смекнулъ, что все это нечистыхъ рукъ дѣло. Захотѣла поглумиться надъ козакомъ нечистая сила и показалась ему тогда навозная куча за свѣжее сѣно. Извѣстное дѣло, свяжись только съ чортомъ, либо съ вѣдьмою, то ли еще будетъ! Оправился онъ, подтянулся, посмотрѣлъ коней,—тоже ничего, стоятъ себѣ подъ навѣсомъ и сѣно жуютъ,—да и пошелъ искать побратима. «Что съ нимъ сталося?—думаетъ.—Вишь, чортовъ сынъ, чего надѣлалъ!... Кабы не побѣжалъ въ корчму грѣться, ничего бы такого не было, выспались бы себѣ какъ слѣдуетъ въ степи. Ну, да задамъ же ему! — думаетъ.—Сразу могъ человѣкъ понять, что не доброе это мѣсто, потому зачѣмъ бы корчмѣ стоять въ пустой степи? Хорошій жидъ,—и тотъ сюда не пойдетъ шинковать, хоть бы и часто приворачивали добрые люди». Думалъ онъ такъ, искалъ, искалъ побратима, а того и слѣдъ простылъ.

И туда заглядывалъ, и сюда,—нѣтъ его, да и только! Диву дался прадѣдъ. «Неужто-жъ,—думаетъ,—и натворили надъ нимъ что-нибудь анаѳемскія вѣдьмы?» И заскребло у него на сердцѣ, очень заскребло. «Не слѣдовало бы мнѣ,—кается,—кидать его въ бѣдѣ. И чего это испугался я такъ, дурень?... Никогда ничего не боялся, въ сколькихъ сѣчахъ рубился, одинъ на десятерыхъ, случалось, наскакивалъ, а тутъ, вотъ поди-жъ ты, отъ бабъ удиралъ!... Ужъ подлинно,—говоритъ,—нечистая сила, ничего съ нею, знать, не подѣлаешь. И кто-жъ его зналъ,—говоритъ,—что тотъ козакъ—вовсе и не козакъ былъ, а оборотень какой-то?... Не связался, кабы зналъ!» кается теперь прадѣдъ, а побратима все нѣтъ, да нѣтъ. И пошелъ онъ, унылый, въ корчму жида разспросить...

А жидъ покрылся таласомъ *), привязалъ коробку съ заповѣдями, точно бы рогъ ко лбу, стоитъ въ углу не оборачиваясь и свои жидовскія молитвы бормочетъ. Только длинныя, худыя ноги въ чулкахъ и патыпкахъ **) торчатъ изъ-подъ таласа и кажется такъ, точно бы это голый человѣкъ въ простынѣ изъ бани вышелъ. Сидитъ козакъ, ждетъ, пока жидъ отмолится, а тотъ не кончаетъ, на всѣ тоны заливается, все въ большій жаръ входитъ. И стоналъ, и крикомъ кричалъ, и языкомъ цокалъ, съ боку на бокъ покачиваясь да патыпками пристукивая, а все конца нѣтъ... «Ишь, какъ онъ, христопродавецъ, нашу вѣру, знать, проклинаетъ! — подумалъ прадѣдъ, когда жидъ, вздрагивая

*) Молитвенный саванъ.

**) Еврейская обувь – туфли безъ задковъ.

всѣмъ тѣломъ, залился такимъ высокимъ фальцетомъ, точно бы у него въ кишкахъ схватило. — А можетъ-быть и душу свою у чорта рогатаго отмаливаетъ, кто его знаетъ!» думаетъ прадѣдъ и ждетъ себѣ терпѣливо Ждалъ, ждалъ, а вдругъ и повернулся къ нему жидъ.

— Опохмѣлиться хочешь?—спрашиваетъ искоса, не переставая бормотать, хотя и тише.

Удивился прадѣдъ, сильно удивился.

— А съ чего бы мнѣ, жидъ, и опохмѣляться,—спрашиваетъ,—когда я только нюхалъ горилку?

Посмотрѣлъ на него жидъ, моргнулъ какъ-то странно глазами, но и слова не сказалъ. Повернулся, да и опять за свое.

«Ге, — думаетъ прадѣдъ, — такъ онъ, пожалуй, и до вечера не кончитъ», и окликнулъ его.

— Гей же,—говоритъ,—жидъ, а послушай, что я тебя спрошу... Будетъ тебѣ нашу вѣру топтать.

Повернулся къ нему жидъ однимъ ухомъ, насторожился и все свое бормочетъ.

— Гдѣ тутъ, скажи,—спрашиваетъ прадѣдъ, — козакъ, побратимъ мой, дѣвался?... Грѣлся онъ тутъ почью въ корчмѣ, когда банкетъ шелъ, а теперь и слѣда его нѣтъ.

Опять ни слова не отвѣтилъ жидъ, отвернулся, да какъ заголоситъ, такъ у прадѣда въ ушахъ звякнуло. И жутко же ему тутъ стало, почуялъ, что недоброе что-то стряслось.

«Ишь ты, чортовъ сынъ, какъ голоситъ, — думаетъ, — неспроста это, знать!» Потянулъ онъ себя за усъ, потянулъ, да и прикрикнулъ съ сердцемъ:

— А ну-жъ, говоритъ,—будетъ тебѣ верещать... Отвѣчай, когда тебя спрашиваютъ!

А жидъ и того пуще залился. Кричитъ, точно бы его рѣзать собрались.

— Слушай же,—разсердился прадѣдъ,—отвѣчай, дамъ тебѣ злотый *), а будешь томить, вотъ же, ей-Богу, перекрещу тебя... Я не я буду, если креста не наложу.

Пріутихъ жидъ и повернулъ опять одно ухо.

— Чего это вамъ нужно будетъ?—спрашиваетъ вскользь.

— Гдѣ козакъ дѣвался, спрашиваю?—говоритъ нетерпѣливо прадѣдъ.—Побратимъ мой?

— А почемъ же я знаю, гдѣ онъ дѣвался?—отвѣчаетъ жидъ.—Тамъ дѣвался, гдѣ ему нужно.

— Ой, не вертись,—грозитъ прадѣдъ.—Гляди, окрещу, чортовъ сыну!

— Звините,—отвѣчаетъ жидъ.—За что-жъ вамъ и крестить меня?... Какъ же мнѣ знать, гдѣ кто дѣвался, сами подумайте... Мало ко мнѣ, что ли, пьяницъ ходитъ, такъ и смотрѣть мнѣ за каждымъ? Пхе, удивительно даже! — и поднялъ жидъ кверху плечи.

— Ну, ну,—разсердился прадѣдъ,—ты не очень-то, жидъ, напирай на пьяницъ, — самъ, гляди, не опьянѣлъ бы!... Не пьяница онъ, а добрый козакъ, а горилки даже не нюхалъ,—опротивѣла она ему.

— Пхе! смѣется жидъ, вздрагивая плечами и все, попрежнему, повернувшись только однимъ ухомъ, не переставая, притомъ же, и бормотать свое. — Тоже удивп-

*) Тогдашняя монета въ 15 копѣекъ.

тельно!... И вы не нюхали горилки, и онъ не нюхалъ. А какъ же вы не знаете, гдѣ онъ дѣвался?

— Про то и спрашиваю тебя, что не знаю!—говоритъ съ сердцемъ прадѣдъ.

— Пхе! А какой онъ изъ себя будетъ этотъ козакъ?

— Сухой изъ себя, съ однимъ окомъ,—говоритъ прадѣдъ.

Даже привскочилъ жидъ.

— Ой, вай, съ однимъ окомъ!— всплеснулъ руками да и повернулся всѣмъ передомъ.

— Съ однимъ окомъ?—кричитъ, глаза тараща въ испугѣ.—Козакъ съ однимъ окомъ? Ой, вай! ой, вай! — и закачалъ жидъ головою.

— Чего-жъ ты качаешься да кричишь?— разсердился прадѣдъ не на шутку. — Что-жъ за бѣда, что съ однимъ окомъ, за то козакъ хорошій!...

— Ой, вы не знаете, вы ничего не знаете, когда такое говорите! — попрежнему голоситъ жидъ, качая головой.—Тутъ такое дѣло вышло, такое дѣло... Ой, вай, съ однимъ окомъ!

— Да не тяни ты, чортово отродье!—вскочилъ въ гнѣвѣ прадѣдъ и такъ здорово хватилъ кулакомъ по столу, что столъ подломился, а жидъ и припѣлъ на мѣстѣ.

— Ой, и не лякайте-жъ *) меня!—проситъ. — На что вамъ меня лякать? Лучше отъ того все равно не будетъ...

— Какое же дѣло вышло, говори?—кричитъ прадѣдъ.

— А такое дѣло, господинъ козакъ,—говоритъ жидъ, поднимаясь,—такое страшное дѣло, что вы не злотый

*) Пугайте.

должны бы дать мнѣ, а два злотыхъ, и не два, а даже три злотыхъ!

— Ну, бери три, только не томи, продъ! — говоритъ нетерпѣливо прадѣдъ, бросая деньги.

— И не три, господинъ козакъ, а четыре... Ну, пусть будетъ три злотыхъ,—заспѣшилъ жидъ, замѣтивъ угрожающій жестъ прадѣда.—Такъ вы про козака съ однимъ окомъ спрашиваете?

— Ну, да-жъ!—говоритъ прадѣдъ.

— И гдѣ онъ дѣвался?

— Эге-жъ, про то самое, иродъ!

— Нехорошо онъ дѣвался, господинъ козакъ, — отвѣчаетъ жидъ, качая головой и цокая губами.—Очень нехорошо...

— Ахъ, ты, бѣсъ тебя возьми, душу всю вымоталъ!—вышелъ изъ себя прадѣдъ.—Ну, слушай же, свиное ухо, вотъ, не сойди я съ мѣста, если не перекрещу тебя, да еще и пейсы не обрѣжу!... Говори толкомъ!—и поднялъ для креста руку.

Съёжился жидъ, испугался.

— Стойте,—вопитъ въ страхѣ,—я все скажу... какъ честный жидъ, все!... И чего же вы гнѣваетесь, господинъ?... Звѣстное дѣло, нехорошо дѣвался, если его взяли Ромодановскіе *) стрѣльцы и козаки Самойловича.

Такъ и обмеръ прадѣдъ,—даже глаза на лобъ вылѣзли и люлька чуть было изо рта не выпала.

---

*) Отрядомъ стрѣльцовъ въ борьбѣ съ Дорошенкой начальствовалъ боярин Григорій Ромодановскій.

— Врешь, проклятый жидъ!—бормочетъ, еле духъ переводя.—Откуда взялись бы они?

— Откуда взялись? А кто ихъ знаетъ, откуда?—говоритъ жидъ.—Только много дней они кружили здѣсь, чтобы пословъ гетманскихъ перехватить.

«Вотъ кого напустили на него подлыя вѣдьмы!» думаетъ прадѣдъ и до слезъ рвануло его за сердце. Сами знаете, каково оно было козаку потерять побратима, не заступиться за него острою саблей... «Ге,—думаетъ бѣдняга съ тоской,—зачѣмъ же мнѣ острая сабля, зачѣмъ и козакомъ звать меня, если я своему на помощь не пришелъ? Ну, да можетъ еще и вретъ жидъ!»

— Какъ же они его взяли?—спрашиваетъ не своимъ голосомъ.

— А такъ взяли, господинъ козакъ,—отвѣчаетъ жидъ.—Звѣстно, какъ,—наскочили гурьбой и взяли... Только очень бился козакъ саблей... Можетъ и не взяли бы, если-бъ у него ноги лучше стояли...

— Не пилъ онъ, только отъ духу захмѣлѣлъ бѣдняга!—вздохнулъ печально прадѣдъ и поникъ удалою головой.

— Пхе!—смѣется каторжный жидъ,—можетъ, и отъ духу, тогда и нюхать не нужно горилки... Зачѣмъ же онъ нюхалъ?

— Поневолѣ нюхать будешь, когда черти варенуху варятъ,—сердится прадѣдъ въ отвѣтъ,—чтобъ имъ горло запекло!... Такъ когда-жъ они его взяли, нечистыя души?

— А позапрошлою ночью, господинъ козакъ, взяли,—отвѣчаетъ жидъ.

— Какъ позапрошлою? Очумѣлъ ты, что ли, жидъ?—

не вѣритъ прадѣдъ.—Только вчера къ вечеру мы попали съ нимъ въ это чортово гнѣздо... Въ эту ночь, значитъ!...

Снова смѣется каторжный жидъ.

— Видно, и вы хорошо понюхали, господинъ козакъ,—говоритъ,—если счеть потеряли. Нѣтъ, не въ эту, а въ ту ночь еще...

— Ну, и спалъ же я!—удивляется прадѣдъ.—Вотъ, такъ и спалъ, если жидъ не вретъ! И товарища проспалъ... Такъ и отдалъ его безъ защиты Самойловичскимъ здрадникамъ, прости Господи! Тьфу, ты дьявольское наваждение!

— И еще вамъ нужно сказать,—говоритъ жидъ,—и другого козака искали, потому что ихъ два было, только никакъ найти не могли... И что они со мной дѣлали, и кричали, и стрѣляли, чтобъ я имъ сказалъ,—такое дѣлали, что мнѣ смерть приходила и даже хуже, чѣмъ смерть, а я не сказалъ имъ, гдѣ другой... На что, думаю, сказать имъ? Пускай себѣ стрѣляютъ... Господинъ козакъ какъ проснется, думаю, мнѣ еще три злотыхъ дастъ... Потому хорошій панъ,—сразу видно!...

Не выдержалъ тутъ козакъ, заплакалъ. Вынулъ изо рта люльку, да и залился слезами, ровно бы младенецъ малый...

Ой, и горючи же козацкія слезы, такъ и жгутъ огнемъ. Только знай онъ, куда поскакать, такъ и полетѣлъ бы орломъ на выручку товарища... Пропадай козацкая голова, все равно придется ей лечь въ чистомъ полѣ,—одинъ на всѣхъ наскочилъ бы!... Да не найдешь слѣда въ степи и далеко должны были ускакать враги за сутки.

«Нечего дѣлать, — думаетъ, плача, бѣдняга, — нужно

одному везти гетманскую грамоту! Грозила мнѣ бѣдой проклятая вѣдьма. Пусть будетъ, что будетъ,— посмотримъ, чего натворитъ она... А не разнесутъ меня черные вороны, какъ вернусь назадъ,—пусть земля не приметъ, если не кинусь на выручку товарища, только бы онъ цѣлъ остался!»

Потужилъ онъ еще, кинулъ жиду деньги, осѣдлалъ вороного и помчался зеленою степью. Слава Богу и то,— думаетъ,—что при немъ грамота, что не досталась она врагамъ и не добрались они до него... Охъ, и попадись ему только врагъ тогда, то-то поработала бы острая козацкая сабля!

IX.

Большая суета идетъ при ханскомъ дворѣ, много толковъ и всякихъ пересудовъ ходитъ изъ устъ въ уста и ликуютъ кругомъ придворные. Пріѣхалъ посолъ отъ ханскаго друга, гетмана Украйны, привезъ ему грамоту отъ него и зоветъ орду на совмѣстный бранный пиръ, а давно уже чешутся у «батырей» руки, давно тянутся онѣ къ кривой саблѣ, надоѣлъ уже долгій миръ. Да и подобаетъ ли добрымъ дѣтямъ «пророка» сидѣть подъ крышею, слушать, какъ ссорятся между собою ревнивыя жены, когда есть чистое поле, гдѣ можно рубиться на славу, есть кривая сабля и летучія стрѣлы, которыми можно добыть свѣтлокудрыхъ и чернооких красавицъ изъ веселой Польши и Руси или дорогіе московскіе мѣха и чеканнаго серебра утварь?... Нѣтъ, даже кони—и тѣ нетерпѣливо ржатъ и постукиваютъ своими легкими ногами.

Обрадовался ханъ и радуются съ нимъ всѣ вѣрные его слуги. Надѣваютъ беги и мурзы дорогіе халаты, пристегиваютъ кривые ятаганы въ богатѣйшихъ ножнахъ, осыпанныхъ жемчугомъ и камнями, потому что пышную встрѣчу готовитъ ханъ послу своего друга,—хочетъ показать и друзьямъ, и недругамъ, какъ чтитъ онъ дружбу и высоко ставитъ великую доблесть гетмана. И дары уже приготовилъ ханъ для него: рѣдкую саблю съ дамасскимъ клинкомъ, на которомъ золотымъ чеканомъ горитъ самое мудрѣйшее изреченіе, и богатое сѣдло, сплошь покрытое золотымъ шитьемъ и крупною бирюзой. А кто же не знаетъ, что за такимъ даромъ сейчасъ же и сядетъ орда на борзыхъ коней и гикнетъ на всю степь? И весело потому добрымъ воинамъ,—какъ орлы полетятъ они съ ханомъ на помощь гетману. А веселѣе всего Азамату, молодому ханскому сыну,—не бывалъ онъ еще въ бранныхъ походахъ.

Одинъ только дряхлый Фазиль-Ахмедъ-паша *) не радуется, хотя и боится обнаружить свою печаль предъ вѣрными ханскими слугами... Ой, и хитеръ же ты старикъ, какъ лисица хитеръ! Улыбается, поддакиваетъ, лиситъ съ козакомъ сладкимъ голосомъ, а черная змѣя такъ и гложетъ его сердце, а въ глубоко-впавшихъ глазахъ такъ и прыгаютъ злые огоньки изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей. Много разныхъ слуховъ разносится о немъ молвою: говорятъ, что ненавидитъ онъ гетмана, дружитъ съ Самойловичемъ, сносится втихомолку съ Москвой; говорятъ, что

*) Фазиль-Ахмедъ—визирь Селима-хана, большой сторонникъ Москвы.

и дары оттуда шлютъ ему, да не слышитъ этого ханъ, приблизилъ къ себѣ пашу, первымъ человѣкомъ сдѣлалъ... Не любятъ его въ ордѣ, сильно не любятъ, но боятся,—никто и голоса поднять не смѣетъ. Былъ одинъ смѣльчакъ извѣстный «батырь» Кара-Мустафъ *), какихъ не много и въ цѣлой ордѣ найдешь. Осмѣлился онъ, поднялъ голосъ, попытался открыть хану глаза, но извернулся Фазиль-Ахмедъ, юркою лисицей извернулся, а батырь только разгнѣвалъ хана. Осѣдлалъ онъ тогда своего коня, да и уѣхалъ пивѣсть куда на печаль всѣмъ, потому что всѣ любили удалого Кара-Мустафу. Самый слухъ о немъ исчезъ съ тѣхъ поръ въ ордѣ,—живъ ли, не живъ, не зналъ никто,—а Фазиль-Ахмедъ взялъ небывалую силу, потому что во всемъ довѣрялъ ему ханъ. Говорили въ ордѣ, что околдовалъ онъ хана какими-то нечистыми чарами, говорили, что съ шайтаномъ знался старый паша...

Да не зналъ, не думалъ объ этомъ прадѣдъ,—ввѣрился онъ ловкому колдуну, умѣвшему точить сладкія рѣчи. Радъ былъ, что донесъ его Господь и довезъ онъ гетманскую грамоту безъ всякой помѣхи, что хорошо приняла его орда, а за радостью своей ничего и знать не хотѣлъ. Только Бога благодарилъ, да надъ угрозой старой вѣдьмы подсмѣивался. «А вотъ же и не разнесли меня черные вороны,—думалъ,—какъ ни грозила старая карга... Довезъ-таки грамоту и если Господь поможетъ, то и побратима еще выручу, я не я буду, если не выручу, толь-

*) Кара-Мустафъ паша—впослѣдствіи тоже визирь, замѣститель Фазиль-Ахмеда.

ко бы живъ былъ тотъ!» Думалъ онъ такъ, тѣшился, а Фазиль-Ахмедъ и зоветъ его къ хану.

— Ну, другъ, иди,—говоритъ,—самъ ханъ тебя зоветъ предъ свои очи. Любитъ онъ твоего гетмана и съ нетерпѣніемъ ждетъ его грамоту... Приготовь же ее,—говоритъ.

Распоролъ прадѣдъ подкладку въ жупанѣ, куда запряталъ гетманскую грамоту, нащупалъ свертокъ рукою, оправился и повелъ его паша предъ ханскія очи.

Пышныя палаты у хана. Все расписано, изукрашено, раззолочено, и такими хитрыми узорами, что не поймешь никакъ, какъ и выводили ихъ мастера. Ни одна баба самою тонкою иглой не вышьетъ на полотнѣ такихъ узоровъ, хоть бы и вѣкъ вышивала, какъ расписаны ханскія стѣны. «Иной, пожалуй, и не повѣрилъ бы,—думаетъ прадѣдъ. Одного золота сколько ушло, а про краску и говорить нечего... Не всякій маляръ и сказалъ бы сразу, сколько пудовъ ея ушло!» Идетъ прадѣдъ за пашой, а кругомъ мурзы да беги, въ дорогихъ халатахъ, одинъ другого наряднѣе, одинъ другого важнѣе, стоятъ и глядятъ на него, сложивъ чинно на животѣ руки, да кланяются ему, нагибая головы, перекладывая руки съ сердца на чело. Другой оробѣлъ бы среди такой пышности и блеска; но не робкаго десятка былъ прадѣдъ, — идетъ себѣ, ступаетъ смѣло подкованными каблуками по дорогимъ коврамъ, такимъ же яркимъ, какъ и расписанныя стѣны, какъ и наряды грозныхъ беговъ.

— Оправься, другъ!—говоритъ, наконецъ, Фазиль-Ахмедъ, передъ дверью, у которой стояла съ мечами стража.—Осмотрись получше,—сейчасъ предъ ханомъ станешь!..

Сидитъ ханъ на расшитой подушкѣ, скрестивъ ноги, куритъ длинный чубукъ, а вокругъ хана стоятъ въ золотой парчѣ самые важные мурзы въ ордѣ, всѣ сѣдые да грозные, и ханскіе сыновья тутъ же... И стража стоитъ тутъ же, съ блестящими мечами, съ высокими копьями, и все вокругъ такъ блеститъ, такъ сверкаетъ, что у прадѣда и въ очахъ зарябило, — не знаетъ, куда и смотрѣть ему. Но не сробѣлъ козакъ, не ударилъ лицомъ въ грязь, поклонился хану и сыновьямъ ханскимъ, и мурзамъ старымъ, и сталъ предъ ханомъ молодецъ-молодцомъ.

— Вотъ, великій ханъ, — говоритъ, кланяясь, Фазиль-Ахмедъ, — привелъ я, по твоему приказу, посла твоего друга гетмана... Шлетъ онъ тебѣ самый низкій поклонъ.

— Скажи послу,—говоритъ ханъ пашѣ, — что я радъ его видѣть и благодарю за поклонъ моего друга. Спроси его,—говоритъ,—здоровъ ли мой другъ?

— Здоровъ гетманъ, съ поклономъ отвѣчаетъ прадѣдъ,— и желательно знать ему, какъ и твое ханское здоровье будетъ?

Умѣлъ-таки прадѣдъ вести рѣчь,— что и говорить... Малый былъ не промахъ!...

— И мы здоровы, слава Аллаху,—отвѣчаетъ ханъ.—И часто вспоминаемъ нашего друга. Каково ему живется теперь?

— А такъ живется,—говоритъ прадѣдъ,—что, къ примѣру сказать, и галушки съ саломъ не идутъ ему въ горло... Прислалъ меня къ тебѣ съ просьбой о помощи.

— А что нужно ему?—спрашиваетъ ханъ.—Мы всегда рады помочь другу... Говорилъ мнѣ паша, что есть у тебя грамота къ намъ...

— Эге-жъ,—отвѣчаетъ прадѣдъ,—есть!—и полѣзъ рукою въ жупанъ.—Вотъ она самая!

— Мы рады прослушать: грамота друга для насъ лучшій гостинецъ,—отвѣчаетъ ханъ.—Возьми ее, Фазиль-Ахмедъ, у посла и прочти, о чемъ пишетъ другъ нашъ.

Беретъ паша свертокъ, развязываетъ, а прадѣду захотись, вдругъ, еще больше задобрить хана въ пользу гетмана.

— И повѣрь, великій ханъ,—говоритъ онъ съ низкимъ поклономъ, — что никому еще не посылалъ вельможный гетманъ такихъ грамотъ. Только тебѣ одному, потому что очень чтитъ онъ, вельможный, твою милость!...

Поклонился до земли, да какъ поднялся, смотритъ,—что за диво? ни на комъ лица нѣтъ! Поспѣлъ Селимъ-Гирей, спитъ съ полуоткрытымъ ртомъ и неподвижно уставленными глазами, а грозные озлобленные мурзы да беги за ятаганы схватились.

«Что за оказія?» думаетъ въ изумленіи прадѣдъ. Обернулся онъ къ Фазиль-Ахмеду, глядитъ,—и что-жъ бы вы думали, добрые люди,—самъ, своими похолодѣвшими глазами видитъ: держитъ старый колдунъ, вмѣсто грамоты, бабій «очипокъ» *), да еще и потряхиваетъ имъ, чортовъ сынъ, передъ ханомъ...

*) Головной уборъ замужнихъ. Поднести таковой мужчинѣ считается и до сихъ поръ величайшимъ оскорбленіемъ. Это и злая насмѣшка, и выраженіе самаго глубокаго презрѣнія. Повѣрье гласитъ, что если зашить незамѣтно очипокъ въ платье возлюбленнаго, то этимъ можно причаровать его сердце. Подозрительныя ревнивицы и до сихъ поръ прибѣгаютъ къ этому средству, чтобы привязать къ себѣ легкомысленнаго сердцеѣда-вѣтренника.

X.

Ой, и крѣпки же стѣны въ страшной башнѣ, такъ крѣпко сложены, что стрѣляй въ нихъ каменными ядрами *) изъ самыхъ большихъ пушекъ, и прахомъ только разсыпались бы ядра... И тяжелыя рѣшетки въ узкихъ бойницахъ крѣпки, не поѣла ихъ ржавчина, не погнуло время, хоть и давнымъ-давно сложена страшная башня... И прòклятая вѣковыми стонами цѣпь не перержавѣла, а все такъ же спускается съ потолка, прикрѣпленная къ нему могучими кольцами, все такъ же плотно охватываетъ козацкую шею, хотя и ручьями, цѣлыми потоками прокатились по ней человѣческія слезы... Не выбраться узнику изъ страшной башни, хотя бы всѣ мыши на свѣтѣ принялись грызть острыми зубами могучія стѣны, и нѣтъ изъ нея другого выхода, какъ на плаху...

Сидитъ на цѣпи прадѣдъ и ждетъ заутра лютой казни. Разорвутъ козака на четыре стороны дикія степныя лошади, а бѣлыя козацкія кости подхватятъ затѣмъ черные вòроны и разнесутъ во всѣ концы свѣта Божьяго... Ой, и рано же ты радовался, козакъ, рано подсмѣивался надъ проклятою вѣдьмой, рано похвалялся!... Лучше было бы тебѣ слушаться добрыхъ людей, не женихаться съ каждою встрѣчною бабой, не разбирая, вѣдьма-ль она, или не вѣдьма, стóитъ ли она твоей молодецкой головы, твоей рыцарской славы, или не стóитъ... Не было бы того, что случилось, не кончилъ бы ты позорною плахой!... Да

*) Въ XVII вѣкѣ были въ употребленіи каменныя ядра.

что плаха? Развѣ смерть страшитъ добраго козака, когда онъ сотни разъ видалъ ее своими смѣлыми очами въ удалыхъ сѣчахъ, гдѣ какъ спѣлыя колосья подъ серпомъ валились добрые молодцы? Страшнѣе всякихъ мукъ и смертей козаку то, что будетъ онъ теперь проклятъ изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ, какъ врагъ и здравникъ, навлекшій на родную землю неслыханныя бѣды, превратившій обиженнаго имъ хана въ страшнаго врага изъ союзника и друга. Разславятъ козака во всѣ концы и никто не заступится, никто не скажетъ, что не по злой своей волѣ сдѣлалъ онъ это, что подстроила ему все злая мстительная вѣдьма, потому что кому же придетъ такое въ голову?... «Ой, и кому-жъ ты довѣрился, вельможный гетманъ, батько козачій, кого принялъ ты за добраго и вѣрнаго козака? — скажетъ всякій. — Мало-ль у тебя было вѣрныхъ, смѣлыхъ молодцовъ въ твоей Украинѣ, что ты выбралъ такого?»

Думалъ такъ прадѣдъ и горько рыдалъ онъ на желѣзной цѣпи. Горячія были эти слезы, не дай Господь и врагу плакать такими слезами!... Не дай, милосердный, такихъ слезъ никогда на землѣ!... А уже и вечеръ стоитъ, тихій да румяный, и краситъ багрянцемъ узкія бойницы. Ужъ и зори вспыхнули въ чистомъ небѣ и мигаютъ узнику сквозь желѣзную рѣшетку, ровно бы плачутъ съ бѣднягой... Съ тяжелыхъ работъ, побрякивая цѣпями, идутъ по улицѣ бѣдные невольники, садятся усталые у подножія башни, и слышитъ прадѣдъ, какъ ведутъ они промежъ себя разговоры о «тихихъ зоряхъ» милой Украины... «Ой, и мило-жъ тамъ, и ясно, и Днѣпръ реветъ

могучій, и вольная воля гарцуетъ по долинамъ, и дивчата поютъ свои чудныя пѣсни!... Ой, приснись же ты намъ хоть во снѣ, милая родина, приснись,—молятъ,—бѣднымъ невольникамъ, за тебя же, незабвенная, въ тяжкій полонъ попавшимъ!» Молятъ, заливаются слезами, спромахи, и прадѣдъ плачетъ съ ними, хотя и не видятъ они его... И слышитъ прадѣдъ, окликаютъ они старца прохожаго, тоже невольника, да еще и ослѣпленнаго въ неволѣ, окликаютъ и просятъ:

— Спой же намъ, старче Божій, родную думку,—просятъ невольники.—Спой что-нибудь, облегчи намъ сердца наши!...

И настраиваетъ старецъ Божій свою кобзу, налаживаетъ тоны слѣпецъ-невольникъ... Льется грустный родной мотивъ, дрогнулъ тихій воздухъ отъ жалобныхъ тоновъ и затрепетало сердце козачье... Дивныя слова неслыханной еще думы долетаютъ до слуха прадѣда и заслушался онъ, замеръ, забывшись... И долго поетъ старецъ, долго дрожитъ въ тихомъ воздухѣ его старческій голосъ:

«Ой, давно было дѣло, и очень давно оно было, а нѣтъ въ Украинѣ козачьяго сердца, которое бы это дѣло забыло...

«Ой, идутъ ляхи на три шляхи *), а козаки на четыре... Идутъ они какъ братъ съ братомъ, рука въ руку, сердце въ сердце, у тѣхъ и другихъ одна дума... Идутъ они славный пиръ пировать, горячій пиръ, заварятъ они пива хмѣльного, червоннаго... Басурману конецъ пришелъ,

*) На три пути.

поднялись они за землю христіанскую, за волю людскую, идутъ войной на нехристя, идутъ путы рвать, бѣдныхъ невольниковъ изъ плѣна вырывать... Впереди самъ король ѣдетъ, съ боку его—королевичъ, а по правую руку—его первый другъ, нашъ батько козачій, гетманъ Конашевичъ Сагайдачный... *)

«Само солнце въ небѣ стало, заглядѣлось, потому что никогда еще не видало оно на землѣ такой славы, такого блеска и мощи... Ой, и ржатъ борзые кони,—ржатъ, только земля дрожитъ... Ой, и блестятъ мечи, сверкаютъ, острые, словно воздухъ горитъ, а отъ копій лѣсъ стоитъ, а отъ знаменъ ихъ солнце не жжетъ,—тѣнью покрываются... И гремятъ литавры и бубны, и рокочутъ звонкія трубы... Ой, и слава-жъ вамъ, воители славные, защитники христіанскіе,—слава!...

«И говоритъ король своему другу, гетману козачьему: —«Ой, возьми-жъ ты, гетманъ вельможный, да выбери славную сотню и пошли ее на развѣдки... Скрывается отъ насъ басурманъ, бѣжитъ онъ честного боя... Да выбери ты, гетманъ, сотню что ни на есть лучшую, самыхъ лучшихъ орловъ своей славной и милой Руси, самыхъ знатныхъ лыцарей!»

«Отвѣчаетъ королю другъ его гетманъ:—«А и пѣтъ у меня, ясный король, дурной сотни, всѣ они твои вѣрные слуги, ясновельможный, какъ и всѣ орлята у орла одинаковы... Только-жъ возьму я сотню Харька, потому что

*) Походъ на турокъ Сигизмунда вмѣстѣ съ Русью, когда республика, какъ извѣстно, достигла апогея своей славы и мощи.

невтерпежъ ей хочется рубиться... Зудятъ у твоихъ орлятъ молодые когти!»... И кликнулъ Харька гетманъ и послалъ его на развѣдки... И повелъ Харько свою сотню, а и гикнула сотня, полетѣла, даже степь застонала...

«И нашла она басурмана, да и кинулась, не разсудивши сгоряча, прямо въ сабли... Рубятся орлы, тѣшатъ удалыя сердца, а того и не видятъ, что облегаетъ ихъ кругомъ басурманская рать, что наскочили они на всю турецкую силу... А когда оглядѣлись, то и коня повернуть нельзя было за туркомъ, и окопалась сотня на мѣстѣ, отбиваться пришлось... И бьется сотня съ цѣлою ратью день, бьется другой, а на третій и полсотни уже всего остается...

«И сразила на третій день пуля сотника Харька, и упалъ, кончается славный лыцарь.. Ой, и говоритъ же передъ кончиною славный сотникъ Харько да своимъ козакамъ, своимъ братьямъ милымъ:—«Ой, и стойте-жъ, орлы, до послѣдняго стойте, не уроните вы лыцарской славы!... А и выберите-жъ изъ среды себя одного, пусть коснется моей раны въ сердцѣ и оберется онъ оттого птицей, перелетитъ птицей вражій станъ, а тамъ снова козакомъ станетъ и подастъ вѣсть королю и гетману... Ой, скорѣй только, орлята, чтобы не вышелъ еще изъ меня духъ мой!»

«И клялись ему козаки стоять до послѣдняго и не ронять лыцарской славы... И кидали они жребій и палъ жребій на Юрко молодого, козака удалого... И коснулся Юрко открытаго пулею сердца и сталъ птицей и улетѣлъ изъ окопа... А козаки бьются, все бьются, на Юрко надѣясь, что приведетъ онъ имъ ратную помощь...

«Ой, и летитъ Юрко пташкой, далеко улетѣлъ уже, да и сѣлъ отдохнуть передъ дѣвичьимъ окошцемъ на вѣткѣ. И заглядись онъ въ окошце на краспвую панну, на вѣдьмину дочку, что была еще и матери своей злѣе... И красавица вѣдьма на него заглядѣлась, какъ онъ снова козакомъ обернулся, и причаровала, проклятая... Позабылъ козакъ, зачѣмъ посланъ былъ, позабылъ за дѣвичьими ласками, что товарищей оставилъ въ бѣдѣ, что погибнутъ они отъ басурманскихъ пуль въ чистомъ полѣ безъ помощи... И братьевъ своихъ, и родную землю позабылъ козакъ!...

«И легла сотня въ чистомъ полѣ, вся безъ единаго, какъ и обѣщала она Харьку. И принесли козацкія души къ свѣтлому престолу Предвѣчнаго свою жалобу на измѣнника брата и просили суда на него, суда страшнаго... И за доблесть ихъ, за смертельный бой съ невѣрными дано было имъ судить самимъ измѣнника, самимъ придумать ему кару лютую... Призадумалась сотня безъ единаго, но надумала.—«Пусть же, милосердный Боже,—говорятъ,—остается онъ рабомъ своей вѣдьмы и вѣчно помнитъ грѣхъ свой,—пусть, когда и въ гробъ ляжетъ, будетъ рабомъ ея и не знаетъ въ домовинѣ *) покоя. Только въ праздникъ свѣтлый Твой пусть отдыхаетъ, чтобъ еще милѣй казался ему покой, котораго у него не будетъ. И пусть проклятая вѣдьма живетъ только своею любовью къ нему и вѣчно мучится, что мало еще онъ любитъ ее... Пусть обоихъ терзаетъ любовь ихъ!»

---

*) Въ гробу.

— «Страшная эта кара, — говоритъ Предвѣчный, — сколько же ей длиться?

«И отвѣчала сотня безъ единаго:

— «Пусть длится, Пресвѣтлый Боже, пока не найдется въ Украинѣ такой бравый козакъ, что разведетъ ихъ, отобьетъ у него влюбленную вѣдьму, но самъ не попадетъ въ ея руки, уверится и останется добрымъ козакомъ на свѣтѣ... Пусть тогда вѣдьма потеряетъ красоту свою и низвергнется въ пекло, а Юрко ляжетъ въ домовину»...

«Ой, и давно было дѣло, и очень давно оно было, а нѣтъ въ Украинѣ сердца, которое бы это дѣло забыло...»

«Эге-жъ!— думаетъ прадѣдъ, когда дослушалъ до конца думу *),— такъ вотъ оно кто будетъ этотъ блѣдный козакъ!... Такъ это Юрко заклятаго разводилъ я!—и застоналъ бѣдняга.—О, Юрко, — плачетъ, — выручилъ я тебя, легъ ты на покой въ домовину, какъ честный козакъ, а самъ себя я въ бѣду ввелъ и на всю родную землю ее накликалъ! И никто не заступится за меня, на вѣки вѣчные покроетъ позоръ мое имя, хотя я ей-Богу же остался добрымъ козакомъ и свято берегъ грамоту!... А объ-

*) Думы объ измѣнѣ козака Юрко не существуетъ. Есть только легенда, жившая еще лѣтъ двадцать тому назадъ въ западной Подоліи въ разсказахъ стариковъ. Въ пѣсняхъ о сотникѣ Харько и его геройческой смерти тоже не упоминается о Юрко и его измѣнѣ, такъ что сама легенда является совершенно частнымъ и мѣстнымъ преданіемъ, случайно лишь пристегнутымъ къ личности Харька и его сотнѣ.

щалъ ты, Юрко, еще и заслужить мнѣ за услугу!... Что-жъ ты лежишь въ своей домовинѣ?...

Крѣпко рыдалъ такъ прадѣдъ, когда глядитъ — стоитъ предъ нимъ мертвый Юрко и смотритъ на него сквозь закрытыя вѣки мертвыми очами.

— Прости меня, Петро, прости, славный лыцарь,—говоритъ мертвецъ, — виноватъ я предъ тобою... Страстно жаждалъ я покоя и не могъ устоять,—какъ освободилъ ты меня, такъ и легъ я сейчасъ... Хорошо, что ты вспомнилъ обо мнѣ и разбудилъ своимъ стономъ.

Поднялъ прадѣдъ голову.

— Слушай же, Юрко, — говоритъ онъ ему, — великая твоя вина была, загладь же ее теперь предъ своими.

— Выручить тебя, козакъ?—спрашиваетъ мертвый Юрко.

— Нѣтъ, — говоритъ прадѣдъ. — Не меня выручай, а родную землю выручи отъ ханскаго гнѣва. Выручи ее, Юрко! — заломилъ онъ руки съ мольбою и брякнула тяжелая цѣпь, и сталъ узникъ предъ мертвецомъ на колѣни.—Что мнѣ смерть? Не боюсь я ея, на то козакъ я, а родину, Юрко, выручай, милую, многострадальную землю и людъ ея Божій, вотъ кого... Да еще побратима моего и тѣхъ бѣдныхъ невольниковъ внизу выручи!—говоритъ, и упалъ къ мертвымъ ногамъ и цѣловалъ онъ ихъ, обливая слезами.

— Не плачь, Петро, не моли меня, чистая душа твоя, все будетъ, какъ ты говоришь, все перемѣнится утромъ и самъ ты выйдешь изъ темницы, бравый лыцарь,—отвѣчаетъ мертвецъ, — самъ выручишь всѣхъ... Поплатится за свое колдовство съ грамотой старый колдунъ Фазиль-Ах-

медъ. Сродни онъ той вѣдьмѣ, потому и мстилъ тебѣ по ея просьбѣ,—подмѣнилъ грамоту и послалъ ее съ Ахметкой, своимъ сыномъ, Самойловичу... Да не тужи, не по немъ станется. Спи себѣ теперь спокойно!...

Сказалъ мертвецъ и слѣдъ его простылъ, а прадѣдъ и заснулъ сейчасъ.

XI.

Ясно свѣтитъ горячее солнце, заливаетъ оно свѣтомъ и плоскія крыши, и грозную башню, и всю широкую площадь, куда бѣгомъ спѣшитъ орда поглазѣть, какъ будутъ разносить дикіе кони бѣлое козацкое тѣло, какъ заплатитъ лютою казнью ханскій обидчикъ. Много орды набѣжало уже, тѣснятся, яблоку упасть негдѣ, и все растетъ толпа, а съ нею и шумъ растетъ,— точно бы море шумитъ широкая площадь. Вотъ и стража идетъ уже, и важные мурзы показались,—знать, недолго ждать осталось, самъ ханъ появится скоро, а тамъ и узника приведутъ. Поднялось солнце еще выше, еще сильнѣе пригрѣло, и показался, наконецъ, вдали на бѣломъ конѣ ханъ съ мурзами и беками, ѣдетъ, понуривъ голову грустно, а рядомъ съ нимъ и старый паша ѣдетъ, улыбается про себя, радъ колдунъ... Подъѣхалъ ближе ханъ, остановилъ коня и подалъ Фазиль-Ахмедъ знакъ своею пухлою рукой *). Привели дикихъ коней, такихъ дикихъ, что четверо татаръ еле сдерживали каждаго. Такъ и горѣли у нихъ быстрыя, испуганныя очи, такъ и валилъ горячій паръ изъ широ-

*) Визирь Фазиль-Ахмедъ страдалъ подъ конецъ водянкой.

кихъ ноздрей. Подалъ еще знакъ и пошла стража въ башню за узникомъ. Замерла, затаила дыханіе нетерпѣливая, жадная толпа.

Только что-жъ это шелохнулись всѣ, зашумѣли, когда и узника еще не видно? Обернулись изумленныя головы, шумятъ, и мурзы обернулись, ханъ удивленный смотритъ, а толстый Фазиль-Ахмедъ поблѣднѣлъ, затрясся весь и посинѣлъ затѣмъ... Что такое?... Видятъ всѣ, спѣшитъ, скачетъ, невѣдомый какой-то «батырь» на ворономъ боевомъ конѣ и везетъ за сѣдломъ притороченнаго плѣнника. Все ближе батырь, и ахнула орда, ликуетъ, почти глазамъ не вѣря отъ радости... Скачетъ это безъ вѣсти пропавшій было общій любимецъ Кара-Мустафъ и везетъ онъ за сѣдломъ связаннаго Ахметку, сына стараго визиря. Скачетъ—и прямо къ хану.

— Вотъ,—говоритъ,—не повѣрилъ ты мнѣ великій ханъ, разгнѣвался на своего вѣрнаго слугу, когда я обличилъ тебѣ въ измѣнѣ Фазиль-Ахмеда, смотри же теперь, убѣдись! Уѣхалъ я съ клятвой не вернуться, пока не добуду въ руки явной вины паши твоего, и не являлся... Но теперь вотъ она, вина его!...

И подалъ Кара-Мустафъ при ордѣ всей хану гетманскую грамоту, отнятую имъ у Ахметки. И покаялся тутъ же Ахметка, что везъ ее по приказу отца къ Самойловичу. И разъяснилъ Кара-Мустафъ, какъ подмѣнилъ старый паша колдовствомъ грамоту и самъ, такимъ образомъ, оскорбилъ хана.

— Несправедливо, великій ханъ, заточилъ ты посла своего друга въ башню,—говоритъ батырь,—несправедливо

хочешь казнить лютою казнью. Да спасетъ тебя Аллахъ и молитва пророка отъ такой несправедливости!

Обнимаетъ ханъ вѣрнаго Кара-Мустафу, благодаритъ его, радуется и визиремъ своимъ дѣлаетъ тутъ же. Велитъ онъ искать стараго колдуна,—требуетъ вся орда его казни,—да нигдѣ найти его не могутъ.

— Казни его! — кричитъ разгнѣванная, загорѣвшаяся орда,—тою смертью казни, что онъ, старый колдунъ, невинному послу готовилъ.

Кипитъ орда, шумитъ орда, ханъ гнѣвается, мурзы туда и сюда скачутъ, а нѣтъ стараго колдуна, и слѣда не оставилъ. Кто говоритъ, что видѣлъ, какъ черная собака сквозь толпу прошмыгнула и исчезла, кто опять клянется, что видѣлъ, какъ черная птица, точно бы ворона, взлетѣла и скрылась... Извѣстное дѣло, колдунъ: какъ захотѣлъ, такъ и исчезъ съ людскихъ глазъ... Только, вдругъ, и стихаетъ шумъ: «Ведутъ невиннаго посла!»—всего только и пронеслось шопотомъ надъ толпою. Замолкла, повернулась орда.

Тяжело ступаетъ закованная въ латы стража, бодро идетъ въ серединѣ бравый козакъ и смѣло, безстрашно глядятъ его соколиныя очи. «Эхъ, — думаетъ бѣднята,— знать, все, что говорилъ мнѣ Юрко, только сплось хорошо!» И горько ему, да не хочется показать ордѣ свою горечь,—хочется умереть бравымъ козакомъ, какъ и дѣды, и отцы его умирали. Идетъ онъ за стражей. «Только что-жъ это,—думаетъ, — неужто-жъ и не сплось мнѣ, а правда?» Глядитъ—идетъ къ нему на встрѣчу самъ ханъ съ мурзами и бегами, беретъ его, веселый, за руки, сами

мурзы снимаютъ съ него узы и вся орда величаетъ его и славитъ.

«Неужто-жъ это и вправду такъ?» думаетъ прадѣдъ, и полѣзъ, изумленный, въ шаровары за люлькой, потому что давно уже не потягивала козацкая душа.

— Извини меня, посолъ,—говоритъ ханъ,—всему виною былъ визирь колдунъ... Проси же у меня чего ты хочешь, клянусь пророкомъ, что исполню всякую твою просьбу.

Поклонился прадѣдъ и отвѣчаетъ хану:

— Пошли помощь гетману моему вельможному,—говоритъ,—если ужъ позволяешь мнѣ просить тебя...

— Сегодня же,—отвѣчаетъ ханъ,—повелю ордѣ сѣдлать борзыхъ коней и пойти гетману на помощь... Самъ ты поведешь передовой таборъ *) съ моимъ сыномъ Азаматомъ, а я съ остальною ордой пойду слѣдомъ... А чего же еще хотѣлъ бы ты?—спрашиваетъ ханъ.

— А еще,—кланяется прадѣдъ, слыша радостно, какъ весело зашумѣла орда на ханскія слова,—а еще прошу, освободи ты всѣхъ бѣдныхъ невольниковъ нашихъ, какіе когда-либо въ полонъ попались...

— И это сбудется... Снять съ невольниковъ цѣпи, пусть идутъ съ нимъ,—приказываетъ ханъ новому визирю,—и дать каждому коня и воинское платье, да и по золотому въ придачу... Ну, а себѣ, козакъ, неужели себѣ самому ты ничего не попросишь?

— Себѣ? — задумался прадѣдъ. — А ей-Богу же не

*) Отрядъ.

знаю чего и попросить себѣ, милостивый ханъ. Вотъ развѣ горилки добрую чарку, такъ выпилъ бы, съ охотой выпилъ бы... Потому что хоть и давно не пилъ я, а все какъ-то душѣ точно бы опохмѣлиться хочется... Только у васъ тутъ, твоя ханская милость, думаю, и въ заводѣ шинковъ не полагается, и горилки достать негдѣ.

— Будетъ тебѣ горилка, — смѣется ханъ, — выпьешь, сколько душа пожелаетъ!... Но мало одной горилки, проси еще... Проси красавицу, хочешь? Лучшую невольницу подарю тебѣ.

— Нѣтъ, милостивый ханъ, будетъ съ меня, зарокъ далъ! Вотъ гдѣ сидятъ мнѣ красавицы! — показываетъ прадѣдъ на затылокъ.—Баста женихаться!

— Ну, золота?—смѣется ханъ.

— А и зачѣмъ мнѣ оно,—отвѣчаетъ прадѣдъ,—когда его пропить нельзя? Не полагается козаку пить горилку въ походѣ.... *)

Такъ и не попросилъ ничего самолюбивый и гордый прадѣдъ. Не любилъ козакъ попрошайничать!.. Хотѣлъ было уже онъ и подшутить маленько надъ ханомъ: попросить себѣ галушекъ съ свинымъ саломъ, котораго орда, извѣстно, хуже чорта боится, да тутъ самъ ханъ заговорилъ:

---

*) Законами запорожскаго войска строго воспрещалось пить во время похода и кошевой, облекавшійся съ выступленіемъ въ походъ неограниченною властью, могъ карать нарушителей даже смертною казнью. Нѣкоторое послабленіе допускалось только во время осадъ и лагерныхъ стоянокъ. Малороссійскіе реестровые полки тоже строго блюли эти законы.

— Ну,—говоритъ,—коли ты такой гордый козакъ, что ничего и попросить не хочешь, такъ я ужъ самъ тебѣ подарокъ сдѣлаю!.. Вотъ, тебѣ,—говоритъ,—моя ханская сабля, что и стволъ ружейный какъ вѣточку перерубить можетъ, а вотъ—и конь, которымъ бы и самъ падишахъ не погнушался!..

И подвели тутъ прадѣду такого коня, такого чуднаго коня, что у него всѣ поджилки отъ радости задрожали и духъ захватило даже...

XII.

Ой, и обложили Дорошенка, обложили кругомъ гетмана,—точно кольцомъ стянули ратью... Ой, и бьется гетманъ день, ой, и бьется два, а на третій видитъ батько, что не пробиться ему, не прорвать кольца, что придется лечь козакамъ лыцарскою смертью, какъ травѣ подъ косою лечь... Ой, и жалко-жъ стало гетманскому сердцу братьевъ своихъ милыхъ, козаковъ удалыхъ, и заплакалъ онъ дробными слезами, какъ огонь горячими козацкими слезами... И сказалъ гетманъ своимъ орлятамъ:

— Гей, вы, орлы мои, козаки удалые! Нѣтъ намъ ниоткуда подмоги, покидайте вы лучше меня, своего гетмана, не кладите напрасно свои головы!

И отвѣчали козаки гетману:

— Не нужно намъ подмоги, коли нѣтъ ея, не покинемъ мы тебя, гетмана, покладемъ свои головы, какъ сами хотимъ!

И сказалъ на такую рѣчь гетманъ:

— Коли такъ, орлы мои, надѣвайте-жъ вы бѣлыя, чи-

стыя сорочки и покайтесь всѣ другъ другу на комъ какой грѣхъ есть. И теплѣе Богу помолитесь, потому что на смертный бой поведу я васъ, на послѣдній бой!

И надѣвали козаки чистыя, бѣлыя сорочки, и каялись они въ своихъ грѣхахъ другъ другу, и теплѣе Богу молились. Готовились они на горячій бой, на смертельный бой.

И только поднялось солнце, взялъ вельможный гетманъ, батько козацкій, въ правую руку малиновое знамя, и блеснулъ серебромъ свѣтлый ликъ Архистратига *) передъ козацкими рядами, готовыми къ бою.

И загудѣла земля отъ конскаго топота, и задрожалъ воздухъ отъ страшнаго гика. Это-жъ помчались, наклонивъ острыя копья, умирать козаки.

Только что же это видитъ гетманъ тамъ, далеко,—что онъ видитъ изумленными и радостными очами на горѣ за лѣсомъ? Что это за рать спѣшитъ, что за козакъ вьется выюномъ въ красномъ сердюцкомъ жупанѣ передъ несмѣтной ратью на бѣломъ кровномъ аргамакѣ? Ой, неужто-жъ это Петро ударилъ съ подмогой, тотъ лихой Петро, о которомъ и слухъ было пропалъ? Горятъ гетманскія очи, дышетъ онъ отвагой и счастьемъ, сталъ передъ послѣдними запасными сердюками **) и поднялъ властную руку.

— За мной, орлы!... Прорвали наши кольцо! Послалъ намъ Богъ подмогу!—и ударилъ вѣрнаго коня плетью.

---

*) На малиновомъ полѣ серебряный ликъ Архистратига съ мечомъ и щитомъ.

**) Сердюки – гетманская гвардія.

Только вихрь зашумѣлъ, только земля застонала подъ копытами борзыхъ коней... Такъ-то самъ гетманъ ударилъ на врага съ сердюками.

Обнимаетъ гетманъ прадѣда, цѣлуетъ его въ уста, называетъ роднымъ братомъ и сразу даетъ ему полкъ вельможный.

— Спасибо тебѣ, Петро, — говоритъ, — въ самый разъ поспѣлъ ты... Ни одной головы нашей не осталось бы, кабы ты не ударилъ съ подмогой... Спасибо же тебѣ, братъ мой! Нѣтъ у меня полковника моложе и нѣтъ тебя лучше!

Счастливъ гетманъ побѣдой, счастливы и полки козацкіе,—громко славятъ они гетмана,—счастливъ и прадѣдъ. Нашелъ онъ-таки въ обозѣ непріятельскомъ плѣннаго побратима и горячо расцѣловался съ нимъ,—такъ горячо, какъ ни съ одною молодицей не цѣловался никогда... Да никакъ не могъ добиться отъ него, какимъ образомъ его взяли. Ничего не помнилъ Квачъ,—ни того, какъ женихался онъ съ вѣдьмами, ни того, какъ наскочили на него. Помнилъ только, что рубился, а съ кѣмъ—и сказать не могъ. Совсѣмъ отшибло у него память отъ духа той проклятой варенухи, которой напюхался онъ въ корчмѣ здóрово.

А все отъ того, что опротивѣла ему горилка...

— Вотъ, оно какъ на свѣтѣ бываетъ! — добавлялъ всегда разсказчикъ,—знать такова ужъ козацкая доля:—выпьешь,—не выпьешь,—а все какъ будто пьянъ будешь... Такъ ужъ давайте-ка, люди добрые, лучше—выпьемъ.

„Ж И Д Ъ“.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Я отнюдь не хочу своимъ небольшимъ разсказомъ выступить въ защиту цѣлой націи,—не хочу уже потому одному, что въ такой защитѣ она, конечно, и не нуждается. Еврейскій народъ имѣетъ свою исторію, мірового значенія которой не можетъ отрицать самый пылкій грамотный юдофобъ, а великіе евреи вписали свои имена въ исторію нашей культуры и нашего просвѣщенія такими неизгладимыми чертами, блестятъ такимъ яркимъ свѣтомъ, что мой простой и скромный земскій врачъ Давидъ Гурвейсъ является предъ этими геніями мысли и таланта, конечно, только пулемъ. Знаю, что, какъ и каждый народъ, евреи рядомъ съ добромъ несутъ и зло, но понимаю, что послѣднее, какъ вездѣ и всегда, конечно, обусловливается не какими-то прирожденными особенностями самой націи,—какъ утверждаютъ нѣкоторые,—а условіями ея быта и существованія. Впрочемъ, это уже

настолько старая истина, что и повторять-то ее было бы, пожалуй, стыдно,—не попади и она теперь въ разрядъ «забытыхъ словъ» безсмертнаго сатирика. Не хочу я также и идеализировать своего товарища и друга... Я просто-напросто хочу разсказать только нѣсколько характерныхъ эпизодовъ его жизни, а если они покажутся кому-нибудь подвигами, и даже героическими,—хотя бы потому, что въ безхлѣбицу и лебеда—хлѣбъ,— то это уже не моя вина. Замѣчу только, что мы вообще рѣдко обращаемъ вниманіе въ жизни на дѣйствительные подвиги простого, незамѣтнаго человѣка, проходимъ мимо нихъ спокойно, точно мимо самыхъ обыкновенныхъ, заурядныхъ явленій, и къ крайнему своему изумленію убѣждаемся, что эти простыя явленія — настоящіе подвиги только тогда, когда намъ это подскажутъ, подчеркнутъ или обратятъ на нихъ наше вниманіе живымъ разсказомъ. Въ такихъ случаяхъ, изумленные, пораженные даже, мы недоумѣвая качаемъ головой и твердимъ стереотипное: «Скаж-жи-те! А я и не подозрѣвалъ!... Ишь, ты, какой въ самомъ дѣлѣ этотъ имярекъ!... Кто бы могъ подумать,—такой съ виду плохенькій, а вотъ же, поди ты!.. Мал-ла-децъ! Право, мал-ладецъ! Ну-съ, батенька, теперь у меня о немъ совсѣмъ иное мнѣніе!...» и т. д., и т. д. Но и при «перемѣнѣ мнѣнія», если человѣкъ слишкомъ скроменъ, застѣнчивъ, простъ, не умѣетъ обрывать и осаживать, многіе изъ насъ продолжаютъ поощрительно хлопать его по плечу, пускать въ ходъ какой-то особенный, почти покровительственный тонъ и держать себя съ нимъ на такой ногѣ, на какую никогда не покусятся стать хотя бы, на-

примѣръ, съ начальникомъ своего отдѣленія... Засѣла-такп крѣпко въ нашу самобытную душу эта своеобразная складочка самобытныхъ условій жизни!...

Тѣмъ не менѣе, признаюсь, я былъ бы несказанно радъ, если бы мой небольшой разсказъ посодѣйствовалъ хотя бы тому, чтобы многіе изъ моихъ милыхъ соотечественниковъ, для которыхъ земскій врачъ Давидъ Гурвейсъ прежде всего, конечно, а можетъ быть даже и исключительно: «жидъ»,—поосторожнѣе расточали обидные эпитеты и клички, а о человѣкѣ судили бы по его сердцу и уму.

Свой разсказъ я начну съ первыхъ дней моей дружбы съ Гурвейсомъ.

Солнце давно уже ушло за высокія стѣны школы. Нѣжный, мягкій сумракъ надвигавшагося полулѣтняго, полуосенняго вечера становился все гуще, точно сползая въ громадный школьный дворъ съ высокой крыши, за которую скрылось солнце. Это былъ нашъ любимый, рекреаціонный часъ, въ который, покончивъ съ подготовленіемъ уроковъ, мы обыкновенно собирались на школьномъ дворѣ, снуя взадъ и впередъ, для отдыха, игръ и *своихъ* дѣлъ. То былъ важный моментъ въ жизни школы. Въ этотъ часъ гимнасты показывали свои «чудеса», игроки въ мячъ свое завидное искусство и совершенство, «провинившіеся» противъ *своихъ* получали свою товарищескую «мзду», «герои»—свои лавры. Но всего этого мало: въ этотъ часъ подготовлялись всѣ тѣ «подвиги», что,

разыгравшись на слѣдующій день, приводили въ отчаяніе нашихъ «враговъ»,—«врагами» школа считала весь учебный персоналъ, страстно насаждавшій въ насъ «корень горькій», чтобы получить «плодъ сладкій»,—а «героевъ», подвижниковъ «класса» лишали обѣда, награждали пулями и карцеромъ.

Такъ и въ этотъ вечеръ сотни школьниковъ, затянутыхъ въ давно забытые красные воротники,—дѣло было много лѣтъ назадъ,—наполняли собою дворъ, жужжа какъ шмели, рыща «какъ волки», «прыгая какъ барсы»,—что̀ нашъ злѣйшій «врагъ», нашъ инспекторъ, сравнивалъ почему-то съ не-поэтическимъ поведеніемъ стада дикихъ опагровъ и за что сторожъ Потапъ вѣчно ворчалъ: *о, бисовы хлопци!...* Тамъ и сямъ бродили кучки, выказывались чудеса ловкости, шли героическіе бои, страдали вихры, велись страстные споры... Оживленіе было общее, гамъ—довольно гармоничный... Но вдругъ все смолкло,—всѣ стали толпиться въ кучу, какъ-то страстно, лихорадочно жестикулируя, толкаясь, прислушиваясь и таинственно шепча другъ другу. Очевидно, что-то новое, неожиданное стряслось надъ всѣми,—какая-то роковая вѣсть облетѣла всѣ уши, возбудила, соединила всѣхъ... Дѣло дѣйствительно было важное: школѣ, намъ всѣмъ грозила бѣда. Антонъ Антоновичъ, тотъ самый Антонъ Антоновичъ, которому на-дняхъ нарисовали на доскѣ козу съ ободраннымъ задомъ, долженствовавшую изображать его самого, готовилъ намъ страшную, убійственную месть... Эта коза съ ободраннымъ задомъ, стоившая уже всѣмъ намъ цѣлыхъ полусутокъ проведенныхъ подъ зам-

комъ — *во мракъ Аида*, грозила теперь пулями за цѣлую четверть! Ужасный Антонъ Антоновичъ или «коза», если хотите, придумалъ, какъ гласили вѣрные слухи, для завтрашнихъ письменныхъ отвѣтовъ самую невозможную, самую убійственную тему.

Понятно, было отъ чего придти въ ужасъ, негодовать, взволноваться... Даже наши «ослы», вообще крайне скептически-хладнокровно относившіеся къ познанію, темамъ и отмѣткамъ,—даже они, наши герои, борцы, наши атлеты были взволнованы такою страшною, жестокою несправедливостью... Полсутокъ въ карцерѣ и еще убійственная тема за одну козу! За одну козу съ ободраннымъ задомъ!? Нѣтъ, это было больше несправедливости, больше жестокости...

Такъ или иначе, но спастись было нужно... Месть была не за порогомъ и медлить было нечего; пуль за четверть значило... значило... во-первыхъ, строгое родительское внушеніе въ той или иной формѣ дома и весьма возможный провалъ на экзаменахъ въ концѣ года... Перспектива и того и другого была само собой крайне непривлекательна, тѣмъ болѣе, что и то, и другое было тѣсно связано другъ съ другомъ... Спастись!—но какъ? Сотни проектовъ, одинъ грандіознѣе другого, предлагались вперебой, но оставлялись безъ обсужденія за эфемерностью, хотя всѣ, несомнѣнно, ярко свидѣтельствовали о пылкомъ воображеніи, чуткости къ несправедливости и ненависти къ «козѣ» со стороны предлагавшихъ. Навести громъ, устроить наводненіе, вызвать вихрь, который бы унесъ, разнесъ, истребилъ всѣ убійственныя темы вмѣстѣ

съ ихъ авторами,—все это, конечно, было бы прекрасно, но, къ сожалѣнію, внѣ нашей силы... Заболѣть всѣмъ сразу, отпроситься всѣмъ съ урока, ссылаясь на *животъ*, невозможно. Что же, неужели нѣтъ спасенья или, по крайней мѣрѣ, выхода?... О! всѣ лица вдругъ оживились надеждой, смѣнившей жгучее отчаяніе, всѣ уста шопотомъ повторили въ унисонъ одно и то же, и вслѣдъ затѣмъ страстный, жгучій, отчаянно нетерпѣливый призывъ стоустой кучки школьниковъ потрясъ тихій вечерній воздухъ:

— Хаимъ!... Сруль!... Гершко!... Сюда! С-ю-д-а!

Мало знакомому со школой, ея законами, традиціями тогдашняго времени легко могло показаться, что зовутъ цѣлый кагалъ или, по крайней мѣрѣ, добрую часть его, хотя на самомъ дѣлѣ всѣ эти «срули» и «гершки» относились непосредственно лишь къ одному лицу, тоже школьнику, одиноко стоявшему съ книгой на другомъ концѣ двора и зубрившему *исключенія на is*... Тотъ немедленно двинулся на призывъ, но, вѣроятно, двигался, по общему мнѣнію, недостаточно быстро, потому что новый нетерпѣливый призывный залпъ смѣшилъ прежній:

— Жидъ! Ну же, жидъ, двигайся, Соломонъ пучеглазый!

Такая многоименность отнюдь не могла показаться аномаліей или чѣмъ-нибудь страшнымъ «компетентному» человѣку. Школа, какъ я уже сказалъ, имѣла свои законы, и по этимъ законамъ ни одинъ дѣйствительный членъ ея, ни одинъ товарищъ, ни одинъ *свой* не могли оставаться при своемъ собственномъ имени. Товарищество было тогда

чѣмъ-то вродѣ ордена, союза, посвящая въ который, школа неминуемо награждала неофита особою кличкой, крестила по-своему, и всякая, подчасъ самая несообразная, кличка служила несомнѣннымъ признакомъ общаго расположенія, принадлежности носителя къ великому лону товарищества, составляла,—если хотите,—его честь и гордость. Такимъ образомъ въ школѣ были свои «носороги», «тромбоны», «журавли», «селедки» и т. д., и т. д. Такимъ же образомъ всѣми любимый Давидъ Гурвейсъ, добродушный и любящій, носилъ всѣ еврейскія имена, начиная съ А и кончая Z. Правда, сначала его хотѣли прозвать только «бочкой», увлекаясь однимъ внѣшнимъ видомъ, другіе предлагали «чурбанъ», третьи «маца» *),—были голоса даже за «искаріота». Очень можетъ быть, что, не сговорившись, не помирившись ни на чемъ, школа и сдѣлала его многоименнымъ.

— Слушай, жидъ!

Подошедшій насторожилъ уши, вытянувъ шею, изображая всею фигурой напряженное вниманіе. Его семитическое лицо сіяло въ то же время добродушнѣйшею улыбкой, какъ бы говорившей обычное, стереотипное: «Ну, жидъ! А развѣ жидъ не человѣкъ!? Ну!?»—произносимое имъ только такъ, по привычкѣ. Костюмъ его былъ въ обычномъ и самомъ неживописномъ безпорядкѣ: уцѣлѣвшія кое-гдѣ пуговицы болтались, распорки зіяли, то тамъ, то сямъ высовывались какіе-то кусочки и обрывки,—что, конечно, давало всегда обильную пищу для

*) Еврейскій опрѣснокъ.

остротъ и насмѣшекъ,—но теперь было всѣмъ не до того. По таинственному шопоту, страстнымъ, энергичнымъ жестамъ, общему возбужденію онъ понялъ, что дѣло идетъ о чемъ-то важномъ, и потому вопросительно водилъ своими выпяченными круглыми глазами отъ лица къ лицу.

— С-л-у-шай!..

— Ну!?—отвѣтилъ онъ шопотомъ на шопотъ.

— Застегни пуговицу... Видишь, опять разстегнуто!—не утерпѣлъ кто-то, улыбнувшись.

Тотъ быстро исправилъ свой обычный грѣхъ.

— Ну, а теперь что?..

— Выручи классъ!..

Выручить классъ!? Кто, какой товарищъ отказался бы отъ такой чести, такой лестной просьбы, такого великаго подвига!? Конечно, ни одинъ и никогда. Лестная просьба щекотала самолюбіе, будила хорошую гордость... Въ готовности Давида Гурвейса не могло быть, казалось, сомнѣнія,—она сквозила въ его выпяченныхъ глазахъ, въ его напряженной фигурѣ, о ней говорили лицо, улыбка, даже вихры, даже длинныя, слегка алѣвшія уши.

— Ну?!

Это «ну», кромѣ беззавѣтной готовности, выражало, очевидно, требованіе разъясненій. Они, конечно, не замедлили. Въ важныхъ случаяхъ мы были лаконичны, какъ доблестные спартанцы. Это «ну» стоило цѣлыхъ періодовъ, за то и отвѣтъ на него былъ достоинъ рѣчей классическихъ героевъ:

— Ук-ра-ди тему!

Все!... Какъ мало и въ то же время какъ много для

«настоящаго» товарища! Это значило: рискуй своими боками pro bono publico, это значило ухитрись, умудрись, выручи, явись достойнымъ подражателемъ великихъ героевъ, это значило, наконецъ: ты нашъ,—а потому спасай! О, и много, много другого еще значили эти два простыя слова!

Истина требуетъ сказать, что Давидъ Гурвейсъ, не поморщился, — даже тѣнь, даже намекъ на тревогу не пробѣжалъ по его лицу, выражавшему одно безпредѣльное изумленіе. Ни на одинъ моментъ страхъ предъ мракомъ Анда, въ который легко могли его упрятать на многія сутки за подобный подвигъ, не смутилъ его «товарищеской» души. Даже мрачная фигура «Цербера»—Потапа, всегда зорко слѣдившаго за тѣмъ, чтобы заключеннымъ «героямъ»,—о, sancta simplicitas!—онъ звалъ ихъ *бисовыми хлопцями*,—чтобы этимъ «страдальцамъ» не проносили тайкомъ ихъ «братья» вкусныхъ объѣдковъ,—даже эта фигура не мелькнула въ тотъ моментъ предъ его духовнымъ взоромъ. Онъ только ворочалъ выпученными бѣлками и все твердилъ про себя, поворачиваясь то къ одному, то къ другому: Тема!? Какая тема, у кого!? Ну?!

И это, конечно, было разъяснено немедленно, быстро, вперебой, съ энергичными жестами, съ лихорадочною одышкой. Конечно, у «врага», у «козы», у того, кому рисовали ее мѣломъ, кто вѣчно мучилъ всѣхъ разными герундіями и герундивами, кто сыпалъ пули какъ горохъ, сажалъ въ карцеръ, звалъ «дикимъ стадомъ», и никогда не вѣрилъ ссылкѣ на *животъ*, точно тотъ и въ самомъ

дѣлѣ не могъ страдать у насъ, какъ у всѣхъ! Правда, онъ любитъ, повидимому, его—Гурвейса, выдвигаетъ какъ «перваго», сдѣлалъ его репетиторомъ своей «квартиры»,— да, все это такъ можетъ-быть,—но тема... но бѣда... И къ тому же никто другой украсть не можетъ... Только онъ одинъ и вхожъ къ «козѣ», какъ репетиторъ...

— Спаси! Голубчикъ, жидъ! Милый Сруликъ!..

Гурвейсъ не протестовалъ... Лицо его, глаза, фигура выражали, казалось, готовность... Только голова его, его большая голова, точно подавленная, опускалась все ниже и ниже, да блѣдныя съ веснушками щеки зардѣлись какимъ-то не то стыдливымъ, не то тревожнымъ румянцемъ.

II.

Бѣдный Давидъ Гурвейсъ! Не даромъ склонялась его голова, не даромъ зардѣлись его щеки... О, конечно, не трусость, не малодушіе были тутъ причиной,—для «насъ» онъ никогда не колебался рискнуть чѣмъ угодно, даже пулемъ, даже карцеромъ, обоими ушами, наконецъ, которыя заманчиво торчали въ обѣ стороны, представляя наудобнѣйшій объектъ для педагогическихъ воздѣйствій. Для класса?!—помилуйте!... Но Антонъ Антоновичъ... ахъ, Антонъ Антоновичъ, который такъ ему вѣрилъ, который... И украсть у него, нанести ему кровную обиду... ему?... Нѣтъ, это казалось выше силъ, выше всякой воли,— хотя и очень легко, такъ какъ всѣ свои замѣтки «коза» обычно запрятывалъ въ хорошо извѣстный учебникъ... Но, съ другой стороны, «классъ»,

мы, несправедливая месть, ея послѣдствія!... О, тутъ было много такого, чтобы склонить самую преданную голову.

Не знаю, чувствовалъ бы онъ себя лучше поставленный между раскрытою пастью тигра и жаломъ скорпіона, но увѣренъ, что двоеженецъ, попавшій нечаянно между двухъ одинаково ревнивыхъ женъ, чувствовалъ бы себя не хуже. Два сильныхъ теченія встрѣтились, столкнулись и, столкнувшись, боролись, образовавъ въ его молодой, честной душѣ водоворотъ, кипучую пучину. Два разныхъ бога зажгли свои жертвенные костры и звали его къ себѣ на жертву, и, такъ или иначе, тутъ или тамъ, но въ концѣ-концовъ онъ все-таки долженъ былъ лечь этою жертвой... Но гдѣ?...

Давидъ Гурвейсъ ходилъ, понуривъ голову, ни на что не глядя, ковыряя только въ носу, что̀ обыкновенно выражало у насъ сильную тревогу, гнетущую душевную борьбу. Пуговицы были всѣ разстегнуты, рубашка вылѣзла изъ-подъ жилета, тесемочки и веревочки болтались вволю, но надъ нимъ не подтрунивали,—въ такой важный моментъ его грѣхамъ дали полную свободу. Бѣдный! Такая борьба, такая двойственность положенія, вѣчное шатанье между Сциллой и Харибдой было точно предопредѣлено ему заранѣе во всемъ, во всемъ... Два противоположныхъ теченія вѣчно боролись въ его душѣ, двѣ антитезы вѣчно рвали на части его доброе сердце... Онъ и самъ представлялъ собою что-то вродѣ антитезы, посилъ ее всегда съ собой. Начать съ того, что красный воротникъ, плотно облегавшій его шею, дѣлалъ его рав-

нымъ намъ всѣмъ, такимъ же ученикомъ, школяромъ, никому не стоящимъ поперекъ дороги, ничѣмъ ни предъ кѣмъ невиноватымъ, добивающимся познанія и можетъ-быть неизмѣримо лучше многихъ изъ насъ, чтобы впослѣдствіи внести въ жизнь и свою долю свѣта, и можетъ-быть тоже лучше и честнѣе многихъ изъ насъ,—а его семитическое лицо, его библейское имя, его несомнѣнная принадлежность къ племени, которое впервые озарило нашъ міръ идеалами любви и прощенья, а затѣмъ, гонимое, загнанное, забитое, продолжало дарить намъ геніевъ мысли, слова, музыки и т. д., и т. д., — все это въ то же время въ глазахъ каждаго сторожа Потапа, уличнаго гамена, нашихъ тетушекъ, сестеръ, братьевъ низводило его на степень чего-то низшаго, намъ неравнаго, смѣшного, на степень какой-то аномаліи, надъ которой можно было и посмѣяться, и поострить, которую въ лучшемъ случаѣ можно было только пожалѣть, и пожалѣть какъ-то снисходительно-обидно. Когда онъ не зналъ уроковъ, что, впрочемъ, случалось съ нимъ крайне рѣдко,—онъ не зналъ только тогда, когда не знали всѣ,—ему ставили нули; когда онъ зналъ, надъ нимъ добродушно иронизировали: зачѣмъ онъ учится, вмѣсто того, чтобы торговать? И такъ во всемъ, вездѣ и всегда!... Для насъ, для «класса», любившаго его, относившагося къ нему добродушно, но тоже какъ-то снисходительно, онъ былъ все-таки «жидъ»,—значитъ не «мы», а что-то такое, что было и «*мы*», и не «*мы*» въ то же время, во всякомъ случаѣ не вполнѣ «свой»; для своихъ, для «жидовъ» онъ былъ тоже *не свой*, а «мешимедъ», «опикой-

ресъ»,—отщепенецъ, который стригъ пейсы, ѣлъ свинину, учился по субботамъ, дружилъ съ «гоями». И тутъ не свой, и тамъ не свой, онъ былъ какое-то странное *среднее*, на которомъ оба крайніе лагеря разряжали въ той или иной формѣ, тѣмъ или инымъ способомъ, свои антипатіи, свои взаимные счеты, которое тянули и туда и сюда, отталкивая въ то же время и отсюда, и оттуда. Жизнь протянула подъ его ногами что-то вродѣ каната, балансировать на которомъ, сохранить равновѣсіе помогало ему только одно беззлобное, всепрощавшее сердце, равно любившее всѣхъ, равно прощавшее и тѣмъ, и другимъ. Оно одно являлось примиряющимъ синтезомъ въ пучинѣ вѣчныхъ антитезъ, столкновеній противоположныхъ теченій, оно одно спасало его отъ озлобленія, которое неминуемо могло развиться при такомъ положеніи. Намъ онъ вѣчно твердилъ свое: «Ну, жидъ! А развѣ жидъ не человѣкъ?! Ну?!»—и доказывалъ это каждымъ шагомъ, своимъ самоотверженіемъ, любовью, мягкостью; а тѣхъ онъ увѣрялъ всегда, что не всѣ «гои» —злые, что у нихъ есть тоже человѣческое сердце, что человѣконенавистничество и неуваженіе къ личности, какъ таковой, не составляютъ ихъ видовой признакъ. И тамъ, и тутъ его проповѣдь имѣла мало успѣха,—ему не вѣрили, не могли, не хотѣли не умѣли вѣрить, вѣрилъ этому онъ одинъ,—онъ, почти чужой и тамъ, и тутъ... Какъ хотите, а въ душѣ бѣднаго Давида Гурвейса вѣчно шла больная, обидная драма, незамѣтная другимъ, потому что люди, рыдая надъ драмой со сцены, рѣдко замѣчаютъ ее въ жизни.

И новая драма бушевала теперь въ его дѣтскомъ серд-

цѣ,—новыя антитезы искали въ немъ примиряющаго синтеза, снова двѣ противуположныя силы тянули его въ разныя стороны. Съ одной стороны «мы», съ другой... съ другой—Антонъ Антоновичъ... Онъ ковырялъ въ носу пальцемъ, ничего не видя, не слыша, рѣшаясь и колеблясь, и, наконецъ, казалось, нашелъ выходъ—спасти однихъ и остаться чистымъ по отношенію къ другому, потому что, вдругъ, поднялъ голову и хитро улыбнулся.

— Ну, что, будетъ гешефтъ?!—радостно спросили мы хоромъ.

Давидъ Гурвейсъ только моргнулъ хитро вѣками и не сказалъ ни слова...

III.

Антонъ Антоновичъ влетѣлъ какъ пуля. Глаза его торжественно сіяли, грудь дышала скачками, неровно, щеки были багровы,—онъ ликовалъ весь съ головы до ногъ и, ликуя, бѣгалъ взадъ и впередъ, потирая руки. «Коза» будетъ отомщена, это чувствовалось во всемъ, въ каждомъ движеніи, объ этомъ говорилъ, казалось, каждый атомъ его поджараго, угловато-козлинаго тѣла. Ликуя, онъ забылъ даже сдѣлать обычную перекличку... Тема, убійственная тема, была продиктована быстро и классъ заскрипѣлъ перьями подъ бдительнымъ взглядомъ, зорко слѣдившимъ, чтобы ни одна голова не склонялась къ другой, ни одни уста не шептали бы что-нибудь сосѣду.

Но послѣдняго и не было вовсе. Всѣ сидѣли ровно, спокойно и какъ-то необычно торжественно скрипѣли перьями въ своихъ тетрадкахъ. За своимъ ликованіемъ

Антонъ Антоновичъ этого не видѣлъ, а если и видѣлъ, то, несомнѣнно, приписывалъ такое необычное благонравіе дѣйствію своихъ бдительныхъ взоровъ. Всѣ стратеги, всѣ тактики, всѣ практики міра сходятся, какъ извѣстно, въ одномъ, что преждевременное ликованіе ведетъ часто къ пораженію,—за ликованіемъ легко проглядѣть силы и хитрость противника. О, не ликуй Антонъ Антоновичъ,—онъ замѣтилъ бы много и много. Онъ, несомнѣнно, обратилъ бы вниманіе на то, что классъ встрѣтилъ его молча, сдержанно, важно,—безъ обычнаго визга и шума,—точно герои, безусловно увѣренные въ своихъ непреоборимыхъ силахъ. Онъ не упустилъ бы изъ вида, что у всѣхъ, буквально у всѣхъ, оказались, вдругъ, на-лицо и перья, и бумага,—никто не вывихнулъ, не поранилъ себѣ правую руку, никто не жаловался на «животъ». Онъ подозрительно остановился бы, наконецъ, на томъ, что даже «ослы»—его злѣйшіе враги—увѣренно скрипѣли перьями и, скрипя, глубокомысленно хмурили брови съ ученымъ видомъ, точно они въ самомъ дѣлѣ что-нибудь знали. А блѣдность, растерянность Давида Гурвейса, перваго въ цѣломъ классѣ,—его неувѣренность, робость, съ какой онъ сидѣлъ надъ тетрадкой,—онъ, знавшій всегда и все отъ строки до строки... Нѣтъ, Антонъ Антоновичъ ничего не видѣлъ!

Пробилъ звонокъ, тетрадки были взяты и для насъ потянулись тяжелые дни ожиданья, анализа и критики,—дни, когда у всѣхъ насъ какъ-то сразу, вдругъ заскребли кошки въ предчувствіи чего-то нехорошаго, а Давидъ Гурвейсъ, ходилъ точно опущенный въ воду. Не отмѣтки

пугали насъ,—о, нѣтъ, мы увѣренно знали, что всѣ, буквально всѣ, написали «на пять», но въ этомъ-то всеобщемъ «*пять*», въ этомъ всеобщемъ отличномъ знаніи и крылись вся бѣда и опасность, — оно выдавало насъ. Мы спохватились, поняли слишкомъ поздно, что вмѣсто того, чтобы глупо ликовать по поводу ловко украденной темы и въ ликованьи надѣлать массу выдавшихъ насъ безтактностей, лучше было бы обдѣлать все съ тактомъ и тонко. Всеобщее «пять»—былъ очевидный абсурдъ, а между тѣмъ всѣ написали задачу безъ ошибки, даже посредственности, даже ослы. Слѣдовало бы распредѣлить такъ, чтобъ одни написали на четыре, третьи на три только, а «осламъ», соблазнившимся возможностью хоть разъ «показать свое знанье»,— вовсе и не показывать темы, а если и показать, то все-таки обязать ихъ написать на обычную единицу. Послѣднее ничуть не роняло бы ихъ авторитета, ибо если они уступали намъ въ познаніяхъ, то мы уступали имъ въ силѣ, искусствахъ и подвигахъ... Къ сожалѣнію, уже возликовавъ преждевременно, мы спохватились поздно, когда ничего поправить было нельзя, и теперь, въ тяжеломъ ожиданіи «развязки», насъ скребли кошки.

А развязка наступила быстро, ровно черезъ три дня. «Коза» не влетѣлъ, не вскочилъ,—онъ вошелъ важно, торжественно, окидывая наши встревоженныя, курносыя лица молніеносными, явно грозившими взглядами. Онъ былъ блѣденъ, сосредоточенъ, молчаливъ, и весь, казалось, дышалъ какою-то роковою тайной, скрывавшею неминуемую бѣду, что̀ еще больше усиливало нашу тре-

вогу. Мы не дышали, мы напряженно, страстно слѣдили за нимъ глазами и нетерпѣливо ждали конца. Мы чуяли бурю,—намъ становилось жутко, невтерпежъ, а онъ точно нарочно длилъ нашу пытку... Вмѣсто обычной бѣготни, онъ важно усѣлся за столъ и спокойно, важно «перекликалъ», подолгу останавливаясь угрожающимъ взглядомъ на каждомъ... Гурвейсъ, походилъ на соляной столбъ.

Перекличка, эта страшная пытка, кончилась... Тетради лежали въ порядкѣ на краю стола, но Антонъ Антоновичъ ихъ не видѣлъ... Онъ въ упоръ смотрѣлъ на насъ,—на вытянутые носы, боязливо-скромно опущенныя вѣки и алѣвшія конфузомъ уши, такъ ясно выдававшіе насъ... Тишина была гробовая,—мы чувствовали надъ головами занесенный мечъ и молча, покорно, не дыша и страстно волнуясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, ждали перваго удара.

— Ослы!

Разъ! Весь классъ вздрогнулъ, точно отъ электрической искры, и восемь «ословъ», восемь дюжихъ, курносыхъ молодцовъ-атлетовъ, какъ одинъ человѣкъ, поднялись съ заднихъ партъ на этотъ немного страшный зовъ.

— Къ доскѣ!

Ровнымъ, твердымъ шагомъ, полнымъ скрытаго достоинства, вызванные герои, немного блѣдные, немного растерянные, правда, двинулись къ «лобному мѣсту».

— Пишите!—Антонъ Антоновичъ продиктовалъ отрывокъ своей темы. Ближайшій изъ «ословъ» четко и быстро написалъ безъ ошибки.

— Почему?

«Ослы» естественно молчали.

— Почему такъ?—Антонъ Антоновичъ, вставъ, грозно ткнулъ окончаніе глагола.

«Оселъ» растерянно передернулъ плечами.

— Вы?

Второй мрачно насупился, точно и въ самомъ дѣлѣ обдумывая.

— Вы!... Вы!... Вы!...

Но каждый только молчалъ, то крутя въ носу, то напрягаясь, то принимая удивленный видъ. Конфузъ былъ отчаянный,—мы всѣ не чувствовали подъ собою земли.

Антонъ Антоновичъ молчалъ и только уничтожающе смотрѣлъ наословъ, растерянныхъ, сбитыхъ съ позиціи, красныхъ, какъ вареные раки. Они хлопали глазами и напряженно ждали конца этой страшной пытки, но тотъ медлилъ.

— Пишите!—онъ сдѣлалъ небольшую перестановку словъ.

«Ослы» растерянно переглянулись,—это было очевидно внѣ ихъ компетентности. Каждый поочереди хваталъ мѣлъ, водилъ имъ по доскѣ, но много-много выводилъ всего двѣ-три буквы.

— Какъ же вы написали на *пять?*

Мы вздрогнули, а «ослы» стояли не дыша, только пальцы ихъ двигались, судорожно теребя полы.

— Гм... Безъ ошибки... Отлично!—убійственно иронизировалъ Антонъ Антоновичъ.

«Ослы» поперхнулись; у насъ заходило что-то внутри.

— Кто же вамъ далъ тему?

Невольно взглянулъ я въ сторону Гурвейса; онъ си-

дѣлъ блѣднѣе стѣны; его губы поспѣли и дрожали,— еще немного, и онъ, кажется, готовъ былъ разрыдаться.

— Кто?

«Ослы» подняли головы и выразительно повели плечами, ясно свидѣтельствуя, что они не понимаютъ такого вопроса.

— По мѣстамъ! Хорошо! На сутки въ карцеръ!

«Ослы» твердою походкой направились къ своимъ мѣстамъ. Антонъ Антоновичъ молча оглядывалъ классъ.

— Эй, вы—средніе!

Вышла «посредственность» и потянулась та же канитель, жуткая и смѣшная вмѣстѣ, только съ болѣе трагическимъ финаломъ. Растерявшись, обнаружа свое незнаніе, надѣлавъ массу ошибокъ,—вызванные, уступавшіе «осламъ» въ величіи души и героизмѣ, разрыдались самымъ постыднымъ образомъ. На вопросъ, кто далъ имъ тему, они безсмысленно повторяли плача и причитая: ей-Богу, никто,—ей-Богу, никто, господинъ учитель!..

— Въ карцеръ!

Наступила тишина. Антонъ Антоновичъ ждалъ, смотрѣлъ и точно нарочно медлилъ. Казалось, наступила очередь «отличныхъ», но мы ошиблись,—«отличные» были оставлены въ покоѣ. Антонъ Антоновичъ подготовлялъ послѣдній ударъ.

— Итакъ,—началъ онъ медленно, съ разстановкой, точно взвѣшивая каждое слово,—итакъ, всѣ у меня написали на *пять!* Отлично... очень радъ!... Молодцы!

«Молодцы», понятно, опустили глаза.

— Отлично!... всѣ на *пять* и только одинъ на *единицу*!...

Мы невольно переглянулись, недоумѣвая.

— И этотъ одинъ, — убійственно медленно цѣдилъ Антонъ Антоновичъ, — этотъ одинъ — первый ученикъ!.. Д-да,—подчеркнулъ онъ,—*первый* ученикъ, Давидъ Гурвейсъ!...

Тотъ вытянулся, весь дрожа.

— Отчего это вы написали на единицу, когда легко могли написать хорошо?—обратился Антонъ Антоновичъ непосредственно къ нему, въ конецъ уничтожая его взглядомъ.

Тотъ безпомощно крутилъ болтавшуюся одиноко пуговицу.

— Отчего?

Тотъ молчалъ. На глазахъ его показались слезы.

— Вы, пользуясь моимъ довѣріемъ, подглядѣли тему,— признайтесь?

— Да!—еле слышно процѣдилъ Гурвейсъ.

— И сообщили ее классу?

— Сообщилъ.

У Антона Антоновича блеснули глаза.

— Ловкій гешефтъ! — злобно процѣдилъ онъ сквозь стиснутые зубы. — Зачѣмъ же сами написали такъ плохо? А!? Тонкій коммерческій разсчетъ? Чтобы скрыть слѣды, а?!

Гурвейсъ всныхнулъ и судорожно теребилъ полу.

— Ну, гешефтмахеръ,—зачѣмъ?!

— Затѣмъ... затѣмъ,—всхлипывая и глотая слезы, от-

вѣчалъ тотъ,—затѣмъ, чтобы самому... чтобы самому получить отъ васъ за это единицу...

Бѣдный! Эта комичная «единица» была тѣмъ «гешефтомъ», которымъ онъ придумалъ сразу убить двухъ зайцевъ или угодить двумъ богамъ: спасая насъ, вознаградить ею довѣрявшаго ему Антона Антоновича. Онъ жертвовалъ собой, чтобы примирить двѣ столкнувшіяся стороны, послужить двумъ враждебнымъ культамъ, удовлетворить и тѣхъ и другихъ. Этою «единицей» онъ наказывалъ самъ себя за вину нашего «спасенія» предъ Антономъ Антоновичемъ, приносилъ ее какъ дань довѣрію и хорошему отношенію къ нему послѣдняго. Въ этомъ сказался весь онъ: безхитростный, добрый и честный. У каждаго изъ насъ такъ и вырвалось невольно одобрительное: ай, да жидъ!

А «жиду» въ концѣ-концовъ, — «жиду», спасавшему насъ и добивавшемуся «единицы» ради Антона Антоновича, пришлось оставить школу и перейти въ другую...

IV.

Мы встрѣтились съ нимъ опять только въ университетѣ. Мы встрѣтились какъ старые друзья, товарищи, однокашники, крѣпко связанные пережитыми нѣкогда вмѣстѣ бурями и проказами школьныхъ дней, о которыхъ всегда вспоминается какъ-то охотно, съ какимъ-то особеннымъ юморомъ и всепрощающимъ добродушіемъ. Насъ связывало прошлое; но и не связывай оно,—Давида Гурвейса мы любили бы не меньше. Одинъ изъ самыхъ выдававшихся студентовъ по уму, способностямъ, развитію,—

онъ оставался все тѣмъ же прежнимъ, безхитростнымъ до наивности, добрымъ и честнымъ малымъ, какимъ былъ въ школѣ. Та же небрежность въ одеждѣ, та же вѣчная борьба съ пуговицами, веревочками и т. д.,—все это оставалось при немъ, хотя теперь къ этому прибавилось и какое-то невинное поползновеніе къ щегольству, доставлявшее намъ обильную пищу для шутокъ. Благодаря воздѣйствію очаровательнаго пола, юноша Гурвейсъ былъ не прочь теперь щегольнуть какимъ-нибудь отчаяннымъ галстукомъ, къ его досадѣ всегда почему-то слѣзавшимъ на бокъ, или новымъ платьемъ, прескверно сшитымъ и очень быстро терявшимъ всѣ обаятельныя качества новизны. Этимъ онъ платилъ и свою дань прелестной кокеткѣ—богинѣ юности—и всегда вспыхивалъ какъ маковый цвѣтъ, когда мы весело подшучивали:

— Эге, братъ, да ты франтить началъ!... Экій у тебя сюперфлю галстукъ!.. Только зачѣмъ это ты его бантомъ къ затылку поворачиваешь?

Гурвейсъ вспыхивалъ и дѣлалъ недовольный видъ.

— Ну, ну, что это у васъ за способность обращать вниманіе на всякія мелочи!—ворчалъ онъ, поворачивая непослушный галстукъ. — Удивительная способность!... Галстукъ! Не все ли равно какой галстукъ?!.

— Постой, постой!... Эге-ге, — и брюки новыя въ полоску, и сапоги поскрипываютъ... Чортъ возьми, какъ шикарно!... А все-таки, братъ, застегни пуговицы...

— Ахъ!—вскрикивалъ онъ недовольнымъ тономъ, дергая плечами, но быстро исправляя вѣчныя погрѣшности костюма.—И какое вамъ до всего этого дѣло?

— Какъ, какое дѣло!?—весело хохотали мы.— Во-первыхъ, оно не совсѣмъ прилично не застегивать того, что должно, а во-вторыхъ,—своимъ франтовствомъ всѣхъ дѣвицъ у насъ отобьешь... Ловеласъ!

— Ну, ну, не говорите глупостей! — совсѣмъ конфузился смущенный Гурвейсъ. — Не говорите глупостей!... Это нехорошее отношеніе къ женщинѣ... Развѣ для нихъ костюмъ что-нибудь значитъ?... Развѣ онѣ такія пустыя?...

— Читай, читай мораль!... А зачѣмъ напялилъ галстукъ съ горошкомъ, а?

— Съ какимъ горошкомъ?... Что за глупости,—совсѣмъ никакого горошка...

— Ну, съ искрой, что ли,—все равно, на версту глаза рѣжетъ... Небось, для Сарры Павловны,—признавайся!

Это уже окончательно сражало Гурвейса. Его прехорошенькая соотечественница, фельдшерица Сарра Павловна, нравилась намъ всѣмъ, мы всѣ ухаживали за нею, посылали ей книги, помогали готовить уроки, но Гурвейсъ, казалось, былъ задѣтъ ея черными глазками не на шутку. При намекѣ на это тонкое обстоятельство, онъ вздергивалъ въ негодованіи плечи, вспыхивалъ еще ярче, нахлобучивалъ фуражку на затылокъ, — онъ всегда носилъ ее на затылкѣ и она оттопыривала у него уши, — кричалъ: а, ну, васъ!—и пулей вылеталъ изъ комнаты.

Какъ и нѣкогда въ школѣ, онъ представлялъ собой какую-то ходячую, живую антитезу, если можно такъ выразиться, только теперь, можетъ-быть, немного болѣе грустную и обидную, чѣмъ прежде, потому что болѣе грустнаго смысла, сознанія, больше обиды скрывалось въ ней

и за нею. Воспитанный, какъ и всѣ мы, на лучшихъ, безсмертныхъ твореніяхъ нашей литературы, созданный духовно великими отцами *нашей* мысли и слова: Гоголемъ, Пушкинымъ, Бѣлинскимъ, Лермонтовымъ, Добролюбовымъ, Некрасовымъ и т. д., наученный ими понимать и любить,— онъ, естественно, по духу былъ такимъ же «русскимъ», такимъ же народолюбцемъ, какъ и всѣ мы, и, можетъ-быть, даже больше и во всякомъ случаѣ безкорыстнѣе многихъ изъ насъ, а для народа, для этого страстно, идеально любимаго народа, о которомъ онъ болѣлъ, къ которому рвался всею душой, всѣмъ своимъ чистымъ сердцемъ,—онъ былъ только «жидъ», существо враждебное, подозрительное, смѣшное по внѣшности, выговору, жестамъ,—по всему, что такъ или иначе выдавало его племенную особенность. Какъ хотите, а это была уже драма, несомнѣнная драма, большая во всякомъ случаѣ, болѣе глубокая, чѣмъ драма отверженнаго ловеласа, надъ которой мы такъ охотно, если не обязательно, льемъ слезы въ партерѣ. Но сколько язвъ, сколько больныхъ занозъ, мелкихъ уколовъ примѣшивалось къ этой роковой драмѣ со стороны отъ всякаго, кто не зналъ его лично, не могъ, не хотѣлъ приглядѣться,—отъ любого проходимца даже съ именемъ на «овъ» и «евъ»,—и только за то, что онъ любилъ такъ сильно, такъ страстно распѣвалъ любимую «дубинушку» или «ой, вы братцы» — немного шипящими звуками! Даже въ нашей студенческой средѣ было много такихъ, что, не зная его, отнеслись къ нему не то подозрительно, не то иронически и, можетъ-быть, даже не желая этого вовсе, жестоко ранили его сердце съ тою жестокою легкостью, ко-

торая вообще часто характеризуетъ поступки людей, мало связанныхъ между собою. И много, много нужно было имѣть любви въ своемъ сердцѣ, много вѣры въ «человѣка», чтобы не поддаться не озлобиться,—остаться такимъ же цѣльнымъ и чистымъ, какимъ оставался Давидъ Гурвейсъ.

Я помню одну сцену изъ нашей тогдашней студенческой жизни,—не совсѣмъ трезвую, правда, немного комичную, но во всякомъ случаѣ до того типичную, такъ цѣльно рисующую всего Гурвейса, что я никакъ не могу отказать себѣ привести ее здѣсь. Въ одинъ изъ вечеровъ мы беззаботно дули пиво въ одномъ изъ ресторановъ цѣлымъ кружкомъ, слушая безконечныя розовыя предположенія Гурвейса о его будущей дѣятельности въ качествѣ земскаго врача. Толчокъ къ такой темѣ далъ намъ, помню, только-что прочтенный вмѣстѣ одинъ изъ прелестныхъ разсказовъ Глѣба Успенскаго и мы весело истребляли бутылку за бутылкой, можетъ быть нѣсколько злоупотребляя тостами за автора и рисуемый имъ народъ. На бѣду, рядомъ съ нами у сосѣдняго столика расположилась компанія мѣстныхъ щеголей, тоже сильно навеселѣ, то и дѣло требовавшая дорогихъ винъ и провозглашавшая свои тосты: то за ножки, то за ручки, то за другія части актрисъ мѣстной оперетки. Право, не помню теперь, наше ли *пиво* и тосты стали коробить щеголей прежде, ихъ ли *вино* и тосты—насъ, но очень скоро атмосфера между двумя столиками стала крайне напряженной. Отдѣльныя искорки напряженнаго электричества уже давно перескакивали оттуда и отсюда, не нарушая впрочемъ общаго равновѣсія до поры до времени или,

вѣрнѣе, до подходящаго случая. Этотъ случай скоро представился. Послѣ небольшой взаимной перестрѣлки «въ сторону», какъ это пишется въ комедіяхъ, болѣе или менѣе остроумно-ядовитыхъ стрѣлъ, раздражавшихъ оба лагеря до послѣдней степени,—одинъ изъ «львовъ», не выдержавъ, рѣзко повернулся къ намъ и сталъ всматриваться дерзко и нахально въ Гурвейса.

— А я васъ гдѣ-то видалъ!—началъ онъ нетвердымъ, коснѣющимъ языкомъ, насмѣшливо, какъ-то презрительно улыбаясь.

— Можетъ-быть, — отвѣтилъ тотъ, все еще полный своихъ розовыхъ плановъ,—я отъ людей не прячусь!...

— Но гдѣ?—продолжалъ левъ, точно въ самомъ дѣлѣ усиливаясь припомнить,—гдѣ?... Вы, кажется, приходили старыя брюки спрашивать... Да, да, да—старыми вещами торгуете!...

— Нѣтъ,—отвѣтилъ спокойно вспыхнувшій Гурвейсъ,—я ничѣмъ не торгую,—вы ошибаетесь.

— Помилуйте, — перебилъ левъ подъ общій хохотъ своихъ собутыльниковъ,—у меня хорошая память!... Такое типичное жидовское лицо, и не запомнить...

Что сказалъ бы еще левъ, что или какъ отвѣтилъ бы ему подвыпившій Гурвейсъ, право, сказать трудно... Рѣчь льва пресѣклась на полусловѣ: одинъ изъ насъ, мой ближайшій сосѣдъ, схватилъ пустую бутылку и угодилъ ею ему прямо въ носъ, окровавивъ лицо и бѣлую манишку...

— Такъ ихъ, такъ щеголей,—прямо въ носъ, какъ училъ диктаторъ Рима!

Полетѣли бутылки, поднялась свалка, гамъ, невообразимый безпорядокъ. Добродушный Гурвейсъ бросился унимать, схватилъ даже воду для ушибленнаго льва, но самъ же и «влетѣлъ» за свое добродушіе. Левъ принялъ его движеніе за новое нападеніе и сцѣпился съ нимъ не на животъ.

— Стрѣляться, стрѣляться!—кричали львы.—Мы вамъ покажемъ,—стрѣляться!

— Хоть рѣзаться! хоть изъ пушекъ!—отвѣчали наши.

— Я первый, я съ нимъ!—не помня себя, кричалъ ушибленный,—я съ нимъ! Нѣтъ, не уйдешь!—теребилъ онъ все успокоивавшаго его Гурвейса...—Стрѣляться!

Гурьбой, раздраженные до-пельзя, мы вылетѣли изъ ресторана и направились въ паркъ стрѣляться, несмотря на открытые протесты Гурвейса.

— Да я вовсе не хочу убивать васъ или быть убитымъ!—твердилъ тотъ резонно льву, но левъ не слушалъ и только бормоталъ, задыхаясь, свое:

— Мнѣ все равно!... Мы стрѣляемся! Оскорбленіе. Непремѣнно стрѣляемся?

Какъ мы вошли въ паркъ, откуда взялись револьверы, право, теперь я не помню. Луна свѣтила такъ ярко съ яснаго безмятежнаго неба, что на полянѣ было довольно свѣтло. Издали доносился отдаленный грохотъ экипажей по мостовой, но въ паркѣ было все тихо. Нѣсколько воронъ, спугнутыхъ нашимъ гамомъ, вспорхнули, тяжело захлопали въ листвѣ крыльями и, какъ-то глупо прокаркавъ съ просонокъ, шумно полетѣли между деревьевъ. Что мы кричали, о чемъ, почему,—ей-Богу не помню, но

Гурвейса мы всѣ, и тѣ и наши, стали усиленно убѣждать спьяна, что ему необходимо «поддержать честь» и стрѣляться, разъ онъ вызванъ. Тотъ протестовалъ.

— Но вѣдь это глупо, чортъ возьми!... За что убивать? Да я вовсе и не хочу, господа!...—кричалъ онъ, размахивая руками.

— Нѣтъ, нѣтъ! Непремѣнно! — кричали мы всѣ, а въ особенности ушибленный левъ.—Оскорбленіе... такое оскорбленіе... Нѣтъ, я не прощаю оскорбленій!—бормоталъ онъ коснѣющимъ языкомъ.

Можетъ быть, такъ бы и кончилось ничѣмъ, не пойди Гурвейсъ дальше однихъ протестовъ. Но на бѣду онъ вздумалъ обратиться къ здравому смыслу и приводить резоны для успокоенія расходившагося льва. Когда тотъ, не унимаясь, бормоталъ свое, несмотря на его протесты, Гурвейсъ съ обычнымъ своимъ спокойствіемъ простодушно обратился, къ нему:

— Да чего вы кипятитесь... У васъ и такъ весь носъ разбитъ... Давайте лучше кровь уймемъ!

Это здравое, добродушное, искреннее замѣчаніе, безхитростное, какъ былъ безхитростенъ его авторъ, явилось каплей переполнившей чашу. Львы приняли это за пронію, дерзость и завопили. Вновь поднялся страшный гамъ и всею гурьбой мы потащили Гурвейса къ барьеру.

— Да я не хочу, чортъ возьми, вѣдь это глупо!—протестовалъ онъ, дергая плечами.

— Становись къ барьеру!

— Плевать я хочу на вашъ барьеръ!...

— Трусъ! Трусъ!—сыпалось кругомъ въ отвѣтъ.

— Не трусъ и не дуэлистъ,—возражалъ онъ,—да я даже не знаю, какъ и стрѣлять-то...

Одно его спокойствіе свидѣтельствовало уже ясно, что онъ далеко не трусъ, но на это, понятно, никто не обратилъ тогда вниманія. Ему всунули въ руку плохенькій револьверъ и показали, какъ нажать собачку. Онъ слушалъ молча, спокойно, попробовалъ даже пальцемъ собачку, стоя у барьера, пока противникъ наводилъ на него дрожавшей пьяной рукой свое оружіе, но вдругъ бросилъ револьверъ и плюнулъ.

— Чортъ возьми, что за ерунда! Буду убивать человѣка... не хочу!...

— Должны, должны!—выдѣлились крики изъ общаго, вновь поднявшагося по этому поводу, гама.

— Не хочу!...—и, отчаянно махнувъ рукой, Гурвейсъ опустился и сѣлъ на землю.

Это вывело насъ изъ себя.

— Ты трусъ, Гурвейсъ!

— Не трусъ, а не хочу! Пусть себѣ стрѣляетъ онъ, если хочетъ,—указалъ Гурвейсъ на противника,—а я не буду! Что за ерунда!

Онъ продолжалъ сидѣть на травѣ въ самой комичной позѣ... Противникъ его держалъ оружіе и колебался. Секунданты запротестовали.

— Такъ нельзя... Первый выстрѣлъ вашъ,—вы вызваны. Встаньте!

— Не хочу,—рѣшительно отрѣзалъ Гурвейсъ.

— Такъ нельзя!...

— Мнѣ все равно! Я уйду, мнѣ надоѣла эта комедія!

— Да вы хоть на воздухъ стрѣляйте!

— Зачѣмъ на воздухъ? Какъ это на воздухъ?

— Вверхъ, не цѣлясь!...

Гурвейсъ колебался, эта глупая комедія начинала сердить его; чтобы кончить какъ-нибудь скорѣе, онъ сидя поднялъ револьверъ.

— Ну?—вопросительно пожалъ онъ плечами.

— Стрѣляйте же!

— Такъ?—спросилъ онъ, уставивъ дуло на луну и закрывъ глаза.

— Хоть такъ, какъ хотите!

Раздался выстрѣлъ.

— Ну, вотъ вамъ!—Онъ съежился и бросилъ револьверъ.

Было ли это дѣйствіе выстрѣла, ярко блеснувшаго и разнесшагося грохотомъ по лѣсу, или что-нибудь другое подѣйствовало, но всѣ и даже самъ противникъ какъ-то вдругъ стали спокойны, пришли въ себя, опомнились. Раздался новый выстрѣлъ, тоже «на воздухъ», и вслѣдъ за тѣмъ при общемъ ликованіи рука противника со словами: вы молодецъ!—протянулась къ Гурвейсу.

Вспоминая эту давнюю исторію, я такъ и вижу предъ собой нашего добродушнаго, спокойнаго, ровнаго, честнаго Гурвейса, вижу какъ, сидя на землѣ и зажмуривъ глаза, онъ палилъ въ ясную луну съ любимымъ жестомъ: подергиваньемъ плечами; слышу его искреннее «не хочу!» и «что за ерунда». Никакой рисовки въ немъ никогда не было, въ герои онъ не лѣзъ, надъ героизмомъ даже подтруниваль добродушно, самъ никогда не подозрѣвая,

что его спокойное, хладнокровное мужество годилось бы для многихъ героевъ. Нѣтъ, онъ не лѣзъ въ герои онъ считалъ себя скромнымъ труженикомъ, культурнымъ работникомъ и даже гордился, что его племя не создавало полководцевъ-героевъ. «Мы, евреи,—говарилъ онъ,—единственное племя, которое невинно теперь въ военныхъ кровопролитіяхъ... Мечъ, давно забытый мечъ, мы промѣняли на культуру... Вмѣсто Наполеоновъ, у насъ есть Лассали, Марксы, Гейне, Берне, Меербера!»

— У насъ,—говоришь ты,—поддразнивали мы его.—Да какой же ты еврей, что въ тебѣ еврейскаго?

На это онъ обыкновенно вспыхивалъ и разсыпался въ воспоминаніяхъ дѣтства, ссылался на свои симпатіи къ преслѣдуемому племени, на свое происхожденіе.

— Пока они «жиды», а не люди, какъ всѣ, и я буду жидъ! Пока ихъ преслѣдуютъ, й я буду съ ними!

— Это очень благородно,—возражали ему,—но согласись, что у тебя ничего нѣтъ общаго съ евреями. Въ громадномъ большинствѣ евреи эксплуатируютъ народъ и занимаются ростовщичествомъ....

Гурвейсъ вскакивалъ какъ ужаленный

— Это неправда, глубокая неправда!— кричалъ онъ весь багровый. — Громадное большинство евреевъ—ремесленники, люди самаго чистаго труда, живущіе въ вопіющей нуждѣ... Видали вы эту нищету, грязь и бѣдность обстановки, видали какъ живетъ и чѣмъ питается ремесленникъ-еврей?—нѣтъ?—ну такъ и молчите же! И этотъ труженикъ, нищій выбивается изъ силъ, чтобы дѣтямъ своимъ дать свѣтъ и знанье... Посмотрите, сколько еврей-

ской бѣдноты учится, рветъ съ закорузлыми ветхозавѣтными традиціями и стремится къ свѣту. Къ евреямъ-эксплуататорамъ, барышникамъ, ростовщикамъ я отношусь такъ же враждебно, какъ и вы. Они эксплуатируютъ и свою еврейскую бѣдноту такъ же точно, какъ Разуваевы и Колупаевы ваши, и, право же, не знаю, чѣмъ послѣдніе лучше первыхъ. «Ёнъ достанетъ»—изобрѣли не евреи! Жидъ эксплуататоръ сосетъ грошемъ, Разуваевъ—душитъ рублемъ; что лучше,—рѣшить, конечно, трудно,—оба зло. Но грѣхъ немногихъ, грѣхъ кучки не сваливайте на всѣхъ. Правда, много умныхъ евреевъ занимаются финансовыми операціями и составили себѣ большія состоянія, но вините же саму жизнь: это она не даетъ способнымъ и сильнымъ людямъ другого приложенія своихъ силъ, другого поля...

Такимъ образомъ его народничество, его духовное родство съ нами сливалось въ немъ въ нѣчто гармоническое и цѣльное съ его еврействомъ... Вѣрнѣй всего, онъ былъ русскій духомъ, который могъ въ то же время любить, и дѣйствительно любилъ, свое родное племя, болѣлъ о немъ и искренно желалъ ему лучшаго. Еще лучше сказать,—онъ любилъ человѣка, откуда и кто бы онъ ни былъ.

V.

Гурвейсъ былъ однимъ изъ бѣднѣйшихъ въ университетѣ, но эта бѣдность ничуть не мѣшала ему считаться однимъ изъ лучшихъ студентомъ по работамъ и по знаніямъ. Онъ шелъ лучше и впереди многихъ и многихъ,

обезпеченныхъ и большимъ досугомъ, и довольствомъ, даже комфортомъ, снабженныхъ массою книгъ и руководствъ, — несмотря на то, что громадную часть сутокъ ему приходилось отдавать репетиторству, бѣганью по грошевымъ урокамъ, которыми онъ спискивалъ себѣ свое скудное, студенческое пропитаніе. Не одними врожденными способностями, конечно, обусловливалось это,—громадную роль играла тутъ врожденная, унаслѣдованная отъ отца и дѣдовъ привычка, способность къ труду, выносливость и выдержка къ работѣ. Не избалованный ничѣмъ съ дѣтства, съ дѣтства пріученный уважать трудъ, глядѣть на него какъ на долгъ, святую обязанность человѣка, пролетарій, пріученный полагаться во всемъ только на свои собственныя руки, свою голову,—онъ и на ученіе смотрѣлъ, естественно, не какъ на прихоть, средство получить дипломъ, а съ нимъ извѣстное положеніе или необходимый искусъ, требуемый законами свѣта,—какъ смотрѣли, напримѣръ, многіе и многіе изъ насъ, балованныхъ «маменькиныхъ» сынковъ,—а какъ на тотъ же долгъ, при чемъ сама наука становилась для него чѣмъ-то вродѣ культа. «Это въ крови у меня,—говаривалъ онъ намъ, часто удивлявшимся его выносливости, работѣ, терпѣнью, недоумѣвавшимъ откуда черпаетъ онъ, худой, полуголодный, изможденный, такую силу,—это въ крови у меня. Весь нашъ жидовскій родъ—пролетаріи... Прадѣдъ, дѣдъ, отецъ, не разгибая спины, выкармливали поколѣніе за поколѣніемъ иголкой... Это родовая иголка такимъ меня сдѣлала... Я бы въ гербъ свой всадилъ ее, кабы былъ у меня гербъ!» Иголка-то,

положимъ, иголка, но и человѣкъ, думаю я, державшій эту иголку изъ года въ годъ, изъ рода въ родъ на благо и пользу людямъ, что-нибудь тутъ да значитъ.

Отецъ его, какъ и дѣдъ, какъ и прадѣдъ, не совершалъ походовъ, не бралъ никого въ плѣнъ; если усмирялъ кого, то только шуструю дѣтвору, черезчуръ безцеремонно обращавшуюся съ иголками и нитками и, можетъ-быть, немного легкомысленно относившуюся къ приказу: сидѣть смирно и долбить книги, — вообще никакихъ подвиговъ и доблестей не проявилъ. Старый Мойшъ, какъ нѣкогда его дѣдъ и отецъ, работалъ иголкой на весь захолустный уѣздный городъ, обшивалъ въ немъ всѣхъ, начиная съ городничаго, разгонявшаго зачастую хандру нападеніями на еврейскіе пейсы,— то было, вѣдь, доброе, старое время,—до франта стрянчаго включительно, носившаго узкія брюки, лайковыя перчатки и напѣвавшаго всѣмъ захолустнымъ дѣвицамъ: «ты не повѣришь!» Что дѣлали бы львы и не львы городка, чѣмъ бы прельщали городскія дамы и дѣвы кавалеровъ, не будь старика Мойша съ его «парижскими фасонами изъ Берлина», — право, не знаю, но думаю, что не одно сердце помогла притянуть его иголка, не одну свадьбу она сшила. Много работала эта иголка, очень много; давала она только мало, плохо защищала отъ голода и холода семью портного, который, какъ истый жидъ, не ропталъ на лишніе рты, а все просилъ Бога о приращеніи новыхъ и новыхъ. И новые рты все прибывали и прибывали,— Мойшъ радовался и, радуясь, все сильнѣе, все страстнѣе работалъ своею иголкой.

Но если иголка плохо спасала отъ нищеты, за то она давала много досуга головѣ, а досугъ этотъ, какъ извѣстно, ведетъ часто къ страшнымъ мыслямъ. Сидитъ, напримѣръ, Мойшъ скрючившись на своемъ табуретѣ за городническими фалдами или капотомъ питендантши, — сидитъ за-полночь, когда вся семья уже давнымъ-давно храпитъ вповалку, — а страшныя мысли такъ и лѣзутъ, такъ и ползутъ, отгоняя сонъ и способствуя, такимъ образомъ, работѣ.

Тускло свѣтитъ огарокъ, шибко, механически ходитъ въ привычной рукѣ иголка; тихо, какъ-то визгливо-жалобно звучитъ крѣпко натягиваемая нитка, а Мойшъ все думаетъ о томъ, какъ бы хорошо было, люди люди побольше другъ друга, уважай они человѣка, не справляясь о его родѣ и племени, о его достаткѣ.

Много еще разныхъ другихъ страшныхъ мыслей толпится, наполняетъ его склоненную, отекавшую надъ работой голову, но всѣ онѣ точно у центра вертятся около одного вопроса: какъ бы уберечь первенца, любимца Давида, отъ всѣхъ бѣдъ и напастей жизни,—какъ бы спасти его отъ общаго презрѣнія и третированья, сопряженныхъ съ его жидовствомъ, съ этою обидною кличкой «жидъ». — Конечно, — думаетъ онъ,—будь онъ Ротшильдъ,—да что Ротшильдъ!—будь онъ простой банкиръ или хоть богатый купецъ, откупщикъ, — дѣло стояло бы иначе: Давидъ былъ бы Давидомъ и никто не сомнѣвался бы въ томъ, что онъ такой же человѣкъ, съ такою же душой, сердцемъ, головой, какъ и всѣ. Доступа къ нему добивались бы самые знатные люди и жали бы ему руку,

заискивающе улыбаясь. Но Давидъ, сынъ Мойша портного,—это не Давидъ, а только Дудь, жидочекъ, а потомъ жидъ, надъ которымъ можно и потѣшаться, котораго можно и выругать, и побить, и сдѣлать безнаказанно всякую пакость. Что ужъ, — вздыхаетъ бывало Мойшъ.—большому кораблю — большое море! — на то онъ и корабль! а челноку — рѣчка, — на то и челнокъ онъ!—вздыхаетъ, а странныя мысли все лѣзутъ и лѣзутъ, все твердятъ ему свое неизмѣнное: отчего бы и Давиду не быть кораблемъ и плавать въ большомъ морѣ?—Нѣтъ у тебя богатства,—шепчетъ ему какой-то назойливый голосъ,—сдѣлай большимъ его сердце, развей его умъ, его силы... Пусть блеснетъ въ немъ человѣкъ во всей его красотѣ и мощи, и не гнать, а радоваться на него будутъ люди... Будетъ онъ ученымъ или докторомъ,—и никогда не узнаетъ всего того, что выпадало дѣду и отцу за ихъ иголку! Тускло свѣтитъ огарокъ, жалобно воетъ въ трубѣ вѣтеръ, тихо, точно плачучи, звучитъ крѣпко натягиваемая нитка, а портной все думаетъ, сидя склонившись надъ своею работой, и слышитъ, какъ то же самое трещитъ ему свѣча, поетъ нитка, напѣваетъ вольный вѣтеръ.

Думалъ такъ Мойшъ, думалъ, — въ то далекое время это были еще еретическія мысли въ захолустьи, изъ еврейскихъ дѣтей учились только единицы: дѣти богачей, крупныхъ тузовъ, почти отрекавшихся отъ еврейства,— думалъ и надумалъ... Сшилъ изъ тончайшаго сукна вицъ-мундиръ и пошелъ съ нимъ къ директору въ школу съ поклономъ.

— Ваше ваше-ство, — началъ онъ, переминаясь,—я и

насъ обшивалъ и дѣтей вашихъ... сдѣлайте мнѣ милость!

— Какую милость? — спросилъ его благосклонно старикъ директоръ, оглянувъ новенькій вицъ-мундиръ.

Кашлянулъ Мойшъ, собрался съ духомъ и выпалилъ вдругъ:

— Сына учить хочу... Пусть будетъ человѣкомъ, ваше-ство! Зачѣмъ и ему знать мою бѣду, — зачѣмъ ему, какъ и мнѣ, быть темнымъ? Примите, ваше-ство!...

Помолчалъ старикъ директоръ, подумалъ, вынулъ табакерку, щелкнулъ по ней пальцами, понюхалъ и протянулъ ее оробѣвшему Мойшу:

— Умный ты человѣкъ, Мойшъ, — сказалъ онъ, — и умное дѣло надумалъ!.. Ученье—свѣтъ, неученье—тьма... Пусть ходитъ Давидъ учиться!

Такъ и сталъ Давидъ школьникомъ, а потомъ и студентомъ. Правда, много стоило это старому Мойшу, много истунилъ онъ ради этого лишнихъ иголокъ, много перешилъ лишнихъ нитокъ,—да что за бѣда!—за то сынъ учился на славу, и не только учился, а, учась, умѣлъ еще помогать и семьѣ. Еще въ школѣ, съ четвертаго класса онъ уже содержалъ самъ себя, а въ университетѣ грошевыми уроками умѣлъ не только зарабатывать на свое ученье, а и отсылать еще каждый мѣсяцъ что-нибудь домой, на помощь безчисленнымъ братьямъ и сестрамъ, чего не умѣли и не съумѣли бы никогда многіе и многіе изъ насъ. Для всего молодого еврейства своего захолустья студентъ Гурвейсъ сталъ живымъ фокусомъ, въ которомъ концентрировались всѣ ихъ тайныя симпа-

тіи, надежды, смутные порывы къ свѣту, къ выходу изъ своего обособленнаго, замкнутаго, тинистаго круга,—онъ вносилъ туда новыя понятія, новые взгляды, будилъ сонную, дремавшую отъ вѣка мысль. Все, что нѣкогда играло съ нимъ на улицѣ, валялось въ пыли, наполняя воздухъ характернымъ гамомъ еврейскихъ улицъ и переулковъ, — теперь, выросши, ждало отъ него, *студента*,—а это слово отдавало тогда чѣмъ-то недосягаемо-высокимъ, чистымъ, чуть ли не святымъ въ душѣ не одного портного Мойша,—ждало отъ него указаній, совѣтовъ, наставленій, примѣра во всемъ. Однимъ онъ давалъ читать книги, указывалъ что́ и какъ читать для самообразованія, другимъ помогалъ поступать въ школы, убѣждая родителей не стѣснять путь дѣтямъ старыми предразсудками, не бояться иновѣрныхъ школъ, высылалъ программы, велъ переписку съ тѣми, кто нуждался въ нравственной поддержкѣ,—вообще помогалъ всѣмъ, чѣмъ и какъ могъ. Захолустье вдругъ начало просыпаться: изъ него молодежь потянулась въ школы, на курсы, даже за границу подъ ворчанье старпковъ, а имя Давида Гурвейса, къ счастью стараго Мойша, стало самымъ популярнымъ. Молодежь произносила его съ гордостью, съ свѣтлою улыбкой, которую даетъ только вѣра въ жизнь и свои силы, старики—съ плохо скрываемою боязнью, съ досадою за разбитые кумиры, порванныя, разбитыя въ прахъ традиціи, завѣты сонной старины.

Можетъ-быть именно это сознанье своей полезности, необходимости другимъ и укрѣпляло главнымъ образомъ его симпатіи къ еврейству, къ своимъ, которыхъ онъ

зналъ съ дѣтства, чьи боли, желанія и надежды были ему и понятнѣе, и ближе, чѣмъ кому бы то ни было другому. Можетъ-быть именно тутъ нужно искать причину того, что онъ такъ упорно, страстно протестовалъ противъ увѣреній нашихъ тетушекъ, племянницъ, сестеръ, вѣчно кричавшихъ ему, что въ немъ нѣтъ и въ поминѣ ничего еврейскаго.

— Нѣтъ-съ, сударыня,—горячо возражалъ онъ съ тою простотой и безыскусственностью, которыя такъ нравились въ немъ всѣмъ,—нѣтъ-съ... Я—чистѣйшій жидъ! Дѣдъ былъ жидъ, отецъ жидъ и я такой же...

— Но что же въ васъ еврейскаго?—конфузились, кричавшія, на его слово «жидъ»,—ни пейсовъ, ни халата...

— Мои симпатіи—вотъ что! Я люблю жидовъ, я понимаю ихъ, —я сочувствую имъ во многомъ—какъ *жидъ*, а не только какъ человѣкъ, для котораго всѣ люди—люди... Вы не такъ къ нимъ относитесь, да и относиться такъ не можете!...

Ахъ, эти наши тетушки, наши кузины! Давидъ Гурвейсъ имъ нравился,—онѣ относились къ нему хорошо,—онъ былъ студентъ, нашъ товарищъ, но примириться съ его еврействомъ онѣ никакъ не могли. Это еврейство точно роняло его въ ихъ глазахъ, дѣлало его ниже насъ, принижало, а слово «жидъ» въ его устахъ даже коробило. Конечно, оставайся онъ себѣ такимъ же «жидомъ», будь даже бо́льшимъ, но прими хоть лютеранство,—онъ выросъ бы моментально, онъ сразу пересталъ бы быть жидомъ, а сдѣлался бы... русскимъ, не русскимъ—нѣмцемъ, не нѣмцемъ, но, во всякомъ случаѣ, чѣмъ-

то такимъ, чего тетушкамъ и кузинамъ было бы вдругъ почему-то «не стыдно». А наши тетушки и кузины были тогда еще далеко не ханжи,—онѣ допускали даже извѣстное фривольство въ вопросахъ религіи, и не только фривольство, а кое-что и побольше. Вотъ что значитъ форма, традиція,—впрочемъ, не одно это... Бо́льшую роль и, можетъ-быть, главную играло тутъ, конечно, и то, что евреевъ «съ нами» не вѣнчаютъ; что, оставаясь евреемъ, Давидъ Гурвейсъ могъ быть студентомъ, товарищемъ ихъ братьевъ и кузеновъ, другомъ даже, могъ быть извѣстнѣйшимъ ученымъ, знаменитостью, но не могъ одного только—*не могъ быть женихомъ!* Въ ихъ чудныхъ глазкахъ бѣдный жидъ терялъ такимъ образомъ всѣ обаятельныя свойства и качества *мужчины!* У меня была тетушка Зизи, очень и очень немолодая дѣвица, въ сердцѣ которой, однако, годы не потушили пламеннаго вулкана. Любила тетя Зизи больше всего свою кошку «пипу», желала больше всего жениха, боялась—болѣзней и смерти. Въ очень молодые годы она, конечно, мечтала о «корнетѣ»; позже, когда жестокій корнетъ не явился,—о пѣхотинцѣ; еще позже... она помирилась бы на интендантѣ и даже на «штатскомъ изъ губернскаго правленія», а теперь... теперь, когда «воинственность» ея понесла полное разочарованіе,—теперь—увы!—она не побрезгала бы, я думаю, и жидомъ крещенымъ, въ особенности—хорошимъ врачомъ. Можетъ-быть я ошибался, но, право, я сильно подозрѣвалъ безкорыстіе ея хорошихъ отношеній къ Гурвейсу, ея заботы о немъ, видимое ухаживаніе—«материнское», какъ оправдывалась она, краснѣя на наши намеки и

шиплыки. «Я какъ м-а-т-ь!» томно говорила краснѣвшая тетя; но, признаюсь, я не разъ подмѣчалъ за тетей такіе взоры въ сторону нашего милаго «жидка», такіе взоры, какіе приготовлялись нѣкогда несомнѣнно для однихъ корнетовъ и которыхъ только онъ одинъ не видѣлъ. Разъ я натолкнулся на комическую сцену, когда тетя «безкорыстно», какъ «м-а-т-ь», совѣтовала ему принять хоть лютеранство.

— Зачѣмъ?—искренно удивился Гурвейсъ.

— Ахъ, развѣ вы не понимаете... ну, мало ли что можетъ быть... Ну, представьте, васъ полюбитъ дѣвушка...

— Да, это сложная вещь, если дѣвушка будетъ христіанка,—задумался серьезно Гурвейсъ,—но вѣдь полюбитъ меня она каковъ я есть, полюбитъ «жида»...

— Ахъ, противный! — тетя мило оттопырила губку, точно говорила съ корнетомъ,—дались ему эти жиды! Ну, почему-жъ бы вамъ этого не сдѣлать?...

— Потому, что это оттолкнуло бы меня отъ своихъ, потому что въ безкорыстіе мое въ этомъ случаѣ, въ мою искренность никто бы никогда не повѣрилъ, потому...

— Ахъ, потому, потому!... Оставьте вы эти «потому»... Развѣ вы не понимаете, что это дало бы вамъ права, какихъ вы не имѣете?...

— Права?!—удивился честный Гурвейсъ,—права?! Вы говорите о правахъ! Ради «правъ»?! Плохая же вы христіанка, сударыня. По-моему—это кощунство даже!... Вотъ если бы я, напримѣръ, могъ вылечить этимъ, хоть васъ положимъ, отъ чахотки, рака...

— Ахъ,— взвизгнула искренно тетя, закрывая лицо руками.

— Холеры, чумы, дезинтеріи, дифтерита...

— Ахъ, ахъ, ахъ!

Бѣдная тетя очень красиво «легла въ обморокъ», немного дѣланный положимъ, но эффектный. Она искренно испугалась, а бѣдный Гурвейсъ, растерянный, сконфуженный, испуганный, разводилъ безпомощно руками, пока я не пришелъ къ нему на помощь своимъ громкимъ хохотомъ.

VI.

Къ концу нашего ученія въ университетѣ маленькая Сербія, написавъ на своемъ знамени: «независимость и свобода», бодро выступила войной противъ громадной и сильной тогда Турціи. Всѣмъ памятно еще, думаю, то лихорадочное возбужденіе, то страстное оживленіе, почти энтузіазмъ, съ какимъ отнеслись наше интеллигентное общество и печать къ этому факту, — всѣмъ памятно, какимъ ореоломъ было окружено имя генерала Черняева... Сочувствіе и интересъ къ борющимся «братьямъ» проникли даже въ народъ, который несъ имъ свои трудовые гроши; для всякихъ же «бо» и «го-мондовъ» они стали почти обазательны, какъ послѣднее слово моды, какъ новенькій «рюшикъ» на оборкахъ прелестныхъ юбокъ. Предводительши, секретарши, казначейши и т. д., и т. д.,—всѣ, занимавшіеся до сихъ поръ только ферлакурствомъ и вздохами,—почуяли вдругъ необычайный приливъ нѣжности къ этимъ «милымъ братьямъ, — ces char-

mants slaves,—щипали для нихъ своими розовыми пальчиками корпію и очень граціозно носили у бюстовъ неуклюжія кружки «для подаянія». Правда, немного спустя, многія изъ нихъ съ такимъ же энтузіазмомъ и пыломъ относились и къ плѣннымъ турецкимъ офицерамъ,—ces charmants turcs,—но что же, спрашивается, дѣлать пылкому сердцу, горящему неугасимымъ пламенемъ, когда время ничего другого кромѣ черноглазаго турка ему не подноситъ!?

Въ университетской же средѣ, всегда искренной, чуткой, самоотверженной, это увлеченіе было, конечно, не только неизмѣримо искреннѣе, но и сильнѣе. Тамъ, для многихъ душъ, томившихся сомнѣніями, незнавшихъ куда дѣвать себя, что съ собой дѣлать, сербское возстаніе явилось точно выходомъ, поданнымъ самою жизнью. Турецкая пуля страшила меньше, чѣмъ царившія въ душѣ путаница и разнорѣчіе, чѣмъ неопредѣленное прозябаніе безъ ясной цѣли, идеала и вѣры въ жизнь. И тамъ это увлеченіе, конечно, приняло иныя формы, чѣмъ корпія и «кружка» у бюста,—тамъ люди записывались въ добровольцы,—цвѣтъ нашего народа съ счастливою улыбкой шелъ на чужой «бранный пиръ», и именно какъ на пиръ. Правда, многіе изъ нихъ не держали до этого въ рукахъ оружія, многіе только теперь учились стрѣлять,—но за то всѣ они умѣли умирать такъ, какъ только умѣетъ умирать наша юность. Горсть этихъ неумѣвшихъ стрѣлять юношей сдерживала цѣлую орду, заставляла ее терять голову, напрягать всѣ силы, опрокидывала регулярные баталіоны, брала батареи. Смерть студента Ярошенко или учителя Гольдштейна, съ папироской

въ зубахъ и револьверомъ въ рукѣ продолжавшаго защищать батарею, вся прислуга и прикрытіе которой были перебиты, смерть многихъ и многихъ другихъ лучше всего показываютъ, что и какъ умѣли дѣлать эти неумѣвшіе стрѣлять юноши.

Давидъ Гурвейсъ былъ въ числѣ многихъ другихъ, отправившихся прямо изъ университета на театръ войны, въ распоряженіе генерала Черняева. Двинули его на этотъ путь, во-первыхъ, симпатія къ маленькому племени, храбро возставшему противъ сильнаго врага, симпатія къ его знамени, во-вторыхъ—чувство товарищества—лучшіе его друзья записались въ добровольцы; въ-третьихъ—убѣжденіе, что, какъ врачъ, онъ всего необходимѣе и полезнѣе будетъ именно тамъ, гдѣ больныхъ, искалѣченныхъ, изувѣченныхъ будетъ, несомнѣнно, больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. «Красный Крестъ» принялъ его въ одинъ изъ своихъ санитарныхъ отрядовъ, снабдивъ прекраснымъ хирургическимъ наборомъ, одинъ видъ котораго приводилъ Гурвейса въ неописуемый восторгъ, — онъ даже бредилъ имъ.

— Нѣтъ, вы посмотрите только,—кричалъ онъ намъ, вынимая свои ножички, ланцеты, пинцеты и прочіе ужасы, отъ которыхъ упаси Богъ всякаго, любуясь ими, причемъ какъ-то сладострастно цокалъ языкомъ,—вы посмотрите только: отдѣлка-то, отдѣлка какая! Роскошь!

— Ты бы эту отдѣлку для себя приберегъ!—шутливо сердились мы, что ему очень нравилось,—живорѣзъ, костоломъ!... Небось на нашемъ братѣ думаешь отдѣлку-то эту пробовать...

— Придется — и на васъ попробуемъ! — шутилъ онъ въ тонъ, подергивая плечи.

— Ишь ты! — Погоди, — что-то запоешь, какъ попадешься въ плѣнъ къ туркамъ! Небось, отдѣлку-то эту забудешь!...

— Отчего?... Я и турокъ лѣчить буду. На нихъ буду пробовать...

— Ишь ты, перебѣжчикъ! Врагу ты на помощь придешь?!

Этимъ шутливымъ замѣчаніемъ мы затрогивали его любимую тему и давали ему возможность вылиться цѣлыми потоками восклицаній. Онъ сейчасъ же разсыпался въ доказательствахъ, что больные—не враги, а только *больные*, что врачъ не имѣетъ права имѣть враговъ.

— Такъ я и факультету присягалъ!—и онъ сейчасъ же цитировалъ слово въ слово эту высокую, гуманную присягу.

Все время войны Гурвейсъ провелъ не въ лазаретахъ, а на перевязочныхъ пунктахъ, подъ огнемъ, подъ выстрѣлами, всецѣло занятый своимъ дѣломъ. Правда, въ первое время, въ началѣ каждаго боя онъ постукивалъ зубами, блѣднѣлъ, даже синѣлъ и какъ-то комично подергивалъ плечами, но мало-помалу свыкся и работалъ спокойно, какъ самый обстрѣленный врачъ. Звуки выстрѣловъ, которыхъ, поправдѣ говоря, онъ терпѣть не могъ, отъ которыхъ въ первое время вѣчно вздрагивалъ, жмуря глаза, очень скоро перестали его пугать и безпокоить совершенно.

— Ну, ну! — ворчалъ онъ только, — какая глупость

эта война! — и дѣлалъ свое дѣло. Иногда, когда работа была особенно упорная и его «прелестный наборъ» даже тупѣлъ отъ человѣческаго мяса, онъ забывался до того, что ничего не сознавалъ, не слышалъ, не видѣлъ, не понималъ, за то ругался и ворчалъ какъ старая злющая баба. Ворчалъ и на себя, и на свой «прелестный наборъ», и на «глупую войну», и на «глупыхъ людей, которые дѣлаютъ такія глупыя раны», — на все, что ни попадалось подъ руку, причемъ непзмѣнно повторялъ: «чортъ»! Въ концѣ концовъ онъ свыкся до того, что могъ сойти за самаго отчаяннаго храбреца. Мнѣ не разъ приходилось слышать разсказы о томъ, какъ онъ, забывшись совсѣмъ за работой, кипятился, сердился и ворчалъ, когда отдавали приказъ перемѣнить мѣсто перевязочнаго пункта, становившееся опаснымъ, благодаря долетавшимъ пулямъ.— Вы мнѣ только мѣшаете съ своими «приказаніями!» — кричалъ онъ передававшему приказъ, — тутъ отлично работать!... Пули!? Я, ей-Богу, ни одной еще не видѣлъ!

«*Увидѣть*» *пулю!* Бѣдный малый, онъ только впослѣдствіи узналъ, какъ это можно *увидѣть пулю*, — теперь, пока, онъ только ихъ слышалъ, но довольно гармоничный свистъ ихъ повидимому ни мало не мѣшалъ его «работѣ»!

Разъ, во время жаркаго боя, на перевязочный пунктъ принесли раненаго въ ногу сербскаго полковника, — извѣстнаго храбреца, — старика, посѣдѣвшаго въ бояхъ съ турками и большого друга Гурвейса. Тотъ, взволнованный до нельзя, немедленно принялся извлекать пулю при помощи фельдшера, державшаго раненую ногу,—но именно

въ этотъ моментъ взвизгнула граната и лопнула недалеко, разбросавъ кругомъ щебень и песокъ. Перепуганный фельдшеръ выпустилъ ногу и, почти не дыша, упалъ на землю.

— Развѣ вы убиты?—нетерпѣливо и страстно крикнулъ Гурвейсъ, не оборачиваясь и возясь у раны.

— Нѣтъ,—но... но!...—отвѣчалъ фельдшеръ, съ трудомъ переводя дыханіе.

— Такъ зачѣмъ же вы выпустили ногу?

— Но граната, г. докторъ,—граната...

— Да не гранату, а ногу,—говорю я, чортъ побери!...

Раненый, какъ самъ онъ передавалъ послѣ, не могъ при этомъ удержаться отъ смѣха. Онъ готовъ былъ клясться, что Гурвейсъ за работой и своимъ волненьемъ не слышалъ лопнувшей гранаты.

Не удивительно, что его полюбили въ арміи всѣ, кто только имѣлъ съ нимъ какое-нибудь дѣло, что имя его пользовалось громадною популярностью. Одинъ гарибальдіецъ, старый ворчунъ, рубака, говоря о немъ, всегда вставлялъ непзмѣнное: corpo di Bacco!—что въ вольномъ переводѣ могло означать, конечно, только одно: «молодецъ»! «Corpo di Bacco» такъ намъ понравилось, что мы всѣ замѣнили прежнія школьныя прозвища сокращеннымъ «Corpo». Это «корпо» усвоили скоро всѣ и многіе въ наивности приняли даже за собственное имя, такъ что солдаты стали звать Гурвейса «дохтуръ Корпа», причемъ уморительно склоняли это новое имя. А самъ Гурвейсъ быстро освоился съ нимъ, какъ и съ прежними.

— Ну, братцы, супротивъ Корпы ни одинъ дохтуръ

не выстоитъ!—часто слышалъ я разсужденія нашихъ солдатъ и унтеръ-офицеровъ, попавшихъ въ добровольцы.

— Изъ отчаянныхъ... Сопитъ все, да знай себѣ перевязываетъ... Вотъ только чорта все поминаетъ...

— Поминать-то, поминаетъ, что и говоритъ, знать, привычка такая... А молодца-парень... Совсѣмъ въ емъ какъ будто и страху нѣтъ!...

— Да его, Корпу-то, и пуля не беретъ! Такъ мимо только и финтятъ кругомъ да около, — а ни одна не беретъ! Знать, слово такое знаетъ!...

Но онъ не зналъ «такого слова» и пуля все-таки «взяла» его... Это случилось уже подъ конецъ войны, когда турки, разбивъ на-голову армію, благодаря непростительной ошибкѣ штаба, какъ тогда говорили,—съ яростью, неудержимо преслѣдовали ея разбитыя части. Отступленіе походило уже на бѣгство, но, отступая, все-таки дрались и добровольцы, составляя авангардъ, какъ всегда, прикрывали штыками отступавшихъ. Турки тѣснили насъ со всѣхъ сторонъ и нѣсколько разъ чуть совсѣмъ не отрѣзали тылъ... Смятеніе было полное, паника почти неудержимая... Все смѣшалось въ какую-то безпорядочную бѣгущую кучу: артиллерія, обозъ, пѣхота— и все это толкало, тѣснило другъ друга, увеличивая смятеніе, превращая отступленіе въ паническое бѣгство, усугубляя общій безпорядокъ. Казалось, самъ адъ вынырнулъ изъ глубокихъ нѣдръ и затѣялъ на землѣ свою адскую оргію, въ которой стоны, крики, вопли замѣняли музыку, а смерть, — вездѣ носившаяся смерть, — веселье. Визжа, какъ-то пронзительно ноя, летали гранаты, то тамъ,

то сямъ лопавшіяся съ сухимъ, особеннымъ грохотомъ и въ воздухѣ, и на землѣ, порою въ густой человѣческой кучѣ, раня, калѣча, уродуя падавшихъ людей,—жужжали пули, какъ пчелы на солнцѣ у цвѣтущаго куста, укладывая человѣка за человѣкомъ. Самые хладнокровные, выдержанные, обстрѣленные люди теряли головы, никакія увѣщанія не дѣйствовали, команды никто не слушалъ...

Въ это время Гурвейсъ возился на одномъ изъ перевязочныхъ пунктовъ, за холмомъ, откуда ничего не было видно, куда долеталъ только гулъ этой отчаянной, человѣческой бойни. Къ нему тащили жертву за жертвою, и онъ, по обычаю, ворча и ругаясь, ходилъ между рядами несчастныхъ, облитыхъ кровью, искалѣченныхъ людей, перевязывая, ампутируя и въ то же время успокаивая, поддерживая добрымъ, участливымъ словомъ. Съ нимъ было только два молодыхъ фельдшера, которыхъ онъ ругалъ на чемъ свѣтъ стоитъ за неловкость. Самъ онъ, кажется, не зналъ усталости, какъ не зналъ страха, и работалъ, что называется, непокладая рукъ, весь облитый потомъ, весь обрызганный, измазанный кровью. Я былъ въ числѣ носильщиковъ, но не могъ даже пожать его руку,—до того онѣ были у него заняты, — мы кивнули другъ другу головами и улыбнулись тою хорошею, товарищескою улыбкой, какою улыбаются только въ рѣдкія, опасныя для всѣхъ минуты. Это не веселая улыбка, это улыбка участія, поддержки, улыбка взаимнаго поощренія.

— Бѣгите!... Непріятель!

Такъ прокричалъ намъ одинъ изъ «штабныхъ», при-

скакавшій внезапно на взмыленной лошади, блѣдный и задыхавшійся. На моментъ мы остановились какъ вкопанные, застывъ отъ этого страшнаго окрика, но оба фельдшера,—сербы,—бросились бѣжать и мы, точно разбуженные ихъ паническимъ бѣгствомъ, повинуясь какому-то страшному, точно стадному, инстинкту или влеченію, безсознательно бросились за ними, перескакивая черезъ раненыхъ, искалѣченныхъ людей. Сначала мы двигались безсознательно, не ощущая даже паническаго страха, который охватывалъ насъ только постепенно и росъ быстро съ каждымъ шагомъ. Помню, что раненые подняли вопль, прося не бросать ихъ, умоляя всѣми святыми спасти ихъ отъ турокъ, съ невѣроятными для нихъ усиліями хватая наши ноги, платье, ловя наши руки... Можетъ-быть именно это, ихъ вопли подѣйствовали на насъ,—не помню,—все это прошло какъ сонъ предо мною,—но мы вдругъ почему-то опомнились и остановились блѣдные, дрожащіе, задыхающіеся...

... И растерянные, испуганные, мы всѣ стояли молча, въ тревожномъ, жуткомъ ожиданьи, не зная что дѣлать, за что приняться и какъ будто стыдясь въ то же время малодушнаго побѣга при отчаянныхъ вопляхъ и крикахъ о спасеніи со стороны раненыхъ.

— Бѣгите же, говорю вамъ!...

— А раненые?—обернулся опомнившійся Гурвейсъ къ офицеру, еле переводя духъ, почти синій, съ широко вытаращенными глазами.

Тотъ пожалъ плечами въ отвѣтъ.

— Слѣзайте!...—крикнулъ онъ ему, все больше приходя

въ себя, хотя лихорадочная дрожь паническаго ужаса все трясла его фигуру.

— Да непріятель на посу! — торопилъ офицеръ колеблясь.

— Слѣзайте!... Онп несчастпѣе насъ съ вами, — указалъ Гурвейсъ на раненыхъ,—ваша помощь нужна!...

Онъ злился отъ страха...

Его слова, его примѣръ вернули намъ самообладанье. Офицеръ слѣзъ и мы всѣ вмѣстѣ подъ крики Гурвейса:—тише осторожнѣе! — быстро укладывали раненыхъ въ фуру, но ихъ оказалось слишкомъ много. Когда биткомъ набитая фура двинулась, нѣсколько человѣкъ оставалось еще на землѣ, продолжая громко молить спасти и ихъ.

— Ну, скачпте, — лихорадочно обернулся опять Гурвейсъ къ офицеру,—приведите еще фуру!...

— Да вы съ ума сошли... Я говорю вамъ: бѣгпте!...— разсердился тотъ.

— Не могу! Понимаете?—не могу!...

— И фуры взять негдѣ... Гдѣ ее теперь достанешь?!

— Гдѣ хотите... Телѣгу, лафетъ... все равно...

— Бѣгите, говорю вамъ!...

— Бѣгите себѣ! Я... я... я,—задыхаясь говорилъ Гурвейсъ,—я не оставлю больныхъ! — и блѣдный, дрожащій, съ плотно, почти судорожно сжатыми зубами онъ усѣлся на землю, развернувъ флагъ съ «Краснымъ Крестомъ».

Это былъ великій моментъ побѣды сознанія надъ безсознательнымъ чувствомъ, — побѣды великаго человѣческаго духа надъ врожденнымъ, слѣпымъ инстинктомъ. Офицеръ покраснѣлъ. Ему, очевидно, стало неловко, —

Гурвейсъ напомнилъ ему о долгѣ и мужествѣ. Вскочивъ на лошадь, онъ нерѣшительно потянулъ поводья...

— Хорошо, я постараюсь, но врядъ ли!...

Прошло минута, двѣ въ молчаньи не больше, но эти двѣ минуты сошли бы за добрую недѣлю. Я съ товарищемъ стоялъ въ большой нерѣшительности: у насъ были ружья, мы могли бы присоединиться къ любому отряду, но уйти отсюда, гдѣ мы теперь были почти совсѣмъ лишніе, казалось все-таки и жутко, и стыдно. Какъ-то неловко и больно оставлять человѣка въ такомъ положеніи одного,— что-то невольно удерживало насъ и мы стояли колеблясь. Гурвейсъ это замѣтилъ.

— А вы идите... Что вамъ тутъ дѣлать? — процѣдилъ онъ сквозь плотно сжатые зубы.

— А ты?!

— Я не воинъ!... Я врачъ,—меня съ этимъ флагомъ не тронутъ!... Да и телѣгу офицеръ привезетъ сейчасъ; онъ не трусъ,—я его знаю!

Мы взглянули на наши ружья, даже взяли ихъ въ руки. Впереди слышался уже грохотъ какой-то приближающейся громадной массы и оттуда сыпались выстрѣлы, какъ сухая дробь гигантскаго барабана... Слышался, казалось, и топотъ... Но въ это самое время на холмѣ показался офицеръ верхомъ, изо всей мочи гнавшій телѣгу.

— Скорѣй, скорѣй!...— крикнулъ онъ задыхаясь,— торопитесь!

. . . . . .

Когда мы взъѣхали на холмъ,— вся долина влѣво была занята уже непріятельскою пѣхотой. Залпъ за зал-

помъ раздавался сзади и какая-то шальная пуля задѣла Гурвейса въ ногу... Закачавшись, онъ грохнулся на-земь.

— Ничего, — поблѣднѣвъ какъ смерть, сказалъ онъ намъ, ощупывая ногу, — пустяки, кость цѣла; мускулишка только проклятый задѣтъ!

— Проклятая пуля! — ворчали мы всѣ, укладывая и его въ телѣгу,—увидалъ ты ее наконецъ!...

— Стихія... Что ее ругать!? — возразилъ онъ, морщась отъ боли и силясь улыбнуться. — А вотъ монхъ фельдшеровъ я привлеку къ военному суду...

Онъ никакъ не могъ забыть ихъ побѣга.

— Это за что?—спросилъ офицеръ.

— За побѣгъ и оставленіе раненыхъ...

Офицеръ махнулъ рукой.

— Если судить ихъ, то придется начать съ доброй половины нашего штаба! — сказалъ онъ съ досадой и презрѣніемъ храбраго, обстрѣленнаго солдата.

VII.

Послѣ войны я долго не встрѣчался съ Гурвейсомъ. Слышалъ я только, что онъ служилъ земскимъ врачомъ, но, принимая слишкомъ близко къ сердцу земскіе интересы, скоро поссорился съ управой, которая отказала ему отъ мѣста, подъ предлогомъ, будто народу нужны не врачи, а фельдшера... Слышалъ я, что затѣмъ онъ поселился въ N., женился тамъ на Саррѣ Павловнѣ, которая, кончивъ курсъ, стала его помощницей, ростилъ дѣтей и занялся практикой исключительно въ средѣ бѣдноты,

что сдѣлало его самымъ популярнымъ человѣкомъ въ городѣ. Бѣднота отнеслась къ нему почти благоговѣйно, звала не иначе какъ «нашъ» докторъ, а это сильно не нравилось врачамъ мѣстнаго бомонда... Тѣ смѣялись надъ нимъ, относились какъ-то презрительно, звали «*пятачковымъ*» докторомъ,—за то что онъ довольствуется «пятаками» вмѣсто ассигнацій, — и послѣднее объясняли, конечно, «жидовскою жадностью». Но онъ этимъ не смущался, дѣлалъ свое дѣло, — лечилъ, бралъ свои «пятаки», а въ часы досуга любовно нянчилъ черноволосую дѣтвору, которой, по примѣру дѣдовъ, просилъ у судьбы все больше и больше.

Я встрѣтился съ нимъ опять при ужасныхъ условіяхъ. Мнѣ и теперь страшно вспоминать нашу встрѣчу, главнымъ образомъ все то, что ее обусловливало. Въ одинъ попстинѣ ужасный день я получилъ телеграмму, извѣщавшую, что мой близкій другъ, молодой, очень умный, очень развитой человѣкъ, укушенный бѣшеною собакой, заболѣлъ бѣшенствомъ, что его, больного, везутъ въ N-ую больницу, ординаторомъ которой былъ Гурвейсъ. Я немедленно поѣхалъ въ N. и случилось такъ, что съ больнымъ мы прибыли въ городъ почти въ одно время.

Когда я вошелъ въ больничную палату, Гурвейса еще не было,—онъ пришелъ позже, вызванный по телефону. Вечерній сумракъ накладывалъ на все густыя, темныя тѣни, въ которыхъ какъ-то терялись очертанія предметовъ, — лампъ еще не зажигали, — но я все-таки сразу увидѣлъ страшную, непередаваемо-страшную картину. Прижавшись къ стѣнѣ, взволнованные, перепуганные сто-

ли рослые, здоровые дѣтины—больничные служителя и какъ-то тупо, нерѣшительно, не зная что дѣлать и робѣя, смотрѣли въ противоположный уголъ, гдѣ стояла больничная койка. Тамъ, крѣпко и грубо связанный веревками по рукамъ и ногамъ, плотно, вмѣстѣ съ тѣмъ, привязанный къ кровати, при полномъ сознаніи бился въ неописуемыхъ судорогахъ человѣкъ, обливаясь рвотой, задыхаясь, испуская какіе-то нечеловѣческіе крики и стоны.

У меня буквально поднялись отъ ужаса волосы, — ничего подобнаго я не видѣлъ въ своей жизни. Койка дрожала и прыгала, буквально прыгала вверхъ отъ этихъ судорогъ связаннаго и привязаннаго къ ней человѣка, сжимавшагося и разжимавшагося, несмотря на веревки, съ невѣроятною силой... Каждую секунду можно было ждать, что веревки лопнутъ или что больной задохнется... И къ тому же его взглядъ, — этотъ сознательный взглядъ, полный невыразимой муки, боли, тоски, полный страха, звѣрской злобы и жгучихъ человѣческихъ слезъ,—взглядъ, въ которомъ сквозила вмѣстѣ и мольба, и проклятіе, и угроза, и что-то такое, что дышало вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ, жизнью, мыслью. Нѣтъ, я не могу, — у меня нѣтъ словъ, нѣтъ силъ передать этотъ взглядъ, нѣтъ мужества припомнить, представить себѣ его такъ ясно, чтобы передать словами.

Тотъ, кто видѣлъ безсмертную картину Рѣпина, кто помнитъ его «Грознаго», кто помнитъ эти страшные бѣлки и зрачки, еще не остывшіе отъ звѣрскаго бѣшенства, въ которыхъ великій мастеръ неуловимыми чертами заставилъ теплиться въ то

же время и человѣческое горе, невыразимое страданіе, страстную боль,—боль до безумія,—кто помнитъ эти искаженныя злобой черты звѣря, въ которомъ художникъ, несмотря на самые ужасные аксессуары: кровь, судороги смерти и проч., заставляетъ зрителя все-таки видѣть и понимать *человѣка*, — только тотъ пойметъ этотъ невѣроятный, неописуемый взглядъ! Я стоялъ не дыша, не двигаясь, точно въ столбнякѣ, безъ мысли, безъ сознанія, околдованный этимъ взглядомъ, прикованный къ мѣсту, и чувствовалъ только, какъ къ горлу у меня подступаютъ безсильныя, больныя слезы, какъ ужасъ охватываетъ меня все сильнѣе.

Еще немного, и я, право, не ручаюсь, что самъ не упалъ бы въ судорогахъ. Но тутъ какъ разъ вошелъ Гурвейсъ и я бросился къ нему точно за помощью, а не съ привѣтомъ, — не до привѣтствій было. Наскоро пожавъ мою руку, онъ быстро обернулся къ служителямъ.

— Это вы его привязали?

— Точно такъ!

— Зачѣмъ?

— Боязно было! — служители тоже пріободрились съ его приходомъ.

— Эхъ, вы! Четверо одного...

Онъ тщедушный, хилый на видъ, быстро подошелъ къ больному и самъ сталъ развязывать веревки. Развязывая, онъ въ то же время успокоивалъ его, ласкалъ, убѣждалъ крѣпиться и, странное дѣло, его ласковый, спокойный тонъ точно на самомъ дѣлѣ сталъ успокоивать страдаль-

ца. Ослабѣвалъ ли пароксизмъ, ласковый ли, участливый голосъ дѣйствовалъ тутъ или все вмѣстѣ, но больной сталъ тише, его судороги слабѣе. Развязавъ ему руки и ноги, успокоивая, гладя по головѣ, Гурвейсъ безстрашно сталъ вытирать ему лицо полотенцемъ. Больной успокоивался все больше и больше, судороги прекратились, стоны и хрипы исчезли и глаза его,—его страшные бѣшеные глаза,—засвѣтились вдругъ человѣческою лаской. Онъ глядѣлъ на добраго, безстрашнаго врача взглядомъ полнымъ любви, благодарности и глубокой сосредоточенной грусти.

— Откройте ротъ... Голубчикъ, откройте ротъ!...

Больной послушно открылъ ротъ и Гурвейсъ сталъ вычищать ему десна и зубы. Несчастный глядѣлъ на него и тихія человѣческія слезы капали изъ его открытыхъ глазъ одна за другою. По-временамъ легкія судороги, какъ молніи, бороздили его лицо, отражаясь въ глазахъ не то страхомъ, не то угрозой... Вотъ, вотъ, казалось, сомкнутся челюсти,—и страхъ за копавшагося въ этихъ страшныхъ, ядовитыхъ зубахъ нѣсколько разъ чуть не вырвалъ у насъ всѣхъ громкаго крика. Но больной крѣпился, сознательно крѣпился, и все также любовно, все также плача глядѣлъ на него... Онъ боролся съ собой, боролся съ безсознательнымъ позывомъ, съ судорогой, и мы ясно видѣли, какихъ неимовѣрныхъ усилій, какого нечеловѣческаго напряженія воли стоила ему эта борьба...

— Ахъ!

Этотъ крикъ вырвался у всѣхъ насъ внезапно, не-

вольно и, не помня себя, мы бросились къ койкѣ. Больной вдругъ не совладалъ съ собой,—челюсти сомкнулись помимо воли...

— Выйми палецъ!.. Разомкни челюсть силой!—вырвалось у меня, наконецъ, изъ задохшейся груди.

— Нельзя! Это обезпокоитъ больного!—какъ бы колеблясь отвѣтилъ Гурвейсъ.

— Но ты можешь заразиться!...

Блѣдный, но не терявшій самообладанія, онъ привычнымъ образомъ повелъ плечами.

— Если могу, то я уже все равно зараженъ! Но успокойся,—наука не знаетъ ни одного факта передачи этой заразы человѣкомъ человѣку...

Я задрожалъ отъ этого ледянаго тона, я похолодѣлъ, меня трясла лихорадка, зубы стучали какъ въ пароксизмѣ, но Гурвейсъ продолжалъ сидѣть все такъ же повидимому спокойно, осторожно держа на вѣсу руку съ ущемленнымъ пальцемъ у сведеннаго судорогой рта, успокоивая и гладя несчастнаго другою, свободною рукой. А тотъ глядѣлъ на него взглядомъ полнымъ мольбы, и стономъ, и слезами прося себѣ прощенія. Это была безмолвная, тихая драма, трагедія,—что хотите,—но, во всякомъ случаѣ, что-то небывалое, поражавшее своею крайнею неестественностью. Предо мною лежалъ живой, умный человѣкъ, глубоко сознающій и весь ужасъ своего положенія, и все зло, причиняемое имъ другому, на котораго онъ глядѣлъ съ такою мольбой, съ такою любовью,—и безсильный въ то же время совладать съ собой, съ этимъ невольно причиняемымъ зломъ. Я понималъ его жгучія

слезы, понималъ мольбу его взгляда, его ужасный стонъ; я видѣлъ, какъ онъ дѣлалъ усилія разомкнуть челюсти и *не могъ*. И то, что онъ *не могъ*, увеличивало его страданія, его ужасъ,—приводило его въ ярость.

Когда онѣ разомкнулись, наконецъ, и ущемленный палецъ выскользнулъ, я бросился къ Гурвейсу съ крикомъ: прижигай, прижигай скорѣй!—Онъ обмылъ кровь какимъ-то растворомъ и прижегъ.

— Повторяю тебѣ,—наука еще не знаетъ случая передачи бѣшенства человѣкомъ человѣку,—какъ-то вскользь пробормоталъ онъ мнѣ ради успокоенія,—не волнуйся!

Агонія длилась всю ночь и добрую часть слѣдующаго утра. Больной зналъ, что ему нѣтъ спасенія, что наука лѣченія безсильна,— онъ это понималъ и сознавалъ вполнѣ ясно. Онъ молилъ только объ одномъ, чтобъ его не оставляли одного, чтобы хоть кто-нибудь сидѣлъ у его постели и глядѣлъ на него такимъ добрымъ, такимъ человѣческимъ взглядомъ. По-временамъ, однако, въ рѣдкіе промежутки покоя между пароксизмами, которые становились все сильнѣе и сильнѣе, къ нему слетала иногда тихая надежда, и съ невообразимо грустною мольбой, съ отчаянно жгучею мольбой онъ поднималъ вдругъ полные слезъ глаза и какъ-то нерѣшительно, какъ-то робко спрашивалъ: неужели такъ-таки и нѣтъ спасенья? Блѣдный, растроганный до глубины души, Гурвейсъ блѣднѣлъ еще больше, успокоивалъ его, говорилъ что-то о природѣ и ея тайнахъ, приводилъ какіе-то примѣры, но вотъ-вотъ, казалось, готовъ былъ разрыдаться. Самообладаніе стоило ему неимовѣрныхъ усилій,—тѣмъ не менѣе онъ оставался

все время съ больнымъ, такъ какъ я, обезсиленный, измученный, разбитый всею этою тяжелою картиной, волей-неволей принужденъ былъ уйти въ другую комнату, чтобы не заболѣть самому.

И Гурвейсъ, какъ мать, какъ сестра, сидѣлъ все время съ несчастнымъ съ глазу на глазъ и, какъ нѣжная мать, какъ сестра, дѣлилъ съ нимъ его ужасныя послѣднія минуты. Припадки становились все сильнѣе,—человѣкъ все больше уступалъ звѣрю, разсудокъ, сознаніе, мысль все властнѣе подчинялись недугу, духъ слабѣлъ, но, слабѣя, все-таки отчаянно боролся. Иногда самъ больной, чувствуя приближеніе припадка, кричалъ, вопилъ: уходите, уходите!—и затѣмъ уже, не помня себя, метался и бился такъ, съ такими стонами и криками, что ихъ слышали даже на улицѣ,—что окна и полъ дрожали даже у меня. И въ эти страшныя минуты,—минуты полной, казалось, побѣды недуга надъ духомъ,—до меня долеталъ тихій, ровный, спокойный и ласкающій голосъ врача, которымъ онъ успокоивалъ, уговаривалъ больного, напоминалъ ему о другихъ видѣнныхъ имъ страданіяхъ, напоминалъ героевъ-мучениковъ... И чудо свершалось: побѣжденный, казалось, духъ человѣка воскресалъ, оживалъ отъ этого магическаго слова человѣческой любви, отъ этого тона нѣжной матери, отъ этихъ великихъ, приводимыхъ примѣровъ любви и самоотверженія, и воскресая,—хоть на моментъ, но побѣждалъ недугъ,—пробуждалъ человѣка во всей его человѣческой красотѣ и мощи. И пробуждавшійся на моментъ человѣкъ полнымъ скорби и страданія голосомъ молилъ себѣ прощенія за свою слабость, благодарилъ за

участіе и, хватая и цѣлуя руки Гурвейса, страстно и громко рыдая, просилъ у него смерти...

— Братъ, другъ, мать!—молилъ онъ, задыхаясь отъ слезъ,—именемъ всего святого, что есть въ человѣкѣ,—во имя любви и состраданья,—дайте мнѣ яду!... Я хочу умереть *человѣкомъ*, а не звѣремъ...

— Развѣ я могу убивать!?—долеталъ до меня дрожавшій голосъ,—я—врачъ, обязанный лечить и спасать людей!

— Но спасенья все равно вѣдь нѣтъ?!—не то спрашивалъ, не то утверждалъ, колеблясь, страдалецъ!...

— Я дѣлаю все, что велитъ наука... Природа для нея еще мало раскрытая книга!—отвѣчалъ все также ласково Гурвейсъ, только голосъ его дрожалъ все больше,—успокойтесь и не теряйте вѣры...

— Нѣтъ,—вздыхалъ больной,—въ жизнь у меня уже нѣтъ вѣры... Но, умирая, я вѣрю въ человѣка!...

И я слышалъ страстные поцѣлуи и лобзанья, которыми *бѣшеный* осыпалъ руки и платье врача, давшаго ему возможность умереть съ такою великою и святою вѣрой.

VIII

А въ это самое время на улицахъ посилась та страшная, стихійная человѣческая буря,—безсознательная, какъ и всякая стихія, какъ она же, безжалостная, жестокая, ничего не разбирающая, какъ она роковая,—та буря, что̀, зарождаясь незамѣтно, исподволь, гдѣ-то глубоко, глубоко и тихо, вдругъ, внезапно, подъ вліяніемъ какого-ни-

будь самаго незначительнаго фактора, волнуетъ спокойное на видъ море человѣческой жизни. Такія стихійныя бури отличаются отъ сознательнаго движенія человѣчества тѣмъ, что всецѣло лишены созидающаго, творческаго элемента, что онѣ представляютъ собою только взрывъ накопившейся годами страсти. Вообще онѣ имѣютъ много общаго съ катаклизмами въ мертвой, неорганической природѣ. Тамъ, какъ и тутъ, постепенно, тихо, годами и незамѣтно накопляются скрытыя въ потенціи силы и, скопившись, ждутъ только незначительнаго толчка, малѣйшаго движенія, чтобы вдругъ, внезапно, произвести катастрофу. Громадная лавина, ломающая лѣса и засыпающая цѣлыя деревни, срывается съ горъ отъ дѣтскаго плача.

Въ такихъ явленіяхъ неорганическаго міра мы видимъ нѣчто роковое, мы складываемъ предъ ними руки, мы не бранимъ ихъ, не хвалимъ, мы признаемъ ихъ за нѣчто, стоящее внѣ нашей воли, и стремимся только понять ихъ и постигнуть. Къ стихійнымъ явленіямъ человѣческой жизни, къ такимъ ея бурямъ мы относимся иначе; ихъ мы любимъ или не любимъ, бранимъ или хвалимъ,—такъ или иначе прилагаемъ къ нимъ мѣрку нашихъ личныхъ симпатій. А между тѣмъ, по своей природѣ, и тѣ и другія тождественны, и тѣ и другія носятъ характеръ одинаково-роковой, одинаково-безсознательный и стоятъ внѣ нашей личной воли. Крестовые походы дѣтей, напримѣръ, въ средніе вѣка, были въ сущности не чѣмъ инымъ какъ тою же катящеюся съ горъ лавиной.

Бушующія волны такихъ бурь направляются сначала

обыкновенно туда, гдѣ онѣ встрѣчаютъ или могутъ встрѣтить меньше всего отпора или сопротивленія, почему онѣ и сметаютъ только тѣхъ, кто въ данный историческій моментъ является *слабѣйшимъ*,—слабѣйшимъ не только въ физическомъ, но и въ соціальномъ, правовомъ смыслѣ. Оттого и кажется такъ, будто онѣ всецѣло имѣли въ виду только такихъ *слабѣйшихъ* и только на нихъ направлялись. Это тоже законъ мертвой, безсознательной, неорганической природы,—законъ стихій. Котелъ, черезчуръ переполненный парами, разрывается въ точкѣ наименьшаго сопротивленія.

Разверните исторію, эпическія сказанья, басню, въ которыхъ человѣческое творчество формулировало въ образахъ свои вѣковыя воззрѣнія, свой опытъ, и вы увидите, что при стихійныхъ буряхъ за вины всѣхъ платится слабѣйшій, что накопившіяся страсти направляются только на него и дѣлаютъ его отвѣтственнымъ за все, что такъ или иначе способствовало ихъ накопленію.

Въ данномъ случаѣ это была еврейская бѣдпота, на которую направилась стихійно вспыхнувшая уличная буря. Расходившаяся, наэлектризированная толпа, сама не отдавая себѣ отчета: зачѣмъ, почему?—повинуясь одному неодолимому побужденію разрушать, рвать, уничтожать, съ какою-то стихійною страстью, въ какомъ-то болѣзненномъ, какъ пароксизмъ бѣшенства, экстазѣ разбивала еврейскія квартиры и лачуги. Человѣкъ заражался этимъ экстазомъ, этою вспыхнувшею страстью къ разрушенію отъ человѣка, группа отъ группы, а всякая новая разрушенная лачуга увеличивала и общее возбужде-

ніе, и вспыхнувшую страсть... Во всемъ этомъ не было ни мысли, ни сознанья, ни ясной цѣли,—ничего, кромѣ вспыхнувшей страсти... Толпа била, ломала, уничтожала, казалось, только для того, чтобы слышать звукъ и трескъ ломаемаго и разбиваемаго, и каждый ловкій ударъ, куда бы онъ ни приходился, каждый трескъ и звонъ, — былъ ли то звонъ зеркальнаго окна или крошечнаго, тусклаго оконнаго стеклышка,—все равно, будилъ ея восторгъ и ликованье... Просто-напросто, катилась лавина и сметала на своемъ пути то, что было ей по силамъ.

. . . . . .

Мы шли съ Гурвейсомъ къ нему, оба разбитые, измученные, усталые, изъ больницы, гдѣ только-что закрыли глаза несчастному страдальцу. Гурвейсъ жилъ въ самомъ центрѣ бѣдноты, намъ приходилось идти такимъ образомъ переулками, гдѣ больше всего бушевала стихія и печальный видъ разрушенія: разбитыя окна, вещи, носившійся вездѣ пухъ, вездѣ валявшійся хламъ, и стоны, и вопли бѣдняковъ ремесленниковъ, превращенныхъ въ одинъ моментъ въ безусловныхъ нищихъ безо всякаго крова,—усугублялъ то глубокое горе, что мы несли съ собою. Вездѣ кричали дѣти, рыдали женщины; вездѣ стоялъ стонъ и содомъ... Гурвейсъ молчалъ, онъ только дышалъ порывисто... Глубокая обида за *своихъ*, за несчастныхъ, пострадавшихъ только за свой языкъ и обычай,—безъ личной вины съ своей стороны, зря,—обида понятная каждому, кто можетъ перенестись въ душу другого, сжала плотно его губы, заставила поблѣднѣть еще больше, почти посинѣть его блѣдныя щеки. Вѣдь и онъ, отдававшій себя всецѣло другимъ, былъ такой же «жидъ», а

значитъ и противъ него въ общей массѣ направлялась эта слѣпая стихія, и онъ бы долженъ былъ стоять рядомъ съ этими рыдавшими нищими, дѣлить ихъ участь, помогать имъ въ самозащитѣ! Гдѣ и въ чемъ граница между ними, когда онъ самъ не хотѣлъ знать ее, самъ не отдѣлялъ себя отъ другихъ?! Эти мысли жгли меня точно каленымъ желѣзомъ, а вѣдь я не могъ чувствовать все это *такъ* страстно и сильно, какъ, несомнѣнно, чувствовалъ онъ, не могъ, органически не могъ принимать все это такъ же близко къ сердцу. И потому я понималъ, какая глубокая буря должна волновать его грудь, какія жгучія, обидныя слезы наполняютъ его душу,—отчего онъ дрожитъ такъ и дышетъ... Я самъ, казалось, стыдился себя, стыдился идти съ нимъ рядомъ, стыдился, что не дѣлю съ нимъ одной доли и обиды, что такъ или иначе я принадлежу къ тѣмъ, что нанесли ему эту больную, невыразимо больную обиду.

— Вотъ она стадность!... Помнишь,—у Михайловскаго, въ его статьѣ «герои и толпа»?!—вырвалось у него какимъ-то больнымъ крикомъ, при видѣ одной буквально разбитой лачуги, на развалинахъ которой рыдали оборванныя нищія дѣти.—Вотъ она, стихійная справедливость! Нищета—нищету!.. Свой—своего, за другой кафтанъ, за другой обычай!.. Умно!

Онъ бросилъ дѣтямъ денегъ и пошелъ, все такъ же молча, плотно сжавъ губы, дрожа отъ волненія, а я шелъ за нимъ какъ виноватый, не находя ни словъ, ни возраженій, ни мысли... Я чувствовалъ, точно вина *своихъ* ложится и на меня,—и еще яснѣе понималъ, какъ долж-

на быть ему больна обида его *своихъ*... Въ сущности, отношеніе каждаго изъ насъ къ нашимъ *своимъ* было одинаково... Гурвейсъ во многомъ былъ настолько же чуждъ массѣ еврейства, насколько я бушевавшей противъ нищихъ евреевъ толпѣ. Тѣмъ не менѣе, теперь, тутъ, эта непонятная сразу, неуловимая связь каждаго съ *своимъ* чувствовалась особенно остро. Помню, что, не выдержавъ, я схватилъ его руку, пожалъ и затѣмъ обнялъ. Онъ обнялъ меня, дрожа, задыхаясь, и мнѣ показалось, что что-то влажное, теплое упало изъ его глазъ на мои щеки.

Не знаю, что думалъ Гурвейсъ, но мнѣ, конечно, не приходило и въ голову, чтобы разрушеніе, погромъ могли коснуться и его квартиры,—квартиры самаго популярнаго врача. Ни на одинъ моментъ страхъ за его «гнѣздо», въ которомъ онъ отдыхалъ среди своей рѣзвой дѣтворы отъ своей тяжелой работы, не омрачилъ еще больше моихъ мыслей, не усугубилъ моей душевной боли. Гурвейсъ, правда, все прибавлялъ и прибавлялъ шаги, но я не придавалъ этому никакого значенія... Мнѣ казалось, что онъ просто хочетъ убѣжать скорѣй отъ этихъ скверныхъ, глубоко печальныхъ картинъ, стоновъ и рыданій. Я забылъ, что стихія слѣпа, что она ничего не разбираетъ...

И я ахнулъ, искренно ахнулъ, когда картина повальнаго разрушенія и его «гнѣзда» предстала предо мной. Погромъ былъ въ полномъ разгарѣ, толпа бушевала еще у него въ домѣ, и, не помня себя отъ негодованія, отъ вспыхнувшей злобы, я бросился стремглавъ, вверхъ по лѣстницѣ. Все, что до сихъ поръ волновало меня, мучило,

давило,—все больное, щемящее чувство вылилось, перешло въ одно бѣшенство,—такое же стихійное, можетъ-быть, какъ и буйство разбивавшихъ... Можетъ-быть это была та же психическая зараза, принявшая только иное направленіе, направившаяся иначе,—которой заражались люди на улицѣ другъ отъ друга,—по крайней мѣрѣ, я себя не помнилъ, не сознавалъ, я дѣйствовалъ не разсуждая, не думая... Тамъ, на площадкѣ лѣстницы, прижавшись другъ къ другу, стояли испуганныя дѣти, стояла жена Гурвейса, закрывавшая ихъ собою, и бросились къ намъ, ломая руки, съ криками и плачемъ...

Гурвейсъ схватилъ младшаго ребенка на руку и обнялъ бившуюся въ истерикѣ жену, что-то шепча, говоря какіе-то неясные, спутанные обрывки мыслей, фразъ, которыми силился успокоить семью, а я бросился въ разбитыя двери къ бушевавшей толпѣ и въ тотъ же моментъ услышалъ близкую дробь барабана...

Было ли это дѣйствіе моего нечеловѣческаго крика, вырвавшагося изъ пересохшаго горла, какъ вырывается рычаніе у разъяреннаго звѣря,—бѣшеный ли видъ мой, бросившагося впередъ съ сжатыми кулаками,—оружія у меня не было,—дробь ли барабана подѣйствовала или все вмѣстѣ,—не знаю, но бушевавшая толпа, остановившись точно въ изумленіи на моментъ, стремглавъ бросилась вонъ, увлекая и меня за собой. Это была паника, чистѣйшая паника, въ которую такъ легко переходитъ стихійное возбужденіе, не поддержанное сознаніемъ и волей. Разъ я видѣлъ кулачный бой, гдѣ «стѣна на стѣну» шли люди, ничего не имѣвшіе другъ противъ друга, увлечен-

ные только общимъ примѣромъ, зараженные общимъ настроеніемъ. Никто имъ не мѣшалъ, ничто не угрожало... Вдругъ, грянулъ выстрѣлъ,—инженеры недалеко взорвали скалу,—и вся толпа, одинъ за другимъ, бросилась врассыпную, сама не зная зачѣмъ и почему. Этотъ грохотъ выстрѣла явился только диссонансомъ въ общей атмосферѣ, что ли, тишины и покоя, при которой совершался бой, и этого было достаточно, чтобы все измѣнилось и разлетѣлось.

Толпа бѣжала,—нѣтъ, летѣла вѣрнѣе,—внизъ по лѣстницѣ какъ вспугнутое стадо, безсознательно, точно такъ, какъ за минуту передъ тѣмъ все разрушала... Съ каждымъ шагомъ ускоряла она свое бѣгство, съ каждою секундой, казалось, росла ея паника... Одинъ наскакивалъ на другого, каждый толкалъ другъ друга, точно пьяные, точно сонные люди... И вдругъ, одинъ изъ нихъ, толкнутый сверху, споткнувшись и потерявъ равновѣсіе, полетѣлъ черезъ перила внизъ, на каменный полъ, со второго этажа...

До насъ всѣхъ донесся глухой звукъ этого паденья и отчаянный, раздиравшій душу крикъ, дикій стонъ, за которымъ сразу наступило напряженное безмолвіе. Все точно застыло въ этомъ стонѣ... Гурвейсъ стоялъ все такъ же неподвижно, задыхаясь, какъ статуя блѣдный, держа ребенка и обнимая жену. Судорога бороздила его лицо, а глаза свѣтились тусклымъ, холоднымъ и жесткимъ блескомъ. Но, заслышавъ этотъ звукъ и крикъ, онъ, какъ и всѣ, вздрогнулъ весь съ головы до ногъ и опустилъ обнимавшую руку... Еще моментъ, одинъ

моментъ какого-то нерѣшительнаго колебанія, какое-то движеніе, неуловимое, непередаваемое движеніе внутренней борьбы, и *врачъ-человѣкъ* одержалъ верхъ надъ обиженнымъ, невыразимо обиженнымъ отцомъ и гражданиномъ. Онъ опустилъ, вдругъ, ребенка и привычнымъ, совсѣмъ машинальнымъ, жестомъ нащупалъ свой «прелестный наборъ». Тотъ, конечно, былъ на мѣстѣ, и Гурвейсъ бросился внизъ...

Безмолвно, не разжимая рта, безъ одного звука, все такъ же блѣдный, все съ тѣмъ же, казалось, тусклымъ, холоднымъ взглядомъ, онъ, точно механически, ощупалъ пульсъ упавшаго, сердце, перевязалъ его голову и ногу, обмылъ отъ крови его лицо. Сбѣжавшаяся со всего дома прислуга и нѣсколько товарищей несчастнаго окружали насъ тоже безмолвно, тѣснымъ кругомъ, тѣсною толпой. Что свѣтилось въ ихъ взорахъ, что стояло въ ихъ лицахъ,—я не знаю; я глядѣлъ только на Гурвейса, полный благоговѣнія и какого-то особенно хорошаго человѣческаго чувства. Помню, что меня тяготило это безмолвіе; мнѣ хотѣлось что-нибудь сказать ему, сказать ласковое, теплое, и очень можетъ быть, что то же испытывала окружавшая толпа... Говорятъ, женщина меньше всего справляется съ такою потребностью, — она не можетъ противустоять этому влеченію... Но крайней мѣрѣ такъ было тутъ,—женщина не выдержала:

— Батюшка ты нашъ, отецъ родной, заступникъ! — вырвалось у одной какъ-то невольно вмѣстѣ со слезами,— злодѣя своего самъ же и лечишь... Праведникъ ты, какъ есть заступникъ!...

Этого было уже слишкомъ для Гурвейса,—онъ не выдержалъ, какъ не выдерживаютъ дѣти и взрослые, когда имъ жалостливо подчеркиваютъ и напоминаютъ ихъ сдерживаемую черезъ силу боль. Эта жалостливость бередитъ душевную рану больше новой обиды, она не успокоиваетъ, не исцѣляетъ,—она обостряетъ ощущеніе страданія у дѣтей, возбуждаетъ законную человѣческую гордость у взрослаго, для котораго «жалость» всегда обидное чувство... Зачѣмъ ему эта «жалость», когда и подъ самымъ страшнымъ ударомъ онъ не склоняется и гордо держитъ свою голову,—зачѣмъ она ему съ ея слезами, когда онъ, страдающій неизмѣримо больше, потрясенный неизмѣримо глубже, плотно сжимаетъ свои губы и молчитъ, не издавая ни одного стона!? Гурвейсъ не выдержалъ,—онъ поднялся на эти причитанья блѣдный, дрожащій, негодующій и окинулъ взглядомъ окружавшихъ.

— Неправда,—рѣзко крикнулъ онъ въ упоръ,—неправда! Я—*жидъ!*

Это все, что вырвалось у него изъ плотно сжатыхъ устъ за это время,—это все, что онъ кинулъ людямъ въ лицо какъ укоръ. И, склонивъ ко мнѣ на плечо свою усталую, измученную голову, онъ вдругъ зарыдалъ какъ ребенокъ...

„БѢЛАЯ ПАННА“ *).

Поэма въ прозѣ.

Посвящается Софьѣ Григорьевнѣ Рубинштейнъ.

Скитаясь по роднымъ мѣстамъ, гдѣ нѣкогда прошло мое дѣтство, мнѣ удалось разъ набрести въ глухой деревушкѣ, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ перепроданной чуть ли не въ двадцатыя руки, настоящій владѣлецъ которой, мой пріятель, неизмѣнно проживалъ въ столицѣ, — на цѣлую кучу мелко исписанной неровнымъ почеркомъ бумаги. Я нашелъ ее въ глухомъ углу пыльнаго чердака стараго, полуразвалившагося, совсѣмъ покинутаго барскаго дома, въ которомъ жили теперь только филины, совы да крысы. Отъ нечего дѣлать, да и по нѣкоторой страсти къ исписанной бумагѣ, въ особенности старой, пыльной, — ей-

*) Въ западной, такъ называемой „карпатской“, части нашей Подоліи издавна живетъ легенда о „Бѣлой паннѣ“, своимъ появленіемъ де предвѣщающей людямъ грядущія бѣды. Предъ голодомъ, моромъ, войною и другими общими бѣдами, гласитъ легенда, она является людямъ въ дикихъ зарослях глухой лѣсной чащи блѣдная, съ печальнымъ взоромъ, съ крупными каплями слезъ на прекрасномъ лицѣ, вся въ бѣломъ, отчего де люди и прозвали ее „бѣлой панной“.

Богу, у меня есть такая страсть,—я сталъ рыться въ этой безпорядочной кучѣ, уже сильно изъѣденной крысами. Съ самаго же начала мнѣ пришлось убѣдиться, что я счастливо напалъ на рукописи какого-то неизвѣстнаго писателя, скрывшаго свое имя подъ псевдонимомъ «неудавшійся поэтъ», и это, само собою, увеличило мою рьяность. Нашелъ я тамъ полуобглоданные обрывки стиховъ, поэмъ, легендъ, разсказовъ въ прозѣ, замѣтокъ, набросковъ и т. д. и всѣ они были подписаны этимъ страшнымъ, не то ироническимъ, не то отдававшимъ какою-то грустью псевдонимомъ. Къ сожалѣнію, крысы не пощадили ничего, обглодали, оборвали почти все... Тутъ былъ съѣденъ конецъ, тамъ обглодано начало, здѣсь недоставало середины. Только кое-какъ, съ большими усиліями удалось мнѣ собрать въ этой кучѣ изъ разбросанныхъ, измятыхъ и отчасти тоже обглоданныхъ листковъ цѣльную, какъ будто законченную вещь, которую, внимательно перечитавъ, я и рѣшаюсь издать теперь подъ тѣмъ же заглавіемъ, какое неизвѣстный авторъ выставилъ самъ на обложкѣ. Какъ увидитъ читатель, въ предлагаемомъ разсказѣ дѣло идетъ о дняхъ давно минувшихъ, безвозвратно канувшихъ въ Лету, что̀, конечно, не для всѣхъ интересно; но любящіе вспоминать былое, — старину, — на меня, вѣрно, не посѣтуютъ. Крысы, однако, и тутъ полакомились не мало: такъ напр. онѣ истребили почти цѣликомъ первую главу, оставивъ нѣсколько строчекъ, а у второй главы съѣли начало, отчего я, пежелающій ничего добавлять отъ себя, выпускаю ее въ свѣтъ безъ частнаго заглавія, какое она несомнѣнно имѣла, судя по осталь-

нымъ главамъ. Большая часть многоточій въ остальныхъ главахъ тоже должна быть отнесена на долю этихъ своеобразныхъ любителей литературы.

Глава I.

Скиталецъ.

. . . . . .

Тамъ я учился любить, ненавидѣть и думать, тамъ зародилось все то, что впослѣдствіи толкало меня. . . .

. . . . . .

... Много лѣтъ прошло и, когда я,—измученный, истерзанный, съ разбитыми жизненною борьбой нервами,—вновь коснулся, наконецъ, порога родной хаты,—ожившее сердце затрепетало въ груди такъ сильно, точно оно хотѣло вырваться на волю... Сквозь сумракъ пережитаго яснымъ лучомъ пробивалось полузабытое прошлое, вставало далекое дѣтство и, какъ всегда это бываетъ, пробивалось и вставало подернутое розоватою дымкой, безъ тѣней, безъ темныхъ красокъ, какою-то полуфантастическою цѣпью радужныхъ видѣній... Все кругомъ разило холодомъ, суголока текущаго дня сжимала горло, — я былъ чуждъ и этимъ сѣрымъ буднямъ и этой новой средѣ людей, выросшихъ за время моего скитанія,—я казался себѣ листомъ, упавшимъ на вязкую осеннюю почву, и наболѣвшей душѣ страстно хотѣлось уйти куда-нибудь отъ такого тяжелаго, гнетущаго сознанія... Она такъ легко, такъ привольно отдыхала на этихъ воспоминаньяхъ-видѣньяхъ... Они дышали нѣжною, тихою грустью, какъ напѣвъ укра-

инской «думки», завлекали какъ старая легенда... Казалось, будто не память, а прибрежный камышъ у пустыннаго, заброшеннаго пруда нашептываетъ о нихъ, навѣвая сладкую дрему, тихо качаясь отъ вѣтра, тая въ своей густой чащѣ что-то забытое, давнее, запрятавшееся туда навсегда и отъ всѣхъ. Когда-то инстинктивныя движенія дѣтскаго сердца одухотворялись теперь сознаніемъ, самъ собою выросталъ психологическій образъ, картина смѣнялась картиной и въ общемъ вставало что-то похожее на сагу о прошломъ... И я хочу нарисовать теперь все это, какъ оно вставало предо мною сквозь дымку пережитаго и перечувствованнаго за долгіе годы скитанья,—неясное, отрывочное, точно мотивъ далекой пѣсни, точно образъ затянутый флеромъ, но теплое и нѣжное, какъ звуки родной «думки» на далекой чужбинѣ. Это не хроника и не легенда... Скорѣе всего это цѣпь ощущеній, связанная съ цѣлою волной вдругъ нахлынувшихъ образовъ и картинъ, подобная тихой думѣ, ласковой и грустной, охватывающей каждаго у старой полуразрушенной, но близкой могилы... Грустно... покойно... все угнетавшее когда-то потонуло, точно слетѣло... Осталось въ душѣ одно всепрощающее, доброе, нѣжное чувство, вызывающее въ памяти только свѣтлыя картины и любовно окрашивающее ихъ въ самые нѣжные тоны, — конечно, безъ соблюденія перспективы... . . . . .

. . . . . .

Глава II.

. . . . . .

... Итакъ, я провелъ свое дѣтство въ этомъ чудномъ, благодатномъ уголкѣ, упершемся грудью въ австрійскую границу, а съ боковъ опоясанномъ быстрымъ Днѣстромъ и величаво-спокойнымъ, зеркальнымъ Бугомъ... Двѣ могучія рѣки какъ будто сдавили его, сжали, отчего онъ и съежился весь, покрывшись, какъ морщинами, высокими кряжами скалистыхъ холмовъ, перерѣзанными вдоль и поперекъ глубокими долинами, точно изрытое лицо столѣтняго дѣда. Надъ нимъ разстилалось голубое, безмятежно-ясное небо, сверкавшее такою яркою лазурью, какъ риза Богоматери на картинахъ древнихъ мастеровъ, и дышавшее,—такъ казалось мнѣ, ребенку,—такими лаской и миромъ, точно кругомъ не было ни грѣха, ни злобы, ни печали. Высокіе холмы сплошь были покрыты тогда вѣковымъ дубовымъ лѣсомъ, таинственнымъ въ вёдро и грозно сердитымъ въ бурю, а въ глубокихъ долинахъ ютились тихія деревни съ ихъ бѣлыми хатами и зелеными садочками, гдѣ отъ зари до зари трещали соловьи, да широкими нивами, надъ которыми весною высоко-высоко кружился, заливаясь, жаворонокъ, а лѣтомъ сверкали острые серпы и косы. Зимою, когда улетали соловьи и снѣгъ одѣвалъ бѣлою пеленой и холмы, и долины, — въ обнаженномъ лѣсу гудѣлъ и плакалъ вѣтеръ, кой-гдѣ подвывалъ ему и волкъ,— въ такихъ деревняхъ ярко сверкали огни веселыхъ «вечерницъ» и голосистыя дивчата распѣвали за прялками свои чудныя, дѣдовскія пѣсни,

сказочники разсказывали самыя страшныя сказки, а старые дѣды вспоминали то, что было когда-то на свѣтѣ...

Эта яркая лазурь неба, грозные, лѣсистые холмы и тихія, роскошныя долины, этотъ воздухъ, мягкій и нѣжный, соловьи, пѣсни, эти чудныя ночи, полныя нѣги и золотыхъ звѣздъ, перемигивающихся съ темнаго неба съ своими отраженіями въ заснувшихъ озерахъ, — все это вмѣстѣ, проникнутое лаской и граціозною, немного мечтательною поэзіей, всецѣло и своеобразно отразилось и на людяхъ. Природа, какъ искусная рука на канвѣ, вышила тамъ на душѣ человѣка свои особенные узоры, дала ему особыя представленія, особые характеръ и взгляды. Тамъ создавались свои миоы, слагались свои пѣсни, свои думы, тамъ царила своя легенда... Когда я былъ ребенкомъ, тамъ, въ тѣнистыхъ рощахъ, на могучихъ вѣтвяхъ развѣсистыхъ дубовъ, качались лѣсныя дѣвы, въ озерахъ и рѣчкахъ играли русалки, луна грустно рыдала о людяхъ росою, а слѣпые кобзари пѣли людямъ баллады и славныя дѣянья предковъ.

Конечно,—и тамъ теперь уже не то, что было... Могучая, безстрастная рука времени покорила и этотъ Божій уголокъ земли, чтобы нивеллировать по новому. Нѣмецъ вырубилъ рощи и сплавилъ ихъ въ Кенигсбергъ и Данцигъ, распугавъ нѣжныхъ лѣсныхъ дѣвъ, надъ которыми такъ весело хохочетъ современный, невѣрующій писарь станового... Русалки задохлись отъ дыма высокихъ, стройныхъ заводскихъ трубъ, точно маяки торчащихъ у воды, и вѣритъ въ нихъ еще только глупая, темная деревенщина, — во что она не вѣритъ!? Золотыя, какъ море шумѣвшія нѣ-

когда, пшеничныя нивы смѣнились безконечными, безмолвными, зелеными, какъ зеленый коверъ, плантаціями свекловицы, изъ которой умные люди, отлично знающіе, что роса—не лунныя слезы, выжимаютъ въ коническія формы бѣлый, кристаллическій сахаръ... Слѣпой кобзарь сидитъ гдѣ-нибудь за безпаспортность, а красивые палацы полуфеодальныхъ магнатовъ, гдѣ нѣкогда въ вихрѣ постоянныхъ, шумныхъ баловъ кружились прелестныя пани и панны, превратились въ угрюмые, тупо молчащіе амбары новыхъ, трезвыхъ владѣльцевъ,—крѣпко хранящіе до болѣе высокихъ цѣнъ пшеницу и картофель. Пѣсни, чудныя пѣжныя пѣсни?!—и пѣснямъ другимъ научили фабрики и солдаты!... Да, многое измѣнилось... Многое прошло... И слава Богу, что измѣнилось, что прошло оно, если людямъ дѣйствительно живется лучше на свѣтѣ.,. А лучше ли,—пусть они ужъ рѣшаютъ сами!...

Я думаю тоже, что лучше.... Но иногда.... иногда, когда я слышу эти новыя залихватскія, бравыя пѣсни, услышу веселый, раскатистый хохотъ разудалаго, невѣрующаго въ лѣсныхъ дѣвъ и русалокъ трезваго и загребистаго писаря, увижу кобзаря безъ его кобзы, увижу безземельнаго козака - земледѣльца полупагимъ за свекловичнымъ прессомъ и вспомню при этомъ прошлое,—мнѣ вдругъ станетъ такъ жутко, такъ невыразимо жаль чего-то, точно безвозвратно канувшаго съ этимъ прошлымъ, что сердце сожмется невыразимо мучительною спазмой...

Больные первы?!—я это отлично знаю!...

Больные первы были у меня еще съ дѣтства и, какъ говорилъ дѣдъ, перешли ко мнѣ отъ покойной матери,

его единственной и страстно любимой дочери. Круглый сирота, я жилъ подъ теплымъ крыломъ добраго, сѣдого, какъ лунь, ворчуна-дѣда въ его крошечной, но прелестной Пустынькѣ, точно птичье гнѣздышко ютившейся среди скалъ и горныхъ отроговъ съ ея немногими бѣлыми хатами и густыми садами. И что за чудный, очаровательный уголокъ на Божьей землѣ была, въ самомъ дѣлѣ, эта Пустынька! Даже чубатый, почти слѣпой уже отъ дряхлости «сѣчевикъ» Панасъ, долеживавшій свой страшно долгій вѣкъ на печи у дѣда, такъ много видавшій, знавшій всего такъ много, что разсказамъ его, казалось, и конца никогда не будетъ,—даже онъ говорилъ, что краше нашей Пустыньки «нема мисця на цимъ свити, хоть весь изойди!» И, ей-Богу же, онъ былъ правъ, добрый, дряхлый Панасъ, давнымъ давно покоющійся за оградою деревенской церкви, рядомъ съ своимъ другомъ-паномъ—моимъ добрымъ дѣдомъ! И я много видѣлъ впослѣдствіи, очень, очень много,—и пальму, и угрюмыя высокія горы, и южное море, бураны мрачнаго сѣвера и его фантастическое, чарующее сіянье,—а вотъ же и меня теперь все тянетъ къ Пустынькѣ!...

Всего было вдоволь кругомъ нашего земного рая, чтобы сдѣлать изъ него волшебную, дивную картинку... Были высокіе, островерхіе холмы, переходившіе дальше, на «австрійской сторонѣ», почти въ горы, отливавшія фіолетовыми тѣнями и какъ-то мягко и нѣжно тонувшія въ туманной синевѣ, сливаясь съ темною дымкой далекаго горизонта. И глубокія, тихія долины, по которымъ ползли отъ холмовъ черныя, густыя тѣни; и грозныя скалы,

обвитыя зеленымъ плющемъ, павилико́й и дикимъ хмѣлемъ, и темныя ущелья, куда ни забирался ни одинъ лучъ солнца, гдѣ гнѣздилась только ночная сова, да ютилась хищная выдра. Былъ и дремучій, вѣковой лѣсъ, тянувшійся Богъ вѣсть куда и откуда, вѣчно что-то шептавшій, темный, густой, пугавшій воображенье своимъ угрюмымъ, таинственнымъ видомъ. Было и гладкое, прозрачное какъ небо, голубое озеро, въ которомъ плавали, ныряя, и небесныя тучки, и звѣзды, которое золотили порой слѣпящее блескомъ солнце и матово-золотая луна... Чего-чего только не было.

А тихою, молчаливою ночью, когда весь пейзажъ этотъ, тонувшій въ глубокой мглѣ, кой-гдѣ озаренной блѣднымъ лунным и звѣзднымъ свѣтомъ,—отчего мгла становилась какъ бы еще гуще,—принималъ фантастическій характеръ какого-то заколдованнаго мѣста, когда разыгравшееся воображеніе охотно вѣрило и въ русалокъ, игравшихъ съ лунными лучами, и въ лѣсныхъ дѣвъ, качавшихся на вѣтвяхъ вѣкового лѣса,—со всѣхъ уголковъ земли неслись дружно, вперебой соловьиныя трели...

Мудрено ли было при этомъ въ конецъ развинтиться нервамъ, когда болью передала мнѣ ихъ мать, когда я росъ совсѣмъ одинъ, безъ сверстниковъ, въ обществѣ дряхлыхъ стариковъ, баюкавшихъ меня самыми чудными сказками, а мои дѣтскія думы и грезы дѣлили такимъ образомъ только молчаливые портреты предковъ, рубившихся когда-то на славу за Украйну, темный, угрюмый лѣсъ, да эти чудныя, полныя невыразимой нѣги, ночи?

Съ дѣтства былъ я уже болѣзненно нервный, сосредоточенный, замкнутый мальчикъ...

Глава III.

Дѣдъ съ его саблей и кубкомъ.

Право, я не зналъ въ жизни человѣка болѣе угрюмаго, сердитаго и грознаго на видъ и въ то же время такого добродушнаго, какъ мой старый, ворчливый дѣдъ. Сухой, высокій, широкій въ плечахъ, съ подбритою по древнему—святому для него—козацкому обычаю головой, съ длинными сѣдыми усами, спускавшимися далеко на грудь и хмуро сдвинутыми бровями,—онъ имѣлъ дѣйствительно грозный воинственный видъ, которому позавидовалъ бы самый отчаянный рыцарь древней Сѣчи. Старинаго покроя бекеша, которую онъ вѣчно носилъ по тому же завѣту, ненавидя и отрицая всѣ требованія моды, какъ и все, что не носило въ себѣ «козацкаго духа»,—вполнѣ гармонируя съ этимъ видомъ, еще усиливала, казалось, общее грозное впечатлѣніе. А когда дѣдъ принимался, по выраженію легкомысленно-безстрашной кухарки Горпыны, «грымать» и, покручивая длинный усъ и страшно поводя густыми, навислыми бровями, покашливать да величественно поднимать руку, разсказывая въ несчетный разъ, какъ достались его «роду» эти святая-святыхъ нашего дома: сабля Дорошенко и кубокъ Палія,—робкій человѣкъ, чего добраго, почувствовалъ бы себя не особенно ловко. Да,—когда дѣло доходило до завѣтныхъ сабли и кубка, и клинокъ при этомъ вынимался изъ богатыхъ ноженъ и сверкалъ въ могучей рукѣ дѣда золотымъ чеканомъ,—становилось не до шутокъ!...

Робкій рѣзникъ Янкель, привозившій намъ говядину, непзмѣнно блѣдиѣлъ въ такихъ случаяхъ и, покручивая головой и какъ-то особенно смѣшно цокая губами, вѣчно твердилъ одно и то же: «ой вай!» Дѣдъ былъ дѣйствительно страшенъ тогда!

Но стоило только заглянуть въ его глаза, въ эти полинявшіе, но все еще сверкавшіе жизнью глаза, чтобы всѣ грозныя впечатлѣнія разлетѣлись прахомъ. Эти сѣро-голубые глаза свѣтились такою лаской, глядѣли такъ любовно, мягко и дѣтски наивно, что всѣ страхи моментально исчезали, а уста сами собой раздвигались въ хорошую добрую улыбку. Становилось какъ-то особенно легко и радостно на душѣ отъ ихъ взгляда, сводившаго къ нулю весь дѣдовъ величественный паоосъ, и дѣлалось вполнѣ понятнымъ безстрашное легкомысліе Горпыны, ворчавшей когда дѣдъ, вмѣсто того, чтобы заказывать обѣдъ или ужинъ, увлекался своими разсказами.

— Ой, лышенько-жъ мини съ тою шаблюкою, та чаркою, просты Господи!—легкомысленно ворчала нетерпѣливая Горпына.

— Згынь! Пропади зъ твоими обидамы!—«грымалъ» въ отвѣтъ раздосадованный и обиженный такою непочтительностью къ «святынѣ» дѣдъ.—Прыстала, якъ та пьявка! Геть!—Но безстрашная баба не сдавалась... Она закладывала руки за фартукъ, высокомѣрно измѣряла воинственную фигуру избѣгавшаго ея взгляда дѣда и, слегка повысивъ тонъ, пускала въ ходъ свой послѣдній непреоборимый аргументъ.

— Такъ! — восклицала она съ убійственною пропіей

и подавляющею силой, — такъ! Ну а що жъ буде исты воно?!.

«Воно» былъ, конечно, я—общій пѣстунъ и любимецъ, и этотъ ехидный, тонко разсчитанный вопросъ сразу мѣнялъ положеніе. Имъ рѣшалось дѣло,—одолѣвала Горпына, и дѣдъ немедленно сдавался. Одно представленіе, что это «воно» можетъ остаться безъ обѣда или, вообще, испытать какое-либо лишеніе, моментально убивало дѣдову воинственность, все его увлеченіе и далеко отодвигало назадъ остальное. Да проститъ мнѣ его праведная душа эти святотатственныя мысли, но, ей-Богу, мнѣ кажется, что это «воно» значило для него больше даже сабли славнаго гетмана, даже кубка Палія!..

Я отлично схватилъ это давно своимъ наблюдательнымъ дѣтскимъ умомъ и потому, какъ только дѣдъ начиналъ «грымать» на меня за какой-нибудь проступокъ, старался только заглянуть въ его добрые, ласковые глаза, чтобы прочесть въ нихъ любовь и всепрощеніе... Да, только онѣ свѣтились въ этихъ старыхъ глазахъ,—и, можетъ-быть, потому-то дѣдъ такъ не любилъ поднимать своихъ рѣсницъ, а все глядѣлъ внизъ и ворчалъ... Такъ онъ, дѣйствительно, хоть съ виду могъ сойти за грознаго козака-рубаку.

Самъ глубоко любящій, онъ и меня, ребенка, училъ тому же, насаждая въ моемъ еще открытомъ настежь сердечкѣ тѣ сѣмена, которыхъ никогда почти не вырываютъ оттуда ни годы, ни самыя сильныя бури жизни. Онъ училъ меня любить и родное небо, и родную землю, свой народъ, его языкъ, обычаи и пѣсни. Онъ училъ

меня уважать и любить свое прошлое, которое принимало такой поэтическій колоритъ въ фантастическихъ сказкахъ и легендахъ стараго Панаса, а въ разсказахъ самого дѣда звучало величественною эпопеей глубокаго самопожертвованія, страстнаго патріотизма и почти невѣроятныхъ бранныхъ подвиговъ. Эти разсказы его велись біографически предъ каждымъ изъ портретовъ нашихъ предковъ, наполнявшихъ собою одну изъ комнатъ дома,—всѣхъ этихъ чубатыхъ и грозныхъ пановъ полковниковъ, сотниковъ, хорунжихъ, глядѣвшихъ на меня неподвижно суровымъ взглядомъ изъ своихъ рамокъ, пока дѣдъ грознымъ голосомъ передавалъ ихъ подвиги, заклиная крошечнаго потомка не ударить, въ свою очередь, лицомъ въ грязь и ничѣмъ не омрачить ихъ петлѣнной славы.

— Гляди-жъ, внуку,—страшно поводя бровями и усами, грозно «грымалъ» дѣдъ,—гляди, никогда не плачь, какъ баба, и самого чорта не бойся!..

— Не буду, не буду, дѣдусю,—страстно отвѣчалъ я, лихорадочно ловя его рѣчи и загораясь бранным волненьемъ, — ей-Богу-жъ, никогда не буду ни плакать, какъ баба, ни трусить!...

— Не будешь!?

— Не буду, дѣдусю!..

И дѣдъ, довольный, ласкалъ мою кудрявую головку, вѣря дѣтскому слову. Старикъ становился необычайно счастливъ, что его разсказы будятъ, казалось, въ потомкѣ воинственность героевъ-предковъ... И не знай я, что дѣдъ быстрыми шагами уходитъ со двора, какъ только

увидитъ, что Горпына несетъ рѣзать жалобно клокчущаго пѣтуха, эти разсказы, чего добраго, въ самомъ дѣлѣ отразились бы во мнѣ самымъ яростнымъ шовинизмомъ!

Очень можетъ быть, что таковою же точно, какъ и дѣдова воинственность, была въ сущности и его пресловутая ненависть къ «ляхамъ, згубившимъ Украйну». Очень можетъ быть потому, что вообще у меня какъ-то не вяжется представленіе о старикѣ съ какою бы то ни было «ненавистью». Но въ ней я не сомнѣвался,—я воспринималъ ее съ дѣтства безъ всякихъ сомнѣній и колебаній, воспринималъ какъ завѣтъ... Дѣло въ томъ, что тутъ у меня совсѣмъ не было прецедентовъ для сомнѣнія... Ею дышало, казалось, все вокругъ меня,—о ней говорили и сѣчевикъ Панасъ, и кухарка Горпына, и эти молчаливые, грозные портреты предковъ, и священные сабля и кубокъ... Ее поддерживало и презрительное свысока отношеніе, всемогущей тогда, гордой шляхты къ намъ, украинцамъ, и наше общее народное сознаніе, что шляхта исконный врагъ народа, его религіи, его языка и обычая, что она враждебный пришлецъ въ нашей милой Украйнѣ. Когда дѣдъ, вступивъ во владѣніе Пустынькой, задумалъ освободить своихъ крѣпостныхъ, вся окрестная шляхта подняла такой крикъ, повела такія козни, сумѣла выставить задуманное въ такомъ свѣтѣ, что дѣдъ получилъ формальное запрещеніе...

Въ нашей семьѣ эта общая традиціонная вражда, обнимавшая всѣхъ, а не кого-нибудь одного, сильно обострялась еще и совершенно частною враждой къ сосѣду-графу, исконною, родовою враждой, основанною на старомъ

земельномъ спорѣ. Во время своеволія шляхты предки графа какъ-то отхватили себѣ наши земли и съ тѣхъ поръ потомки той и другой стороны вели нескончаемый процессъ между собою по всѣмъ судамъ и инстанціямъ. Этотъ процессъ, высосавшій все богатство нашего рода до того, что въ распоряженіе дѣда досталась уже одна крошечная Пустынька, досасывалъ теперь и этотъ скромный остатокъ... Но что бы ни было, какъ бы круто ни приходилось, — старый дѣдъ не оставлялъ этой тяжбы, хотя я глубоко убѣжденъ, что лично ему ничего, кромѣ его Пустыньки, не было нужно, что эта тяжба тяготила, мучила его. Тяжба была для него дѣломъ чести рода, старинымъ, святымъ завѣтомъ и, смотря на нее какъ на крестъ, возложенный на его плечи и завѣщанный ему всѣми предками, портреты которыхъ наполняли собою весь домъ, и этою саблей и этимъ кубкомъ,—онъ, не задумываясь, несъ на алтарь «рода» свое мягкое, доброе «я». Прекращеніе тяжбы онъ считалъ бы прямою измѣной,—она была для него дѣломъ культа.

— Видишь вонъ эту долину?—спрашивалъ меня чуть не ежедневно дѣдъ, стоя у окна и грозно дымя трубкой.—Видишь?

— Вижу!..

— И лѣсъ видишь?..

— И лѣсъ!..

— И холмы вонъ тѣ, вправо?

— И холмы вижу, дѣдъ.

Трубка сильно дымится, брови сурово сдвигаются, длинные усы грозно шевелятся...

— Все наше было! Все! Еще за гетмана, когда прадѣдъ полковникъ здорово побилъ ляховъ, упокой его Господи!— да вонъ тѣ бисовы ляхи отняли...

Я злобно смотрю на графскій замокъ, и глаза мои горятъ страстною враждой...

— Погоди,—снова наше будетъ!—все такъ же грозно ободряетъ меня дѣдъ, и только чуть слышный вздохъ вырывается диссонансомъ изъ его мощной груди. — Наше дѣло правое!.. Уже изъ Палаты, слышно, въ Сенатъ отсылаютъ...

Объ этой готовящейся отсылкѣ дѣла въ Сенатъ я слышалъ еще съ тѣхъ поръ, какъ мое дѣтское ухо впервые стало сознательно раздѣлять звуки человѣческой рѣчи... Тѣмъ не менѣе я, какъ и дѣдъ, глубоко вѣрилъ въ наше торжество и побѣду, самъ не зная, зачѣмъ мнѣ эти земли и что я съ ними буду дѣлать, и страстно ненавидѣлъ и самого графа, и его величественный замокъ.

Глава IV.

Мои битвы и моя слабость.

А этотъ замокъ, это «разбойничье ляшское гнѣздо», гордо высился на холмѣ и вѣчно смотрѣлъ внизъ на нашу Пустыньку всѣми своими темными окнами съ какимъ-то, казалось, холоднымъ, недоступнымъ презрѣньемъ... Надъ густымъ паркомъ-лѣсомъ, плотно облегавшимъ склоны холма, точно изъ самыхъ верхушекъ вѣковыхъ дубовъ и вязовъ, гордо взлетали къ синему небу дерзкія башни и зубчатыя стѣны, и темный, угрюмый лѣсъ, какъ вѣрный

рабъ, лобызалъ ихъ подошвы и преданно кивалъ имъ головами. Въ дѣтскомъ воображеніи эти стѣны и башни, громадныя, темныя окна и легкіе балконы оживали и, казалось, тоже раздѣляли чувства своихъ могучихъ владѣльцевъ... Высокія угрюмыя башни дышали угрозою, легкіе балконы какъ бы презрительно улыбались, темныя окна сулили бѣды,—за ними чуялся враждебный сговоръ... Мы, страстный, нервный мальчикъ и угрюмый, холодный камень, молча враждовали другъ съ другомъ, въ глубокой, затаенной ненависти отлично, казалось, понимая одинъ другого. Я ненавидѣлъ пылко, страстно; замокъ же какъ-то холодно, величаво, какъ-то презрительно, точно снисходя, ненавидѣлъ и это еще больше усиливало мою страстность. Я, казалось, чуялъ, ощущалъ всю глубину его ненависти и въ то время, какъ моя то повышалась, то понижалась въ своей страстности, колеблясь отъ настроенія, отъ дневныхъ впечатлѣній,— его оставалась неизмѣнною, какъ вчера, какъ сегодня, какъ за недѣлю, всегда ровною, всегда одною и тою же. Камень не зналъ колебаній!

Иногда, впрочемъ, въ тихіе лѣтніе вечера, когда розовые лучи заката горѣли огнемъ въ темныхъ стеклахъ, пестрили мраморъ и колонны и все окрестъ дышало какою-то скрытою, тихою грустью, самъ не знаю почему, мнѣ казалось, что дышетъ ею и угрюмый замокъ. Мнѣ казалось тогда, что онъ тоже глядитъ грустно и печально, что ему тоже жаль чего-то... Чего? — Богъ его знаетъ; но и мнѣ вдругъ становилось грустно и, сливаясь съ нимъ въ новомъ чувствѣ, я на мигъ забывалъ свою ненависть... На мигъ!—потому что черствый, холодный замокъ, точно

устыдившись и мстя за проблескъ невольнаго чувства, быстро, съ уходомъ солнца одѣвшись темною дымкой, становился еще угрюмѣе и еще грознѣе глядѣлъ на меня своими горѣвшими, какъ у хищнаго волка, окнами-глазами...

Въ раннемъ дѣтствѣ, когда воображеніе настоятельно стремится все одухотворять, во все мертвое вкладываетъ живой, знакомый образъ, замокъ казался мнѣ, помню, чудовищемъ, тѣмъ сказочнымъ гигантомъ-змѣемъ, что въ сказкахъ Панаса вѣчно похищалъ молодыхъ королевенъ. Его угловыя башни раздвигались въ широкія крылья, его темныя окна становились очами, его колонны глядѣли какъ страшные зубы, а грозные зубцы превращались въ колючія иглы щетины... И какъ сказочный рыцарь собирался я воевать съ чудовищемъ-замкомъ, какъ онъ же страстно, полный трепетнаго страха, выслѣживалъ ночью, куда ходятъ русалки за «мертвою водой», безъ которой,— такъ гласили сказки,—невозможна побѣда.

Бывало, давно уже спитъ вся Пустынька, и старый Панасъ пересталъ давно сопѣть на печи своею люлькой, и дѣдъ храпитъ за разложеннымъ пасьянсомъ, а я все еще сижу въ густой травѣ и дышу чудною ночью и своими дѣтскими грезами... Зеленые склоны холмовъ блестятъ отъ лунпаго свѣта, какъ матовый бархатъ, и только дремучій лѣсъ выглядитъ еще темнѣе, совсѣмъ черпымъ, да страшно зіяютъ непроницаемымъ мракомъ ущелья, куда не добраться лунному свѣту... Гладкое озеро, закрытое сбоку холмомъ, совсѣмъ застыло и отливаетъ во мракѣ какимъ-то темнымъ, какъ сильно вороненая сталь,

блескомъ, выдѣляясь изъ черной рамы густого, неподвижнаго камыша, окутаннаго непроницаемою мглою... Подъ ракитами, сильно пригнувшимися къ водѣ, такъ же темно, какъ и въ камышахъ... Пастухи или чумаки разложили гдѣ-то далеко на берегу яркій костеръ, и пламя его падаетъ багровымъ пятномъ въ темную воду и дрожитъ на ней, то широко разбѣгаясь, то снова сбѣгаясь въ небольшое пятно, какъ живое,—а высоко-высоко надъ нимъ, на горѣ, точно свѣтитъ, облитая лунным свѣтомъ, проѣзжая дорога и кажется совсѣмъ бѣлою. Вотъ-вотъ кто-нибудь покажется на ней, задвижется, проѣдетъ... Но нѣтъ,—это только такъ кажется и напрасно стучитъ мое сердце въ тревожномъ ожиданіи!.. Все спитъ, все безмолвно! Только вода лѣниво журчитъ, сбѣгая съ заснувшаго колеса въ щели ветхой плотины, и еще глубже, еще таинственнѣе кажется царящая тишина отъ этого монотоннаго, тихаго журчанья... Мнѣ становится какъ-то жутко и страшно... Горпына клянется, что тамъ, подъ мельницей, прячутся нехрещеныя дѣти и бродитъ страшный «упыръ», высматривая свою жертву... Сердце начинаетъ колотиться, въ вискахъ стучитъ... Я хочу шума, крика, свиста,—чего бы то ни было, лишь бы оно напоминало собою живое, но самъ боюсь шевельнуться, — къ тому-жъ я задыхаюсь!.. Весь оцѣпенѣвшій отъ страха, точно сквозь сонъ слышу я, какъ что-то вдругъ свистнуло въ рощѣ, затрещало, разсыпалось звонкою дробью, и прихожу въ себя, когда уже вся даль и сама глубокая тьма ночи, кажется, трепещутъ и разносятъ кругомъ соловьиное пѣніе... И я слышу, какъ ожившее сердце

мое говоритъ совсѣмъ явственно: спасибо тебѣ, Божія пташка!

Успокоенный, я начинаю глядѣть вверхъ на яркія звѣзды... Тихо, медленно, безъ шума плывутъ онѣ надо мною цѣлыми группами, пестря темное небо самыми прихотливыми узорами, и вижу, какъ глубокая ночь, точно стараясь погасить ихъ, дышетъ на нихъ снизу своимъ мракомъ, отчего онѣ то вспыхиваютъ, то гаснутъ, мерцая... Млечный путь—эта свѣтлая тропа святыхъ ангеловъ — ярко выдѣляется на общемъ темномъ фонѣ, рѣзко дѣля небесный куполъ, чтобы въ страшный судный день и грѣшники и праведники знали, гдѣ стать имъ одесную и ошую Божьяго Престола... Совсѣмъ незамѣтно движется золотой «Возъ», на которомъ праведныя души добираются до рая, и я жадно всматриваюсь въ темную синеву, чтобы разглядѣть ихъ, во что бы то ни стало... Но какъ ни гляжу я,—мнѣ ихъ не видно, потому что глаза мои грѣшны... Чтобы ихъ видѣть, нужно много поститься, нужно выстроить келью въ глухомъ дремучемъ лѣсу и долго жить въ ней праведнымъ схимникомъ... Ужъ не уйти ли и мнѣ въ лѣсъ, не построить ли келью и не зажить ли схимникомъ? Хищные волки лизали бы мой слѣдъ и я понималъ бы говоръ всякой птицы... Я понималъ бы, что шепчетъ лѣсная трава, о чемъ шумятъ, качаясь, столѣтніе дубы!... Нѣтъ!—Я боюсь лѣса!—стучитъ мое сердце... Къ тому же... дѣдъ... Папасъ... Горныня!... Да и замокъ... моя война съ замкомъ!?...

Я вспоминаю о немъ и жадно выслѣживаю во мракѣ его темные, чуть видные силуэты... Освѣщенныя окна

глядятъ совсѣмъ какъ очи, и я еще больше вѣрю, что это страшный змѣй, а не камень... Я вспоминаю, зачѣмъ я здѣсь, чего мнѣ нужно, и вновь дѣлается мнѣ жутко... Русалки не любятъ, говоритъ Горпына, живого человѣческаго духа,—зорко слѣдятъ, чтобы никто не подглядѣлъ ихъ «мертваго источника», и часто уносятъ смѣльчаковъ къ себѣ на холодное, вѣчно влажное дно... И все больше и больше охватываетъ меня страхъ и все сильнѣе колотится въ груди моей сердце...

— Не трусь!—точно слышу я грозный шопотъ дѣда и какъ-то замираю, слабѣя отъ неимовѣрныхъ усилій...

Но вотъ, наконецъ, луна всплыла выше и блеснула въ зеркальной глади застывшаго озера... Золотыя ленты невидимо протянулись въ воздухѣ и отразились въ водяной глубинѣ цѣлыми снопами и золотою рябью. Весь облитый свѣтомъ, выплылъ изъ густого мрака темный камышъ и стоитъ надъ водою, точно тая въ себѣ что-то, и ясно выдѣляются ракиты, бросая отъ себя густыя тѣни... Это роковой часъ!.. Часъ, когда, разбуженныя лунным свѣтомъ, выходятъ играть русалки... Я хочу закрыть глаза, но что-то невидимое толкаетъ меня смотрѣть и смотрѣть—и я гляжу, не отрывая взора... Вонъ что-то двинулось... Даже рука бѣлая мелькнула на водѣ!.. Нѣтъ!—это закачалась бѣлая водяная лилія, тронутая всплеснувшею съ просопокъ рыбой,—это камышомъ зашуршала, пробираясь, хищная выдра... И досадно мнѣ, и какъ-то легко становится на душѣ, что это не русалка... Неужели же въ самомъ дѣлѣ все это брехня, эти Панасовы сказки, какъ говоритъ мнѣ часто дѣдъ.

Когда я сталъ старше, замокъ, конечно, пересталъ быть чудовищнымъ змѣемъ... Но въ немъ, въ его угрюмыхъ стѣнахъ концентрировалось для меня, казалось, все зло, что̀ я когда-либо видѣлъ, о которомъ я могъ слышать,—все то враждебное, несправедливое, злое, что должно было по общему понятію обнимать собою собирательное имя—ляхи... Тамъ, только тамъ, казалось, гнѣздилось то, съ чѣмъ рубились когда-то предки, что вело ихъ на плаху, что не любилъ весь народъ, что обижало нашъ «родъ», съ чѣмъ враждовалъ дѣдъ, что грозило въ будущемъ и мнѣ бѣдой... И по мѣрѣ того какъ я росъ, слѣпая, безсознательная дѣтская ненависть, перенятая отъ старшихъ, переходила, казалось, въ глубокую вражду, похожую на злобу и потому какъ будто болѣе сознательную. Не замокъ я уже ненавидѣлъ, не его темныя стѣны,—нѣтъ!—я ненавидѣлъ то, что въ немъ жило, что, казалось, крылось или должно было крыться въ его стѣнахъ... Темный камень не смотрѣлъ уже на меня, не грозилъ,—онъ подавлялъ меня холоднымъ презрѣніемъ, оскорблялъ скрытою пропѣй, возмущалъ тщеславнымъ сознаніемъ гордой силы, съ которой кичливо взлеталъ къ синему небу, высоко-высоко царя надъ всѣми...

И я ненавидѣлъ все, что въ немъ крылось, всѣхъ, кто тамъ жилъ, любилъ или ненавидѣлъ, въ свою очередь, всѣхъ, кого я даже и не зналъ никогда... Все это были только «враги» и будь они прелестны, какъ свѣтлые ангелы, они могли быть для меня, казалось, только врагами, только ненавистными «людьми изъ замка». Въ этихъ

трехъ словахъ крылось все,—они сами собой опредѣляли отношенія... И въ тихія ночи, когда замокъ ярко горѣлъ праздничными огнями, когда легкія воздушныя волны доносили до моего уха чудные звуки замковой музыки, подъ которые весело кружились прелестныя пани и панны, — дѣтски-наивными устами я жарко молилъ у Бога мощь и силу Самсона!... Легче выдры, казалось, подкрался бы я къ ликующему замку... Полный мощнаго гнѣва, поднялся бы я по мраморнымъ ступенямъ и, какъ великій слѣпецъ столбы Дагонова храма, схватилъ бы гордыя колонны руками... Мигъ — и все рухнетъ, все ликующее погибнетъ въ стонахъ и мукахъ, простирая руки!.. Но тутъ исчезаетъ вдругъ злоба,—сердце сжимается болью, мнѣ становится жаль, невыразимо жаль, и безсильныя уже руки само собой оставляютъ колонны... Я не могу... я прощаю все... все!...

Таковъ почему-то былъ финалъ всѣхъ моихъ нападеній на замокъ. Даже когда я воображалъ себя вольнымъ козакомъ, когда по моей молитвѣ вскрывались высокія могилы и мнѣ на помощь выходили оттуда чубатые козаки въ красныхъ жупанахъ, когда всѣ предки слетались ко мнѣ изъ портретной, и при блескѣ сверкавшихъ на лунѣ копій и сабель, съ гордо поднятыми бунчуками мы шли на замокъ непреоборимою ратью, — даже и тогда блестящій клинокъ гетманской сабли безсильно падалъ въ моей рукѣ, потому что я видѣлъ поблѣднѣвшія лица и слезы, я слышалъ стоны... Вдругъ исчезала злоба, потухало мщенье, сердце сжималось, мнѣ становилось жаль... Я не хотѣлъ уже ни битвы, ни мщенья, ни славы...

Можетъ-быть потому-то и смотрѣлъ на меня такъ угрюмо съ своего портрета непреклонный сподвижникъ Гопты, въ передовомъ отрядѣ ворвавшійся сквозь окопы въ Умань?... Можетъ-быть своею дѣтскою жалостливостью я омрачалъ нетлѣнную славу предковъ?!

— У тебя опять будетъ лихорадка!—говорилъ, бывало, дѣдъ, когда я вернусь, наконецъ, домой послѣ подобныхъ боевъ и разбужу его своимъ приходомъ. — Гляди, опять блестятъ у тебя глаза и горятъ щеки... Не нужно бы тебѣ, хлопче, такъ долго сидѣть на дворѣ ночью!...

Я молчалъ... я былъ скрытный мальчикъ, и дѣдъ никогда не зналъ, отчего у мечтательнаго мальчика горѣли щеки и блестѣли глаза.

— Горпыно, иди-ка, уложи его!...

Входила, зѣвая, Горпына и укладывала героя-вонителя въ постельку... Она любовно ласкала его волосы и разсказывала свои дивныя сказки, подъ которыя онъ такъ привыкъ было засыпать. И я несказанно удивилъ ее разъ, перебивъ ея сказку.

. . . . . .

— Горпыно,—лихорадочно спросилъ я ее шопотомъ, весь волнуясь и дрожа въ жгучемъ нетерпѣньи,—ты могла бы своего врага зарѣзать?

— Зарѣзать?!

И Горпына, вѣчно призывавшая на головы своихъ враговъ самыя страшныя муки и болѣзни, въ ужасѣ всплеснула руками...

— Зарѣзать!? Да развѣ вы не слышали, паныченьку, что̀ попъ читаетъ въ церкви?! Зарѣзать!.. Господи!.. И

пришло-жъ тобѣ на умъ такое, да еще и на ночь... Спаси тебя Пречистая!..

Она долго крестила меня и шептала молитву, пока я не заснулъ съ облегченнымъ сердцемъ.

Глава V.

Плѣнъ.

Обитателей замка я почти никогда и не видѣлъ... Я зналъ, что графъ—вдовецъ, что у него есть почти взрослые сынъ и дочь и еще другой сынъ, младшій, немного старше меня, но видѣть ихъ мнѣ приходилось крайне рѣдко и то мелькомъ, случайно,—когда въ рѣдкіе выѣзды въ ближайшее мѣстечко ихъ пышная карета встрѣчалась съ нашею скромною бричкой. Дѣдъ тоже никогда ни съ кѣмъ изъ замка не встрѣчался, избѣгалъ всякихъ сношеній, и о томъ, что происходило тамъ, мы узнавали только отъ рѣзника Янкеля, вмѣстѣ съ провизіей привозившаго еженедѣльно цѣлый коробъ новостей... Газетъ тогда нигдѣ не было, и словоохотливый Янкель съ честью замѣнялъ ихъ собою для всѣхъ, скучавшихъ въ своихъ усадьбахъ, окрестныхъ помѣщиковъ. Онъ прекрасно зналъ все, что дѣлалось въ усадьбахъ, — обо всѣхъ предпріятіяхъ, о рожденіяхъ, смертяхъ, даже намѣченныхъ бракахъ, обо всемъ, что происходило въ губерніи, даже о томъ, что дѣлалось за границей... Исчезни вдругъ Янкель—и всѣ помѣщики навѣрное очутились бы въ томъ же положеніи, какъ и мы теперь, если бы у насъ вдругъ исчезли газеты и журналы...

— Ну, что, не слышно чего-нибудь о войнѣ?!.—спрашивалъ его часто дѣдъ.

— Вой-нѣ!? Боронн Богъ! А вотъ губернаторъ новый ѣдетъ!—говоритъ Янкель или сообщаетъ о предполагаемой свадьбѣ въ уѣздѣ.

Я и теперь еще помню длинные пейсы и вытертую мѣховую шапку этого добраго, крайне болтливаго жида... Привязавъ къ плетню свою разбитую, тощую клячу, коекакъ запряженную веревочками въ двухколесную телѣжку, онъ взваливалъ на плечи свой «товаръ» и, еще издали улыбаясь и кивая головой, входилъ прямо въ домъ, гдѣ всегда былъ желаннымъ гостемъ... Сейчасъ же, бывало, начинался торгъ съ невѣроятною божбой, ужаснѣйшими клятвами, увѣреніями въ готовности провалиться или даже «ослѣпнуть», и все это пересыпалось новостями... Сначала, помню, я долго искренне боялся за бѣднягу, когда его уличали, пока дѣдъ не успокоилъ меня увѣреніемъ, что Богъ терпитъ ложь купцовъ, потому что они купцы, никогда не прощая ее другому. Это успокоило мои сомнѣнія и мой страхъ за Янкеля, который самъ, кажется, былъ глубоко убѣжденъ въ истинѣ такого положенія и, въ концъ уличенный, всегда оправдывался, улыбаясь, извѣстною поговоркой: «не обманешь,—не продашь!»

— Наше дѣло купеческое,—говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ, на своемъ курьезномъ жаргонѣ, пожимая плечами и улыбаясь.—На то мы купцы!.. намъ нельзя безъ этого!.. Сами знаете!..

Этотъ Янкель и служилъ единственнымъ звеномъ, свя-

зывавшимъ нашу изолированную, замкнутую жизнь съ кипучею, шумною жизнью гордаго замка...

Но давно, давно, когда меня еще не было на свѣтѣ, когда графъ только что вступилъ во владѣніе наслѣдствомъ, онъ неожиданно самъ пріѣхалъ въ своей каретѣ къ дѣду и предложилъ ему мировую... Графъ добровольно уступалъ часть земли и предлагалъ еще какую-то сумму денегъ, но дѣдъ обидѣлся и разсердился... Онъ не могъ уступить ни клочка, ни пяди изъ того, что съ такими жертвами изъ рода въ родъ отстаивали его предки, не омрачивъ своей чести, не оскорбивъ своего родового культа, а отъ какихъ бы то ни было денегъ наотрѣзъ отказался... Деньги?! Родовой споръ и деньги! Нѣтъ, я слышалъ, будто дѣдъ тогда же предложилъ молодому графу покончить дѣло не деньгами, точно они были торгаши, а рыцарски, саблей на спорной межѣ... Графъ уклонился и споръ снова закипѣлъ по всѣмъ судебнымъ инстанціямъ...

Я помню только одинъ случай непосредственнаго сношенія дѣда съ замкомъ, да и то какой-то странный, загадочный, носившій не то характеръ шутки, не то охотничьей пикировки... Послѣ одной изъ охотъ графъ прислалъ дѣду зайца, велѣвъ сказать, что посылаетъ его потому, что заяцъ убитъ имъ случайно въ дѣдовскихъ владѣніяхъ. Была ли это любезность, шутка, право не знаю, но дѣдъ сейчасъ же увидѣлъ въ этомъ, кажется, вызовъ и, нахмурившись, велѣлъ сказать графу, что не замедлитъ отблагодарить его... Страстный охотникъ, онъ немедленно вскинулъ ружье на плечо, спустилъ всѣхъ своихъ гончихъ и вернулся только глубокою ночью.

— Гдѣ ты былъ, дѣдъ?—спросилъ я его, помню, проснувшись.

— Гдѣ я былъ? — переспросилъ дѣдъ, наклоняясь ко мнѣ и гладя моя головку,—я убилъ во владѣніяхъ графа волка и послалъ ему за его зайца.

И дѣдъ самодовольно и гордо улыбнулся.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на нашу отчужденность, нашу замкнутость, я попалъ разъ въ самый замокъ... Но попалъ, увы, въ качествѣ плѣнника на судъ самого графа.

По страсти бродяжить, въ одно прекрасное лѣтнее утро я какъ-то совсѣмъ незамѣтно для себя очутился далеко за предѣлами нашей Пустыньки, въ незнакомомъ мѣстѣ, на берегу узенькаго, прозрачнаго ручья, голубого, какъ стоявшее надъ нимъ голубое небо. Густой кустарникъ скрывалъ эту водяную ленту отъ палящихъ лучей солнца и она тихо журчала, струясь свѣтлою влагой по чистому песчаному дну и голышамъ, дыша заманчивою прохладой... Мнѣ понравилось это мѣсто, я напился изъ ручья и, набравъ голышей, задумалъ строить плотину... Увлеченный своею работой, я и не замѣтилъ, какъ кто-то подошелъ сзади и съ любопытствомъ слѣдилъ за каждымъ моимъ движеніемъ.

— Ты строишь мостъ?

Я обернулся, встревоженный и удивленный незнакомымъ голосомъ, присутствіемъ нежданнаго свидѣтеля. Въ двухъ шагахъ стоялъ свѣтлорусый мальчикъ, красиво одѣтый, и улыбался мнѣ привѣтливою улыбкой... Всегда росшій одиноко, внѣ дѣтскаго общества, я совсѣмъ растерялся и сконфузился.

— Ты строишь мостъ? — Да? — спрашивалъ красивый незнакомецъ, все также улыбаясь и указывая рукою на мою работу.—Да?

— Да!—глухо и угрюмо отвѣтилъ я.

— О! какъ это хорошо! Дай, я помогу тебѣ и мы выстроимъ отличный мостъ.—Хочешь?

— Хорошо! — колеблясь выговорилъ я, все еще оглядывая фигуру мальчика исподлобья и растерянно теребя полы своей куртки.

Тотъ положилъ хлыстъ, который держалъ въ рукѣ, набралъ голышей и бросилъ ихъ въ воду у моей кучи.

— Вотъ такъ будетъ отлично, мы выстроимъ чудный мостъ,—говорилъ онъ совершенно свободно и развязно, притаптывая голыши ногою.—А ты кто такой, мальчикъ?

— Я изъ Пустыньки...

— Изъ Пустыньки!?

Развязный мальчикъ остановился въ удивленьи и вытаращилъ на меня глаза.

— Изъ Пустыньки?! Ты можетъ быть внукъ этого злого старика, который процессуется съ нами?—наивно спросилъ онъ и лицо его потемнѣло.

Но и мое потемнѣло, — его слова рѣзнули и меня ножомъ по сердцу... Предо мною стоялъ «врагъ изъ замка» и осмѣлился поносить дѣда!

— Да, я внукъ его,—обиженно и гордо отвѣтилъ я,— но ты не смѣешь называть такъ дѣда!

— Не смѣю?! Его всѣ такъ называютъ... Онъ завзятый хлопъ и хлопской вѣры... Говорятъ, онъ сумасшедшій колдунъ!—насмѣшливо улыбался мальчикъ.

Я задрожалъ, голова у меня начала мутиться... Такой дерзости я не ожидалъ,—ее впервые слышали мои уши.

— Врешь, поганый ляхъ! — перебилъ я его задыхаясь и чувствуя, какъ отъ обиды у меня подступаютъ къ горлу слезы.

— Что ты сказалъ?!—выпрямился гордо мальчикъ, презрительно щуря глаза и побагровѣвъ отъ злобы.—Что ты смѣлъ сказать, подлый хлопъ?...

— Я сказалъ, что ты поганый ляхъ и что вы всѣ сами злые и колдуны...

— Ты смѣлъ это сказать мнѣ? Да ты знаешь, кто я? Я сынъ графа... Я позову людей и они отстегаютъ тебя нагайками, песья кровь!...

— А мой дѣдъ перерубитъ васъ всѣхъ ляховъ на мелкіе кусочки...

— Твой дѣдъ!?—презрительно захохоталъ тотъ.—Твой глупый дѣдъ—хлопъ и его тоже отстегаютъ.

— Дѣда!!?—я сдѣлалъ шагъ впередъ и протянулъ руку.—Дѣда?! ляшское отродье?!

— Да, твоего дѣда и тебя... Вотъ такъ! — и схвативъ свой хлыстъ онъ быстро стегануль меня по лицу.

Острая боль удесятерила мое негодованіе, а можетъ быть и силы... Какъ дикая рысь, прыгнулъ я на врага, вырвалъ хлыстъ и повалилъ его на землю... Мы сцѣпились какъ двѣ разъяренныя кошки и терзали другъ друга, барахтаясь на землѣ, пуская въ ходъ кулаки, зубы и ногти, съ лютымъ остервенѣніемъ, на какое только способны разъяренныя дѣти... Я дрался молча, тяжело сопя, стиснувъ зубы, отуманенный злобою, сквозь которую какъ-то смутно

просвѣчивало сознаніе исполняемаго будто бы долга, завѣщаннаго и предками, и дѣдомъ, еще больше подзадоривавшее меня. Мой противникъ оралъ во все горло... На мое счастье я оказался сильнѣе, ловче и черезъ минуту онъ уже почти не сопротивлялся... Онъ только кричалъ и задыхался, весь исцарапанный, искусанный, съ избитымъ въ кровь лицомъ...

— Вотъ тебѣ за дѣда... вотъ, вотъ, вотъ!—говорилъ я, задыхаясь отъ злобы и тузя его немилосердно.

Но къ нему на помощь прибѣжалъ гувернеръ, съ которымъ онъ гулялъ, и силою, кляня и ругаясь, вырвалъ у меня мою жертву... Платье мое было измято, кой-гдѣ исцарапано лицо, я еле-еле переводилъ духъ, но я торжествовалъ побѣду и гордо утиралъ разбитый носъ рукою... Мой противникъ громко плакалъ, его платье было въ клочьяхъ...

— Ты кто такой, чертепокъ!?— трясъ меня злобно гувернеръ.

— Я изъ Пустыньки!—отвѣтилъ я съ достоинствомъ и гордо, смотря ему прямо въ глаза.

— А... такъ вотъ кто ты!... Какъ же ты смѣлъ драться съ графомъ да еще и на его землѣ!...

— Это наша земля, неправда! Ляхи ее украли у насъ, но дѣдъ отниметъ!... грозилъ я съ необычайнымъ апломбомъ, упоенный побѣдою.

Гувернеръ захохоталъ.

— Ну, ладно, бѣсенокъ, а пока что, пойдемъ-ка къ графу въ замокъ... Онъ васъ разберетъ...

— Я не пойду къ ляхамъ!

— Не пойдешь къ ляхамъ, завзятый чертенокъ?! А вотъ увидимъ!—и онъ схватилъ меня за руку.

— Не смѣй меня трогать! Дѣдъ тебя изрубитъ!—кричалъ я, но ничто не помогало... Я кричалъ, упирался, билъ ногами, кусалъ его руки, а онъ все тащилъ меня и тащилъ... Тщетно звалъ я дѣда, никто не являлся мнѣ на помощь и по мраморнымъ ступенямъ замка я взошелъ, увы, не всемогущимъ королевичемъ, не грознымъ гайдамакомъ, а беззащитнымъ плѣнникомъ...

— Подожди здѣсь, чертенокъ, ишь какъ искусалъ мою руку, чтобъ тебѣ!..—сказалъ гувернеръ и заперъ меня въ комнатѣ.

До сихъ поръ я не боялся... Я не думалъ, не имѣлъ времени думать, что мнѣ могутъ сдѣлать зло и несправедливо наказать... Я весь былъ поглощенъ обидой, что меня тащатъ къ себѣ ляхи, что меня, такъ страстно и побѣдоносно воевавшаго всегда съ замкомъ, влекутъ теперь такъ позорно и никто не является мнѣ на помощь... Но оставшись одинъ, я сразу почувствовалъ приливъ глубокаго страха и сердце мое сжалось... Обида вмѣстѣ со страхомъ быстро пришибли меня, хотя злоба все-таки клокотала. Стѣны были крѣпки, окна высоко, дѣдъ такъ далеко, да къ тому же онъ и не зналъ, что дѣлается съ его внукомъ!... Въ окно я увидѣлъ внизу нашу Пустыньку всю, какъ на ладони, и слезы хлынули у меня градомъ... Что ждетъ меня?... Раскаленная жаровня, какъ гетмана Остраницу? Плаха, костеръ или голодная смерть въ подземельи, какъ многихъ героевъ Сѣчи когда-то? Господи, хоть ты не оставь меня!... Слезы лились у меня градомъ,

я жарко молился,—я зналъ, что такъ дѣлали козаки предъ смертью...

Вдругъ щелкнулъ замокъ, я какъ-то быстро вспомнилъ тутъ слова дѣда: не бойся и чорта, не трусь!— и почувствовалъ, что непремѣнно струшу...

— Иди сюда, хлопче!...

Въ дверяхъ стоялъ нахмурившись графъ и глядѣлъ на меня, сдвинувъ сердито брови. Сзади стоялъ гувернеръ.

Я не двинулся,—я точно приросъ къ мѣсту и утиралъ только разбитый носъ.

— Иди же сюда!...

— Не пойду! — отвѣчалъ я сквозь зубы, заглушая готовыя вырваться наружу рыданья.

— Я докладывалъ вашей свѣтлости, что это чертенокъ,— онъ искусалъ мою руку!—вмѣшался сзади гувернеръ, но графъ точно не обратилъ на его слова вниманья.

— Почему,—продолжалъ графъ,—ты боишься меня?!

— Да!—отвѣтилъ я глухо.

— Отчего же ты меня боишься?... Ты чувствуешь себя виноватымъ?...

— Нѣтъ, не чувствую...

— Такъ отчего же?...

Я молчалъ.

— А? Отчего же ты не скажешь?..

— Оттого, что ляхи жгли нашихъ и мучили, и голодомъ морили!..— вылилось у меня какъ-то невольно,— оттого... оттого... что!..—но тутъ мнѣ помѣшали слезы.

— Вотъ отчего!—улыбнулся, вдругъ, графъ...—Вотъ что̀ тебя пугаетъ! Ха-ха-ха! Правда, это было, но давно

было, хлопче, за то и отъ вашихъ доставалось ляхамъ не меньше, если не больше... Но тебѣ про это и знать бы не слѣдовало!.. Теперь ляхи не жгутъ и не рѣжутъ!.. Иди, не бойся!

Тонъ графа меня успокоилъ. Я подошелъ и вытеръ слезы, а онъ упорно и долго посмотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Ужъ не думалъ ли ты,— началъ онъ снова,— что я буду жечь или мучить ребенка?!— улыбнулся онъ.

— Я думалъ...

— Жаль же, хлопче, что ты такого дурного мнѣнія о ляхахъ; ну, да не твоя въ томъ вина! — добавилъ онъ, слегка вздохнувъ.—Скажи мнѣ, за что ты такъ отдѣлалъ моего сына?.. Что онъ тебѣ сдѣлалъ?

Мнѣ вдругъ стало стыдно.

— Ну, что же?..

— Я строилъ мостъ,—началъ я, покраснѣвъ какъ піонъ, но прямо смотря въ проницающіе глаза графа,—и онъ тоже захотѣлъ... Но онъ сказалъ, что мой дѣдъ сумасшедшій колдунъ и злой... И сказалъ, что я хлопъ и дѣдъ хлопъ, и вѣра наша хлопская, и что онъ прикажетъ отстегать насъ нагайками... И онъ хлестнулъ меня хлыстомъ первый...

— Такъ ли?—нахмурился графъ,—позовите Яся!..

— Повтори при немъ,—сказалъ онъ; и когда я повторилъ слово въ слово при сконфуженномъ сынѣ, графъ сердито обратился къ нему:

— Правда это?

— Да!—отвѣтилъ тотъ,—я слышалъ, что такъ зовутъ его дѣда и сказалъ. А хлестнулъ я его потому,—оправ-

дывался онъ растерянно,— потому, что онъ началъ ругаться...

— Ну, въ такомъ случаѣ ты получилъ должное!.. Прикажите запрячь экипажъ и отвезите мальчика,— указалъ графъ гувернеру на меня,—къ его дѣду... Вина всего этого падаетъ всецѣло на васъ, сударь,—вы воспитатель... Я не хочу, чтобы мой сынъ былъ грубымъ нахаломъ!..

— Но я... но я!.. ваша свѣтлость,— началъ оправдываться гувернеръ.

— Съ вами мы поговоримъ послѣ!—перебилъ его сердито графъ и обратился снова ко мнѣ.

— Ну, поѣзжай, мальчикъ, домой, кланяйся своему дѣду, да помни, что не все ляхи дѣлаютъ только зло да несправедливость!.. Я не виню тебя, что ты побилъ моего сына, когда тотъ безпричинно оскорбилъ тебя, но все-таки дамъ тебѣ хорошій совѣтъ: побольше любить и поменьше ненавидѣть!..

Я ѣхалъ домой съ торжествомъ, но, признаюсь, это торжество мое сильно было смущено послѣдними словами графа и вобще всѣмъ его обращеніемъ. Самъ не понимая почему, я чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко, мнѣ точно стало вдругъ чего-то стыдно. Неужели графъ и добръ, и справедливъ, несмотря на все!.. смутно шевелилось во мнѣ гдѣ-то глубоко-глубоко, какъ я не гналъ отъ себя этотъ еретическій, казалось, вопросъ. И послѣдующее поведеніе дѣда, когда я разсказалъ ему все, далеко не успокоило мои сомнѣнія. Дѣдъ съ большимъ интересомъ слушалъ мою повѣсть и долго былъ, казалось, на моей сторонѣ... Пока я передавалъ мою ссору, онъ негодовалъ

вмѣстѣ со мною... Его глаза метнули искры, когда я сказалъ, что меня стегнули хлыстомъ... Онъ съ гордостью, весь красный отъ удовольствія, слушалъ, какъ я храбро побѣдилъ врага и смѣло отвѣчалъ гувернеру... На глазахъ у него сверкнули слезы и поблѣднѣло лицо, когда я передалъ свои ощущенія въ запертой комнатѣ,—онъ задрожалъ даже и сталъ ласкать мою голову... Но когда я разсказалъ подробно сцену съ графомъ и передалъ его послѣднія слова,—дѣдъ, вдругъ, остановился, грозно сдвинулъ брови и затѣмъ сердито зашагалъ по комнатѣ.

— Повтори!— сказалъ онъ, наконецъ, останавливаясь и не поднимая глазъ.

Я повторилъ и дѣдъ зашагалъ еще сердитѣе, кусая усъ, что бывало съ нимъ въ рѣдкія минуты... Наконецъ, онъ остановился.

— Вотъ что!—съ досадой сказалъ онъ сердитымъ голосомъ,—если ты еще будешь бѣгать на чужую землю и драться тамъ съ мальчиками,— я не буду пускать тебя изъ дома!.. Помни это!..

Такимъ я еще не видѣлъ дѣда и такихъ словъ я отъ него не слыхалъ. Все это было для меня болѣе чѣмъ неожиданно и надолго посслило въ моемъ сердцѣ тревогу...

Глава VI.

На волѣ.

Я уже сказалъ раньше, что я росъ одинъ, безъ сверстниковъ, въ обществѣ трехъ стариковъ, а это, очень можетъ быть, и сдѣлало меня скрытнымъ, сосредоточеннымъ

и мечтательнымъ ребенкомъ... У дѣда было много хлопотъ и всякихъ дѣлъ,—Панасъ вѣчно сопѣлъ люлькой на печи, Горпына шныряла по хозяйству, такъ что волей-неволей мнѣ приходилось быть всегда одному и самому забавлять себя съ утра до ночи по своему вкусу... Я полюбилъ бродяжить, полюбилъ грезить, но всего этого было для меня, конечно, мало... Дѣтская душа, вообще не выносящая одиночества, способна одухотворить камень, чтобы замѣнить себѣ недостающаго живого сверстника, живую душу, но камень ея не удовлетворитъ, ибо не угаситъ вѣчно живой потребности въ любви... Камень, мертвый камень не можетъ стать объектомъ любви, какъ бы болѣзненно ни было развито воображеніе ребенка... Для этой страстной жажды непремѣнно нужно что-нибудь живое, имѣющее свои дѣйствительныя потребности, свое живое «я», будь оно хоть червякъ, птица — все равно... Такимъ образомъ я полюбилъ собаку...

Моя первая любовь—страшный Разбой былъ скорѣе лютый звѣрь, чѣмъ домашняя собака... Цѣнь ли, на которой онъ былъ прикованъ съ дѣтства, сдѣлала его такимъ лютымъ, вѣчное ли одиночество, или ужъ природа его была такова,—не знаю, но его трепетали всѣ, кромѣ дѣда и Панаса,—вся Пустынька... Я кормилъ его часто издали, но не гладилъ, не подходилъ даже близко по настоянію дѣда, хотя песъ никогда не глядѣлъ на меня злобно... Можетъ быть въ моихъ глазахъ онъ читалъ свою грусть, тоску, свое одиночество и свое же, можетъ быть, несознанное стремленіе къ ласкѣ и потребность хоть чьей-нибудь дружбы; по крайней мѣрѣ онъ никогда не

рычалъ на меня одного... Я побаивался его, жалѣлъ, а можетъ быть и онъ меня жалѣлъ или считалъ слишкомъ ничтожнымъ для своей злобы...

Это страшилище срывалось иногда съ цѣпи, приводя всѣхъ въ испугъ и смятеніе... Разъ онъ сорвался и долго пропадалъ безъ вѣсти, такъ что его сочли пропавшимъ... Гдѣ онъ бѣгалъ, что дѣлалъ,—не зналъ никто, и его будка, похожая на домикъ, стояла пустою... Въ жаркій день я игралъ на дворѣ и видъ пустой будки и темнота въ ней соблазнили меня; я влѣзъ въ будку, задумавъ превратить ее себѣ въ домикъ... Безпечно игралъ я въ ней камнями и прочей мелочью, которыми всегда были набиты мои карманы, какъ вдругъ мой взглядъ встрѣтился со взглядомъ грознаго звѣря...

Онъ прибѣжалъ и неожиданно стоялъ у самаго входа въ будку, слегка всунувъ въ нее свою огромную морду... Пасть его была открыта отъ жары, красный языкъ высунулся, громадные бѣлые клыки сверкали и темные глаза глядѣли на меня, не моргая, какимъ-то удивленнымъ взглядомъ... Что прочелъ онъ въ моемъ застывшемъ взорѣ,—не знаю, но, вдругъ, сталъ обнюхивать мое лицо и двинулся лапами въ будку. Я сидѣлъ неподвижно, не дыша, не спуская глазъ съ собаки отъ ужаса, пока она вдругъ не лизнула мою руку... Тогда, совсѣмъ машинально, все еще нѣмой отъ ужаса, я его погладилъ и звѣрь завизжалъ и завилялъ хвостомъ... Я погладилъ его смѣлѣе, онъ влѣзъ, весело впзжа, въ будку и сталъ лизать меня всего.

Горпына какъ-то случайно заглянула въ будку, всплеснула руками и, какъ сама говорила, «окаменѣла на мѣстѣ».

Я спокойно спалъ, положивъ свою голову на рядомъ свернувшагося звѣря...

— Пресвятая Богородыця! Панычыку! Що вы тутъ робыте!?—разбудилъ меня ея испуганный визгъ.

Но собака грозно зарычала ей въ отвѣтъ... Она уже полюбила меня беззавѣтно и ревновала ко всему на свѣтѣ!...

Такъ завязалась эта дружба звѣря и ребенка, сдѣлавшая громадный переворотъ въ жизни того и другого... И звѣрь, и я,—мы уже не были одиноки, намъ обоимъ не приходилось уже только грезить,—ему на цѣпи, мнѣ на волѣ, не нужно было все таить только про себя, мы могли кое-что дѣлить между собою... И мы дѣйствительно дѣлили другъ съ другомъ все, что могли и умѣли. Даже думы наши мы дѣлили, мы, ей-Богу, кажется, вполнѣ понимали другъ друга... Когда мнѣ казалось, что въ его темныхъ глазахъ я читалъ безумную жажду воли, я тихонько спускалъ его съ цѣпи, а когда звѣрь въ свою очередь замѣчалъ мой нахмуренный взглядъ, устремленный на замокъ, онъ грозно рычалъ и глаза его наливались кровью. Можетъ быть онъ грозилъ ему вмѣстѣ со мною!...

Но въ нашей любви другъ къ другу была большая разница,—одна совсѣмъ не походила на другую... Звѣрь любилъ беззавѣтно, преданно — рабски любилъ, а я точно больше позволялъ ему себя любить, гордился преданностью и любовью этого общаго страшилища, чѣмъ дѣйствительно любилъ... Впрочемъ, люди вообще, кажется, отвѣчаютъ именно такъ на беззавѣтную, рабскую любовь. Я былъ всевластный господинъ надъ нимъ, онъ — только преданный беззавѣтно рабъ... Я только требовалъ, прика-

зывалъ, лишь снисходя къ его интересамъ, онъ только исполнялъ, подчинялся и всѣмъ поступался для меня. Я могъ съ нимъ дѣлать, что хотѣлъ: дразнить, мучить, онъ трепеталъ даже дохнуть на меня сильно... Кто любилъ чище и лучше,—звѣрь или человѣкъ,—я не хочу разбирать. Думаю, что каждый любилъ по-своему, какъ могъ и умѣлъ.

Разбой спасъ меня въ самую критическую минуту моей жизни, имѣвшую, какъ увидитъ читатель ниже, большія послѣдствія.

Это случилось, когда дѣдъ однажды уѣхалъ надолго по дѣламъ все того же процесса въ городъ, а вмѣсто него завѣдывать домомъ и хозяйствомъ пріѣхала въ Пустыньку тетка-генеральша съ сыномъ Валентиномъ. Я не любилъ чопорную, сухую, завистливую тетку, да и она, кажется, платила мнѣ тѣмъ же... Злые языки, между прочимъ и Горпыны, увѣряли даже, что она бы и не прочь была «извести» меня, лишь бы Пустынька досталась ея долговязому ротозѣю, два года подъ рядъ не сумѣвшему совладать съ экзаменомъ во второй классъ, несмотря на всѣхъ своихъ гувернеровъ... Впрочемъ, въ душѣ онъ былъ добрый мальчикъ, только сильно испорченный: хвастунъ, лгунъ и къ тому же плакса. Онъ дразнилъ меня съ утра до вечера «Мазепой», смѣялся надъ моими манерами, незнаніемъ городскихъ обычаевъ, деревенскимъ костюмомъ и доводилъ до того, что я блѣднѣлъ и задыхался отъ бѣшенства... Поощреніе онъ встрѣчалъ у тетки, тоже всегда зло подсмѣивавшейся надъ «деревенскимъ дикаремъ», какъ она меня звала открыто. Тетка была се-

строй моего отца, вдовой предсѣдателя какой-то палаты, имѣла свой домъ въ городѣ, хорошій пенсіонъ, круглый капиталецъ, скопленный покойнымъ мужемъ «на службѣ», и особенно любила «бонтонность». Изъ-за нея она заставила своего мужа перемѣнить фамилію Опысковецъ на «Онисковцевъ», что̀ сильно смѣшило дѣда... Дѣдъ тоже сильно не долюбливалъ ее, но деликатность и гостепріимство были до того развиты у него, что съ ея пріѣздомъ онъ всецѣло уступалъ ей главенство въ домѣ... И тетка мучила насъ всѣхъ, начиная съ дѣда и кончая Горпыной...

Разъ Валентинъ довелъ меня своими насмѣшками до того, что я просто очумѣлъ отъ злобы и, не въ силахъ будучи сдерживаться дольше, хотѣлъ убѣжать... Но онъ загородилъ мнѣ дверь и продолжалъ травить подъ хохотъ генеральши... Самъ не знаю какъ, совсѣмъ потерявъ голову, я сильно ударилъ его тогда кулакомъ и ударъ пришелся по несчастью прямо въ носъ... Кровь заструилась у него по лицу и онъ взревѣлъ...

— Розогъ! — крикнула громко генеральша, задрожавъ отъ гнѣва и поблѣднѣвъ какъ полотно.

То было въ первый разъ еще, что мое ухо услыхало это позорное слово, и я тоже весь задрожалъ... Помню, что ноги у меня подкосились, я съ трудомъ удержался, голова закружилась и я какъ-то странно, по-овечьи, закружился на мѣстѣ, теребя полы растерянно двигавшимися руками. Я задыхался и отъ не остывшей еще злобы, и отъ новой обиды, которая, казалось, подступая все выше и выше, сжимала горло, туманила голову и заливала блѣд-

ныя щеки жгучимъ румянцемъ невыразимаго стыда... Позорное слово все звенѣло и звенѣло въ моихъ ушахъ и я способенъ былъ броситься отъ него въ пропасть внизъ головою и въ то же время броситься, какъ звѣрекъ, на тетку и кусать ее, и царапать въ изступленьи... Грудь моя высоко вздымалась...

— Не смѣешь! — выпалилъ я внѣ себя, все больше охватываемый стыдомъ и злобою, — не смѣешь! — и топнулъ ногою.

— Не смѣю?! Ахъ, ты—щепокъ! Несите скорѣе розгу!...

Въ глазахъ у меня какъ будто помутилось... Я взглянулъ на саблю, самъ не сознавая, что бы такое я сдѣлалъ съ нею, но гетманская сабля висѣла высоко... Я былъ одинъ, безпомощенъ, разъяренный, покинутый всѣми, неспособный защитить себя отъ позора... Дѣдъ!? — его не было... Панасъ!?—онъ кряхтѣлъ безсильно на печи... Горпына!?—она только страстно рыдала въ кухнѣ за своего любимца!... Никого... я одинъ!... а въ это время кучеръ генеральши вносилъ позорную розгу...

Нѣтъ, я не одинъ! У меня есть вѣрный, преданный другъ, который не дастъ меня въ обиду!.. Въ этотъ роковой моментъ я вдругъ вспомнилъ о страшномъ, прикованномъ Разбоѣ, — вспомнилъ и, самъ не помню какъ, бросился въ открытое окно, разбивъ дорогую, любимую дѣдовскую вазу.

— Разбой!.. Разбой!.. Разбой!..

Понялъ ли вѣрный, любящій песъ, мирно дремавшій въ своей будкѣ, этотъ отчаянный вопль ребенка, мчавшагося къ нему и преслѣдуемаго сзади цѣлою толпой взрослыхъ,

понялъ ли онъ, что его любимцу, его властелину грозила бѣда,—не знаю, но я слышалъ, какъ загрохотала тяжелая желѣзная цѣпь, какъ дрогнулъ воздухъ яростнымъ ревомъ. Я увидѣлъ могучій прыжокъ, какимъ прикованный звѣрь взвился высоко и отъ котораго глухо застонала стѣна сарая, къ которой былъ онъ прикованъ... Я все бѣжалъ къ нему, звалъ и молилъ; а онъ бѣшено метался на своей цѣпи, бѣшено ревѣлъ и въ его ревѣ я, кажется, слышалъ глухое рыданье на свое безсилье... И, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ звѣрь рыдалъ... Но въ этомъ рыданьи слышалась угроза, отъ которой могло замереть самое храброе сердце!..

Меня, наконецъ, схватили сзади... Чья-то сильная рука налегла на мое плечо и я пошатнулся... Ноги мои подкосились, я пересталъ дышать, упалъ и помню только, что въ этотъ моментъ что-то загрохотало, что-то дрогнуло кругомъ, лопнуло съ визгомъ и что-то мохнатое съ ужаснымъ ревомъ коснулось моего лица...

Когда я очнулся, пришелъ въ себя,—я лежалъ на травѣ, а Разбой, съ обрывкомъ цѣпи на шеѣ, лизалъ мнѣ лицо, визжалъ и, неистово размахивая хвостищемъ, весь волнуясь, толкалъ меня мордой... Вдали видпѣлись испуганные генеральша съ сыномъ, конюхъ, Горпына, даже Панасъ, слѣзшій вдругъ съ печи, не смѣя сдѣлать и шага... Могучій звѣрь не пускалъ ихъ и при малѣйшемъ движеніи рычалъ, гнѣвно скаля зубы...

Тогда же я рѣшилъ бѣжать, несмотря ни на что, несмотря на заигрыванье испугавшейся тетки, на ласки любящей Горпыны... Бѣжать во что бы то ни стало отъ

родного порога, отъ родной хаты, въ которой текли до сихъ поръ мирно мои дѣтскіе годы, а теперь вдругъ преслѣдовали меня и гнали нелюбимые люди, гдѣ въ воздухѣ все еще, кажется, звучало, какъ бы застывъ въ немъ, ужасное, позорное слово... Я еще не остылъ отъ стыда и обиды, мое сердце еще пылало мщеньемъ, а отомстить, казалось, я могъ лучше всего побѣгомъ... Мнѣ осмѣлились грозить розгой?! Дѣдъ оставилъ меня на муки этимъ людямъ?! Никто не хотѣлъ придти мнѣ на помощь, кромѣ Разбоя?! Хорошо же! Пусть меня пщутъ, пусть плачутъ обо мнѣ!... Я не хочу, чтобы меня били... Я уйду съ своимъ Разбоемъ,—уйду далеко... далеко... вонъ туда, за высокіе холмы и... и...—не вернусь!.. Развѣ дѣдъ пошлетъ за мною!..

Я прокрался тихо въ кабинетъ дѣда и, обливаясь горячими слезами, невозможными каракулями, хотя, казалось, очень трогательно, написалъ ему послѣднее прости и описалъ свои муки... Тамъ, въ кабинетѣ, моя рѣшимость какъ бы дрогнула, но я совладалъ съ собою, утеръ слезы и пробрался въ кухню, гдѣ незамѣтно стащилъ хлѣбъ, щепоть соли и кусокъ сала... Затѣмъ я пошелъ къ Разбою и спустилъ его съ цѣпи...

Мы выбрались вдвоемъ далеко-далеко за предѣлы деревни... Пустынька исчезла и только высокія верхушки тополей, выдѣляясь на яркой синевѣ неба, напоминали мнѣ родное пепелище... Но я не думалъ о немъ, нѣтъ,—я, какъ и мой вѣрный песъ, всецѣло упивался свободой!..

Да, свободой!— Надъ нами разстплалось безграничное, чистое небо, а впереди кругомъ зеленѣли широкія нивы...

Никого не было, кромѣ насъ, вокругъ; только жаворонокъ кружился съ пѣсней, гдѣ-то щебетали маленькія пташки, да въ зеленой травѣ стрекотали кузнечики несмолкавшимъ хоромъ... Угрюмый звѣрь забылъ свою цѣпную скуку и какъ маленькій щенокъ катался по травѣ, визжа отъ восторга и смотря на меня просвѣтленными глазами... Онъ чуялъ и цѣнилъ свою волю...

И я ее чуялъ, и я упивался ею, —конечно, какъ и онъ— инстинктивно!... Безграничное небо и зеленыя нивы я видѣлъ часто, но только видѣлъ, а не сливался съ ними... У меня всегда были своя хата, постель, свой уголъ, своя семья; теперь у меня никого и ничего не было кромѣ неба, нивы, малыхъ пташекъ!.. Я былъ теперь ихъ, а они моими!.. И я почувствовалъ вдругъ, какъ распахнулось широко мое сердце и оттуда хлынула потокомъ свѣтлая любовь и къ небу, и къ нивѣ, каждой былинкѣ, ко всему, что тонуло далеко-далеко въ голубой дали горизонта, подъ сверкавшими лучами жаркаго солнца... Это въ потомкѣ просыпался инстинктъ вольнолюбивыхъ степняковъ-предковъ...

Да, я почуялъ, что какъ будто люблю все... все... И эту травку, и этого жука, что копошится подъ нею, и малую пташку, что робко щебечетъ, запрятавшись въ вѣчномъ страхѣ, и хлопотунью пчелу, что жужжа торопится мимо... Все, все люблю! Этой любви я не зналъ, не чуялъ, не подозрѣвалъ даже раньше и теперь она охватила меня какимъ-то непередаваемо полнымъ восторгомъ и нѣгой... Точно пелена, вѣчно застилавшая мнѣ свѣтъ, упала съ моихъ глазъ, точно грудь моя стала дышать вдвое сильнѣе... Помню, я былъ безгранично счастливъ...

И я сталъ щебетать вмѣстѣ съ пташкой, перекликаться съ кузнечикомъ, жужжать съ пролетавшею пчелой... На все, на каждый звукъ я откликался весь, всѣмъ сердцемъ, всею душой, какъ братъ всего того, что жило въ этомъ просторѣ... И все оно, казалось, откликалось и мнѣ, дыша веселымъ привѣтомъ... Я даже визжалъ, какъ Разбой, и къ его невыразимому восторгу сталъ кататься вмѣстѣ съ нимъ на зеленой травѣ...

— Разбой, давай завтракать!

Мы позавтракали и пошли дальше... Играя, мы шли долго, сами не зная, куда мы идемъ и гдѣ мы... Наконецъ, мы очутились у какой-то плотины, на которой стояла запряженная карета. Возлѣ кареты, что-то чиня, суетились люди, а немного поодаль, ближе ко мнѣ, стояли двѣ пани. Я взглянулъ и обмеръ...

Такой дивной красоты я еще не видѣлъ... Мнѣ показалось, что прямо противъ меня стоитъ Божій ангелъ съ распущенными по плечамъ свѣтлыми волосами, съ цвѣтами на высокой груди, и смотритъ на меня своими чудными, петлѣпными очами... Я вытаращилъ глаза и боялся шевельнуться, несмотря на привѣтливую улыбку, свѣтившуюся мнѣ на устахъ и во взорѣ... И Разбой стоялъ возлѣ, точно околдованный вмѣстѣ со мною...

— Тетя, посмотри, что за прелестный мальчикъ!

Другая пани, старуха, обернулась и окинула меня сквозь очки взглядомъ. Это привело меня въ себя,—околдовавшія чары, казалось, разлетѣлись.

— Ты откуда, мальчикъ?—спросила она.

Я замялся. Кто и откуда былъ я, когда теперь у меня

не было уже дома? Тѣмъ не менѣе уста сами собой какъ-то прошептали обычное:

— Я изъ Пустыньки!

— А?!—засмѣялась звонко прелестная панна,—это не ты ли побилъ моего брата?

Ея брата!? Такъ вотъ она кто?!. Тѣмъ не менѣе, я сконфузился и покраснѣлъ какъ будто отъ стыда... Да, отъ стыда! Мнѣ дѣйствительно точно стыдно стало, что я побилъ именно *ея* брата.

— Я!—прошептали глухо мои уста.

— Ты, говорятъ, очень не любишь поляковъ? — все также смѣялась панна.

— Да!—отвѣтилъ я, низко опуская голову.

— И меня не любишь?

Этотъ вопросъ ошеломилъ меня: я не зналъ, что отвѣтить... Я чувствовалъ только, что мои нежныя уста не выговорятъ да, и покраснѣлъ еще больше.

— Ну, что же?

Но я молчалъ, все краснѣя и краснѣя...

— Подойди ко мнѣ,—не бойся!

— Я ничего не боюсь!—отвѣтилъ я, какъ бы задѣтый, и подошелъ къ ней вплотную.

— О, ты такой храбрый!?—Ты не боишься и лѣса?

Лѣса!!

Она попала въ самую слабую точку,—я только его и боялся! Меня пугали его мракъ, его таинственная глубина, — въ лѣсу я никогда не бывалъ одинъ... Мнѣ стало невыразимо стыдно...

— Я и его не буду бояться!—глухо отвѣтилъ я ей.

Но она не разобрала или не разслышала скрытаго смысла моего отвѣта и положила свои чудныя руки мнѣ на плечи.

— А я люблю тебя, мальчикъ,—говорила она, все смѣясь,—люблю, хоть я и полячка, а ты завзятый украинецъ...

И она звонко поцѣловала меня въ губы.

— Вотъ тебѣ на память отъ польки!—она бросила мнѣ, отколовъ отъ груди, бѣлую розу.

Карета давно умчалась съ тучею поднятой сѣрой пыли, а въ моихъ ушахъ все еще звенѣлъ этотъ звонкій дѣвичій смѣхъ и на губахъ горѣлъ жаркій поцѣлуй, какъ горѣла въ рукахъ бѣлая роза. Я стоялъ неподвижно, жадно смотря въ даль за умчавшеюся каретой, готовый, казалось, броситься вслѣдъ за нею... Да, броситься за нею, чтобы разсказать чудной паннѣ, за что я не любилъ ляховъ, за что я побилъ ея брата... Мнѣ точно оправдаться хотѣлось передъ нею, точно снять съ себя что-то и вмѣстѣ съ тѣмъ сказать ей... сказать... я не сознавалъ, казалось, что именно хотѣлъ я сказать ей, но я чувствовалъ, что и ея слова, и ея поцѣлуй пронизали точно огнемъ все мое я, все затуманили, спутали и затеплили въ душѣ что-то совсѣмъ новое, теплое и невыразимо сладкое... Еще немного, и очень можетъ быть, самъ не зная почему, я бы вдругъ заплакалъ, но меня привелъ въ себя Разбой; удивленный моимъ столбнякомъ, онъ ткнулъ меня мордой.

— Пойдемъ, Разбой!

Вправо отъ насъ разстилался дремучій лѣсъ, темною дугой огибавшій Пустыньку... Не туда ли?.. На сердцѣ,

помню, стало жутко, тревожно, но что-то острое толкало и влекло неотразимо...—Ге, а можетъ быть никакихъ страховъ и не будетъ!.. Не попытаться ли, — тамъ навѣрное не найдетъ меня теткина погоня...

Глава VII.

Лѣсъ.

Когда мы подошли къ опушкѣ, было далеко за полдень... Дремучій лѣсъ, казалось, спалъ и громадные мшистые дубы стояли неподвижно и молча, широко распластавъ свои вѣтви, точно крылья, въ застывшемъ отъ зноя воздухѣ. Въ лѣсу, за стволами, подъ непроглядною зеленою кущей царилъ, казалось, безпросвѣтный мракъ, но на опушкѣ, между порослей и невысокими кустами, на зеленыхъ прогалинахъ, пестрѣвшихъ яркими цвѣтами дикаго мака и золотоцвѣта, бѣлою кашкой и всевозможныхъ цвѣтовъ колокольчиками, всецѣло властвовало еще горячее солнце. Тутъ кишѣла еще жизнь: перелетала, щебеча, мелкая пташка, прыгалъ стрекотунъ-кузнечикъ, шумно гудѣлъ круглый шмель, да тихо звенѣла почти невидимая мошка. Въ лѣсу же было тихо, совсѣмъ тихо! Только гдѣ-то сбоку и ближе къ опушкѣ лѣса тоскливо ныла горлица, точно баюкая и навѣвая дрему, да временами звонко разсыпался въ тишинѣ, разя холодомъ, зловѣщій пискливый хохотъ хищнаго кобчика. Глухо и мѣрно, точно маятникъ, стучалъ еще невидимый дятелъ.

Свѣтлая опушка пріободрила меня, а влажный и густой ароматъ лѣса, точно волной пахнувшій изъ него, потя-

нулъ, казалось, къ себѣ. Я прошелъ, наконецъ, робкими, нетвердыми шагами опушку, зашелъ за стволы и остановился въ тревогѣ и недоумѣніи. Страшный, непроницаемый мракъ, который такъ пугалъ меня всегда издали и начинался, казалось, сейчасъ за стволами, ушелъ дальше въ глубину. Я двинулся впередъ, мракъ ушелъ еще дальше, онъ точно манилъ меня! Что-то враждебное, казалось мнѣ, крылось въ этомъ заманиваньи, и я громко крикнулъ, чтобы вызовомъ скорѣе разрѣшить свою тревогу и пріободрить оробѣвшее сердце. Мой крикъ пронесся гулко, протяжно и точно потонулъ въ этомъ уходившемъ густомъ мракѣ. Все оставалось такъ же неподвижно, такъ же тихо, только птица какая-то сорвалась и тяжело захлопала крыльями. Спокойный Разбой посмотрѣлъ на меня удивленными глазами, я прижался къ нему ближе и пошелъ смѣлѣе Мой вызовъ, очевидно, не былъ принятъ!

И мракъ все отступалъ и отступалъ. Иногда съ Разбоемъ мы попадали даже въ цѣлый потокъ горячаго свѣта, который, врываясь густыми волнами сквозь просвѣты въ зеленой пущѣ, падалъ яркими золотыми озерами на муравy, трепеталъ блестками въ зеленыхъ листьяхъ и сверкалъ всевозможными оттѣнками на угрюмыхъ стволахъ. Сюда сейчасъ же врывалась и жизнь вмѣстѣ съ золотыми лучами, здѣсь прыгало, кружилось, гудѣло, звенѣло все, что было разбужено свѣтомъ. Я самъ набирался здѣсь мужества и все дальше, все смѣлѣе пробирался между стволами сквозь густую чащу молодой поросли, сплетенной дикимъ хмѣлемъ и тонкимъ вьюнцомъ.

Гдѣ же страхи?!

Если они и были, то, конечно, отступали все дальше и дальше въ глубь вмѣстѣ съ мракомъ, потому что на мнѣ былъ крестъ, а Разбой былъ «ярчукъ» *), котораго боится и волкъ, и нечистая сила. О, насъ никто и ничто не тронетъ, пусть только попробуетъ! Я знаю заклинанья, которымъ научилъ меня Панасъ, а Разбой задастъ такую трепку, что и тошно станетъ! Правда, Разбой?! Я даже запѣлъ знаменитую старую пѣсню, какъ смѣлый вызовъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ топъ мой становился запосчивѣе и смѣлѣе... «Гей, кто въ лиси,—отзовыся», кричалъ я все громче и громче, но никто не отзывался. Еще бы,—попробуй только!

Тѣмъ не менѣе разъ, когда мои шаги вспугнули тяжело взлетѣвшую сову, мое сердце забилось такъ скоро, что я чуть не замеръ на мѣстѣ...

Куда же я шелъ?! Я пробирался къ той свѣтлой, зеленой прогалинѣ съ отдѣльными группами развѣсистыхъ дубовъ, которую видѣлъ на изображеніи святого схимника. Она издавна манила меня своимъ чистымъ миромъ, покоемъ и поэтическою красотой; я былъ наивно увѣренъ, что непремѣнно найду такую же точно и въ этомъ лѣсу... Если есть тамъ сѣдой схимникъ,—думалось мнѣ,—я паду на колѣни, жарко-жарко помолюсь Богу и исповѣдуюсь во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ... Я попрошу сѣдого схимника оставить меня у себя, буду носить ему изъ чистаго ключа воду, буду искать съ нимъ лѣсные коренья... А Разбой останется съ нами, оберегать насъ, защищать отъ всего враждебнаго, хищнаго и злого... Вѣдь,

---

*) „Ярчукъ“—собака, рожденная въ мартѣ. *Народное повѣрье.*

если и нѣтъ у него души, то все-таки есть доброе сердце и вѣроятно не хуже, чѣмъ у льва св. Марка, о которомъ разсказывала набожная Горпына.

И я нашелъ ее, эту прогалину, свѣтлую, мирную, дышавшую какою-то скрытою, уютною красотой, только безъ сѣдого схимника... Она раскинулась у небольшого проточнаго озерка, густо поросшаго камышемъ, изъ котораго немедленно взвился, трепеща, кверху быстрый бекасъ, да зашлепали двѣ грузныя утки. Озеро съ избыткомъ питало здѣсь все проспвшее влаги; трава, отливавшая пріятнымъ спневатымъ цвѣтомъ, была гуще и ярче; сама почва мягче и упруго гнулась подъ ногою; воздухъ свѣжѣе... Темная чаща окружала ее красивою, какъ бы очерченною, линіей, а сверху смотрѣло голубое бездонное небо, въ которое прихотливыми зубцами врѣзывались верхушки молчаливаго лѣса...

— Разбой, купаться!

Мы долго-долго провозились въ прохладной водѣ, играя съ шумомъ и визгомъ, а затѣмъ катались на стогѣ сѣна, стоявшемъ между озеркомъ и чащей...

Когда я проснулся, — и озеро и листва, и угрюмые стволы, и полянка,—все горѣло уже раскаленнымъ жаромъ, какъ и моя, казалось, вдругъ отяжелѣвшая, точно свинцомъ налитая, голова. Все пылало въ розовыхъ лучахъ и даже шерсть свернувшагося возлѣ Разбоя пестрѣла красноватыми пятнами. Очевидно, стоялъ уже вечеръ, близилась темная ночь, но мнѣ было какъ-то все равно, я ни о чемъ не думалъ... Налитая голова не двигалась, все тѣло мое ныло, во рту было сухо, тяжелыя вѣки

слипались сами собой... Я разорвалъ воротъ, разметалъ руки и снова заснулъ...

Долго ли спалъ я, — не знаю, но проснулся вновь отъ сильнаго холода темною, глубокою ночью. Надо мной сверкали, мигая, звѣзды, но кругомъ стоялъ такой мракъ, что я только по дыханію различалъ спящую рядомъ собаку. Впрочемъ, мнѣ опять было какъ-то все равно,— тьма ли стоитъ надо мною, свѣтъ ли блещетъ... Меня мучили боль въ вискахъ и сильный ознобъ, отъ котораго дрожало все мое нывшее тѣло и, не переставая, стучали зубы... Я даже не различалъ хорошо гдѣ я: дома ли, въ своей мягкой постелькѣ, или въ дремучемъ лѣсу забился въ сѣно... Все у меня спуталось... Я хотѣлъ только согрѣться, во что бы то ни стало согрѣться, и слабою, непослушною, точно спавшею рукой потянулъ къ себѣ Разбоя... Онъ придвинулся, прикрылъ меня, лизнулъ и какъ-то тревожно обнюхалъ... А я все дрожалъ и дрожалъ...

Наконецъ, тепло какъ-то снова разлилось по мнѣ и чѣмъ дальше, тѣмъ становилось сильнѣе... Разбой дышалъ на меня раскаленнымъ воздухомъ жарко натопленной печи, онъ, казалось, жегъ меня, но я не могъ шевельнуться, я лежалъ какъ мертвый... Въ головѣ у меня все подернулось точно флеромъ, я ничего не видѣлъ, не различалъ, я тонулъ въ какомъ-то горячемъ, влажномъ туманѣ... И вдругъ я услышалъ шопотъ таинственный и нѣжный... Я открылъ, кажется, глаза и снова какъ будто сталъ различать все хорошо и ясно... Между мной и блестѣвшимъ звѣздами небомъ стояла бѣлая роза, которую ут-

ромъ я сунулъ за пазуху, куда обыкновенно пряталъ все самое дорогое,—та роза, которую дала мнѣ... Кто, въ самомъ дѣлѣ? — бѣлая же роза?... или... полячка!? Право, я какъ-то все спуталъ...

И видѣлъ я, какъ она, эта роза,—то принимавшая образъ чудной полячки, то снова становившаяся бѣлою розой,—смотрѣла на меня печально и грустно, точно рыдая... Я безжалостно, грубо измялъ ее за пазухой, я растрепалъ, истерзалъ ея нѣжные, ароматные лепестки... — За что? — спрашивалъ меня ея нѣжный шопотъ,—что сдѣлала тебѣ я, молоденькій хлопче?! За что же ты ненавидишь меня и собираешься воевать съ моимъ гнѣздомъ, съ моимъ замкомъ?! Развѣ я жгла твоего гетмана и мучила вольныхъ козаковъ?—Нѣтъ! Такъ зачѣмъ же ты переносишь чужіе, давніе грѣхи на меня, молодую и невинную, — на меня, которой, какъ и тебѣ, хотѣлось жить вольно на свѣтѣ?! За что ты измялъ мои лепестки, обломалъ мои стебли,— о, за что, молоденькій хлопче!?

И бѣлая роза заплакала... Слезы закапали, какъ роса, съ ея бѣлыхъ, измятыхъ лепестковъ и падали, казалось, мнѣ въ самое сердце, разливаясь оттуда жаромъ по всему тѣлу... Я хотѣлъ ей что-то отвѣтить, но не могъ, — мои уста запеклись, а она продолжала:

— Слушай дальше!... А развѣ мало потоптали твои козаки моихъ сестеръ и братьевъ, когда вихремъ летали по степи?!... Развѣ мало легло подъ копытами ихъ борзыхъ коней цвѣтовъ яркаго мака, золотоцвѣта, кувшинчиковъ и сестеръ моихъ—степныхъ лилій?! А вотъ же я люблю тебя!... Я такъ жарко поцѣловала тебя сегодня утромъ на

плотинѣ, что и до сихъ поръ пышутъ твои уста жгучимъ пламенемъ! Развѣ не помнишь?!

— О, помню... Я все помню, бѣлая роза!—прошепталъ я засохшими губами...

— Помнишь? — улыбнулась сквозь слезы роза, — такъ сравни же меня, невинную и любящую, съ твоею суровою, холодною теткой!... Генеральша лишила тебя роднаго крова и теплой постельки!... Ты бѣжалъ отъ нея въ дремучій боръ и пугливо запрятался въ сѣно... Она смѣется надъ твоею рѣчью и твоею пѣсней... Что ей твои предки, старая сабля и кубокъ, — она ихъ и знать не хочетъ!... Она подняла, наконецъ, на тебя свою позорную розгу!...

Я хотѣлъ слушать дальше, но все исчезло вдругъ отъ грознаго рева... Вѣрный Разбой, весь нащетинившись и и дрожа отъ ярости, рычалъ предо мною куда-то въ темную глубь, гдѣ что-то видѣлъ... И я увидѣлъ! Двѣ свѣтлыя, зеленоватыя точки глядѣли на меня изъ густого мрака и двигались... Я принялъ бы ихъ за звѣзды, упавшія съ неба, стой онѣ неподвижно... Но теперь я узналъ ихъ... Это... это... страшные глаза... да, страшные глаза!... Но чьи же?...—Господи, чьи же?!.. А!.. Глаза генеральши!..

— Разбой! Не дай, добрый Разбой!..

Моя мольба, мой крикъ поднялъ на дыбы вѣрнаго друга. Онъ взвизгнулъ мнѣ и зарычалъ такъ сердито въ чащу, что все задрожало, все исчезло!..

Я проснулся, пришелъ въ себя вновь только подъ жгучими лучами новаго полдня... Меня разбудили жажда и

жалобный вой Разбоя!.. Онъ лизалъ мнѣ лицо, обнюхивалъ, затѣмъ поднималъ морду вверхъ и выл ъ такъ жалобно, точно прощался съ самою жизнью...

— Разбой, перестань!.. Разбой, я пить хочу... Пить, Разбой!

Звѣрь смотрѣлъ мнѣ пристально въ глаза и визжалъ, точно оправдываясь, что не понимаетъ моей рѣчи... О, что же мнѣ дѣлать!? Жажда была мучительнѣе боли, мучительнѣе изнеможенія; она вооружила меня неестественною волей... Я поднялся на руки, закачался, изнемогалъ, но все-таки ползъ. Инстинктъ, а не глаза влекли меня къ ручью; кажется, я его даже и не видѣлъ. Но я изнемогъ... я растянулся по дорогѣ...

— Разбой... о Разбой!—простоналъ я сквозь слезы.

Больная ли грёза, или дѣйствительность была то,—не знаю, но, ей Богу, я, кажется, помню, что умный песъ точно понялъ меня, наконецъ... Сквозь какой-то туманъ, заслонившій мою память, я вспоминаю однако, что онъ завизжалъ, завилялъ хвостомъ и, не берусь утверждать, но, право, мнѣ какъ-то рисуется, хотя и неясно, что, бережно взявъ меня за воротъ зубами, онъ помогъ мнѣ ползти. По крайней мѣрѣ я былъ у ручья, я пилъ его чудную влагу.

Ахъ, какъ я пилъ! Я пилъ глазами, ртомъ, всѣмъ тѣломъ, я дыханьемъ пилъ и все мнѣ казалось мало и мало... Я боялся, что ручья не хватитъ, что я никогда не утолю этой жажды, которая отъ каждаго глотка разливалась пожаромъ сильнѣе и сильнѣе. Но все-таки, кажется, я поднялся освѣженный... Да, кажется!.. Но какъ я

вновь добрался до стога, какъ я снова повалился въ сѣно, я ничего... ничего не помню!

Точно сквозь туманъ, помню еще, что на мигъ я пришелъ въ себя опять ночью отъ визга Разбоя, отъ громкаго говора какихъ-то людей, стоявшихъ съ факелами и фонарями. Чьи-то сильныя руки подняли меня на воздухъ, чьи-то слезы закапали мнѣ на лицо...

— Грыцю!.. Мій внуку!.. Що зъ тобою, дытыно?! — слышу я чей-то ласковый, знакомый шопотъ. Неужели дѣдъ!? Кажется, его длинные усы щекочутъ мнѣ горячія щеки?! Нѣтъ, это золотыя кудри... Это черные глаза и густыя дугою брови!.. Это полячка прижимаетъ меня къ своей упругой, полной груди и шепчетъ, и дышетъ на меня какъ бѣлая роза!.. это... это!.. И горячими руками обнимаю я чью-то шею и шепчу въ отвѣтъ: я люблю тебя, чудная панна!

. . . . . .

Когда я выздоровѣлъ у себя на постелькѣ, я узналъ и отъ дѣда, и отъ Горпыны, и отъ Панаса, что меня хватились только къ вечеру дня побѣга и всюду разослали людей на поиски. На другой день пріѣхалъ дѣдъ и самъ повелъ поиски, разссорившись навсегда съ рыдавшею въ испугѣ генеральшей. Меня нашли скоро, благодаря неустанному вытью Разбоя. Помню, я страстно рыдалъ и каялся, когда узналъ, какую муку причинилъ любившимъ меня людямъ.

Янкель, конечно, разнесъ всюду исторію моего побѣга, моей болѣзни и въ одно утро изъ замка мнѣ прислали громадный букетъ и сласти.

— Тебѣ панна прислала изъ замка!..— сказалъ дѣдъ, передавая мнѣ съ удивленіемъ присланное, но въ тонѣ его не слышалось раздраженья, онъ, кажется, даже радъ былъ такому вниманію къ его больному внуку,—ты ее видѣлъ?

— Да!—отвѣтилъ я покраснѣвъ.

— Гдѣ же? Да, кстати! Ты все поминалъ въ бреду какую-то панну... Ужъ не ее ли?

Я покраснѣлъ еще больше и обнялъ его шею.

— Дѣдъ!—прошепталъ я стыдливо,—она поцѣловала меня на плотинѣ и дала бѣлую розу!..

Съ этихъ поръ дѣдъ однако отказался самъ отъ педагогіи и выписалъ изъ города заштатнаго учителя, добраго старичка Ивана Семеновича, взявшагося приготовить меня въ пятый классъ.

Я занимался много и хорошо, но все-таки имѣлъ довольно досуга бѣгать въ темный лѣсъ, котораго я уже не боялся и гдѣ скоро свелъ новое знакомство.

Глава VIII.

Въ античномъ мірѣ.

Говорятъ, что какому-то молодому князю, страстно увлекавшемуся Гомеромъ, красотою изображеннаго имъ античнаго міра, суровый патеръ-воспитатель строго замѣтилъ, что грѣшно увлекаться такимъ языческимъ вздоромъ. «Да, это, конечно, вздоръ,—отвѣтилъ, говорятъ, юный князь,—но отъ него мнѣ такъ сладко, отче!»

Моимъ Гомеромъ былъ Охримъ!

О, чего только не зналъ онъ, чего не понималъ, куда

не проникалъ своимъ пытливымъ, вдумчивымъ окомъ?! Все, кажется, было ему ясно, все, въ безграничномъ небѣ и на широкой землѣ. Ему были открыты всѣ тайны дремучаго лѣса, онъ читалъ въ водяной пучинѣ, какъ хорошій чтецъ въ открытой книгѣ, онъ проникалъ насквозь непроглядную тьму глубокой, таинственной ночи, твердо зная что скрыто ею отъ глазъ человѣка, онъ зналъ все... все то, «що колысь було правдою, а теперь стало брехнею». И если всѣ его знанія безусловно расходились съ тѣмъ, что зубрилъ я въ книжкахъ, если всѣ эти знанія ученый Иванъ Семеновичъ называлъ «чистѣйшимъ вздоромъ, которымъ стыдно увлекаться», за то они были невыразимо сладки... Да, именно сладки! Мнѣ положительно становилось иногда горько, что книжки говорятъ иное, что въ мірѣ можетъ происходить все не такъ, какъ говорилъ Охримъ,—я какъ-то ближе былъ къ *его* міру, чѣмъ къ другому. Впрочемъ, помню, я какъ-то странно двоился: училъ и зналъ я одно, а сердцемъ вѣрилъ въ другое. Сердцемъ я сливался въ вѣрѣ съ Охримомъ.

У него къ тому же было одно несомнѣнное преимущество предъ книжками и ученымъ Иваномъ Семеновичемъ. Тѣ знали разныя «но» и сомнѣнья, многое ими только предполагалось, требовало еще доказательствъ, многое было не выяснено, а еще большее обѣщало стать для меня яснымъ только со-временемъ-де «когда выростешь»; ничего этого не было у Охрима. Нѣтъ, онъ не зналъ ни «но», ни сомнѣній, ни колебаній, у него было все ясно, опредѣленно, цѣльно, *ничто* не требовало никакихъ доказательствъ. Тамъ казалось все сухо, безжизненно, какъ мерт-

вая формула, какъ застывшій законъ; у Охрима все носило живой, сознательный образъ, всякое явленіе вызывалось и двигалось опредѣленною цѣлью, тѣсно связанною съ живымъ человѣческимъ міромъ, все было полно поэзіи, пластики, дышало неотразимою красотой творческаго духа. И все къ тому же могло стать для меня яснымъ сейчасъ же, сію минуту!

Охримъ былъ пастухъ и если имъ не родился, какъ родился крѣпостнымъ графа, то едва ли помнилъ себя чѣмъ-нибудъ инымъ на свѣтѣ. Дремучій лѣсъ, полный тайны и страховъ, зеленый лугъ, весь трепетавшій неугомонною жизнью, небесный куполъ, равно для всѣхъ ласковый и свѣтлый, послушное стадо, понимавшее его такъ же хорошо, какъ и онъ его понималъ,—вотъ и все, съ чѣмъ онъ близко соприкасался съ дѣтства, что такъ или иначе могъ считать своимъ. Говорили, что когда-то онъ любилъ богатую красавицу, дочь мельника, которую, конечно, не отдали за бездомнаго сироту-пастуха, отчего она и умерла съ горя. Съ той поры онъ и сталъ играть на своей сопилкѣ.

По этой сопилкѣ его знали всѣ кругомъ, зналъ и я гораздо раньше, чѣмъ сошелся съ нимъ, бродя въ свободные часы въ чащѣ полюбившагося мнѣ лѣса. Вечерами, когда по землѣ, отдыхавшей полною грудью отъ зноя, стлались легкія тѣни и тихо дрожали въ послѣднихъ розовыхъ лучахъ заката, когда и воздухъ, не то розовый, не то подернутый дымкой, начиналъ дрожать и какъ бы струиться, откуда-то внезапно, — дрожа и струясь какъ воздухъ, какъ вечернія тѣни,—приносились и легкіе тоны

этой волшебной сопилки... Что за власть крылась въ этихъ тонахъ.—не знаю. но хлопотливыя бабы останавливались, подпирались рукою, вслушивались, глаза ихъ туманились влагой и онѣ тихо шептали: «то Охримъ грае!» Да, конечно, Охримъ! Кто-жъ бы другой могъ околдовать эти переставшіе дрожать воздухъ и тѣни, кто другой могъ погрузить въ такую неподвижно-глубокую дрему потемнѣвшіе въ сумеркахъ развѣсистые дубы и липы, предъ кѣмъ же еще, предъ какимъ другимъ чародѣемъ, смолкли бы эти неугомонные птичьи хоры?!.. Все окрестъ околдовывали эти звуки Охримовой сопилки и, чаруя млѣвшую въ восторгѣ и нѣгѣ землю, поднимались отъ нея куда-то высоко-высоко, вмѣстѣ съ легкою, чуть видною дымкой вечерняго тумана. Тамъ они, казалось, трепетали съ послѣдними лучами догоравшаго румянаго блеска и вмѣстѣ съ ними таяли и утопали въ темнѣвшей лазуревой выси, но утопая, расплываясь, это они, и только они, вызывали изъ непроницаемаго эопра блѣдныя звѣзды!.. На эти волшебные звуки, точно на вызовъ, выныряли звѣзды одна за другою...

Такую непередаваемо чудную музыку чарующихъ звуковъ любятъ часто сравнивать съ чѣмъ-нибудь близко знакомымъ человѣческому уху... Любятъ говорить, что скрипка или флейта рыдаетъ... Нѣтъ, Охримова сопилка не рыдала, рыдать можетъ всякій!... Она прямо хватала своими невидимыми, но властными тонами за сердце, точно руками, и влекла его за собою въ безграничную, подернутую фіолетовою дымкой, задумчивую даль... Можетъ-быть туда, гдѣ она искала душу красивой мельниковой дочки?...

Какими чарами вызывалъ Охримъ въ своей простой дудкѣ такіе звуки, — осталось его тайной; что за власть и сила крылась въ нихъ, — я не знаю; но я живо помню, что дѣлали они съ моей дѣтскою душой... Предо мною почему-то вставала вся облитая багровымъ свѣтомъ заката далекая, турецкая Кафа, о которой поетъ слѣпой лирникъ, гдѣ стонали о «тыхыхъ зоряхъ» родной Украины бѣдные невольники козаки въ желѣзныхъ путахъ, — и мнѣ хотѣлось тогда стонать вмѣстѣ съ ними... Эти звуки разворачивали предъ моимъ духовнымъ окомъ, какъ свитокъ, безграничную зелень Великаго Луга, гдѣ жалобно клекочетъ степная орлица, тщетно сзывая, какъ въ пѣсняхъ, непробудно заснувшихъ козаковъ, — и мнѣ хотѣлось тоже клекотать вмѣстѣ съ нею... Я видѣлъ, наконецъ, какъ въ волнахъ голубого эопра пыряла бѣдная чайка, я слышалъ, какъ она рыдала, что «вывела дитокъ на бытій дорози», — и меня неудержимо влекло рыдать вмѣстѣ съ чайкой... Влекло до того, что я плакалъ...

— На що... на що, Горпыно, вынъ такъ грае?! — взволнованно, точно жаловался я, хватаясь за ея запаску.

— Цыть-те, панычыку, цыть-те! — чуть слышно шептала мнѣ въ отвѣтъ очарованная Горпына, — послухайте! Такъ ему уже Богъ давъ!

Развѣ, что Богъ!...

Я и теперь еще живо и ясно помню наши встрѣчи... И теперь еще пышетъ на меня багровое тепло ночного костра, въ которомъ печется нашъ картофель, пока мы ведемъ свои бесѣды подъ чернымъ пологомъ неба, усыпаннаго звѣздами... Отъ яркаго пламени костра еще чер-

нѣе кажется темное небо, еще гуще становится налегшая на землю ночная мгла, изъ которой рѣзко вырисовывается пылающій профиль Охрима. Онъ крѣпко сжалъ руками ярко освѣщенныя колѣни, его брови сдвинуты, плотно стиснутая губами люлька совсѣмъ погасла, его темные глаза неподвижно устремлены въ пылающее пламя... Что онъ тамъ видитъ, о чемъ думаетъ, — я не знаю!... Онъ вспоминаетъ, можетъ-быть, прошлое, — другое пламя, что пылало въ немъ, въ немъ самомъ когда-то,— пылало... и разсыпалось пепломъ, какъ сухой валежникъ?... Или онъ видитъ бранный станъ лихихъ запорожцевъ, о которыхъ поетъ въ своихъ пѣсняхъ, — видитъ и ждетъ условнаго «пугу», чтобы, вскочивъ на «вороного», умчаться птицей! нѣтъ, что птицей?!—вихремъ умчаться въ безгранично вольныя степи и вздохнуть въ нихъ, — о, такъ сладко вздохнуть!—полною грудью!... Я не знаю и не хочу знать!... Трещитъ, разсыпая искры, яркое пламя, тихо пофыркиваютъ пасущіеся кони, глубоко и протяжно вздыхаютъ во мракѣ волы... Молчитъ Охримъ и я самъ молчу, весь истомленный этою нѣгой лѣтней ночи, ея душистою мглой, этимъ багровымъ тепломъ костра, этою цѣпью видѣній, грезъ, какихъ-то неясныхъ обрывковъ, что̀ смутно проносятся въ головѣ, навѣянные ночью...

— Гляди, Охримъ, гляди!... Вонъ скатилась звѣздочка!...

— Это не звѣздочка, панычу! — увѣренно поучаетъ Охримъ, посасывая люльку и надавливая золу пальцемъ, не поворачиваясь и не глядя на меня.—Это не звѣздочка! Это дитя родилось на свѣтъ...

— Дитя родилось?!

— Эге-жъ! Это Господь посылаетъ ему душу...

Вотъ какъ!?

— Отчего же онѣ разныя?—заинтересованный, страстно спрашиваю я Охрима. — Отчего-жъ одна бѣлая, другая бываетъ красная, а то и синеватая?

— Про то Господь знаетъ, — говоритъ онъ, не мѣняя позы, тѣмъ же докторальнымъ, не знающимъ сомнѣній тономъ.—Люди не могутъ знать... Опять же, мужская душа и женская!... Все же разница...

Да, конечно... Все это такъ понятно, такъ ясно и мнѣ дѣлается какъ-то покойно, что именно такъ оно, а не иначе на свѣтѣ...

Во все посвящалъ меня Охримъ въ эти ночи, — весь міръ, загадочный и чудный, открывалъ онъ предо мною въ какой-то стройной, красивой поэмѣ... Я узналъ всѣ легенды, всѣ преданья, я услышалъ чудныя пѣсни, которыя въ живыхъ образахъ воскрешали мнѣ таинственное прошлое, я услышалъ живой говоръ человѣка съ природою той поры еще, когда онъ не покорилъ ее для наживы и обмана, а жилъ съ нею, какъ братъ съ сестрою. Я полнѣе узналъ, наконецъ, что мучитъ, печалитъ и радуетъ человѣческую душу, узналъ многое такое, отъ чего замирало мое сердце... И еще шире раскрылось оно, — шире чѣмъ тогда,—на волѣ и еще глубже, еще страстнѣе забилось оно любовью... И если теперь даже, теперь, когда жизнь такъ жестоко истоптала все, чѣмъ оно билось, когда въ душѣ она не оставила ни одного мѣста, не обожженнаго слезою, когда она даже рѣчь мою съумѣла замѣнить

другою,—если и теперь еще въ моемъ сердце тлѣетъ хоть одна теплая искра, то она навѣрное запала туда изъ багроваго костра въ эти волшебныя ночи!...

— А ты не боишься лѣса... одинъ... ночью?

— Чего же мнѣ бояться?...—уклончиво и какъ бы въ раздумьи цѣдитъ Охримъ сквозь стиснувшіе люльку зубы.

— А страхи! Развѣ нѣтъ въ лѣсу страховъ?

— Какъ нѣтъ?—есть! Вездѣ, панычыку, есть страхи... Только бояться мнѣ ихъ нечего,—крестъ на мнѣ и живу я въ правдѣ...

— А кто же живетъ въ неправдѣ?

— Ляхи живутъ въ неправдѣ, паны! — говоритъ Охримъ, сплевывая въ сторону.—Всякій, кто обижаетъ другого, зло дѣлаетъ, завидуетъ...

— А ты не завидуешь, Охримъ?—наивно спрашиваю я его.

— Нѣтъ, панычыку, я никому не завидую...

— А хотѣлъ бы ты быть паномъ?

— Паномъ? И паномъ не хотѣлъ бы я быть!—послѣ нѣкотораго раздумья твердо отвѣчаетъ Охримъ.—На что мнѣ панство? Тѣлу оно въ сладость, за то душѣ на сгубу... Такъ, панычыку, въ лѣсу оно лучше. Солнце тебя грѣетъ, пташка всякая поетъ, и живешь ты себѣ въ правдѣ... Развѣ нехорошо здѣсь, панычыку?

Каждымъ фибромъ своимъ чувствую я правоту Охрима и въ то же время больной, щемящій червь заползаетъ мнѣ въ душу и румянитъ во мглѣ мои щеки.

— А я, вѣдь, панычъ, Охримъ! — не то стыдясь, не то съ болью, какъ-то робко шепчутъ мои уста.

Чуткій Охримъ понялъ меня сразу и говоритъ мнѣ ласково и нѣжно, точно извиняясь:

— Что-жъ, что панычъ? Это Божья воля... И Савлъ былъ паномъ, а сталъ святымъ апостоломъ... И дѣдусь вашъ живетъ въ правдѣ и всѣ люди его любятъ и уважаютъ, даромъ что панъ... Только бы душу не сгубить въ панствѣ,—вотъ оно что, панычку!

О, нѣтъ, я не сгублю ее!... И я клянусь въ томъ и ему, и темной ночи, и звѣздному небу!... Я не сгублю ее, какъ не сгубилъ Охримъ, не сгубилъ дѣдусь, не сгубили всѣ тѣ, что почили въ этихъ высокихъ могилахъ за родную землю... И когда я выросту и окрѣпну, я стану весь на сторонѣ такихъ чистыхъ душою, какъ Охримъ, и пойду за нихъ противъ «ляховъ»...

Да, я пойду, чего бы это мнѣ ни стоило... Пусть они готовятъ свои жаровни, на которыхъ жгли козаковъ, пусть изобрѣтаютъ что-нибудь другое, болѣе утонченное, болѣе жестокое,—я не сдамся! А если мнѣ станетъ тяжело, не подъ силу, если стонъ будетъ вырываться самъ собою, я, какъ Гонта, облегчу себя вздохомъ, молитвою за родную Украину...

— Да, да, Охримъ! — страстно клянусь я ему на его мягкій, ласкающій, полный благодарности взглядъ,—ты увидишь!

Какъ бы въ отвѣтъ на мои клятвы, онъ вынимаетъ свою волшебную сопилку и начинаетъ играть на ней что-то такое чудное, что я, кажется, росту и крѣпну подъ эти чарующіе звуки...

Въ одну изъ такихъ ночей Охримъ разсказалъ мнѣ ле-

генду. Много я слышалъ уже легендъ, многія чаровали уже меня своею красотой и драматизмомъ, но эта поразила всѣхъ сильнѣе,—поразила до того, что я почти бредилъ ею... И теперь еще, когда я ее вспомню, когда предо мною встанетъ образъ несчастной панны, глубоко любящей, но обреченной всегда вѣщать одно горе, мнѣ становится жутко и глубокая скорбь сжимаетъ мое сердце... Желать одного добра и приносить одно горе! Да есть ли что-нибудь на свѣтѣ полное большаго ужаса, болѣе глубокаго драматизма, болѣе жгучей скорби?!... Ничего такого нѣтъ въ дантовскомъ «Адѣ»,—воображеніе великаго поэта было безсильно создать подобную муку!... Ее могло создать только творчество цѣлаго народа, вѣками искусившагося въ мукахъ...

Помню, я прибѣжалъ къ костру запыхавшись, горя нетерпѣніемъ скорѣй сообщить Охриму жгучую новость...

— Охримъ, ты хотѣлъ бы быть вольнымъ?!

— Вольнымъ?—какъ-то усмѣхнулся Охримъ.—Кто-жъ, панычыку, не хочетъ быть вольнымъ?! Всякая тварь Божья! Малая птица, звѣрь въ лѣсу, рыба въ водѣ,—всѣ хотятъ... Какъ же не хотѣть человѣку?

И онъ угрюмо свѣсилъ голову, точно вопросъ мой давилъ его какимъ-то тайнымъ искушеніемъ.

— Такъ ты будешь вольнымъ!... Всѣ, всѣ будете вольными... Я слышалъ, какъ дѣдусь говорилъ, что скоро объявятъ волю...

— Слышно въ народѣ!—нерѣшительно протянулъ Охримъ, поднявъ вдругъ голову, но глаза его ясно блеснули.—Слышно. Пошли Господь бѣлому царю счастье и

здоровье... Великое это будетъ дѣло, папычыку!—и онъ набожно перекрестился.

— Да, Охримъ, это правда! Дѣдусь говорилъ, что скоро уже будетъ воля! Скоро!

Охримъ не отвѣтилъ, онъ только вздохнулъ, но этотъ вздохъ былъ могучѣе и краснорѣчивѣе всякаго слова... Этотъ вздохъ, казалось мнѣ, поднялся къ черному небу и отъ него задрожали свѣтлыя звѣзды... Онъ разбудилъ дремавшее эхо мрачнаго лѣса и лѣсъ, казалось, тоже вздохнулъ въ отвѣтъ тысячегрудымъ вздохомъ. Онъ пронесся въ даль,—и точно вся даль вздохнула... Онъ глубоко проникъ въ мое дѣтское сердце и расплылся тамъ горячею скорбью... Мнѣ стало невыразимо жаль Охрима...

— Охримъ!—и, повинуясь безотчетному порыву, я обнялъ его загорѣлую шею дѣтскими руками... Лихорадочными устами я шепталъ ему страстныя, любовныя рѣчи и возбужденное ухо мое чутко ловило громкіе удары его сердца въ отвѣтъ на этотъ шопотъ... Мнѣ казалось, что самъ я какъ-то исчезаю, что въ этотъ моментъ я нераздѣльно сливаюсь съ Охримомъ въ одно цѣлое, общее, какъ два ручья сливаются въ одномъ рѣчномъ ложѣ... Сдержанному, всегда одинокому Охриму стала, наконецъ, не подъ силу эта необычная нѣга ласки...

— Эге-ге, милый панычыку, а не поспѣлъ ли нашъ картофель?!—весь взволнованный, крѣпко прижимая меня къ себѣ сильною, но дрожавшею рукой, спросилъ онъ, чтобы отогнать отъ себя этимъ вопросомъ сладкій, околдовывавшій кошмаръ...

Мы ѣдимъ горячій картофель и разнѣженный Охримъ,

какъ бы платя за ласку, разсказываетъ мнѣ свои чудныя легенды... Я слушаю повѣсть о жестокомъ панѣ, обратившемъ въ раба роднаго брата, за что правосудный Богъ превратилъ его послѣ смерти въ дикій камень, вѣчно неподвижный, холодный и мрачный, и навѣки-вѣчные поставилъ стоять, какъ знаменіе своего гнѣва, за Збручемъ, на одной изъ угрюмыхъ вершинъ Карпатовъ... Я слушаю, какъ свѣтлая луна, по Божьему слову, отпечатлѣла на себѣ образъ первороднаго грѣха, чтобы люди никогда его не забыли... Я узнаю, какъ страшно, дико, леденя на смерть, можетъ хохотать угрюмый боръ темною ночью...

— Какъ!? Лѣсъ можетъ смѣяться!?

— Эге, панычку, можетъ!—увѣренно и твердо говоритъ Охримъ, затягиваясь люлькой. — Все можетъ: и смѣяться можетъ, и стонать, и плакать!... Только не дай Богъ никому слышать, какъ лѣсъ смѣется! Страшный этотъ смѣхъ! Былъ одинъ человѣкъ, что не вѣрилъ, такъ Богъ и наказалъ его... Шелъ онъ разъ ночью и услышалъ... Ну, и умеръ онъ отъ того смѣха...

— Какъ же лѣсъ смѣется, Охримъ?...

— Богъ его знаетъ, панычку, я, слава Богу, не слышалъ, только люди говорятъ, что страшно!... Говорятъ, такъ, вдругъ!... Тихо, тихо... а тутъ сразу что-то засмѣется, да и пойдетъ, да и пойдетъ по всему лѣсу... Каждое дерево, панычку, смѣется, каждый кусточекъ, каждая травка... Говорятъ, лѣсныя дивчата играютъ это...

— А ты видѣлъ ихъ, Охримъ, — охваченный жгучимъ интересомъ, въ которомъ сквозитъ страхъ, почти шопотомъ спрашиваю я Охрима.

— Нѣтъ, не доводилось, слава тебѣ Господи! А вотъ покойникъ Панасъ, панычыку, что на печи у васъ умеръ,— царство ему небесное,—тотъ, говорятъ, Бѣлую Панну видѣлъ передъ войною!...

— Какую Бѣлую Панну?—весь замирая, спрашиваю я.

— Что бѣду вѣщуетъ!... Развѣ не слыхали, панычыку? Нѣтъ?! Ну, такъ послухайте...

И снова набивъ свою люльку, онъ разсказалъ мнѣ эту дивную легенду...

Онъ разсказалъ мнѣ, какъ давно-давно,—еще за Польшу,—на крутой горѣ стоялъ мрачный замокъ и жила въ немъ злая пани, запродавшая нечистому свою душу... Онъ разсказалъ, какой хитрый уговоръ сдѣлала злая пани, поставивъ нечистому условіе, что взять ее онъ можетъ только, когда опадутъ всѣ до единой зеленыя иглы ея молоденькой елки и только въ оградѣ ея замка... И она вѣчно держала ворота настежь, чтобы бѣжать при первой опасности... А ея молоденькая дочка ничего про все это не знала...

— Она была тоже злая?—перебиваю я Охрима.

— Нѣтъ, панычыку, она была добрая, какъ мать ея была злою, и такая красивая, что и у короля не было такой красивой королевны... Когда она смѣялася, панычыку, то и все съ нею смѣялось...

— И пани крѣпко холила свою елку, но разъ должна была отлучиться по какому-то нечистому дѣлу,—говорилъ дальше Охримъ...—И строго наказала она крѣпко любившей свою мать дочкѣ:

Поливай мою елку ключевою водою
И ходи ты за нею, какъ сестра за сестрою...

— А если бы,—приказывала дальше мать,—у елки опали зеленыя иглы, ты выйди на встрѣчу мнѣ въ черномъ... Помни же, дочка, вся въ черномъ!...

— Зачѣмъ, Охримъ?—спрашиваю я, затаивъ дыханіе.—Чтобы дать ей этимъ знакъ?

— Эге-жъ, панычыку... Ось, слухайте!...

— И дочка ходила,—говорилъ Охримъ,—за елкой, какъ сестра, и поливала ее водою... Но къ ужасу ея, разъ, всѣ зеленыя иглы сразу опали отъ сильной бури... Не знала панна, что это значитъ, и крѣпко тужила... И подумала тутъ же своимъ добрымъ сердцемъ: «Зачѣмъ ей огорчать любимую мать еще издалека!... Нѣтъ,—пусть лучше въѣдетъ она въ свой замокъ съ ясною душой... Не одѣнетъ она чернаго платья!»... И завидѣвъ мать издалека, вышла къ ней въ бѣломъ...

— Ну, что-жъ?!—тороплю я Охрима.

— Ну, и въѣхала,—говоритъ онъ,—пани веселая, но завидѣвъ голую елку, задрожала, посинѣла и пропала вмѣстѣ съ замкомъ и горою... Но прежде она прокляла свою дочку... Накинулась на нее съ пѣной, назвала ехидной, и, какъ ни плакала, какъ ни молила дочка, положила на нее страшное заклятіе...

— Иди же, ехидно,—сказала мать,—и вѣщай всѣмъ людямъ одно горе вся въ бѣломъ, какъ ты его мнѣ провѣщала!—Съ той поры и убѣжала прелестная панна въ лѣсную чащу...

— Зачѣмъ же, Охримъ, зачѣмъ же убѣжала она въ лѣсную чащу?—спрашиваю я, задыхаясь.

— А потому, панычыку, что она добрая и жалко ей

людей... Какъ только кто увидитъ ее, такъ и настанетъ большое горе, потому она и прячется отъ всѣхъ въ дремучей чащѣ... Прячется и все плачетъ...

— И навсегда это, Охримъ?

— Навѣки, панычку... Говорятъ люди, что если бы кто встрѣтилъ ее и пожалѣлъ, такъ кончились бы ея муки!...

— Неужели-жъ, Охримъ, никто ее не пожалѣетъ?!

— Никто, панычку, ибо всякій ее боится и бѣжитъ отъ нея... А кого боятся люди, того они не жалѣютъ!..

. . . . . .

Меня душили жгучія слезы... Бѣдная панна! Такая добрая, прелестная и обреченная на одно зло и горе!... Какъ опьяненный шелъ я домой, упорно всматриваясь въ темную мглу, въ надеждѣ увидѣть несчастную... Въ ту минуту мнѣ навѣрное не стало бы страшно и я пожалѣлъ бы ее всѣмъ сердцемъ... Горькая судьба бѣдной панны не выходила, затѣмъ, изъ головы у меня, даже когда я зубрилъ латинскую грамматику или слушалъ объясненіе дѣленія многочленовъ, почему и удивлялъ Ивана Семеновича своею разсѣянностью. Мнѣ какъ-то особенно жутко хотѣлось встрѣтиться съ панной и, помню, я сильно завидовалъ удачѣ Панаса... — Можетъ быть я испугался бы, но все-таки пожалѣлъ бы ее!—думалось мнѣ. Почему-то она вызвала въ моемъ представленіи образъ той... что тогда... на плотинѣ... образъ той, которую давно уже смутно искало мое сердце, хотя я и никогда не признался бы въ этомъ!.. Можетъ быть для другого образа въ моемъ сердцѣ уже не было и мѣста?!..

Глава IX.

Бѣлая панна.

И я ее увидѣлъ!..

Но до того многое успѣло уже измѣниться въ свѣтѣ. Многое успѣло рухнуть, точно въ пропасть, не замутивъ даже рябью спокойную на видъ поверхность жизненнаго моря, многое успѣло народиться, чего никогда и не было на свѣтѣ. Великое дѣло, какъ называлъ его Охримъ, совершилось,—народъ сталъ вольнымъ. Воля, за которую вѣками билась Украина и съ ляхами, и съ туркомъ, изъ-за которой когда-то разорвала надвое древнюю Польшу и соединилась съ единовѣрною Москвой, стала, наконецъ, фактомъ. И, какъ сильный дождь изнывшую отъ зноя и жажды спаленную степь, она подняла, освѣжила и укрѣпила всѣ ростки жизни, что таились глубоко-глубоко въ изнывавшемъ, изможденномъ народѣ.

Какъ все это произошло подробно,—теперь не помню. Слишкомъ много лѣтъ и еще неизмѣримо больше впечатлѣній легло уже между мною и тѣмъ моментомъ, который видѣли мои дѣтскія очи. Потому-то и встаетъ онъ теперь въ моемъ воспоминаніи, какъ долгій, долгій весенній праздникъ, полный всеобщаго ликованья и счастья. Сама природа точно ликовала тогда съ народомъ, по крайней мѣрѣ изъ моей памяти совсѣмъ исчезли какъ-то зима и осень, точно въ томъ году ихъ и не было вовсе. Какъ ребенокъ, и къ тому же очень нервный, я схватилъ только самыя сильныя, общія впечатлѣнія, оттого я и помню только ясное вёдро природы и счастливое ликованіе народа.

Да, все окрестъ ликовало! Но въ палатахъ магнатовъ, въ усадьбахъ шляхты творилось что-то другое,—тамъ не было ликованья и счастья. Оттуда несло какою-то смутой и тревогой, какою-то загадочною тайной и угрозой. Тамъ собирались таинственные съѣзды, шли банкеты, на которые съѣзжались откуда-то невиданные доселѣ въ краѣ люди, шли какіе-то странные толки о дѣлахъ въ Варшавѣ. Шляхта одѣлась въ старинныя чамарки, шляхтянки стали носить только траурныя платья, точно вновь свидѣтельствуя этимъ свою розпь съ народомъ, даже Янкель сталъ какимъ-то таинственнымъ и скрытнымъ. Дѣдъ все это видѣлъ, понималъ, конечно, хмурился и укоризненно качалъ головою.

— Ничему не научилась еще эта Варшава!—вѣчно бормоталъ онъ въ свои длинные усы, глядя подчасъ въ окно на суету въ замкѣ,—а пора бы, кажется!? Охъ, пора бы!

Чему было бы пора научиться Варшавѣ,—я не понималъ еще тогда, но я скоро узналъ, что значитъ это оживленье шляхты. Въ той средѣ, въ которой я былъ такъ близко,—въ средѣ народа тоже шли свои толки. Тамъ тоже все видѣли и по-своему знали, что это шляхта готовится бунтовать противъ народной воли. И грозно сдвигались тамъ брови, сумрачны становились лица, страшною угрозой дышали взоры. Зорко слѣдили оттуда за шляхтой, такъ зорко, что самый легкій вздохъ даже не прошелъ бы незамѣтнымъ, и напряженно ждали... Ждали, что съ высоты самаго высокаго на свѣтѣ золотого трона, который, какъ небо звѣздами, усыпанъ весь міріадами драгоцѣнныхъ каменьевъ, что съ высоты этого трона, провѣ-

щавшаго народу волю, раздастся призывъ,—нѣтъ, что призывъ!... одно движеніе, одинъ только намекъ на него и... и... и, конечно, «отъ Случи до Чернаго моря» исчезла бы самая память о «ляхахъ». Пыль засыпала бы тѣ мѣста, гдѣ стояли гордые замки важныхъ магнатовъ... подорожникъ зеленѣлъ бы на мѣстахъ шляхетскихъ усадебъ... О, хорошо помнила Украина уроки своего прошлаго!

— Не хочетъ царь позволить намъ самимъ усмирить ляховъ!—говорилъ мнѣ со вздохомъ Охримъ.—Видно, жалко царскому сердцу и ляховъ... Все-жъ, вѣдь, и они тоже ему дѣти!... А мы бы!...

Охримъ не договаривалъ, только глаза его сверкали, да тонкія ноздры дрожали... Я и самъ понималъ хорошо, что сдѣлали «мы бы»...

А суета шляхты все росла и росла. Въ костелахъ стали пѣть неслыханные доселѣ гимны, по дорогамъ запрыгали таратайки то съ молчаливыми, сосредоточенными ксендзами, то съ молодыми шляхтичами, одѣтыми въ старопольское платье, старавшимися брататься съ ненавидѣвшимъ ихъ народомъ, можетъ быть даже искренно въ тотъ моментъ, но совершенно неудачно. Дѣдъ хмурился все сильнѣе, тѣмъ больше, что народъ то и дѣло прибѣгалъ къ нему за совѣтами, что дѣлать въ виду затѣй шляхты, въ виду слуховъ о готовившемся возстаніи въ Варшавѣ, съ опасеніемъ о судьбѣ своей воли.

— Охъ, видно придется намъ еще разъ побить въ Украинѣ ляховъ!—вырвалось у него, помню, какъ-то невзначай послѣ одной изъ бесѣдъ съ народомъ.

Разъ, я спалъ уже въ своей постели, когда къ крыль-

цу дома неожиданно подкатила одна изъ такихъ таратаекъ, изъ нея выскочилъ никому неизвѣстный молодой шляхтичъ и пошелъ къ дѣду. Долго они бесѣдовали о чемъ-то, то тихо, то громко, но, наконецъ, дѣдъ сталъ говорить такъ сердито, что я въ удивленіи проснулся... Комната дѣда приходилась рядомъ съ моей спальней.

— Одно-жъ у насъ небо, одна-жъ земля насъ вскормила!—коснулись моего слуха слова незнакомца, сказанныя такимъ тономъ, точно онъ въ чемъ-то убѣждалъ дѣда.

— Что-жъ изъ этого?—возразилъ твердо дѣдъ. — Въ одной водѣ, пане, живутъ карась и щука... Развѣ не знаете?...

— Такъ, положимъ... Но, вѣдь, мы оба любимъ одну и ту же Украину!... горячился шляхтичъ.

— Любимъ-то, любимъ... Да вотъ бѣда, пане, любимъ мы разно.

— Какъ?!—не то вспыхнулъ, не то улыбнулся иронически незнакомецъ.

— А такъ, пане!—совсѣмъ уже грозно отвѣтилъ дѣдъ.— Общаго нѣтъ у насъ съ вами... Мы подѣлились еще за время рѣчи Посполитой, которую и мы же порвали, а порвали мы ее потому, что согласиться не могли, что у каждаго изъ насъ было нѣчто свое, что ставило насъ другъ противъ друга... Вы любили свое, а мы свое....

— Что же это такое, я не понимаю? Недоразумѣнія, что ли?—удивлялся гость, а мнѣ показалось, что онъ вновь иронически улыбнулся.

— Хороши недоразумѣнія, нечего сказать,—засмѣялся

дѣдъ.—Народническая Русь и шляхетская Польша, да вѣдь это огонь и вода, пане!... Двумъ разнымъ богамъ молились мы съ вами, вотъ что насъ подѣлило! И знаете, пане, что пока такъ стоитъ дѣло, не будетъ между нами мира и общаго!... Прислушайтесь-ка къ толкамъ народа!... Пока вы будете смотрѣть тѣми же шляхетскими глазами, вся Русь, весь народъ ея...

— Народъ?!—съ досадой, казалось мнѣ, вновь перебилъ гость.—Народъ—стадо! — Кто пообѣщаетъ ему лучшее сѣно, затѣмъ оно и пойдетъ!...

— Стадо!?—крикнулъ дѣдъ.—Вотъ тутъ-то и разница между нами, пане! Для васъ онъ только стадо, для меня онъ все на свѣтѣ! И знаете что, пане, послушайте моего совѣта, жалко мнѣ васъ! Не трогайте вы это стадо, охъ, не трогайте!... Бросьте свои затѣи въ Украинѣ, которыя въ конецъ васъ погубятъ!... Вѣдь это-жъ не Польша,—здѣсь только магнаты поляки, а народъ... Послушайте, пане,—если бы этому народу вы предложили брильянтовую гору отъ земли до неба, и тогда онъ будетъ какъ милости ждать позволенія—стереть съ земли самое мѣсто, гдѣ стоитъ Варшава, — такъ онъ помнитъ прошлое... Вотъ оно какъ, пане.

— Я могу согласиться только на томъ, что онъ такой же теперь, пожалуй, варваръ, какимъ былъ, когда поднялъ бунтъ и противъ цивилизаціи, противъ культуры древней Польши!...—ѣдко возразилъ гость и не кончилъ, ибо въ этотъ самый моментъ неожиданно появился я на порогѣ и, щурясь отъ свѣта, сталъ съ удивленіемъ разглядывать незнакомца.

— Ты какъ здѣсь?! — съ удивленіемъ спросилъ дѣдъ проглотивъ готовое было сорваться въ отвѣтъ гостю слово.

— Я проснулся, дѣдусю...

— Вижу... Чего-жъ тебѣ надо?..

— Ничего, дѣдусю... Я такъ...

— Ты слышалъ, о чемъ мы говорили?

— Да, дѣдусь... Я слышалъ, какъ ты говорилъ, что народъ хотѣлъ бы побить Варшаву...

— Ну, а ты какъ думаешь? — усмѣхнулся дѣдъ, которому всегда пріятно было меня видѣть.

— Я тоже хотѣлъ бы, дѣдусь!— отвѣчалъ я искренно, смотря на улыбавшагося насмѣшливо гостя.

— Ну, а пока иди спать!...

Эту сцену помню я живо, хотя много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а сущность самаго разговора стала мнѣ ясна только впослѣдствіи изъ разсказовъ самого дѣда, когда я сталъ постарше. Но я и теперь, кажется, вижу высокую разгнѣванную фигуру дѣда, готоваго было крикнуть съ проніей: «да, до сихъ поръ, пане, помнимъ мы вашу шляхетскую цивилизацію!» и насмѣшливо улыбавшееся лицо молодого шляхтича. Я ушелъ спать, гость уѣхалъ; но съ тѣхъ поръ дѣду просто житья не стало отъ сосѣдняго шляхетства. Его травили всѣмъ и чѣмъ могли только, какъ самаго злѣйшаго врага; его почти открыто звали «гайдамацкой собакой» и не было той клеветы, что̀ не сыпалась бы на его честную, сѣдую голову... Дѣдъ молчалъ, только хмурился сильнѣе,—за то я страдалъ и кипятился за него, дѣля свое негодованіе съ Охримомъ, съ кучеромъ Панькомъ и съ другими своими знакомцами-

друзьями. Разъ, когда на дѣда посыпались со всѣхъ сторонъ угрозы, — сначала его старались выставить бунтовщикомъ народа въ глазахъ власти, и это чуть не удалось было, а затѣмъ стали грозить ему смертью,—онъ позвалъ Панька и велѣлъ ему отточить завѣтную саблю.

— Отточи-но, Панько, гетманку!...

Панько отточилъ ее, какъ бритву, и, показывая мнѣ чистый, сверкавшій клинокъ, произнесъ съ какою-то гордою похвальбой:

— А у меня, панычу, давно уже есть «точэный»...

— Что такое?...

Панько съ гордостью вытащилъ длинный ножъ и, точно любуясь имъ, сказалъ какъ-то задыхаясь:

— Глядите, панычеку!... Охъ, если бы только вздумали понавѣдаться сюда вражьи ляхи! Я по самый локоть всадилъ бы его въ ихъ панское сердце съ рукою... Такъ всадилъ бы, панычку, ахъ, какъ всадилъ бы!

А у пастуха Охрима давно уже была заготовлена тяжелая, сучковатая дубинка...

Но и все это время я никогда не разставался съ своими грезами о чудной Бѣлой Панночѣ, которая попрежнему какъ-то странно соединялась въ моемъ представленіи съ образомъ дивной полячки изъ замка. Меня точно околдовалъ этотъ образъ, тянулъ къ себѣ какою-то невидимою, но крѣпкою нитью и, какъ ни билось мое сердечко страхомъ, какъ ни блѣднѣли подчасъ мои щеки, я не могъ совладать съ этимъ влеченьемъ, я шелъ за нимъ, несмотря на страхъ и тревогу, въ самыя густыя заросли лѣса... Казалось, въ самомъ страхѣ, въ самой тревогѣ моей крылась какая-то

чарующая прелесть, мимо воли толкавшая меня впередъ и впередъ, и я шелъ, замирая, какъ нѣкогда выслѣживалъ русалокъ въ темныя ночи... Много дней пробродилъ уже я, много новыхъ тропъ проложилъ въ чащѣ и много нашелъ я скрытыхъ ущелій, темныхъ пещеръ и разсѣлинъ въ лѣсистыхъ скалахъ, гдѣ, кажется, должны бы были ютиться самые невообразимые страхи... Но все было тщетно,—меня тоже бѣжала чудная панна...

Но разъ, тихимъ вечеромъ, на самомъ закатѣ, когда лѣсъ одѣлся какимъ-то стыдливо грустнымъ румянцемъ, съ которымъ спорили, волнуясь, свѣтло-фіолетовые топы надвигавшихся сумерекъ, я лежалъ въ густой чащѣ... Я лежалъ и смотрѣлъ безцѣльно вверхъ, ни о чемъ не думая, ничего не ожидая, слѣдя глазами за дымною тучкой, таявшей въ пылавшемъ небѣ, какъ таетъ безъ слѣда снѣжинка, занесенная случайно къ багровому свѣту кампна... Все было тихо, все отдыхало или собиралось на отдыхъ, только ворона каркнула гдѣ-то... И вдругъ я увидѣлъ!

Нѣтъ, сначала я услышалъ только шорохъ за кустами, тамъ, гдѣ виднѣлась зеленая полянка, такой легкій шорохъ, точно поднявшаяся птичка всколыхнула тонкую вѣтку, точно чей-то легкій вздохъ пронесся по зеленой кущѣ вдругъ задрожавшихъ листьевъ... Я невольно повернулъ глаза, невольно вглядѣлся сквозь листья и вѣтви,—и замеръ... Замеръ весь, какъ лежалъ съ заложенными подъ голову руками, съ поднятою дыханьемъ грудью, съ замолчавшимъ сердцемъ... Я увидѣлъ бѣлое... бѣлое платье!...

Да, тамъ, за кустами, стояла Бѣлая Панна, грустная, печальная вѣщунья, рѣзко выдѣляясь въ тихо дрожавшей

вечерней дымкѣ... Багрово-золотые лучи исчезавшаго солнца, продираясь сквозь чащу неподвижнаго лѣса, играли пурпуромъ и златомъ на складкахъ ея легкаго, бѣлаго платья, свѣтили ея золотистыя кудри, охватывали всю ее какою-то дрожавшею волной свѣта... И она сама, легкая и прелестная, дрожала, кажется, свѣтясь, вмѣстѣ съ вечернею дымкой, съ волною врывавшагося свѣта... Я не вѣрилъ себѣ и въ то же время видѣлъ; я замеръ въ ужасѣ и въ то же время смотрѣлъ, смотрѣлъ и смотрѣлъ... Что же она вѣщаетъ?! Какое и кому горе? Я боялся двинуться, чтобы не спугнуть чудное видѣнье...

И чѣмъ больше смотрѣлъ я, тѣмъ все шире раздвигались, казалось, мои зрачки, тѣмъ все больше жгучее недоумѣніе смѣняло мой ужасъ. Видѣніе, эта заколдованная Бѣлая Панна, поразительно, какъ двѣ капли воды, походила на тотъ мимо волн обожаемый образъ, которымъ давно трепетало мое сердечко, который съ какою-то жгучею властью всегда виталъ предо мною и какъ ядъ грѣха, въ которомъ я самъ себѣ боялся признаться, впитался въ мою дѣтскую душу... Да, и раньше я подозрѣвалъ это сходство и раньше онѣ обѣ соединялись въ моемъ воображеніи въ одно цѣлое, въ одинъ образъ, но теперь это было живое воплощенье, а не сходство; предо мною дѣйствительно, казалось, стояла чудная полячка... эти золотыя кудри, глаза, эти брови... эта пышная грудь, на которой дрожитъ бѣлая роза! Сонъ ли это или правда, видѣнье или это дѣйствительно она, панна изъ замка, съ которою такъ давно уже и такъ страстно, хотя и смутно, безотчетно желалъ я новой встрѣчи!?.. Но зачѣмъ же пришла она

сюда, не меня же искать въ лѣсной чащѣ... Или... или... Неужели же чудная полячка только—привидѣнье, неужели она сама—Бѣлая Панна!?.

Мои недоумѣнія разлетѣлись мигомъ, а сердце въ тотъ же моментъ сжалось болью и какимъ-то новымъ, неизвѣстнымъ еще, но тяжелымъ чувствомъ... Туманъ очарованья исчезъ, какъ только у ногъ дивнаго видѣнья очутился тотъ самый шляхтичъ, что пріѣзжалъ ночью къ дѣду, что, по словамъ Янкеля, былъ влюбленъ въ молодую графиню, какъ сумасшедшій,—и это видѣнье его не бѣжало... Да, это была полячка изъ замка; сомнѣній не было, а это былъ онъ... тотъ шляхтичъ!.. И разглядѣвъ все, я почувствовалъ, какъ вспыхнули вдругъ мои щеки, какъ загорѣлись мои глаза какимъ-то нехорошимъ огнемъ, а грудь заходила неровно...

Тотъ стоялъ у ея ногъ, цѣловалъ ея руки и шепталъ ей какія-то тихія, неслышныя рѣчи... Она не отнимала рукъ, она стояла неподвижно, молча, прелестная, бѣлая, почти прозрачная какъ дымка, какъ бѣлая весенняя тучка въ голубомъ небѣ, блѣдная и грустная... Только грудь ея колыхалась, только крупныя слезы медленно струились по ея застывшимъ, какъ мраморъ, щекамъ...

— И ты пойдешь?!

— Конечно пойду, долженъ!—отвѣтилъ шляхтичъ.—Всѣ идутъ и твой старшій братъ съ нами!...

— Знаю!—вырвалось у панны, но то, что вырвалось, походило скорѣе на вздохъ, чѣмъ на слово.

— Ты не хочешь?! Ты все еще не вѣришь въ наше дѣло?!

— Нѣтъ, не вѣрю!—качнула головкой панна.

— Не вѣришь?! Когда за насъ Европа?

— Европа!—горько отвѣтила панна.—Не тотъ ли нѣмецъ, что совсѣмъ онѣмечилъ Познань? Не трусливый ли австріякъ, что взялъ себѣ наши лучшія части и вѣчно дрожитъ за свою цѣлость?... Не они ли?!

— А Франція! Наполеонъ!?

Панна грустно покачала головою.

— Ничего не будетъ кромѣ бѣды...

— Какъ!? Ты не вѣришь!... Ты не слыхала развѣ, что сказалъ онъ маркизу?

— Слыхала, но я ему не вѣрю...

— Не вѣришь Наполеону? Почему!?

— Онъ намъ измѣнитъ, какъ только кровь прольется,— мы для него только шашки въ игрѣ съ Россіей... Онъ намъ измѣнитъ, какъ измѣнилъ своимъ, какъ измѣнилъ намъ его дядя...

— Ты говоришь о Великомъ?...

— Да, о немъ говорю... Развѣ не вѣрили ему наши?... Развѣ не гибли за него наши легіоны и въ Италіи, и въ Африкѣ, и вездѣ, куда его ни носило? Развѣ мало уже пролилось нашей крови изъ-за Наполеоновъ,—а что же вышло?—Одно горе! Нѣтъ, я не вѣрю Наполеонамъ!... И нечего намъ разсчитывать на кого бы то ни было, кромѣ самихъ себя, иначе мы въ концѣ себя загубимъ...

— Ты говоришь не какъ полька!— съ горечью и болью отвѣтилъ ей шляхтичъ!

— Да я и не полька, а украинка, какъ и ты не полякъ, а украинецъ! Но я, какъ и ты, люблю Польшу, я, какъ и ты, всосала эту любовь съ колыбели и, какъ у

тебя, у меня нѣтъ другой матери ойчизны... Я готова погибнуть для нея даже безъ вѣры, что принесу ей этимъ пользу... И я не удерживаю тебя,—я говорю тебѣ сама: иди, разъ ты говоришь, что долженъ... Идп!..

Я дальше не слышалъ... Въ моихъ ушахъ звенѣло, что-то поднималось въ груди давящею, мучительною волной... Пара исчезла,—она двинулась по лѣсной тропѣ и потонула, какъ видѣнье, въ сумракѣ лѣсной чащи... Только платье зашуршало, да захрустѣлъ подъ ногами сухой валежникъ... А я все лежалъ и лежалъ, охваченный какою-то неясною, смутною, но тревожною мыслью... Мнѣ какъ будто страшно стало, что я держу въ рукахъ чужую тайну, какъ будто стыдно было, что я увидѣлъ то, чего никто не долженъ былъ видѣть... И вмѣстѣ съ тѣмъ меня что-то жгло, терзало, туманило мысли до слезъ,—какое-то несознанное, еще незнакомое, но жгучее чувство...

Тайна! Да, я держу въ своихъ рукахъ чужую тайну,— и, Боже, чего мнѣ это стоитъ!... И я сдержу ее, скрою, хотя это можетъ быть и измѣна своимъ... Я скрою ее, какъ скрылъ отъ всѣхъ и тотъ ядъ, что впился въ меня съ прелестныхъ устъ тогда.. на плотинѣ... въ горячее утро... Можетъ быть, и это измѣна, — но такъ велѣло мнѣ тогда почему-то все то, что такъ сильно стучитъ у меня въ груди слѣва... Оно сильнѣе моей воли!.. Я скрою, я никому не скажу!.. Но!.. но... встрѣть я теперь полячку, встрѣть я ее одну, я бы... я... Я самъ не знаю, что сказали бы ей мои дрожавшія больною и острою мукой, побѣлѣвшія, запекшіяся уста!...

Я плакалъ...

Глава X.

Расплата.

Стояла глубокая осень... Опавшій листъ печально шуршалъ подъ ногами, темные дубы побагровѣли, точно напитались кровью; голубое небо потеряло глубину и яркость, поблѣднѣло, похолодѣло и самая даль изъ задумчивой, манящей, стала какою-то грустною...

И гордый замокъ, поднимаясь надъ багрово-желтою кущей умиравшаго лѣса, глядѣлъ теперь тоже грустно... Нѣтъ, не гордо уже, какъ прежде, взлеталъ онъ къ небу, царя надъ всѣмъ доломъ,—его кичливая гордость пропала... Не угрозой дышалъ мрачный камень,—онъ выглядѣлъ сумрачно, глухо, печально, точно памятникъ, поставленный на мѣстѣ, кипѣвшемъ нѣкогда жизнью, а теперь мертвомъ, и только глубокій вздохъ о прошломъ, казалось, застылъ и таился въ его неподвижныхъ, грандіозныхъ стѣнахъ!.. Разъ, я помню, дѣду принесли какую-то невиданную птицу, случайно залетѣвшую съ прилетомъ съ далекаго юга и жизнью заплатившую за свою страстную пытливость... Могучая шея невиданной птицы падала безсильно... громадный клювъ съ какимъ-то необычайнымъ зобомъ не грозилъ уже никому и возбуждалъ не страхъ, а любопытство... Зоркія очи навѣки потухли и только широкія крылья, шурша, когда ихъ раздвигали руки, глухо свидѣтельствовали о гордой когда-то силѣ... Замокъ напоминалъ мнѣ теперь эту птицу!..

Онъ не горѣлъ уже огнями, не кипѣлъ суетой и преж-

нимъ шумомъ... Все было въ немъ тихо, только поджарые донскіе кони козацкаго пикета фыркали и ржали, методически жуя сѣно въ его оградѣ; а когда ночью слабый свѣтъ чуть-чуть мерцалъ въ нѣсколькихъ изъ его безчисленныхъ громадныхъ окопъ,—этотъ свѣтъ напоминалъ мнѣ ночное мерцанье лампадки кладбищенской церкви... Жизнь тамъ только тлѣла, догорая и гармонируя съ общимъ осеннимъ топомъ. Возстаніе шляхты, поднявшей свое архивное знамя въ Украинѣ,—этотъ послѣдній порывъ окоченѣвавшаго, нѣкогда сильнаго тѣла, быстро подавленный, уничтоженный,—сразило и замокъ, кичливо поднявшій то же знамя... Съ этимъ послѣднимъ порывомъ умерло навсегда все то, что отъ основанія хранили гордыя стѣны, остался только голый остовъ, какъ памятникъ былого, послѣдняя пѣсня была спѣта... И гордый замокъ, казалось, понялъ это... Какъ сказочный «послѣдній рыцарь», завернулся онъ въ свою каменную тогу и гордо почилъ, полный величья и холоднаго, презрительнаго безучастья къ тому, что вновь складывалось вокругъ него жизнью... Въ немъ могла гнѣздиться сова, зеленый плющъ могъ совсѣмъ обвить его сѣдые камни, паукъ заткать паутиной его фрески и узорные карнизы, громъ могъ метать въ него свои огненныя стрѣлы, шумъ и свѣтъ, наконецъ, могли внести въ его остовъ новые люди,— ему было все равно... Духъ, созидавшій и оживлявшій вѣками эти стѣны, исчезъ навѣки, застывъ въ нихъ, и камень, казалось, ни на что не могъ отзываться больше... Такъ, входя въ развалины древняго храма низверженнаго кумира, вы невольно чувствуете, что сѣдой камень и знать

не хочетъ васъ, чуждаго пришельца, что весь онъ полонъ только застывшей дремы о своемъ прежнемъ богѣ... И жутко дѣлается отъ этой сосредоточенной дремы и не поднимается какъ-то рука зажечь въ этихъ стѣнахъ свѣтильникъ новому кумиру...

Такимъ представлялся этотъ замокъ моему дѣтскому взору, когда мятежъ шляхты былъ подавленъ и свободный народъ пересталъ дрожать за свою волю, когда шляхтѣ пришлось расплачиваться родовыми помѣстьями за участіе въ возстаніи и графу предстояло тоже распроститься съ своимъ замкомъ... Слухи гласили, что въ лучшемъ случаѣ ему будетъ предложено немедленно продать всѣ свои помѣстья, такъ какъ участье его въ мятежѣ было несомнѣнно,—родной сынъ его исчезъ и, какъ говорили, присоединился къ какой-то бандѣ... Печально короталъ послѣдніе дни въ своихъ стѣнахъ сильно осунувшійся графъ вмѣстѣ съ дочерью и младшимъ сыномъ и выглядѣлъ такъ же печально, какъ и стоявшая на дворѣ глубокая осень...

Такимъ же представляется мнѣ этотъ замокъ и теперь, когда все это давнымъ давно минуло и я, измученный жизнью пришлецъ издалека, прибрелъ цѣловать родимую землю... Весь облитый фантастическимъ лунным свѣтомъ, какимъ-то застывшимъ призракомъ взлетаетъ онъ вверхъ надъ окружающими его полными амбарами новаго владѣльца, поражая глазъ грустнымъ диссонансомъ... Громадныя окна пусты и зіяютъ точно темныя черепныя щели, балконы обрушились, колонны треснули, зубцы высокихъ башенъ свалились... Но что ему за дѣло, что ему всѣ эти амбары, эти закромы, что внѣдрились даже въ его

стѣнахъ, — онъ грезитъ о своемъ богѣ!... Я чую таинственную сагу о прошломъ... Съ этихъ умирающихъ стѣнъ на меня вѣетъ длинная повѣсть о вѣковой враждѣ народа и шляхты, — эпопея борьбы и древнихъ козацкихъ набѣговъ встаетъ предо мной, какъ живая, я дышу поэзіей давно умершихъ сказаній, моя собственная вражда къ нему, которою дышалъ я нѣкогда, подернута для меня теперь поэтическою дымкой, какъ будто связывающею, роднящею меня съ замкомъ... Да, что-то общее, связывающее стоитъ теперь между нами и мнѣ сдается, что то же чувствуетъ грезящій замокъ, что на меня онъ глядитъ не такъ безучастно... Можетъ быть даже привѣтомъ дышутъ на меня эти зіяющія щели!...

Такъ и больные чувствуютъ, говорятъ, какую-то связь между собою, такъ и два врага, когда все, за что они нѣкогда боролись, погребено давнымъ давно чуждою имъ рукой, встрѣчаясь, чувствуютъ общую близость, несмотря на все, что ихъ раздѣляетъ, и любятъ вмѣстѣ помечтать о прошломъ... Въ этомъ прошломъ затрачено каждымъ такъ много собственной души и частицъ своего сердца!..

Очень можетъ быть, что нѣчто подобное испытывалъ и дѣдъ, глядѣвшій все послѣднее время какъ-то хмуро, печально, точно разочарованно, несмотря на то, что кругомъ быстро складывались новыя условія, что край кишѣлъ новыми пришлецами съ сѣвера, смѣнявшими древнюю, враждебную шляхту... Исконный врагъ былъ навсегда подавленъ и дѣду точно скучно стало, что враждовать было не съ кѣмъ, что давніе счеты были сведены помимо него,

что новые голоса, вмѣшавшіеся въ этотъ вѣковой антагонизмъ двухъ противоположныхъ элементовъ, какъ бы игнорируя, совсѣмъ заглушали его голосъ... Не такъ уже часто останавливался онъ предъ портретами непреклонныхъ предковъ, своею смѣлою рукой сдерживавшихъ своеволіе «ляховъ» въ Украинѣ, и глухо дрожалъ его голосъ, когда онъ попрежнему пытался передавать мнѣ ихъ великіе завѣты...

Меньше говорилъ онъ о саблѣ и кубкѣ и старая Горпына, получавшая свое меню очень быстро, ворчала уже не на «шаблюку и чарку», которыя теперь ей не мѣшали, а на то-де, «что съ старымъ паномъ щось дiется, — воны якъ слабый сталы». Ей, можетъ быть, тоже скучно стало безъ этихъ привычныхъ разсказовъ и тревожнымъ взглядомъ окидывала она фигуру сѣдого пана... Дѣйствительно, дѣдъ сильно измѣнился: осунулся, согнулся, сталъ первенъ до того, что длинные усы его вздрагивали при каждомъ звукѣ колокольчиковъ, то и дѣло звенѣвшихъ теперь по дорогамъ... Можетъ быть тутъ просто-напросто сказывалась глубокая старость...

Но и я былъ грустенъ... Иванъ Семеновичъ торжествовалъ, ибо близился часъ, когда его ученикъ, по его же увѣренію, долженъ былъ первымъ выдержать экзаменъ и... и, конечно, распроститься съ чудною Пустынькой, съ «бреднями» Охрима, со всѣмъ миромъ тихой деревни... Грустно бродилъ я по чащѣ, но я не искалъ уже Бѣлой Панны, не собирался слушать Охрима,— я прощался со всѣмъ, что было до сихъ поръ неразрывно и тѣсно связано съ моимъ сердцемъ, съ мѣ-

стами, гдѣ я жилъ, думалъ, боролся, одухотворяя воображеніемъ мертвую природу, гдѣ учился любить и понимать,—съ плотиной, на которой увидалъ я ту, что впервые вызвала въ моемъ дѣтскомъ сердцѣ новый, особенный трепетъ, съ полянкой, гдѣ въ душѣ моей впервые вспыхнула жгучая ревность... И желтый осенній листъ грустно шуршалъ подъ моими ногами, точно шепталъ мнѣ роковое: прости! а полуобнаженный, печально умиравшій лѣсъ глядѣлъ на меня, казалось, такъ холодно и безучастно, точно я былъ для него уже чуждымъ пришельцемъ... Что изъ того, что онъ вскормилъ, воспиталъ меня въ своей могучей, полной таинственной дремы, чащѣ, что онъ любовно навѣвалъ на меня свои грезы?... Я уходилъ отъ него, я рвалъ съ нимъ, я отстранялъ его ласку и надолго... надолго... надолго... убѣгалъ въ городъ... — О, могучій, чудный, любимый лѣсъ, точно стучало ему мое сердце, вѣдь не я же это, не я... Это все этотъ Иванъ Семеновичъ! Но лѣсъ не слышалъ,—лѣсъ не хотѣлъ знать никакихъ оправданій...

Право, мнѣ казалось, что и старый Разбой глядитъ уныло, что ему тоже отчего-то грустно... Не какъ прежде, бывало, бѣжалъ онъ за мною, — онъ плелся тихо, вяло, безучастно, какъ бы неохотно даже, а повинуясь только обязательному долгу... Но разъ въ густой чащѣ онъ вдругъ оживился, насторожилъ чуткія уши, потянулъ воздухъ... Онъ почуялъ что-то, ощетинился, заворчалъ, двинулся быстро и въ тотъ же моментъ моего слуха коснулся холодный лязгъ стали, тупое щелканье взводимаго курка... Какая-то суета поднялась въ кустахъ, топотъ, движенье,

чей-то шопотъ испуганно повторялъ одно и то же слово: кто? кто? кто?...

Я онѣмѣлъ отъ испуга,—предо мною стояли какіе-то оборванные, обросшіе, точно одичалые люди и тоже испуганно и подозрительно смотрѣли на меня, какъ и я на нихъ, неподвижными глазами... Цѣлый вѣкъ, казалось, длилось это молчаливое созерцанье другъ друга, во время котораго одинъ Разбой рычалъ все громче и громче... Тамъ, наконецъ, задвигались, переглянулись какъ-то, что-то вновь зашептали, а я все еще стоялъ истуканомъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, съ вытаращенными глазами...

— Онъ одинъ?—коснулся моего слуха новый, такой же робкій шопотъ...

— Ты одинъ, мальчикъ?—спросилъ меня кто-то.

Я разглядѣлъ, я узналъ, наконецъ, и понялъ... Предо мной стоялъ исчезнувшій молодой графъ, стоялъ тотъ шляхтичъ, что пріѣзжалъ къ дѣду, котораго я видѣлъ послѣ у ногъ измѣнившей мнѣ панны, и еще кто-то. Но до чего они были всѣ оборваны, истощены, несчастны, я съ трудомъ узналъ ихъ лица!.. Мой испугъ не прошелъ, онъ перемѣнилъ только свой характеръ, онъ перешелъ въ безпредметный страхъ, въ жуткую тревогу, полную предчувствія чего-то больного и тяжелаго...

— Одинъ!—сами собой зашептали въ отвѣтъ мои сухія губы.

— Это кажется москаль?.. Изъ хлоповъ?!. Онъ предастъ насъ... Мы пропали!—испуганно шепталъ третій изъ стоявшихъ предо мною, и я помню, какъ жгучая обида вливалась отъ этихъ словъ въ мою душу и жгла ее точно

каленымъ желѣзомъ... Образъ отвратительнаго Іуды мелькнулъ въ моемъ воображеніи и подпялъ гдѣ-то внутри меня все отвращенье, воспитанное къ нему съ дѣтства. Негодованіе оживило, казалось, мое окочепѣвшее тѣло и точно заслонило страхъ обидой и злобой...

— Ты кто такой, мальчикъ?..

— Я изъ Пустыньки...

— Ты, можетъ быть, внукъ стараго пана Андрея?— спросилъ шляхтичъ.

— Да, я внукъ его! — не робко, а смѣло уже, точно вызывающе отвѣтили мои губы...

— Ты изъ нашихъ?..—съ радостнымъ изумленіемъ вмѣшался третій...

Тутъ я, казалось, совсѣмъ пришелъ въ себя, я точно совладалъ, наконецъ, съ своимъ страхомъ. Негодованіе ли такъ повліяло, или что другое,—не знаю, но во мнѣ просыпалось, вставало новое чувство, которое брало верхъ надъ страхомъ. Кажется, я испытывалъ теперь аналогичное съ тѣмъ, что вспыхнуло во мнѣ, когда генеральша пригрозила мнѣ розгой... Я точно не боялся уже этихъ людей и ихъ оружія, и вмѣстѣ съ тѣмъ мое сердце сжималось, я дрожалъ, но въ то же время что-то непонятное, вызывающее, гордое, дерзкое, просыпалось въ душѣ, толкало не поддаваться страху, стыдилось его, требовало мести за обидное слово: «предастъ».

— Ты пашъ?!

— Нѣтъ, я не ляхъ, я не ляхъ, — сами собой говорили мои губы съ необычайнымъ, казалось, презрѣніемъ.

— И я не боюсь васъ, я совсѣмъ васъ не боюсь!..

Но я сейчасъ же вновь помертвѣлъ отъ страха. И я видѣлъ, какъ помертвѣли также и молодой графъ и незнакомецъ... Я видѣлъ, какъ смутились ихъ взоры, какъ нерѣшительно дрогнули ихъ руки, и ждалъ, ждалъ, какъ трупъ, у котораго громко стучало бы одно сердце... Чего я ждалъ,—я не знаю, меня сковалъ ледяной ужасъ, но я помню, что мои дрожавшія упрямыя уста ни за что на свѣтѣ не взмолились бы о пощадѣ... Нѣтъ,—они все шептали бы одно и то же, сквозь леденящій страхъ, они все-таки вызывающе твердили бы: «я не боюсь васъ!» Но еще немного и я, кажется, разрыдался бы истерично... Изъ такого напряженнаго состоянія вывелъ всѣхъ молодой шляхтичъ.

— Тебѣ и нечего насъ бояться, хлопче,—сказалъ онъ,—мы не разбойники... И мы такіе же, какъ и ты, украинцы.

— Нѣтъ, вы враги... Вы передались ляхамъ!..—упрямо твердили мои губы, повинуясь какому-то безотчетно-дерзкому порыву, хотя на самомъ дѣлѣ я дрожалъ съ ногъ до головы...—Нѣтъ, вы враги!..

— Ты не правъ, мальчикъ, — хрипя больною грудью, говорилъ шляхтичъ.—Одно у насъ съ тобой небо, одна земля насъ вскормила... Не враги мы тебѣ,—хотя ты и не вѣришь... послѣ когда-нибудь узнаешь... Да и никому мы теперь не враги... Смотри, мы оборванные, голодные, больные люди, у которыхъ нѣтъ ни крова, ни хлѣба... Смотри на насъ... Видишь?!

Я смотрѣлъ на лохмотья, я видѣлъ исцарапанное, тощее тѣло, и вновь свершалось со мною давнее, давнее дѣтское чудо... Въ груди что-то закипало, поднимаясь,

сжимало горло, туманило глаза, какъ и въ тѣ фантастическія ночи, когда я ребенкомъ нападалъ на замокъ, когда я, какъ Самсонъ, готовъ былъ схватить его колонны руками... Я слабѣлъ, въ груди разливалось что-то теплое и мягкое, какъ слезы, вытѣсняя заносчивость и дерзость, когда молодой графъ съ какимъ-то глухимъ стономъ повалился на землю.

— Я не могу больше!.. Я не въ силахъ идти!—рыдалъ онъ, уткнувшись въ ладони.—Будь, что будетъ!.. Мнѣ все равно... все равно... хоть смерть...

Капля переполнила чашу... Что было дальше, — я не знаю, что говорили мои блѣдныя уста,—я не помню, но я, кажется, тоже плакалъ. Я былъ уже не я, — какое-то чудо превратило меня во что-то иное...

— У тебя нѣтъ хлѣба?

Хлѣба!?—Нѣтъ, но я отдалъ бы теперь всѣ свои пальцы, чтобы ладонями поднести голодному хлѣба! Въ карманѣ у меня былъ пряникъ...

— Вотъ!—протянулъ я дрожащею рукой свой пряникъ.

Двѣ руки подняли меня на воздухъ, моего лба коснулись мохнатыя губы и двѣ мужскія слезы омочили мое пылавшее лицо. И я чувствовалъ, какъ и поцѣлуй этотъ, и эти слезы впились въ мою душу чѣмъ-то острымъ, какъ отточенный ножъ, и подчинили себѣ, точно чарой.

— Будь благословенна мать, что носила тебя, хлопче, подъ сердцемъ!—сказалъ шляхтичъ, опуская меня на землю, и тутъ я не выдержалъ, я почему-то горько разрыдался...

— Ты знаешь тропу до границы?

— Нѣтъ!—задыхаясь шепнулъ я съ сожалѣніемъ.

— Окажи намъ услугу...

— Какую?

— Сбѣгай въ замокъ...

— Въ замокъ!? Я, въ замокъ!?

— Тамъ передай панѣ...

Я поколебался, но только на мгновенье: чара была сильнѣе моей воли! Я не зналъ, что волновалось, сталкивалось, боролось въ моей душѣ, я не понималъ, что со мною, не сознавалъ ничего, я, кажется, только чувствовалъ что-то и, кажется, именно то, что я очарованъ.

Самъ не знаю какъ, повинуясь безпрекословно, какъ манекенъ, я сжалъ въ рукѣ записку и сами собой прошептали мои уста:

— Идите же... я васъ укрою.

И я укрылъ ихъ въ одной изъ пещеръ, которую нашелъ и зналъ только я, рыща за Бѣлой Панной, и также безсознательно, кажется, двинулся изъ лѣса... Я бѣжалъ машинально, не отдавая себѣ ни въ чемъ отчета, мои ноги несли меня сами собою... Кажется, во мнѣ что-то двоилось... Въ головѣ шептало что-то смутнымъ протестомъ, но въ груди билось громко то, что всевластно повелѣвало каждымъ моимъ суставомъ... Только при поворотѣ изъ лѣса, гдѣ дорога двоилась въ замокъ и Пустыньку, что-то всплыло, что-то смутило меня точно словомъ: «измѣна»... Я задрожалъ, что-то обожгло меня, что-то смутно спросило: «неужели ты измѣнникъ»? Но я не нашелъ у себя отвѣта, — все во мнѣ смутилось и я не могъ бороться съ тѣмъ, что неудержимо двигало мною...

Эти слезы, этотъ поцѣлуй, этотъ нищій видъ, это глубокое горе,—все это вмѣстѣ околдовало меня совсѣмъ...

И, право, будь это измѣна, будь это что хотите, но съ этою запиской, съ этимъ мокрымъ отъ слезъ клочкомъ бумаги я, потомокъ сподвижниковъ Гонты, разстался бы, кажется, только вмѣстѣ съ жизнью...

Самъ собою какъ-то выросъ предо мной величественный замокъ... Вотъ онѣ эти гордыя колонны, вотъ онѣ, эти мраморныя ступени... Чѣмъ же это всхожу по нимъ я,— исконный врагъ, — такъ недавно еще дышавшій одною враждой, завѣщанною мнѣ всею исторіей моего народа, всею жизнью моихъ славныхъ предковъ?.. Чѣмъ я вхожу: побѣдителемъ или побѣжденнымъ?! Какъ долженъ встрѣтить меня этотъ сѣрый камень: съ торжествующимъ величіемъ, граничащимъ съ презрѣніемъ, или онъ долженъ прошептать мнѣ: ты побѣдилъ, молоденькій хлопче!

Если бы сѣрый камень имѣлъ уста и даже крикнулъ бы мнѣ на встрѣчу, я ничего бы не понялъ въ этотъ моментъ, не разслышалъ... Я бѣжалъ уже по аллеѣ сада, куда послалъ меня какой-то изумленный дворовый къ панѣ...

Въ густыхъ сумеркахъ я чуть различилъ ее подъ темною елью... Она стояла неподвижно, какъ тогда на полянкѣ, когда я нашелъ ее въ тотъ чудный вечеръ... но у ногъ ея стоялъ теперь не шляхтичъ, стоялъ я, весь задыхаясь, волнуясь, и дрожащею рукой протягивалъ ей свою пошу. Она задрожала, она схватилась за сердце.

— Ты ихъ видѣлъ? — почти крикнула она, схвативъ мою руку.

— Да!

— Они голодны и несчастны!

— Да!

— Ты развѣ нашъ?

Тутъ только, казалось, опомнился я впервые.

— Нѣтъ!—сознательно отвѣтили мои губы, и я похолодѣлъ весь отъ этого страшнаго, вдругъ воскресшаго, сознанія.

Но она не дала мнѣ придти въ себя, опомниться всецѣло... Двѣ нѣжныя руки обвили мою шею, жгучіе поцѣлуи вновь отуманили мою голову, милыя рѣчи ласкали мое ухо... Она то смѣялась, то плакала, то цѣловала и, смѣясь и цѣлуя, звала меня то завзятымъ запорожцемъ, то святымъ сердцемъ...

Она...

Но я помню только, какъ мы бѣжали съ нею, нагруженные хлѣбомъ, задыхаясь оба, въ густой лѣсной чащѣ... Я помню еще жгучую радость, глубокое счастье, когда тѣ трое увидали насъ предъ собою. Я помню, что надъ нами свѣтила уже задумчивая кроткая украинская луна...

. . . . . .

А затѣмъ я помню тотъ холодъ и полный ужаса мракъ, что стояли въ моей душѣ, когда я брелъ домой одиноко. Околдовавшія чары исчезли, сознанье вернулось, я опомнился и невидимыми устами гдѣ-то внутри спрятаннаго голоса спрашивалъ я себя: что я такое сдѣлалъ... Да, что такое я сдѣлалъ?! Какъ все это вышло?!

Зубы мои стучали, холодный потъ позора оросилъ мое пылавшее чело... Мои ноги качались потому, что земля

гнулась подъ ними отъ этого позора... Звѣзды мнѣ свѣтили уже не такъ, какъ прежде, я это чувствовалъ, хотя ихъ и не видѣлъ, онѣ сливались для меня въ какіе-то неясные круги... Онѣ дрожали презрѣніемъ... Луна мнѣ тоже не свѣтила, она нарочно, казалось, обличала только путь, по которому шелъ новый Каинъ, съ начертанною уже, можетъ быть, на челѣ страшною печатью, чтобы все живое его бѣжало... Темная ночь, скрытая отъ луны въ ущельяхъ и за холмами, мрачно дышала мнѣ въ упоръ своимъ страшнымъ вопросомъ:

— Каинъ, что ты сдѣлалъ!?

Что я сдѣлалъ? Какъ и Каинъ, я могъ отвѣтить только грубо и дерзко,—до того, очевидно, олицетворялъ я его собою... Ни стыда, ни раскаянія, ни сожалѣнія о сдѣланномъ не будилъ, какъ и у него, этотъ вопросъ въ моей упрямой, оледенѣвшей душѣ... Мои дерзкія уста могли бы отвѣтить одно грубое: «я сдѣлалъ, что сдѣлалъ!» Да, я былъ Каинъ!.. Ни стыда, ни раскаянія, ни сожалѣнія не находилъ я въ себѣ и, грянь надо мною самое страшное проклятіе, они навѣрное не проснулись бы. Даже больше, я чувствовалъ, что все сдѣланное мною я, пожалуй, могъ бы продѣлать и вновь. Какъ ни былъ я жалокъ и презрѣненъ, я не хотѣлъ лгать предъ собою.

Но зачѣмъ же я иду туда, гдѣ я не могъ уже найти ни крова, ни привѣта?! Зачѣмъ же я иду, полный мрака, туда, гдѣ такъ много свѣта, правды и чести, гдѣ такъ гордо смотрятъ изъ рамокъ портреты доблестныхъ... Кого,—предковъ?! Но у меня, конечно, пѣтъ уже ихъ,—они всѣ отвернулись съ презрѣньемъ... Къ дѣду!? Къ честному

сѣдому дѣду.—Но дѣдъ... Тутъ, помню, у меня градомъ посыпались слезы, но не раскаянія, не стыда, слезы одной невыразимой скорби.

А куда же мнѣ идти? Въ замокъ? Но онъ попрежнему мой врагъ, я это чувствую, я слышу, какъ скрежещутъ мои сжатые зубы! Къ тѣмъ? Но они мнѣ тоже враги и встрѣть я ихъ въ бою, а не въ такомъ положеніи, я бы!.. Въ омутъ, въ этотъ тихій, глубокій прудъ? Но развѣ я Іуда-предатель!?

Нѣтъ, я не предатель! Развѣ я не люблю это небо, этотъ воздухъ, эти звѣзды, эти хаты, народъ, предковъ, развѣ я промѣнялъ ихъ на другое?! И если-бъ враги, ляхи или турки, или кто-нибудь даже страшнѣе ляховъ и турокъ, обложили Пустыньку бранымъ станомъ и понадобился мальчикъ, чтобы, рискуя головой, пробрался сквозь вражескую рать и призвалъ бы своихъ на помощь, —развѣ не я былъ бы этотъ мальчикъ?

Предатель!? А совершись вдругъ чудо, всколыхнись и раскройся эти высокія могилы, гдѣ почили дѣти воинственной сѣчи... Пусть бы только блеснула булава и страшное «пугу» потрясло воздухъ отъ моря до Случи... Развѣ не въ первыхъ рядахъ игралъ бы подо мной «вороненькій»?

Предатель? Развѣ я молилъ бы о пощадѣ,—сожми самый страшный татарскій арканъ мою шею? Развѣ заплакалъ бы я, какъ баба, отъ самыхъ страшныхъ мукъ, какія только можетъ придумать вражеское воображеніе, окрыленное местью? И, оставь мнѣ враги только уста и сердце, развѣ не пошелъ бы я, какъ Палій, въ святыя стѣны молить за родину Бога?

— Нѣтъ, я не Іуда!.. Я самъ не знаю, что я... Я что-то другое, можетъ быть, дѣйствительно Каинъ, но я не предатель!

Какъ тать я прокрался тихо къ своей постели... Дѣдъ за дверью раскладывалъ пасьянсъ, Горпына что-то быстро рубила въ кухнѣ. Все, все вокругъ было уже не мое, цѣлая пропасть легла между нами. Я зналъ, что въ портретной всѣ грозныя лица дрожатъ отъ негодованія, всѣ глаза дышутъ однимъ холоднымъ презрѣніемъ. Правда, тамъ есть одинъ... молодой есаулъ, что когда-то изъ осажденнаго козаками пылавшаго замка выкралъ и спасъ ребенка... Можетъ быть онъ одинъ!? Но нѣтъ, едва ли. Я знаю, что мнѣ уже нѣтъ здѣсь мѣста!

Я пришелъ только, чтобы разсказать все дѣду... Да, но какъ!? Какъ передать ему все, что случилось, какъ сказать ему, что въ моей черствой душѣ нѣтъ ни раскаянія, ни сожалѣнія? Моимъ собственнымъ устамъ придется сразить его доброе, любящее сердце.

Стѣны меня давили, голова кружилась, по тѣлу бѣгали мурашки. И самъ собою какъ-то вырвался изъ моей груди глубокій вздохъ и рѣзко смутилъ царившую тишину.

— Кто тамъ?..

Я замеръ... Сердце ударило громко и какъ будто застыло.

— Это ты, внуку?

Дверь отворилась и мы стали лицомъ къ лицу.

— Это ты? Но что съ тобою? Ты блѣденъ, ты дрожишь...

Я молчалъ. Моя вина, какъ Каинова печать, должна была сквозить сама собою и дѣдъ самъ могъ ее видѣть.

— Да что съ тобою?—въ страшной тревогѣ спросилъ дѣдъ, протягивая руку, но я отклонился.

— Дѣдъ!.. Я Каинъ...

— Что!?

— Я не знаю, что я... Я не знаю, дѣдъ!..—шепталъ я, весь охваченный дрожью, глотая струившіяся ручьями слезы.—Я пожалѣлъ ляховъ!..

— Что ты сдѣлалъ?! Какихъ ляховъ?..

И я все разсказалъ дѣду... Все... все! Моя рѣчь мѣшалась со слезами и, какъ слезы, она текла все быстрѣе и быстрѣе. Откуда-то внезапно взявшимися словами я разсказалъ мою встрѣчу, споръ, мои кичливыя увѣренія, что я не боюсь ихъ. А затѣмъ... затѣмъ... Я пожалѣлъ ихъ!.. Ахъ, они были такъ больны, такъ измучены, такъ несчастны и такъ жалобно, такъ горько рыдалъ молодой графъ! Я видѣлъ лохмотья, слезы, голодъ. У меня не было хлѣба, но былъ пряникъ... Я не зналъ тропу, что ведетъ къ границѣ... я... я... О, дѣдъ! я побѣжалъ туда... въ этотъ замокъ!.. Я провелъ панну и принесъ хлѣба!.. Я укрылъ ихъ!.. Дѣдъ!

— Гдѣ же ты укрылъ ихъ?

— Я не скажу... Я никому не скажу, дѣдъ,—запенталъ моими устами неумиравшій во мнѣ Каинъ.

Сколько длилось напряженное молчаніе—я не знаю. Помню, оно казалось мнѣ страшно долгимъ. Я покорно склонилъ голову, я безтрепетно ждалъ финала и былъ готовъ на все... Въ моей душѣ все, казалось, было пусто, все умерло, въ ней гнѣздился уже тотъ безучастный холодъ, съ которымъ обезумѣвшая отъ страха распростертая овца должна

ждать рокового удара... Проклятіе? Или смерть Андрея Бульбы... Но развѣ я предатель?!.

И, вдругъ, теплая старческая рука коснулась моей холодной, какъ ледъ, головы, сѣдыя брови наклонились вровень съ моими и не грозный, а мягкій, нѣжно ласкающій и какъ бы растроганный голосъ вызвалъ снова къ жизни мой оледенѣвшій слухъ...

— Что сказалъ тебѣ пляхтичъ,—повтори...

— Онъ благословилъ мою мать!—зашепталп мои безжизненныя губы.

— А я тебя, мой хлопче!..

. . . . . .

И та луна, и тѣ звѣзды, что глядѣлп на меня такъ ужасно, свѣтилп мнѣ теперь ясною улыбкой и сладкимъ привѣтомъ. И та земля, что гнулась подъ моими ногами, уже не гнулась. Я бодро шелъ рядомъ съ дѣдомъ, снарядившимся точно на охоту, и прижимался къ нему съ довѣріемъ, счастьемъ, любовью, точно къ нянѣ, до хорошаго конца досказавшей свою страшную сказку. Даже лѣсъ не глядѣлъ уже хмуро и уныло, даже листъ не шуршалъ уже грустно...

— Счастливъ же ихъ Богъ, что не разглядѣлп ихъ деревенскіе хлопцы, что ты укрылъ ихъ,—сказалъ дѣдъ.—Принеслп бы ихъ хлопцы въ мѣшкахъ въ деревню.

Но хлопцы еще не разглядѣлп... Всѣ были тутъ, гдѣ я укрылъ ихъ.

— Панъ Андрей!—въ испугѣ вскричали они въ одинъ голосъ, вглядѣвшись въ высокую фигуру дѣда.—Панъ Андрей! Езусъ, Марія!

— Да, это я, но вы не бойтесь, панове!—спокойно отвѣтилъ дѣдъ.

— Мы были врагами! — началъ шляхтичъ, выступая впередъ, но дѣдъ перебилъ его.

— Да... и потому вамъ нечего здѣсь мѣшкать... Собирайтесь скорѣе, пока не узнали о васъ въ деревнѣ... Скорѣе, не то плохо будетъ, панове!..

Много благословеній сыпалось на дѣда, но онъ хмуро шелъ впереди, точно ничего не слышалъ, не роняя ни одного слова. Крѣпко ступали его старыя козацкія ноги по узкимъ тропамъ ему одному пзвѣстныхъ ущелій, смѣло продирался онъ сквозь густой кустарникъ, окутанный темною мглою ночи, увѣренно скользилъ по уступамъ въ черную пропасть, точно не старикъ онъ былъ, а бравый и крѣпкій парубокъ. Только когда сквозь густой кустарникъ со скалы, по которой всѣ шли, блеснула внизу водяная гладь, за которой поднимались уже австрійскіе карпаты, дѣдъ остановился и поднялъ руку.

— Вотъ и Збручъ, панове!—сказалъ онъ.—Здѣсь можете смѣло спуститься, только держитесь лѣвѣе. Ну, до свиданья!

— Пане Андрей!—заговорили всѣ.—Одно только слово! Пане, мы много виноваты предъ вами, пусть Богъ!..

Но мы съ дѣдомъ были уже далеко и жгучія слова благословеній и страстной благодарности шептало намъ уже эхо таинственнаго лѣса...

На поворотѣ въ Пустыньку намъ перерѣзала дорогу панна и, прильнувъ ласточкой къ могучей груди дѣда, со слезами поцѣловала его руку.

— Папе Андрей! Будь благословенна эта ночь,—она многому меня научила!..

— Что-жъ, въ добрый часъ, милая панна! — говорилъ растроганный дѣдъ, тепло лаская ея русую головку.—Въ добрый часъ!

— И я буду молить Бога, чтобы грѣхъ нашъ, насъ подѣлившій, загладило сердце нашихъ потомковъ!

— Дай Богъ, милая панна!

— Чтобы у всѣхъ оно было такое!

И она снова, какъ тогда въ аллеѣ, обвила мою шею руками, снова также страстно цѣловала меня, мѣшая поцѣлуи со слезами, и, снявъ съ себя медальонъ, торопливою рукой повязала мнѣ на шею.

— Это тебѣ на память!..

При чуть брезжущемъ голубовато-розовомъ свѣтѣ занимавшагося дня я прочелъ на немъ вырѣзанное глубокими буквами

«вѣруй, надѣйся, люби».

На этомъ обрывалась найденная мною рукопись неудавшагося поэта. Было ли продолженіе, не испортили ли его крысы,—я пока не знаю. Но если, разобравшись въ найденной кучѣ, я найду продолженіе, я, конечно, подѣлюсь имъ съ читателемъ.

ХАМЕЛЕОНЪ.

(силуэтъ.)

Этотъ ящеръ обладаетъ способностью мѣнять свой цвѣтъ.
Учебн. зоологіи.

Всю свою жизнь онъ только—склеивалъ и склеивалъ... Чужія мысли, чужія слова, чужія выраженія, статьи, замѣтки онъ кромсалъ, сшивалъ, нанизывалъ, склеивалъ и такимъ образомъ создавалъ себѣ имя и карьеру. Изъ этой клеевой мозаики выходили журнальныя статьи и даже цѣлыя книжки, склеивавшія ему въ свою очередь и положеніе, и кое-какія средства. Въ кипучее литературное время, когда полемъ владѣлъ талантъ, а талантомъ руководило горячее убѣжденіе, его совсѣмъ не замѣчали и даже не знали... Затѣмъ, когда измѣнились времена и нравы и летучая рецензія смѣшила критику, а циничный индифферентизмъ—убѣжденіе, тамъ и самъ о немъ появились замѣтки, его работы были названы полезными за одно то, что не были гадки... Бываютъ положенія, когда и это можетъ быть зачтено въ заслугу... Время ему содѣйствовало,

оно было на его сторонѣ, а онъ къ тому же былъ терпѣливъ, выносливъ и хорошо понималъ, какъ важно бить въ одну точку... Онъ билъ въ нее неустанно: сшивалъ, кромсалъ, склеивалъ, выпуская статью за статьей, то и дѣло мозоля читателю глаза своимъ псевдонимомъ... И мало-по-малу онъ добился своего: читатель къ нему привыкъ, рецензенты называли его «нашъ почтенный», редакціи имъ дорожили...

Въ такія эпохи, когда самому опытному редактору приходится напрягать всѣ свои духовныя силы не на то, чтобы возможно ярче и полнѣе высказать руководящую мысль, а на то, *какъ бы* провести ее хоть намекомъ,—такіе люди, безъ огня, безъ творчества, безъ фантазіи, безъ убѣжденія, безъ натуры даже, необходимы. Ихъ сила именно въ ихъ же безталанной грамотности, въ способности все остудить, выжать, разбавить, сдѣлать тяжелымъ и неуклюжимъ, обезцвѣтить самыя яркія краски... Имъ можно прямо заказывать работу, — о томъ-то, молъ, и такъ, — къ тому же они усидчивы и аккуратны... Не упомянуть о томъ, не договорить того-то, выбросить или вставить то-то—для нихъ только вопросъ строчекъ и гонорара. Все яркое, смѣлое, блестящее не по нихъ, претитъ имъ, оно ихъ даже пугаетъ... Изъ мысли генія они дѣлаютъ тяжелый парадоксъ, изъ красоты—безформенную кучу... Накромсавъ, нанизавъ, наклеивъ, они истолкутъ изъ этихъ огрызковъ чужого ума и творчества длинную тяжелую статью, въ которой умъ потеряетъ свои соль и блескъ, творчество—свой образъ, красота — форму, фантазія — игру, а чужія хорошія слова будутъ заполнять пустоту содержанія...

Опытная рука редактора сократитъ, срѣжетъ, вставитъ двѣ-три черты съ намекомъ на божью искру, и читатель, которому приходится довольствоваться и такимъ намекомъ, будетъ, конечно, радъ и благодаренъ, что среди разлитой кругомъ клеветнической лжи тлѣетъ еще что-то теплое, все-таки похожее на искру...

Такимъ-то образомъ создалось положеніе Хамелеона. Въ редакціи одного изъ честнѣйшихъ и умнѣйшихъ органовъ печати нѣкоторое время онъ былъ почти свой человѣкъ и статьямъ его были рады. Редакторъ всегда радушно, дружески жалъ его руку и говорилъ ему: спасибо, спасибо! Правда, въ живыхъ, темныхъ глазкахъ этого умнаго, честнаго человѣка, хорошо помнившаго прежніе дни, въ этихъ умныхъ, живыхъ лукавыхъ глазкахъ свѣтилось подчасъ при этомъ много ядовитой насмѣшки, но Хамелеонъ конечно дѣлалъ видъ, что ее не видитъ,— онъ закусывалъ отъ злобы губы — и только! Разъ, впрочемъ, редакторъ не выдержалъ... Онъ сидѣлъ надъ статьей по какому-то острому вопросу, острому даже въ обработкѣ Хамелеона, и мрачный, съ больною обидой въ душѣ,—обидой, понятною только тому, кто, какъ и онъ, любилъ бы печатное слово,—съ лихорадочною дрожью черкалъ строку за строкою... Хамелеонъ взволновался и возроптalъ,—ему стало жаль построчной платы.

— Газета дороже вашей статьи!— бросилъ ему редакторъ, не отрываясь. — Вы забыли полученныя предостереженія...

Тогда Хамелеонъ напомнилъ ему, что онъ адептъ свободы печати.

— Помилуйте-съ! Вы всегда же сами отстаиваете свободу слова!..

Это было слишкомъ, конечно... Редакторъ повернулся къ нему, поднялъ на него свои умные глаза, полные самой ядовитой иронiи, и отвѣтилъ въ упоръ:

— Вы говорите о свободѣ слова?! Не желайте ее, милѣйшiй!... При ней въ редакцiи понадобились бы другiе люди, а вамъ пришлось бы оставить перо... Понадобился бы огонь, — вы понимаете, — понадобилась бы че-ло-вѣче-ская рѣчь, а не... Не желайте!

Хамелеонъ никогда затѣмъ не запкался о свободѣ печати и не ропталъ...

Онъ любилъ импонировать внѣшнимъ видомъ и всегда являлся, не въ примѣръ прочимъ, въ хорошо сшитомъ черномъ сюртукѣ, джентльменски застегнутомъ наглухо, а въ запасѣ у него былъ и недурной фракъ даже во время оно, когда внѣшнее джентльментство было совсѣмъ не въ обиходѣ. Этимъ онъ и выдѣлялся, и привлекалъ вниманiе. Когда люди еще вѣрили въ правду, а отъ человѣка требовали кое-чего побольше одной способности прозябанiя, Хамелеонъ не прочь былъ сходить за что-то въ родѣ Лео, героя извѣстнаго шпильгагеновскаго романа, и, нужно сказать правду, онъ умѣлъ вести свою роль недурно... Гдѣ нужно,—умѣлъ отдѣлываться загадочнымъ молчанiемъ или ничего не говорившими полусловами... Въ то довѣрчивое, оптимистическое время, притворяясь, онъ могъ сходить кое-гдѣ за нѣчто... Иногда онъ не прочь былъ даже шепнуть довѣрчивому молодому уху, что кто-то назвалъ его «карбонаромъ въ лайковыхъ перчаткахъ». Но потомъ...

потомъ, когда «догорѣли огни, облетѣли цвѣты», онъ принялъ видъ ученаго «изслѣдователя», сталъ писать статьи, пріобрѣлъ такимъ путемъ званіе «нашъ почтеннѣйшій» и кое-какое положеніе... Тогда, казалось, онъ и не думалъ еще мѣнять фронтъ... Хотя времена и попзмѣнились, но Хамелеонъ чувствовалъ, что такія понятія, какъ гуманность, правда, честь и т. д., пока еще дороги читательскому сердцу.

Была у него еще одна черта, которая много ему содѣйствовала: онъ умѣлъ быть адъютантомъ. Съ какою-то врожденною способностью онъ подлаживался къ замѣтнымъ и дѣйствительно большимъ людямъ и умѣлъ сходить за ихъ друга у довѣрчивыхъ знакомыхъ. Хорошо подмѣтивъ привычки и слабости выдающагося писателя, художника, артиста, ученаго, онъ импонировалъ этимъ знаніемъ, наглядно, казалось, подтверждавшимъ его близость съ такими-то и такими-то свѣтилами. Такимъ образомъ выходило у него, что съ однимъ онъ постоянно «пилъ», съ другимъ «катался на острова», съ третьимъ еще что-то, четвертаго звалъ попросту уменьшительнымъ именемъ Колюшки, Ванюшки и т. д... Конечно, что выходило изъ этого для самыхъ «друзей», что распространялось въ публикѣ объ ихъ частной жизни, благодаря такому нахальному вранью,—это другой вопросъ, но самого Хамелеона оно несомнѣнно возвышало...—Помилуйте!—онъ другъ N. N.! Ахъ, онъ цѣлый день пилъ, катался, гулялъ съ такимъ то и такимъ то!—Развѣ вы не знаете, что онъ *на ты* съ Z. Z.?! и т. д. и т. д. А литературные вечера!? — онъ умѣлъ пользоваться ими тоже какъ должно.

Когда для какого-нибудь благотворительнаго вечера нуженъ былъ писатель, хоть и плохенькій, но все-таки писатель, онъ былъ тутъ-какъ-тутъ — и непремѣнно съ какою-нибудь красивою новеллой популярнаго беллетриста, изъ-за которой рвали нарасхватъ журналъ, гдѣ она появилась. Онъ проваливалъ вещь, потому что читалъ плохо, но... его видѣли, его называли, ему хлопали, наконецъ, хотя и за чужой счетъ... Не все ли, однако, равно?—онъ не былъ щепетиленъ...

А въ душѣ онъ былъ все-таки золъ, золъ и мстителенъ. Тѣмъ, кто видѣлъ его насквозь, кто понималъ его и не скрывалъ этого, онъ не прощалъ... Никто не умѣлъ такъ подкапываться подъ доброе имя и такъ нагло подтасовывать смѣлость въ фатовство, благородство въ рисовку, блескъ ума въ парадоксъ, талантъ въ бездарность, какъ онъ,—Хамелеонъ... Онъ умѣлъ шипѣть какъ змѣя, когда ей рогулькой придавятъ къ землѣ голову, шипѣть какъ-то въ себя, незамѣтно, но такъ, что это шипѣнье отдается въ каждомъ ухѣ... А извѣстно, что человѣческое эхо очень отзывчиво на такое шипѣнье...

Хотя и несомнѣнно, что у насъ еще не народился настоящій читатель, но нельзя отрицать, что и наличный умѣетъ быть по-своему благодаренъ, даже за крупицы. Такъ или иначе, но Хамелеону очень легко удалось устроиться на хорошей должности въ одной изъ провинціальныхъ губерній именно при помощи «читателя»... Его давно уже начали манить прочная, устойчивая обезпеченность, свой домъ, свой уголъ, свое хозяйство... Должность хотя была временною, но оплачивалась такъ хорошо, что Ха-

мелеону улыбалась мысль скопить за нѣсколько лѣтъ капиталецъ. Тогда онъ женился...

Таня казалась олицетвореніемъ робости и скромности. Всегда готовая и покраснѣть, и явиться на помощь каждому, кто бы и о чемъ бы ни попросилъ ее, она точно не знала куда ей дѣваться съ ея дѣйствительно бездонною добротой.. Такихъ истинно добрыхъ, честныхъ, привязчивыхъ дѣвичьихъ натуръ у насъ, какъ извѣстно, не стать занимать. Таня слушала курсы, усидчиво и старательно училась, была основательно образована, хотя на видъ казалась самою простенькою, застѣнчивою барышней, и всею своею чистою душой тяготѣла ко всему гуманному, честному, умному и свѣтлому. На одномъ изъ литературныхъ вечеровъ она встрѣтила читавшаго какую-то новеллу Хамелеона, случайно познакомилась, поговорила и... участь ея была рѣшена. Она беззавѣтно полюбила его своимъ нетронутымъ сердцемъ, полюбила свою чудную мечту, героя, живое олицетвореніе интеллекта, — писателя,— человѣка, стоящаго выше всѣхъ и всего, живущаго духомъ, служащаго свѣтозарнымъ маякомъ для всѣхъ, кто бредетъ по этой сѣрой землѣ, полной всякой скверны. Она подчинилась ему раньше, чѣмъ онъ взялъ ее, смялъ, подавилъ своимъ холоднымъ, черствымъ эгоизмомъ...

Только ставъ его женой, она разглядѣла, что передъ ней не Лео, не карбонаръ въ лайковыхъ перчаткахъ, не «изслѣдователь» даже и ужъ во всякомъ случаѣ не «человѣкъ духа»... Но тогда было уже поздно... Тогда ее неразрывно, казалось, связывало съ нимъ уже то, что она отдалась ему, она успѣла привязаться. И у бѣдной жен-

щины началась та душевная пытка, тотъ больной разладъ, что́ даетъ такъ много сюжетовъ для романистовъ и вертится весь на борьбѣ чувства привязанности, привычки, долга и т. д. съ холоднымъ, все растущимъ сознаніемъ безповоротно сдѣланной ошибки...

За нѣсколько лѣтъ службы Хамелеонъ раздобрѣлъ, привыкъ къ комфорту, кое-что скопилъ и поотвыкъ отъ литературы. Регулярное полученіе опредѣленнаго жалованья пріучило его почти брезгливо относиться къ прошлому, которое зиждилось на построчной платѣ и лежало всецѣло въ прихоти редакторскаго карандаша. Онъ даже краснѣлъ, вспоминая это прошлое. Видное положеніе, которое создавали ему въ провинціальномъ городкѣ и хорошая должность и званіе «столичнаго писателя», пріучило его, какъ это говорится, задирать голову и смотрѣть на другихъ, щуря глаза. У него даже появился апломбъ, наглый до пошлости, смѣшной—какъ будированье обиженнаго свистомъ, надувшагося индѣйскаго пѣтуха... Черствость души и сердца, холодный разсчетливый эгоизмъ, затаенныя презрѣніе къ слабѣйшимъ и зависть къ сильнѣйшимъ сказывались и развились теперь, что называется, во всю... Всѣ, кто отъ него только зависѣлъ,— весь низшій классъ сослуживцевъ, не любилп его и боялись. Онъ не умѣлъ ни прощать, ни снисходить, ни входить въ положеніе другого... Еще бы, Хамелеонъ вымещалъ теперь на другихъ свое и прошлое, и все, что онъ затаилъ нѣкогда про себя, кусая злобно губы!.. Для полнаго счастья ему, кажется, недоставало одного: возможности дать почувствовать какъ-нибудь редактору и

всѣмъ, отъ кого онъ зависѣлъ прежде, что теперь онъ не тотъ, въ *них* не нуждается и «кланяться-де не намѣренъ»... Воспоминаніе объ этой зависимости будило въ душѣ его глухую злобу, не то зудъ «насолить». Если-бъ онъ могъ, онъ, пожалуй, растопталъ, уничтожилъ бы самый «ихъ» органъ... Почувствовали бы тогда и *они*, что онъ «нѣчто»!...

Къ тому же времена совсѣмъ измѣнялись... Люди какъ-то опустились, заговорили о трезвости, въ прошломъ склонны были видѣть одно «заблужденіе страстей». Въ обиходъ пошли такія непзвѣстныя дотолѣ странныя слова, какъ лжепрогрессъ, лжеправда, лженаука и т. д., завѣдомая ложь называла себя правдой, завѣдомой правдѣ приходилось краснѣть и потуплять глаза .. Словомъ, все какъ-то спуталось, перемѣшилось, смѣшалось... Мѣдный лобъ выходилъ на улицу...

Наконецъ, люди разглядѣли, кого они пригрѣли...

Служба Хамелеона кончилась и надо было искать другую... Тогда-то онъ и перемѣнилъ фронтъ... Редакція одного органа, пользовавшагося самою дурною репутаціей, спекулировавшаго и на доносъ, и на пасквиль, усиливала свой составъ, искала подходящихъ писакъ и Хамелеону удалось заполучить въ свое вѣдѣніе цѣлый отдѣлъ за приличный кушъ денегъ... Лучшаго для себя онъ не желалъ... Онъ получалъ и обезпеченное положеніе и возможность дать почувствовать себя, насолить, ядовито обругать *ихъ*, всѣхъ, кто прежде черкалъ его строки и считалъ его за ничто. Яду у него накопилось довольно. Самое трудное было обладить все какъ слѣдуетъ съ женой...—Эти жен-

щины, какъ извѣстно, очень цѣпко держатся за свои глупые ярлыки!...

Онъ повелъ дѣло съ тактомъ и осторожно... Прежде всего онъ началъ съ легкаго подтруниванья надъ пережитыми, какъ онъ говорилъ, увлеченіями... Когда это подтруниваніе коробило жену, онъ укорялъ ее въ отсутствіи безпристрастія, въ неумѣніи относиться критически спокойно къ явленіямъ, въ склонности создавать себѣ идоловъ... Та кипятилась, волновалась, а онъ мало-по-малу, шагъ за шагомъ перешелъ уже къ восхваленію трезвенности и практичности новыхъ дней, когда дѣло смѣнило будто бы фразу... Бѣдная женщина не оглянулась, какъ прошлое оказалось прошлымъ...

— Что ты хочешь этимъ сказать?!—спросила она въ тревогѣ съ сильно забившимся сердцемъ...

Хамелеонъ пожалъ плечами.

— Пока—одно, мой другъ,—именно то, что говорю... Право же, пора намъ начать жить *своимъ* умомъ и перестать слушаться разныхъ «высокоуважаемыхъ» критиковъ и публицистовъ...

— Развѣ мы жили не своимъ умомъ?

Онъ пустился доказывать склонность людей къ шаблону, къ модѣ, къ подражанью, общую будто бы трусость и неспособность къ самостоятельному шагу изъ боязни показаться «не либеральнымъ», нарушить какой-нибудь либеральный «ярлыкъ!»...

— Охъ ужъ эти «измы», эти духовные корсеты, мѣшающіе человѣку дышать полною грудью! Ты читала этотъ романъ?—Прочти, какъ вѣрно осмѣяны либералы!...

Онъ совалъ ей книгу,—она не брала, ей было не до романа. Осмѣяны либералы!?—но осмѣять можно кого угодно, весь вопросъ, кто и какъ осмѣиваетъ... Она сидѣла неподвижно, пытливо всматриваясь въ него, пока онъ говорилъ, полная тревоги въ предчувствіи чего-то нехорошаго... Она не понимала его еще, но острое чутье подсказывало ей, что все это неспроста.

— Ты не проповѣдуешь ли ренегатство?—спросила она его вдругъ, сама испугавшись своего вопроса...

Тутъ онъ оскорбился. Ренегатство—глупое слово... Его выдумали только затѣмъ, чтобы пугать дураковъ... Умный и убѣжденный человѣкъ не боится никакихъ кличекъ... Пусть онъ будетъ ренегатъ, но онъ хочетъ быть самимъ собою, а не идти на помочахъ у другихъ... Нѣтъ, довольно!... Раньше, какъ и всѣ, онъ прислушивался къ разнымъ журналамъ и ихъ заправиламъ, а теперь довольно... Онъ будетъ самимъ собою, какъ бы это ни называлось... Человѣкъ умнѣетъ и естественно мѣняется.

— А *твой* Бѣлинскій—ренегатъ?—съ ироніей спросилъ онъ, останавливаясь прямо предъ женой.

— *Мой?* Бѣлинскій? *Мой?*—переспросила она, вздрагивая,—я бы желала, чтобы ты былъ такимъ ренегатомъ...

— А Гоголь? Гоголь, который сжегъ «Мертвыя души»?

— Онъ заболѣлъ... Опустился...

— Заболѣлъ!? Вотъ какъ!?

Онъ пустился упрекать «либераловъ» за эту клевету-выдумку... Гоголь не заболѣлъ, а *выздоровѣлъ*, поднялся духомъ, выросъ!... Онъ поднялся до самокритицизма, оглянулся и отряхнулся отъ своего же... Это величайшій

подвигъ, самая мучительная драма, а *они* называютъ это болѣзнью!! Ахъ!

У нея давно подступали къ горлу слезы... Теперь она, кажется, поняла, наконецъ, и не выдержала... Крупныя слезы потекли по ея блѣднымъ щекамъ, она встала, ушла къ себѣ и нервно хлопнула дверью.

Хамелеонъ вздохнулъ свободно, — первый шагъ былъ сдѣланъ хорошо... Буря разразилась ливнемъ, а это самый естественный выходъ... Мало-по-малу наступитъ спокойное вёдро... Ахъ, какъ въ самомъ дѣлѣ трудно съ этими женщинами!

Черезъ нѣсколько дней онъ поднесъ ей номеръ газеты съ своею новою статьей... Она пробѣжала первые столбцы и бросила въ ужасѣ газету. Статья была сплошной пасквиль, сплошная брань, перемѣшанная съ клеветой, гдѣ циничная наглость соперничала въ ядовитости съ затаенною, шипящею злобой... Бѣдная женщина поблѣднѣла и всплеснула руками... Все ей близкое, дорогое, все, чѣмъ жила она, за что полюбила его когда-то, обманувшись мыслью, что и онъ живетъ тѣмъ же,—все это топталось, обливалось грязью, перемѣшанное съ именами самыми дорогими ея сердцу... Это Хамелеонъ давалъ себя чувствовать *имъ*...

— Это ты!? — вырвалось у нея крикомъ.—Ты сталъ писать въ *этой* газетѣ?!.. Нѣтъ?!

Онъ пожалъ плечами, повидимому, равнодушно, хотя лицо его было блѣдно.

— Отчего же нѣтъ?! Что́ это за глупая партійность писать непремѣнно въ однихъ, а не въ другихъ органахъ?!

Писатель долженъ быть свободенъ отъ всякихъ искусственныхъ узъ... Развѣ Золя или Доде не пишутъ гдѣ имъ угодно, не справляясь о направленіи органа, и развѣ это ставится имъ въ вину?!.. Къ тому же, редакція дала ему полную свободу и предоставила въ его распоряженіе цѣлый отдѣлъ...

Она слушала неподвижно, не спуская своихъ широко открытыхъ глазъ, все больше блѣднѣя, пока онъ говорилъ... Золя, Доде, глупая партійность, Франція и т. д., всѣ отдѣльныя слова спутались, смѣшались, образовавъ въ головѣ ея большой хаосъ... Виски стучали... Одно только выдѣлялось ясно и она прошептала это одно, вся подавленная, готовая разрыдаться...

— Ты ренегатъ...

Его передернуло... Онъ поблѣднѣлъ сильнѣе, но все-таки пожалъ плечами. Это начинаетъ его сердить, чортъ возьми!—Развѣ не говорилъ онъ уже, что это глупое слово, страшное только для дураковъ, а не для него... Развѣ онъ написалъ неправду,—всѣ *эти господа* развѣ исполняютъ все то, что они проповѣдуютъ?! Э, какое! онъ ихъ хорошо знаетъ!... Онъ даже считаетъ своимъ долгомъ снять съ пьедесталовъ всѣхъ этихъ фетишей, которымъ поклоняются околпаченные ими дураки и дуры.. А ихъ проповѣдь!? Развѣ въ самомъ дѣлѣ не ерунда эти ихъ принципы, — точно незыблемыя аксіомы,—по отношенію ко всей нашей дѣйствительности, развѣ они примѣнимы къ нашей средѣ, желающей самобытности, а не идти на помочахъ у *нихъ*... Вздоръ все!.. Онъ истинный «народникъ» и идетъ плечо въ плечо, сердце въ сердце съ мас-

сой, которая не хочетъ знать никакихъ «измовъ», никакихъ бредней!.. А что скажутъ на это разные «высокоуважаемые», всѣ *эти господа интеллигенты*,—ему наплевать!..

— Ты ренегатъ!...

Она произнесла это тѣмъ же подавленно-спокойнымъ тономъ, такъ же неподвижно, все такая же блѣдная, только на глазахъ ея уже стояли слезы... Его какъ будто ожгло, онъ остановился, увлеченіе, съ которымъ онъ, казалось, говорилъ, точно стремясь все поскорѣе выложить, исчезло, куда-то провалилось... Онъ вспыхнулъ.

— Я твоихъ *убѣжденій* не насилую,—раздражительно отвѣтилъ онъ дрожавшимъ голосомъ, въ которомъ слышались и язвительность и злоба,—можешь оставаться при чемъ тебѣ угодно... Но я прошу, я требую, чтобъ это глупое слово...

— Ты ренегатъ...

Зрачки его блеснули, онъ повернулся и вышелъ.

Въ общемъ онъ все-таки былъ спокоенъ. Свою жену онъ знаетъ хорошо,—тамъ все одни первы, которые, конечно, пристрастны ко всему звонкому, шумному, сверкающему, но на однихъ первахъ далеко не уѣдешь... Первы—не убѣжденіе... Слезы, ахи, даже можетъ быть истерики, но въ концѣ-концовъ свыкнется, смирится, подчинится. *Онъ* всѣ такія, да къ тому же онъ ее уже и выдрессировалъ... Пусть пока носится со своимъ,—въ столицѣ, куда они переѣдутъ, онъ подберетъ особый кругъ знакомыхъ и дѣло будетъ сдѣлано... Эти женщины удивительно подчиняются средѣ!..

Но Хамелеонъ ошибся...

Для его жены наступила агонія ея любви, привязанности и уваженія... Она не плакала, не металась, не упрекала, только блѣднѣла, какъ-то загадочно, сосредоточенно молчала и пряталась отъ всѣхъ... Ее просто-напросто душилъ стыдъ; она боялась встрѣчи съ тѣми, кого уважала... Переѣздъ не измѣнилъ положенія... «Особый кругъ знакомыхъ», встрѣча съ этими *новыми* пріятелями мужа, ихъ шутки, цинизмъ, издѣвательства только ускорили развязку... Разъ, вернувшись поздно изъ своей редакціи, вмѣсто жены онъ засталъ у себя на столѣ только ея коротенькую записку... Въ этой запискѣ стояло: «Я перестала уважать тебя и уѣзжаю къ матери».

Хамелеонъ остолбенѣлъ,—этого онъ не ожидалъ... Чужого «я», чужой души, онъ никогда не зналъ, не видѣлъ, не признавалъ,—онъ допускалъ только нервы,—и потому его огорошило это внезапное неожиданное проявленіе воли... Онъ судилъ по себѣ и его смущало, что все это могло выйти изъ-за какихъ-то «измовъ» и тому подобной ерунды... Неужели?.. Въ первый моментъ послѣ изумленія все это показалось ему тѣми же «нервами» и онъ утѣшалъ себя, что жена сейчасъ вернется, даже не доѣдетъ къ матери... Нервы!.. Но мало-по-малу его охватила щемящая боль и холодное до боли сознаніе одиночества и пустоты... Теряемое становится всегда страшно дорого...

Онъ забросалъ жену письмами, въ которыхъ умолялъ ее вернуться, плакалъ, увѣрялъ въ своей любви, но получилъ холодный отвѣтъ, что порваннаго склеить нельзя...

Тогда въ своемъ «отдѣлѣ» онъ обрушился на *всѣхъ* женщинъ. Бѣшеною пѣной обливалъ онъ ихъ стремленіе

къ образованію, къ труду, къ самостоятельности, площадною бранью отомщалъ всѣмъ за свою личную бѣду... Яду и злобы въ немъ прибавилось еще больше... Онъ не останавливался ни передъ чѣмъ, ни передъ кѣмъ... Не было таланта, не было честнаго имени, которыхъ не облаяло бы его перо, разъ они не стояли въ его *особомъ кругу* обскурантовъ. И онъ добился, что его замѣтили, наконецъ... Нашлись люди, которые готовы были признать его «силой»...

Согласитесь, — такъ ругаться!? Бѣшеная собака, — это такъ,—но ругается интересно!.. Право же!.. Иногда, знаете, интересно! Сильное перо!

Мало-по-малу, однако, горе заглохло... Хамелеонъ успокоился, забылъ и сталъ по-своему счастливъ... Свой «особый кругъ» ему рукоплескалъ, карманы были полны, положеніе вообще окрѣпло,—какъ ни какъ, а все-таки онъ игралъ видную роль... Во всей фигурѣ его сквозила уже самоувѣренность,—онъ сталъ предъявлять претензіи даже на всеобщее вниманіе. Маленькимъ облачкомъ на свѣтломъ горизонтѣ являлась для него только *эта странная* щепетильность, *эта узкая партійность* порядочнаго человѣка, который отъ него сторонился... Какъ это ни странно, но иногда онъ испытывалъ тоску, «свой кругъ» переставалъ его удовлетворять, ему вдругъ начинало хотѣться чего-то... онъ и самъ не могъ бы сказать опредѣленно—чего именно, но во всякомъ случаѣ не того, что подносилъ ему этотъ «свой кругъ»... Такъ, чего-то въ родѣ того, что — «покалякать» по душѣ объ «убѣжденi-

яхъ», что-лп... поужинать вмѣстѣ съ разговорами о какихъ-нибудь задачахъ и грядущемъ, вообще о томъ, о семъ, такъ чтобы и онъ могъ показаться «порядочнымъ» и чтобы, въ концѣ-концовъ, дѣйствительно порядочный человѣкъ на прощанье подалъ ему руку и сказалъ бы ему нѣчто въ родѣ того, что мы расходимся съ вами во взглядахъ, но я уважаю всякое искреннее убѣжденіе!

Но, какъ ни старался Хамелеонъ, къ вящшей злобѣ онъ убѣждался, что дѣйствительно порядочный человѣкъ *слишкомъ щепетиленъ!..*

— Удивительно узкіе люди!

И въ своемъ «отдѣлѣ» онъ пробиралъ «интеллигенцію» за эту узкость, за эту *тиранническую нетерпимость...* Какое счастье, что она не имѣетъ никакого значенія, дайка ей власть!

Но и его положеніе въ концѣ-концовъ оказалось тоже непрочнымъ... Насолили ему конкуренты. Сначала онъ былъ одинъ и это несомнѣнно дѣлало его замѣтнымъ, но затѣмъ, соблазненные ли примѣромъ или уже время было такое плодовитое, только такихъ же какъ онъ появились и другой, и третій, и четвертый. Хамелеонъ сразу стушевался... Къ нему пріобыкли, онъ попріѣлся, а *тѣ* затягивали тѣ же пѣсни новыми тонами, невольно щекотавшими ухо своею новизной и своимъ діапазономъ, заглушая его совсѣмъ. Попробовалъ было Хамелеонъ подладиться къ новымъ голосамъ собратовъ, взять тонами выше и выбраться снова наверхъ хоть крикомъ... но... у него вышло тутъ нѣчто такое ужъ несообразное, что ему просто-напросто дали пинка...

Тогда Хамелеонъ сталъ опускаться съ головокружительною быстротой... Какъ выжатый лимонъ, отдавшій весь свой ароматъ и кислоту, онъ былъ никому и ни на что не нуженъ, а вкусы у него были уже большіе, аппетитъ непомѣренъ и тонокъ, привычки и требованія, сопряженныя съ туго набитымъ кошелькомъ... Онъ жилъ только ими и для нихъ, нужно было, значитъ, браться за все... Очень скоро, такимъ образомъ, Хамелеонъ, что называется, опустился ниже нуля...

Я помню одну чудную лунную ночь. Съ пріятелемъ мы сидѣли на скамейкѣ бульвара и о чемъ-то горячо и громко спорили. Въ самомъ пылу спора пріятель дернулъ меня за рукавъ и сдѣлалъ выразительный жестъ рукою, заставившій меня невольно замолчать и оглянуться. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ я разглядѣлъ таинственную фигуру, повидимому, старательно вслушивавшуюся въ нашъ споръ.

— Это гороховое пальто, — сказалъ пріятель, прежде чѣмъ я успѣлъ попросить у него разъясненія,—это пальто я встрѣтилъ вчера вечеромъ въ ресторанѣ... Онъ подсѣлъ было къ небольшому молодому кружку съ такимъ же любопытствомъ, но... тамъ вылили ему за воротъ бутылку пива.

Таинственная фигура замѣтила наше вниманіе и шопотъ, сдѣлала полуоборотъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, съ невиннымъ видомъ прошмыгнула мимо насъ.

Увы, я узналъ Хамелеона...

Такъ и заглохъ онъ гдѣ-то «въ глуши расцвѣтшій василекъ»...

ПЕССИМИСТКА.

(СТАРАЯ ПѢСНЯ.)

Миловидное румяное личико съ быстро бѣгающими живыми глазками, съ шаловливо вздернутымъ носикомъ, съ густыми прядями золотистыхъ шелковистыхъ волосъ, завитыхъ на лбу и височкахъ... Вся она была—движеніе, грація и та особенная наивность, что̀ такъ идетъ къ румянымъ личикамъ, пока они румяны, — наивность, которую иные строгіе умы готовы признавать пустотою и которая во всякомъ случаѣ не свидѣтельствуетъ ни о способности къ глубокой думѣ, ни о пристрастіи къ знанію. Въ общемъ всею своею фигурой Вертушка напоминала котенка. Офицеры были отъ нея безъ ума, юристы вились за нею толпой, гимназисты старшихъ классовъ получали изъ-за нея двойки...

Въ шестнадцать лѣтъ, правду сказать, она не разбирала, не дѣлала никакихъ различій между офицерами, судейскими чиновниками и гимназистами. Ей было все равно, кто бы ни увивался за нею, кто бы ни былъ ея взды-

хателемъ, лишь бы только онъ былъ налицо. Ей нуженъ былъ только этотъ длинный хвостъ восторгавшихся ею молодыхъ людей, находившихъ прелестнымъ каждое ея слово, каждый жестъ, каждое движеніе, нужна была эта опьяняющая атмосфера лести и поклоненія. И, погружаясь до одури въ эту атмосферу, она беззаботно вертѣла своимъ хвостомъ вздыхателей, какъ бравый командиръ своею ротой.

Вертушка была круглая сирота; ее воспитывала старуха тетка, вдова губернскаго чиновника, сумѣвшаго оставить женѣ и хорошенькій домикъ, и кругленькій капиталецъ. Посѣдѣвшая на стяжаньи «съ задняго крыльца», настоящій извергъ въ молодости для трехъ своихъ бывшихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ, которыхъ она методически изводила съ какою-то тупою жестокостью,—эта злая женщина въ то же время способна была искренно рыдать надъ судьбой героевъ и героинь французскихъ романовъ, которыми зачитывалась до одури. Каждое время имѣетъ свой критерій и тогда этотъ странный, уродливый, глубоко-развратный типъ считался нормальнымъ, какъ и условія, его порождавшія. Даже больше, — вдовѣ пѣли дифирамбы. Улица, всѣ эти «сосѣдки», «кумушки», «приказныя жены» ставили ее даже въ образецъ другимъ, называли «умною бабой», потому что она умѣла работать языкомъ и обдѣлывать свои дѣлишки, считали образцовою хозяйкой, потому что она умѣла обсчитывать даже извозчика, даже собственную кухарку.—Что-жъ изъ того, что рыльце въ пушку,—за то домъ—полная чаша!—это былъ пароль улицы и этимъ прощалось тогда все... Но выше

всего стояла ея слава «образцовой матери», потому что она какъ-то особенно искусно умѣла «сбывать дочерей». Да, да, таковъ былъ тогдашній терминъ! Улица возлагала на мать только «выростить» дочь и затѣмъ «сбыть ее мужу»; ничего другого она знать не хотѣла... И въ этомъ вдова дѣйствительно дошла до виртуозности! Она «ловила жениха», какъ самый искусный рыболовъ ловитъ «подсѣкая» голоднаго, юркаго пискаря. Всякими правдами и неправдами, о которыхъ въ свое время слагались въ городѣ легенды, она «сбыла», «пристроила» цѣлую полдюжину своихъ дѣвъ, не задумываясь, конечно, ни на минуту надъ тѣмъ, что ждетъ ихъ впереди,—лишь бы «сбыть», «пристроить» повыгоднѣе, починовнѣе.

Что за бѣда, если семейная жизнь станетъ адомъ, если супруги разссорятся, будутъ жить вмѣстѣ не любя другъ друга, тяготясь своими узами!.. Все это вздоръ, — лишь бы денежки были, да снаружи все было прилично!.. Какъ бы ни сложилось,—мужъ все-таки обязанъ по закону содержать свою жену, ну, а «счастье» можно найти и безъ мужа!.. Такова была тогдашняя мораль, такъ вѣрила и думала вдова-старуха... И, оставшись одинокою, подъ глубокую старость она принялась за сироту.

Ахъ, какая заботливая мать!..

Такимъ образомъ очень рано еще постигла Вертушка многое такое, чего можетъ быть никогда не сумѣло бы подсказать ей собственное сердечко. Она узнала, что равенство на землѣ есть лишь пустое мечтаніе праздныхъ фантазеровъ. Она узнала, что счастье—это блескъ, роскошь, праздность, что добыть его можно на деньги, а

деньги долженъ доставить мужчина—женихъ, мужъ. Она узнала, что бѣдность—порокъ, что трудъ—униженіе, она узнала, наконецъ, что на землѣ есть только одинъ долгъ: для мужчины—имѣть une position, дающую доходъ; для дѣвушки—сдѣлать une bonne partie. Все остальное предоставлялось «мужикамъ» и «не мужикамъ», но... «этимъ»... «этимъ»... словомъ, всѣмъ тѣмъ, кто не принадлежалъ «къ порядочному кругу». И несмотря на всю свою юную беззаботность, наивность, безразличіе къ тому, кто является вздыхателемъ,—гимназистъ или корнетъ, лишь бы таковой былъ только налицо,—Вертушка очень рано научилась дорожить вниманіемъ предсѣдателей, отставныхъ генераловъ съ ногами и безъ оныхъ—безразлично, губернаторши и прочихъ столповъ губернской аристократіи. Если предводительша m-me Эссбукетова удостоивала ее прокатить въ своей коляскѣ «на шинахъ» по улицамъ города, какъ бы пріобщая такимъ образомъ это дитя parvenu къ мѣстной haute société, у Вертушки отъ счастья спирало въ зобу дыханье. А разъ, когда мѣстный богачъ фонъ-Пимперле, беззубый, слюнявый старикъ, громко восторгался ею въ клубѣ, слюнявя и шамкая: — Э... э... да это... э... э... прелакомая... э... дѣвчонка... э... э...—и приведенная этимъ въ восторгъ ея тетка бросилась къ ней на шею съ словами:—Ты слышала, ma belle, ты слышала?!. Онъ можетъ быть сдѣлаетъ тебѣ предложеніе?! Ахъ, какое счастье!—у Вертушки закружилась голова и подкосились ноги. Пылкая фантазія быстро нарисовала ей заманчивую перспективу обладанія милліономъ, рысаками, ливрейными лакеями, — всѣмъ тѣмъ, что она съ голоса

тетки такъ мило-наивно называла своими «идеалами»,— и положенія первой дамы въ городѣ... Она, конечно, не задумавшись произнесла бы роковое «да», если бы фонъ-Пимперле не ограничился однимъ этимъ восклицаніемъ, а пошелъ бы дальше,—произнесла бы совсѣмъ не понимая, что это прямая продажа себя.— Помилуйте, всегда нужно выбирать себѣ богатаго мужа,—такъ всѣ дѣлаютъ! Съ дѣтства уже слышала Вертушка, что міръ устроенъ Богомъ такъ, что однимъ предназначено только беззаботно порхать, а другимъ—вѣчно корпѣть съ иглою за работой для порханія первыхъ... И, естественно, она желала только порхать, порхать и порхать!..

— Назначеніе женщины—только сверкать и чаровать!— мило выдвигая нижнюю губочку, повторяла она «своему кругу», своимъ «бальнымъ людямъ» заученныя слова тетки.

— Конечно, конечно!—вторили ей восторженные поклонники.—Конечно! Не на курсы же въ самомъ дѣлѣ!

Вертушка приходила въ ужасъ.

— Курсы, — фи! Ma tante говоритъ, что туда идутъ одни дурнушки! Это скучно и неприлично... Нѣтъ, я хочу чаровать!

И смѣло смотря наивнымъ взглядомъ въ глаза своихъ поклонниковъ, она сама заливалась съ ними серебрянымъ смѣхомъ, которымъ положительно сводила съ ума.

Что за прелесть! Какъ она мило наивна!

Была ли она добра, умна, нравственна, она никогда не отдавала себѣ отчета, никогда не задумывалась надъ этимъ... Вотъ, есть надъ чѣмъ ломать голову! Она знала, что она нравится, что ею восхищаются, а этого съ нея было до-

вольно. Чего же еще, когда ей и такъ завидуютъ всѣ сверстницы, когда ее окружаетъ толпа, генералъ всегда наводитъ на нее свой лорнетъ, фонъ-Пимперле слюнявитъ, а сама губернаторша называетъ ее «ma belle?!» Правда, какіе-то умники и эти странныя ученыя дѣвицы, не умѣющія ни сѣсть, ни поклониться какъ слѣдуетъ, говорятъ о какихъ-то «назначеніи женщины», о долгѣ, обязанностяхъ и прочихъ страшныхъ вещахъ... Но тетка давно уже научила ее, что все это вздоръ, вздоръ и вздоръ!.. Обязанности, назначеніе, долгъ! — вотъ еще!—не скажутъ ли онѣ еще, что она должна работать, какъ швея, какъ прачка, когда она совсѣмъ не умѣетъ держать въ рукахъ иглу? Нѣтъ, ея назначеніе порхать, блистать и прельщать! Для всѣхъ этихъ долговъ, обязанностей, работъ есть другія, есть курсистки, есть швеи, прачки и т. д. А она,—она совсѣмъ другое дѣло!

— Ну, а если вы полюбите бѣднаго?—спросили разъ Вертушку.

— Я полюблю?!—искренно удивилась Вертушка,—я?!— И она залилась своимъ серебрянымъ смѣхомъ.—Я никогда не полюблю! Ma tante говоритъ, что любовь—это глупость!

— Но, вѣдь, не отказываетесь же вы отъ замужства?

— О, это совсѣмъ другое дѣло! Замужъ я выйду только за того, кто дастъ мнѣ блескъ и роскошь. Иначе,— ma tante мнѣ не позволитъ... Мужъ долженъ имѣть средства, чтобы содержать какъ слѣдуетъ жену!..

И она смѣялась при этомъ своимъ серебрянымъ смѣхомъ и смотрѣла прямо въ упоръ своимъ наивнымъ взглядомъ. И сила этого серебрянаго смѣха и наивнаго взгля-

да была такова, что эти слова, непростительныя, можетъ быть, въ устахъ всякой другой, сказанныя Вертушкой, еще больше плѣняли ея громадный «хвостъ».

— Что за прелесть! Какъ она мило наивна!

И ни одинъ голосъ, ни одни уста—ни пылко влюбленнаго юноши, ни убѣленнаго сѣдинами тонкаго цѣнителя красоты—не говорили ей ничего другого. Нѣтъ, никогда! Тетка то и дѣло придумывала только новые рюшики, пикантные «вырѣзы», накладки и подкладки для ея побѣдъ и чарованья, да тонко комбинировала всевозможные «утреннія кофе», «вечернія катанья», выѣзды, балы и пикники. Чары этого молодого, роскошнаго тѣла, наивнаго взгляда, серебрянаго смѣха совсѣмъ, казалось, притупляли въ людяхъ умъ, совѣсть, мысль, пробуждая лишь фривольность и особенное, острое ощущеніе восхищенія, овладѣвшее, какъ извѣстно нѣкогда ареопагомъ, судившимъ Фрину. Восторги—и больше ничего!.. И точно золотая рыбка, беззаботно сверкающая своею миніатюрно-красивою чешуей въ искусственномъ бассейнѣ аквaріума, весело плескалась Вертушка въ волнахъ этого омута восторговъ, въ который ни одинъ ея поклонникъ, строго подумавъ, не пустилъ бы, конечно, ни дочь, ни сестру.

Впрочемъ, былъ одинъ человѣкъ, который ее безумно любилъ, не поклонялся, не восхищался, а дѣйствительно любилъ, и который говорилъ ей другое. Это былъ молодой врачъ, ушедшій въ «деревню» ради дѣла, «пользы», ушедшій туда «за правдой», которую онъ отчаялся найти въ городахъ. Искренній, честный, правдивый и вмѣстѣ съ тѣмъ немного неотесанный, грубоватый на видъ, никогда

не знавшій женскаго общества, Кожинъ полюбилъ ее съ первой случайной встрѣчи.

Это была его первая любовь, первая страсть, и онъ заплатилъ за нее заиоемъ. Его подкупалъ этотъ наивный взглядъ беззаботности, веселья, за которыми близорукая страсть видѣла здоровую, сильную натуру, пропасть непочатыхъ здоровыхъ силъ, а это «верченье», это пристрастіе къ блеску, роскоши, порханью объясняла тлетворнымъ дыханіемъ окружающей среды. Онъ любилъ свой фантомъ, облеченный въ прелестныя Вертушкины формы, какъ древній эллинъ—чудныя созданія своего воображаемаго Олимпа, и любовь его разжигалась еще сожалѣніемъ къ этому прелестному ребенку, котораго нужно было спасти, вырвать изъ тлетворной среды, въ чемъ онъ чуялъ свой долгъ, свое призваніе. И страстно, безумно любя онъ говорилъ ей своими честными устами смѣлую правду, онъ звалъ ее къ дѣлу, труду, мысли, къ людямъ, онъ старался вдохнуть въ нее изъ собственнаго сердца отвращеніе къ тому, что̀ ее окружало. Задыхаясь, чуть не плача, онъ говорилъ ей, что въ ней не уважаютъ человѣка, а видятъ одну игрушку и забаву, пытался открыть ей глаза, какъ обидно въ сущности возбуждаемое ею поклоненіе. И, странное дѣло, было ли то отраженное вліяніе беззавѣтно горячей любви, или дѣйствіе присущей каждому человѣческому сердцу Божьей искры, — только вѣчно веселая Вертушка блѣдиѣла на такія рѣчи и на моментъ задумывалась и становилась грустна. Она даже разрыдалась вмѣстѣ съ нимъ, когда на его горячія признанія въ любви отвѣтила отказомъ, отчего у Кожина

брызнули изъ глазъ слезы. Она бросилась къ нему на шею и, плача, говорила ему: «Я васъ люблю, но не такъ!.. не такъ!.. Мы не пара!..» И когда тотъ, задыхаясь, ломая руки, съ болѣзненнымъ стономъ вырвалъ изъ груди своей крикъ: «Почему?»—она, все такъ же плача, говорила ему съ грустью: «Я васъ не стóю... Нѣтъ! Я не могу жить безъ всего этого! Не могу,—я уже привыкла... Но я васъ уважаю!..»

Прошли года и унесли съ собою безвозвратно многое. Унесли они и яркій румянецъ Вертушки, лучистый блескъ ея наивнаго взгляда, красоту ея расплывшейся теперь таліи, грацію и подвижность котенка. Богатый фонъ-Пимперле почилъ давно, такъ и не сдѣлавъ «рѣшительно шага». На этотъ разъ искусница-вдова дала промахъ и, несмотря ни на что, жирный пискарь не поймался... Время ли подошло ужъ такое, «оскудѣніе» ли было причиной, — кто его знаетъ, но въ «избранномъ кругу», по ея выраженію, «женихъ клевалъ плохо»; безприданница-Вертушка осталась ни съ чѣмъ... Генералъ, прихрамывавшій еще сильнѣе, вскинувъ случайно на нее свой лорнетъ, быстро отводилъ его теперь въ сторону, бормоча съ недовольною гримасой: «А, это она!» Дѣвицы-невѣсты не завидовали, а только иронически перешептывались при встрѣчѣ; «хвостъ» безслѣдно исчезъ. Вертушка перестала быть «вертушкой» и мало-по-малу, но неудержимо, превращалась въ «перезрѣлую дѣву».

Произошло все это какъ-то незамѣтно, шагъ за шагомъ Нока она порхала и кружилась въ вальсахъ, завидовав-

шія ей сверстницы, менѣе восхищавшія, не имѣвшія «хвостовъ», некрасивыя, но обладавшія приданымъ, котораго не было у Вертушки, одна за другой незамѣтно выходили замужъ. За порханіемъ и восхищеніемъ Вертушка и не оглянулась, какъ вокругъ нея вдругъ, совсѣмъ какъ-то невзначай, выросло новое поколѣніе «невѣстъ», вчера еще, казалось, подростковъ... Затѣмъ сталъ рѣдѣть ея «хвостъ», звенья котораго бряцали уже вокругъ новаго поколѣнія, затѣмъ начало слабѣть восхищеніе; ее стали какъ бы забывать; затѣмъ какъ-то обидно-осторожно стали говорить при ней о годахъ, а затѣмъ... и пошло, и пошло, и пошло...

Ея веселость исчезла... Когда она впервые оглядѣлась, поняла, ее охватилъ испугъ отъ сознанія какой-то странной, но бездонной пустоты, въ которой она, вдругъ, очутилась, а затѣмъ боль... Эта боль перешла во что-то похожее на безысходную грусть, отъ которой ей часто приходилось плакать. На поблекшемъ личикѣ, у губокъ «сердечкомъ» легла какая-то грустная складка-морщинка, придававшая ей тоскливо-грустное, болѣзненное выраженіе, дѣлавшая самую улыбку печальной... Она захандрила... Но хандрить и тосковать ей пришлось недолго... Постоянная измѣна поклонниковъ, успѣхи другихъ, взгляды мужчинъ, въ которыхъ ей чуялись теперь то ироническое сожалѣніе, то обидная холодность, выводили ее изъ себя.

Внутри начинало что-то клокотать и Вертушка стала сердиться. Все ее сердило, все выводило изъ себя; но она крѣпилась и пока только молча кусала губы...

Но крѣпиться долго было не подъ силу... Время шло,

Вертушка старѣла, измѣна успѣвалась, успѣхи другихъ были не выносимы, слѣпые мужчины не прозрѣвали и, главное, всѣ замѣтили, что она сердится. Этого еще недоставало!.. Внутри заклокотало еще сильнѣе, и она почувствовала приливъ глубокой обиды, вызвавшей на глаза ея какія-то холодныя слезы. Все ее уже не только сердило, но и раздражало и обижало. Вездѣ ей чудились обидный шопотъ, ироническіе взгляды, насмѣшки; все, что ни случалось, дѣлалось, казалось, только ей на зло, съ исключительною цѣлью ей досадить и раздражить. Весь міръ, казалось, былъ противъ нея, и Вертушка стала до нельзя обидчива и щекотлива.

Но то, что клокотало у нея внутри, было для нея еще неясно, еще не принимало строго опредѣленной формы. Оно еще назрѣвало и накипало. Это не была зависть, а нѣчто болѣе глубокое и сильное чѣмъ зависть, чѣмъ обида. Завидовала Вертушка уже давно, сначала незамѣтно, потомъ все сильнѣе и замѣтнѣе для другихъ. Завидовала она еще съ тѣхъ поръ, какъ стала сердиться. Эта зависть вмѣстѣ съ развившеюся обидчивостью дѣлали ее смѣшною,—люди вообще склонны подсмѣяться надъ слабостью,—подавали поводъ къ разнаго рода шуткамъ, насмѣшкамъ и сплетнямъ, которыя, какъ извѣстно, доходятъ до ушей человѣка сотнями путей. Вертушка не могла уже только кусать губы и обижаться. Сначала она попробовала отдѣлаться равнодушіемъ, холоднымъ презрѣніемъ, но сейчасъ же не выдержала. Клокотавшее внутри не давало ей покоя. Она зашипѣла, стала язвительной, стала пускать шпильки. Это ее выдало съ головой. Она

замѣтила сразу, но удержаться не могла, разсердилась еще больше, зашипѣла сильнѣе... На бѣду шпильки ея были очень тупы, а тѣ, которыми ей отплачивали,—неизмѣримо острѣе и больнѣе... Ей отплачивали сторицей, зло, жестоко, какъ вообще отплачиваютъ тому, кто слабѣе. Но Вертушка не унималась и ее дѣйствительно стали преслѣдовать. Казалось, люди вымещали теперь на ней былые восторги и поклоненіе.

Тогда клокотавшее въ ея раздраженной душѣ, назрѣвавшее, накипавшее, неясное, несознанное—стало выясняться, принимать обликъ. Съ каждымъ днемъ оно становилось яснѣе, отчетливѣе и ощутительнѣе. Оно душило ее и само вырывалось наружу. Это была злоба, лютая, холодная злоба на все, на весь міръ. Вертушка въ озлобленіи истребила всѣ сувениры, всѣ альбомы съ рюмованными восторгами былыхъ поклонниковъ. Она взяла себѣ приблудную кошку, длинную, сухую, сердитую, которая вѣчно спала свернувшись клубкомъ и не имѣла никакихъ связей «съ міромъ», и заперлась самъ-другъ съ теткой.

Въ своемъ одиночествѣ, самъ-на-самъ со старухою, и въ преклонной старости бредившей одними романами, она могла свободно предаться озлобленію, душившей ее завистн и презрѣнію къ «подлымъ» мужчинамъ, ихъ слѣпотѣ, къ «этимъ накрахмаленнымъ кукламъ, воображающимъ себя красивыми», ко всему, что такъ сильно ей досадило, чего она бѣжала. Вертушка пожелтѣла, подъ глазами легли синіе круги, она высохла, а нѣкогда веселое личико приняло какое-то угрюмо-недовольное, брюз-

жащее выраженіе. Она видѣла, какъ она дуриѣетъ не по днямъ, а по часамъ, поняла, что для нея «все кончено», что она уже даже не «перезрѣлая», а прямо-таки «старая дѣва» безъ всякой надежды на что-нибудь, и въ озлобленную душу мало-по-малу, крадучись тихими, незамѣтными шагами хищной кошки, стало вползать холодное, безысходное отчаяніе. Но жить однимъ этимъ отчаяніемъ, одною злобой было нельзя. Чѣмъ же было ей жить? Романами, какъ тетка, она не могла, и ждать эфемернаго рыцаря-избавителя, который, оцѣнивъ ее какъ слѣдовало, на зло всѣмъ вывелъ бы изъ заточенія, она тоже не могла,—она была слишкомъ трезва для этого... Уйти въ себя? Но тамъ была только одна злоба, обида, одно больное, холодное отчаяніе и зависть.

За ея стѣнами разстилался Божій міръ, но въ этомъ мірѣ она знала только уголокъ паркета, уголокъ «порханья», уголокъ счастливаго, сытаго ферлакурства, праздноболтанья и вальса,—то, чего она бѣжала, что́ ненавидѣла, чему завидовала и къ чему въ то же время тяготѣла. Правда, за этимъ уголкомъ разстилался другой міръ, необъятный міръ людей, міръ борьбы, трудовой жизни, идеаловъ, цѣлей, но его она совсѣмъ не знала и потому боялась. Это общій психологическій законъ; къ тому же «уголокъ», въ которомъ она провальсировала свои молодые годы, воспиталъ въ ней пренебреженіе и предубѣжденіе къ этому міру. Чѣмъ же было жить, что у нея было? Отечество?!—Ахъ, это, кажется, то, за что офицеры должны сражаться, чтобы получать кресты!—только она и знала.., Родина?!—Для Вертушки это былъ только скуч-

ный губернскій городъ съ насолившими ей кавалерами и дѣвицами... Народъ?!—Фи, это глупые и грубые мужики! Бѣдные, голодные, темные?—Да они жалки, имъ можно дать денегъ, но они такъ противны, такъ грязны, что... что...

Вертушка знала только это... Чѣмъ же было ей теперь жить, что дѣлать, куда дѣвать себя?

Къ горлу ея подступила лютая всепоглощающая тоска, въ которой растворились и злоба, и отчаяніе, и зависть... Этотъ растворъ былъ неисцѣлимою отравой, который въ конецъ разбилъ ея больные нервы. Вертушка рыдала по цѣлымъ днямъ, металась безъ сна, галлюцинировала, у нея появились истеричные припадки. Врачи давали ей бромъ, лавровишневыя капли, рецептъ смѣняли рецептомъ и все настаивали на развлеченіи. Но гдѣ же и въ чемъ было найти ей это развлеченіе?

Тогда къ больной, истомленной душѣ подошла мстящая за себя, за свое поруганіе природа. Властнымъ голосомъ заговорила она Вертушкѣ о любви, ласкѣ, семьѣ, о счастьи, обо всемъ, что заглушалось для нея до сихъ поръ звуками вальса. Неумолимая, она осыпала ее тяжкими укорами, заставила завидовать даже птицѣ, даже кошкѣ, которая сладко мурлыкала, прикрывъ собою своихъ котятъ, и немолчно жестокимъ голосомъ подчеркивала ей это ужасное: одна, одна, одна... Да, одна, и кругомъ никакой связи ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ! Ни одной капли любви, ни одной, самой крошечной ласки, хотя бы такой, что́ выпадаетъ подчасъ и на долю цѣпного барбоса! И лютая зависть ея къ цѣлому міру, къ каждой птицѣ, къ каждой былинкѣ на землѣ за ихъ счастье, ко-

тораго не было у нея, смѣнилась жгучею ненавистью... Весь міръ, казалось, былъ виноватъ предъ нею въ ея несчастьи; она возненавидѣла все, даже себя. И, полная ненависти, полная отвращенія ко всему, съ глубокою тоской въ душѣ, охваченная бездоннымъ отчаяніемъ, Вертушка рѣшила, что *жизнь есть зло*, и застыла въ этомъ рѣшеніи.

Еще бы! развѣ она знала, бѣдная, что такое *жизнь*?..

Она забросила лекарства, перестала лечиться, заботиться о здоровьи, потому что «не стопло». Когда она встрѣчала гробъ и похоронное шествіе, у нея вполнѣ искренно срывались слова: «какой счастливецъ!» Будь она набожна, она ушла бы въ монастырь, а теперь она завидовала смерти.

Разъ, въ одинъ изъ осеннихъ вечеровъ, вообще такъ располагающихъ къ меланхоліи, когда Вертушка угрюмо сумерничала въ своей обычной неподвижной позѣ у окна въ креслѣ и машинально перелистывала надоѣвшую книгу, она наткнулась на заложенное между листовъ старое порыжѣвшее письмо. У нея вдругъ ёкнуло сердце, точно отъ какого-то злого предчувствія. Она развернула письмо и заволновалась еще сильнѣе. Это было послѣднее письмо Кожина, въ которомъ онъ страстно заклиналъ ее подумать еще разъ, говорилъ о своей любви, о долгѣ каждаго человѣка предъ людьми и правдиво бичевалъ среду, которую называлъ тлетворной.

Грудь Вертушки заволновалась. Тамъ вновь что-то закопошилось, зашевелилось, вставало вмѣстѣ съ картинами, что́ проносились въ ея проснувшейся головѣ одна за дру-

гою. Все, все вспомнила Вертушка: и страстную любовь, которую она отвергла въ погонѣ за блескомъ, и жгучія мольбы, и призывы къ другой, невѣдомой жизни, и возможность счастья. Грудь ея заволновалась сильнѣе и копошившееся въ ней надвигалось все неудержимѣе. Только это не было уже злобою, отчаяніемъ и завистью. Нѣтъ, это была какая-то тихая, сладкая грусть, какая-то больная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и теплая, какъ будто желанная скорбь. И къ ея давно ужъ сухимъ глазамъ подступили вдругъ слезы.

Вертушка рыдала истерически, слезы катились ручьями. Но, странное чудо, это были не холодныя, не злыя слезы. Онѣ были теплы, какъ и само настроеніе, ихъ породившее, какъ и та тихая, сладкая грусть. Вертушка оплакивала себя, свою разбитую жизнь, оплакивала Кожина, все, все оплакивала и, можетъ быть, даже свое страшное рѣшеніе, что жизнь—зло! И чѣмъ больше она плакала, тѣмъ мягче дѣлалось ей на душѣ, тѣмъ сладостнѣе становились теплота и нѣга охватившей ее грусти.

Кошка, мурлыча, вскочила къ ней на колѣни, и Вертушка очнулась. Съ ужасомъ окинула она мракъ своей одинокой комнаты, напомнившей ей сразу о жестокой, холодной дѣйствительности, гдѣ не было мѣста ни этимъ теплымъ слезамъ, ни этой сладкой грусти... Неужели вернуться опять ко всему этому, къ этимъ ужаснымъ сѣрымъ днямъ, къ этому мертвому оцѣпенѣнію?! О, ни за что! Ни за что!.. Глубокое отвращеніе, похожее на омерзеніе, потрясло ее всю... Какъ она не догадалась раньше, что *жить не стоитъ*?!

Ее била лихорадка, зубы ея стучали. Глаза горѣли сухимъ, неподвижнымъ блескомъ. Лихорадочнымъ движеніемъ накинула она себѣ на плечи платокъ и машинально, точно повинуясь кому-то или чему-то, вышла въ сѣни. Тамъ стояли уголья и она торопливо набрала ихъ въ подолъ.

Такъ же машинально, съ тѣмъ же блескомъ глазъ, съ тою же дрожью во всемъ тѣлѣ она принесла жаровню, зажгла и раздула эти уголья. Затѣмъ сѣла къ столу, взяла карандашъ и бумагу. Она хотѣла что́-то писать, но не могла, потому что ни о чемъ не думала, какъ будто ничего не понимала и въ головѣ, казалось, не было ни одной мысли. А, можетъ быть, тамъ было ихъ такъ много, онѣ текли такъ быстро, цѣпляясь другъ за друга, что образовали цѣлый хаосъ, въ которомъ нельзя было разобраться... Вертушка склонилась на руки, но опять-таки, казалось, ни о чемъ не думала... Ее трясла лихорадка и зубы все продолжали стучать и стучать... Она ни о чемъ не жалѣла, ни о чемъ не плакала и, казалось, забыла все...

Вдругъ ей почудилось, что у нея болѣзненно забилось сердце и какъ будто закружилась голова... Она подняла голову и немного мутными глазами различила лежавшую бумагу и карандашъ въ рукѣ... Тутъ она вспомнила, что хотѣла писать, что ей непремѣнно, непремѣнно нужно написать что-то, но она никакъ не могла припомнить или догадаться, что́ именно... Голова ея дѣйствительно кружилась и дрожь прохватывала попрежнему, мѣшая думать и припомнить. Она сжала зубы, но и это не помогло... Тогда она стала напрягать голову, дѣлать страшныя уси-

лія, отчего у нея вдругъ все закружилось... И тутъ только она замѣтила, что ея рука, державшая карандашъ, сама собою пишетъ ужъ то самое, что было ей такъ нужно...

. . . . . .

На другой день Вертушку за ея столомъ нашли мертвой. Правая рука ея судорожно сжимала карандашъ... На бѣломъ листѣ бумаги какимъ-то страннымъ почеркомъ были написаны всего три слова: *Жить не стоитъ.* Но письмо Кожина, которое она прикрыла лицомъ, упавшимъ на руку, носило слѣды обильныхъ слезъ...

ХОЛЕРА.

(КАРТИНКА).

Въ жаркое лѣто скверная гостья подкрадывалась къ намъ неслышною, но быстрою и твердою поступью хищной кошки. Паника росла съ каждымъ днемъ, хотя въ ближайшихъ окрестностяхъ не было еще ни одного холернаго случая. Всевозможные слухи, одинъ тревожнѣе другого, съ быстротою молніи облетали городъ. Всѣ трепетали, обзаводились разными рекламированными лекарствами и, все больше теряя голову, говорили и думали объ одной холерѣ. Такая тревога сдѣлала почти всѣхъ больными; нервы расшатались, лица вытянулись и поблѣднѣли, бодрость исчезла, а злоупотребленіе лекарствами и всякаго рода предохранительными каплями, — обычное слѣдствіе трусости, весьма многимъ причинило большія бѣды. Въ паникѣ, теряя голову, люди пересаливали, чему, конечно, много способствовало грубѣйшее невѣжество, и, такимъ образомъ, вмѣсто пользы выходилъ прямой вредъ. Предводитель, напримѣръ, который даже въ горячій супъ вли-

валъ по столовой ложкѣ какого-то патентованнаго отъ холеры лекарства, довелъ себя своими «предосторожностями» до серьезной болѣзни, а банкира Зельмана пришлось спасать отъ самоотравленія опіумомъ. Почему-то укоренился страшный взглядъ, что холера «боится» вина, и всевозможныя «желудочныя», «травники», коньякъ и ромъ стали общимъ напиткомъ... Отъ каждаго разило кабакомъ; напаивали даже дамъ и дѣтей въ убѣжденіи, что это «полезно»... Инспекторъ врачебной управы, старикъ съ бургундскимъ носомъ, не терпѣвшій ни молодыхъ врачей, ни слова «гигіэна», то и дѣло говорилъ каждому:

— Налейте, сударь, этакъ, знаете, полстаканчика хорррошаго коньячку-съ, да подлейте шельмеца ромчику крѣпкаго рюмочку-другую, да винца краснаго-съ... да корички-съ, да перчику-съ... хватите этакимъ манеромъ, молодцомъ-съ, однимъ духомъ-съ и, вѣрьте слову, всякая-съ холера выскочитъ... Духу одного, дура, испугается... Право-съ!.. Что бы тамъ наши новаторы ни твердили-съ!.. Лучшая борьба-съ!

Ну, и «хватали», ловко «хватали»,—однимъ духомъ... Отъ каждаго разило такою «борьбой»...

Въ салонѣ Марьи Львовны тоже не стало обычнаго веселья... Сначала она собралась было бѣжать за границу, но такъ какъ долги за прошлую прогулку въ Парижъ не были еще уплачены и пшеница на корню принадлежала уже кредиторамъ, а скуповатый супругъ на новый заемъ не подавался, то побѣгъ пришлось оставить. Мелькнувшая было мысль о поѣздкѣ въ родовое имѣніе тоже оказалась неосуществимой. Тамъ, въ давно нежиломъ, запу-

щенномъ домѣ протекала крыша, прогнили полы, не хватало дверей и оконъ, не было по близости ни врача, ни аптеки, а мужики жили въ самыхъ анти-гигіэническихъ условіяхъ, что, конечно, пугало теперь. Волей-неволей пришлось остаться въ городѣ, но Марья Львовна забыла свои пикники, рауты, суаре, на которыхъ такъ обольстительно сверкалъ бѣлый мраморъ ея чарующихъ плечъ, перерядилась въ грустное черное платье и съ томно удрученнымъ видомъ, который такъ шелъ къ ея граціозной фигурѣ «blonde melancolique», то и дѣло возвращалась изъ аптеки съ цѣлыми ворохами все новыхъ «предохраненій» и патентованныхъ средствъ. Въ роскошной розовой гостиной вмѣсто амбры несло теперь карболкой, на шифоньеркѣ красовались пузырьки съ каплями, прелестная этажерка розоваго дерева съ перламутромъ сплошь была занята фланелью и французскими горчичниками, а на столѣ, гдѣ до сихъ поръ красовались одни англійскіе кипсэки, торчали теперь вульгарныя бутылки съ «Бордо» и уксусомъ «ста разбойниковъ». Доктора Хламова потѣшало все это до того, что онъ, по обыкновенію, хохоталъ не стѣсняясь...

Былъ вечеръ, одинъ изъ тѣхъ прелестныхъ вечеровъ, какіе только и бываютъ въ концѣ мая на благословенномъ югѣ. Въ открытыя окна и двери балкона несло изъ сада жасминомъ, резедой и бѣлою акаціей, чудный запахъ которой, какъ увѣряютъ, увеличиваетъ блескъ и яркость зрачка. Невидное солнце бросало на зелень, стѣны и лица розоватыя тѣни, въ которыхъ все дышало такимъ мирнымъ счастьемъ, что даже грустно-черное платье Марьи Львовны потеряло свою суровость... Она только-что пріі-

ѣхала съ новыми тревожными слухами и съ новымъ запасомъ «предохраненій» въ баночкахъ, пузырькахъ и коробочкахъ, которые разставляла теперь въ симметрическомъ порядкѣ...

— Вотъ эопръ,—это говорятъ, хорошо отъ тошноты... Вотъ жидкость для куренья, — она истребляетъ заразу... Это... это?.. Ахъ, это ядъ!—нужно подальше...

Докторъ хохоталъ.

— Ну, Марья Львовна, у васъ теперь цѣлая непобѣдимая армада... Холера, поди, и носа не просунетъ...

Разстроенная слухами, встревоженная Марья Львовна чуть-было не разсердилась...

— Вы все смѣетесь, все отрицаете... Зачѣмъ же вы и врачъ, если не вѣрите въ медицину!..

— Въ медицину я вѣрю,—смѣясь возражалъ Хламовъ,—потому-то и не совѣтую разстраивать себѣ здоровье зря разными ненужными микстурами и каплями и портить чистый воздухъ куреньями...

— Что-жъ, по вашей гигіэнѣ и предосторожностей не слѣдуетъ принимать?!

— Напротивъ, Марья Львовна, слѣдуетъ... И если бы слѣдовали гигіэнѣ и принимали предосторожности, то и эпидемій не было бы. Ну, а теперь, повѣрьте, бодрость, чистота и правильная жизнь важнѣе всего!..

— Ахъ, вы все свое...

— Ну, да, я все свое!..—говорилъ докторъ. Эпидемія—прямое возмездіе за наше невѣжество, за нашу вѣковую грязь и косность... Если бы голосъ науки имѣлъ вліяніе на складъ жизни, если бы голоса лучшихъ людей...

— Ну, ну, ну! — перебила кокетливо Марья Львовна. Въ столовую, въ столовую!.. Тамъ уже чай и насъ ждутъ...

Но упрямый Хламовъ все-таки договорилъ по дорогѣ.

— Мы не знали бы эпидемій, повѣрьте!

Въ этотъ чудный вечеръ даже смѣялись въ столовой, какъ бы позабывъ на мигъ тревожные слухи. Графиня мило разсказывала подробности новѣйшаго фасона накидокъ,—«два банта, mesdames, два банта,—одинъ спереди, другой сзади!», банкиръ что-то шепелявилъ о государственной пользѣ, адъютантъ закатывалъ глаза, а предводитель, по обыкновенію, распинался за основы... Всѣхъ пріободрило какъ-то присутствіе веселаго, смѣлаго доктора, тревога какъ будто исчезла... Но все-таки, когда къ чаю подали блюдо роскошной спѣлой клубники, ни одна рука не протянулась къ ней и лакомка-предводитель метнулъ въ нее только грустно алчнымъ, всепожирающимъ взглядомъ.

— Увы!—вздохнулъ онъ полною грудью.

Хламовъ опять разсмѣялся.

— Клубники испугались!? Это, пожалуй, почище будетъ, чѣмъ дуть, господа, на воду... Право! Десятки лѣтъ жили среди невозможнѣйшихъ условій, ничего не боясь, не тревожась, что здоровье и силы подтачиваются въ корнѣ, а теперь, вонъ, невинной ягодки пугаются... Эхъ, господа, господа, сами же мы подготовляли себѣ эпидеміи, пора бы, кажется, съ мыслью о нихъ освоиться...

Предводитель поднялъ брови и поглядѣлъ испытующе.

— Это въ какомъ смыслѣ, позвольте узнать?..

— А въ такомъ! — невозмутимо продолжалъ Хламовъ,

насыпая себѣ въ тарелку клубники. — Когда голодныхъ бѣдняковъ на свѣтѣ становится слишкомъ много, тогда неминуемо является геній смерти съ мечомъ, который называется эпидеміей, и расчищаетъ слишкомъ густые ряды...

— Это невѣрно,—живо подхватила графиня,—болѣзнь не разбираетъ. Она поражаетъ не однихъ бѣдняковъ...

Хламовъ невольно разсмѣялся...

— Это потому, графиня, что болѣзнь справедливѣе, чѣмъ люди...

Самолюбивая графиня обидѣлась, вспыхнула и слегка съязвила:

— Знаете, если бы я не знала, какъ вы добры, я подумала бы, что вы радуетесь эпидеміи...

Хламовъ пересталъ улыбаться и чуть-чуть шевельнулъ бровями.

— И ошиблись бы, графиня!—подхватилъ онъ съ легкою иронією, слегка звучавшею въ тонѣ.—Я, какъ и вы, считаю ее зломъ, но зломъ не личнымъ, а зломъ для *всѣхъ*... И знаете, что я еще скажу вамъ? Это зло, какъ и все почти, имѣетъ и свою оборотную сторону...

— Хорошую?

— Да...

— Какую же?—спросили всѣ хоромъ. Марья Львовна, которая не устояла и, соблазненная примѣромъ доктора, ѣла клубнику, но по ягодкѣ, доставая ее съ блюда золотою шпилькой, въ увѣренности, что такъ, пожалуй, безопаснѣе,—отъ удивленія отложила даже шпильку въ сторону.

— Въ чемъ же это хорошее?

— А въ томъ это хорошее,—нѣсколько сурово гово-

рилъ уже Хламовъ,—что люди становятся лучше... Они дѣлаются менѣе черствы и поневолѣ заботятся о ближнихъ... Вотъ вы, графиня, пожертвовали тысячу рублей на устройство въ городѣ столовой для бѣдныхъ, чтобы ослабить силу эпидеміи, и сами завѣдуете хозяйствомъ... Марья Львовна озаботилась положеніемъ жильцовъ подвальнаго этажа своего дома и, боясь заразы, снабдила ихъ необходимымъ. Она отказалась даже отъ полученія квартирныхъ денегъ съ тѣмъ, чтобы плата шла на улучшеніе пищи. Жилье бѣднаго сапожника теперь дезинфицировано, устроенъ кубъ для кипятку, а у дѣтей есть молоко и булка... Видите, сколько добрыхъ дѣлъ сдѣлала холера... То-то, чай, радуется Соня...

При послѣднихъ словахъ Марья Львовна, задѣтая и готовившаяся отплатить доктору хорошею солью, тревожно оглянулась, ища глазами дочь. Дѣвочка сидѣла въ углу и на блѣдномъ личикѣ ея ярко сверкала пара большихъ, добрыхъ глазъ, которыми она, казалось, тоже, какъ и слухомъ, жадно слѣдила за каждымъ словомъ своего друга—доктора.

Докторъ тоже повелъ глазами за Марьей Львовной.

— Соня, вы рады за своихъ друзей?—спросилъ онъ, разглядѣвъ ее въ сумракѣ.—Рады, что имъ такъ хорошо помогла эта добрая холера? а?

Рада ли она за этихъ бѣдныхъ Костю и Варю, дѣтей сапожника,—ея запретныхъ друзей!—конечно рада, всѣмъ своимъ дѣтскимъ сердцемъ рада... Объ этомъ ясно говорятъ и легкій румянецъ ея щекъ, и блескъ добрыхъ кроткихъ глазъ, съ какимъ она произнесла свое застѣнчивое «да».

— Ну, и иди отсюда! — тревожно заспѣшила Марья Львовна. Къ фрейлейнъ, на балконъ, куда хочешь, только не сиди съ нами... Тебѣ незачѣмъ слушать наши разговоры, ты знаешь, я не люблю этого...

Когда Соня упорхнула, Марья Львовна продолжала съ прежнею тревогой въ топѣ...

— Право же, я боюсь за нее... Развита не по лѣтамъ и такая чувствительность, такая нервность! И зачѣмъ ей знать про холеру? Совсѣмъ не нужно!.. А эта дружба ея съ дѣтьми сапожника меня искренно сердитъ, докторъ, и вы напрасно ее поощряете... Я строго запретила эту дружбу... Слышите, дерзкій!?

И Марья Львовна шаловливо погрозила пальчикомъ...

Сумракъ сталъ еще гуще; въ воздухѣ уже чуялась нѣга надвигавшейся южной ночи... Изъ густыхъ зарослей сада донеслись пробныя трели соловьиной пѣсни, замолкли на время, какъ бы застыли, но затѣмъ вдругъ быстро потекли цѣлымъ живымъ потокомъ. Тонкій серпъ луны блестѣлъ уже яркимъ золотомъ въ полупрозрачной еще мглѣ, а возлѣ него, точно умывшись, выпырнула свѣтлая звѣздочка, мигая и точно маня къ себѣ высоко-высоко... Блѣдная дѣвочка съ большими кроткими глазами стояла на балконѣ и какъ-то напряженно всматривалась и въ сѣровато-голубую мглу, и въ звѣздочку, и въ темныя заросли, изъ которыхъ выплывали звонкія трели... Къ фрейлейнъ идти она не хотѣла, фрейлейнъ была ворчлива и никогда не давала отвѣтовъ на вопросы, называла ихъ праздными или находила, что дѣвочкѣ они не пристали...

А ей такъ хотѣлось бы знать все... все... и почему ей нельзя слушать разговора взрослыхъ, и почему нельзя любить Костю и Варю, почему они ей не пара, какъ говорятъ и мама и фрейлейнъ, хотя они такіе же какъ и она дѣти, а добрый Богъ заповѣдалъ любить всѣхъ... Что такое, наконецъ, эта холера, о которой говорятъ всѣ шопотомъ и тихо, скрывая отъ нея, и которой всѣ такъ боятся, хотя она и сдѣлала или заставила сдѣлать такъ много добраго для дѣтей и бѣдныхъ, какъ говорилъ докторъ... А ее страшно боятся, но кто она? Кухарка клялась въ кухнѣ,—какъ случайно подслушала дѣвочка,—что холера съ лысымъ черепомъ и съ косой въ рукахъ... Должно быть страшная,—подумала Соня,—но что же, что страшная на видъ, за то добрая!—Если-бъ она ее встрѣтила гдѣ-нибудь, она непремѣнно сказала бы ей merçi за Костю и Варю... Такъ бы и сказала: merçi, добрая тетя холера! Папа совсѣмъ лысый и ходитъ въ парикѣ!.. У тети Нади тоже лысый черепъ и она прикрываетъ лысину накладкой, но ихъ не боятся... Много мыслей живыхъ, острыхъ копошилось въ молодой дѣтской головкѣ, много бродило вопросовъ, но если тамъ они не укладывались стройно и ясно, за то дѣтское сердечко формулировало ихъ лучше... Оно немолчно стучало, что у Кости и Вари есть теперь молоко и булка, что у отца ихъ есть горячая пища...

— Это ты, Варя?—наклонилась дѣвочка на шорохъ внизу подъ балкономъ, пристально всматриваясь въ темную мглу дола.—Да?

— Эге, я!—глухо проговорила Варя, вынырнувъ изъ мглы съ набитымъ ртомъ и булкой въ рукѣ.

— Ты ужинаешь?

— Эге... И у насъ сегодня чай былъ...

— Чай?!

— Эге-жъ... Тато изъ комитета принесъ...

— Изъ какого комитета?

— А что для бѣдныхъ, потому: холера...

Варя засеменила челюстями, съ трудомъ проглотила, передохнула и готовилась было что-то разсказывать... Соня наклонилась еще ниже, — наконецъ-то, казалось, она узнаетъ все, что ей нужно, про эту холеру! Но ей помѣшалъ окликъ Марьи Львовны...

— Соня, Соня!—громко звала мать,—ты опять, вѣрно, съ уличными дѣтьми!...

Въ столовой все измѣнилось... Въ самый разгаръ непринужденной causerie, когда всѣ дамы прелестною гурьбой мстили Хламову за его нападки, влетѣлъ блѣдный, испуганный инспекторъ врачебной управы... По одному его виду можно было догадаться сразу, что случилось нѣчто скверное... Онъ задыхался и вытиралъ клѣтчатымъ платкомъ лысый черепъ.

— Холера?—встрѣтилъ его въ унисонъ общій крикъ и сразу все смолкло.

Инспекторъ утвердительно кивнулъ головой.

— У насъ, здѣсь?

— Да, несомнѣнная... Сразу пять человѣкъ... Созывается экстренное собраніе комитета и я за вами, графиня, и за вами, collega...

Хламовъ не замедлилъ... Всѣ схватилась за шляпки и шляпы. Страхъ побуждалъ бѣжать, сообщать другимъ грозную вѣсть, а затѣмъ укрыться у себя дома, въ своемъ углу, гдѣ, казалось, каждому безопаснѣе... Марья Львовна осталась одна, и это одиночество теперь, послѣ шумной бесѣды, еще сильнѣе пугало... У нея подкашивались ноги, она сѣла, хотѣла всплакнуть, но слезы не катились. Въ особенно тревожныя минуты она спасалась въ кабинетъ къ мужу, но теперь и этого не могла сдѣлать,—генералъ уѣхалъ на маневры. Полное одиночество, безпомощность совсѣмъ, казалось, сразили ее... Блѣдная, съ широко раскрытыми страхомъ глазами, она вслушивалась напряженно въ царившую кругомъ тишину, точно надѣясь услышать нѣчто такое, что̀ вывело бы ее изъ такого оцѣпенѣнія. Безцѣльнымъ, сухимъ взглядомъ она водила по всѣмъ поставленнымъ вездѣ стклянночкамъ, баночкамъ, каплямъ и вдругъ на нее нашло желаніе—проглотить все разомъ, чтобы спастись, навѣрное спастись и застраховать себя... Какой-то внутренній голосъ шепталъ ей, что, будь вся эта аптека внутри, ей нечего будетъ бояться... Но, къ счастью, Марья Львовна не совсѣмъ еще потеряла голову... Она спохватилась, вспомнила о Сонѣ и, чтобы отогнать отъ себя этотъ кошмаръ страха, кликнула дочь.

— Ты гдѣ была?—спросила она, успокоиваясь понемногу съ появленіемъ дочери.

— На балконѣ, мама...

Звуки живой и близкой рѣчи пріободрили ее... Она осмотрѣла дѣвочку съ ногъ до головы наблюдательно заботливымъ взглядомъ и, все больше облегчаясь отъ охватив-

шаго ужаса,—хотя ей все еще хотѣлось плакать,—заговорила дрожащимъ голосомъ:

— Ну, смотри же, Соня, веди себя хорошо теперь и будь умна... Ты слышала и мнѣ скрывать уже нечего,—въ городѣ появилась холера, а она не любитъ злыхъ и глупыхъ. Будь же доброю дѣвочкой, слышишь?..

Она слышала и съ тревогой всматривалась въ блѣдное, разстроенное лицо матери своими добрыми большими глазами. Чуткое дѣтское ухо ясно уловило въ тонѣ голоса и боль, и слезы, и маленькое сердечко затрепетало сильнѣе.

— Будь же, Соня, умницей!..

Въ открытое окно глядѣла уже темная южная ночь... Ароматъ сталъ еще гуще, соловьиная пѣснь громче, съ темнолазуревой выси на землю, казалось, сыпались звѣзды... Высокіе стройные тополи врѣзывались въ синеву точно гигантскія руки, поднятыя съ земли въ тихой, безмятежной молитвѣ... Засыпавшая земля, казалось, въ самомъ дѣлѣ молилась и соловьиною трелью, и ароматомъ цвѣтовъ...

— Ну, помолись, Соня, да иди спать, пора! — сказала Марья Львовна громко, стараясь заглушить собственнымъ голосомъ и тревогу, и все накипавшія слезы.

Соня опустилась на бархатную подушку кіота и сжала руки.

— Только не долго, не какъ вчера!—говорила Марья Львовна, боявшаяся припадковъ чувствительности и полуэкстаза у дѣвочки.—Помолись коротко за тѣхъ, кого любишь... И молись громко, чтобы я слышала.

Дѣвочка смутилась,—она всегда молилась тихо, про себя. Еще сильнѣе сжала она руки и растерянно опустила

головку... За кого молиться?—за Костю и Варю,—разсердится мама,—размышляла она растерянно.

— Ну же, Соня!..

Она подняла головку, подняла къ образу длинныя рѣсницы и проговорила громко:

— Благослови, Боже, папу, маму... и... и...

Соня запнулась и повернула къ матери свои добрые глаза...

— Ну же, моя дѣвочка!

Моментъ,—Соня какъ будто заколебалась въ перѣшптельности. Но, вдругъ, она какъ-то сразу овладѣла собой, подняла свои чудныя рѣсницы и, къ невыразимому ужасу Марьи Львовны, проговорила ясно и твердо:

— И добрую тетю холеру, Боже!

Когда позднею ночью Хламовъ вернулся изъ больницы домой, онъ засталъ пакетъ отъ Марьи Львовны. Въ пакетѣ лежала сторублевая бумажка для бѣдныхъ и коротенькая записка, написанная, очевидно, торопливою, нервною рукой.

«Моя славная Соня,—писала Марья Львовна,—открыла мнѣ сегодня глаза лучше, чѣмъ всѣ ваши филиппики. У нея дѣйствительно золотое сердце и, каюсь, я дѣйствительно была не всегда права по отношенію къ ней. Если забѣжите завтра,—узнаете, какъ все это вышло. И комично, и трогательно, а въ общемъ прелестно...»

«P. S. Кстати, не могу ли я быть вамъ полезной въ вашихъ хлопотахъ и заботахъ о больныхъ и бѣдныхъ? Мой глупый паническій страхъ прошелъ, я излечилась и съ радостью возьму на себя какія-нибудь обязанности.»

ДОБРЫЙ ВОЛКЪ.

(СКАЗКА ДЛЯ ВСЯКАГО ВОЗРАСТА.)

Жилъ себѣ на свѣтѣ волкъ, а у того волка было два сына; одного Шельмой звали, а другой, младшій, такъ и росъ безъимяннымъ...

Шельма ловкачъ былъ, на славу удался... Зубастый, шерсть имѣлъ густую, чутье тонкое и острое,—за версту, бывало, чужое добро слышитъ,—истый волкъ былъ. И линію свою понималъ, какъ должно,—никакими сомнѣніями да вопросами своей волчьей души не отягощалъ попапрасну. Волкомъ родился, ну, значитъ, и жить мнѣ поволчьи!—такъ и понималъ. Къ ягнятамъ тоже никакихъ сантиментальностей не проявлялъ,—понималъ, что ягнята только для пищи родятся. Вообще, благонамѣренный волкъ былъ, правильный: и цѣну себѣ зналъ, и своего нигдѣ не упуститъ. Еще сосункомъ, бывало, таланты проявлялъ и родительское сердце радовалъ. Что ни принесутъ ему съ лова, онъ сейчасъ въ пасть, ворчитъ, хвостикомъ помахиваетъ, да желтыми глазенками вспыхиваетъ,—отца

съ матерью въ умиленіе приводитъ. А чуть подросъ, сразу въ славу вошелъ... Лошадь ли гдѣ пропала, телка ли не досчитались, съ ягнятъ шкура содрана,—ужъ непремѣнно его, Шельму, поминаютъ. Большую извѣстность пріобрѣлъ, что бы ни случилось, гдѣ бы убыль ни проявилась, все на него. «Шельмино это дѣло!» только и твердилъ, бывало, мужикъ. А онъ себѣ ходитъ веселый, своей удали радуется, зубами щелкаетъ, глазами водитъ, да новыя штуки придумываетъ. И волчица его сытая, и волчата у него аккуратные. Одинъ словомъ, отецъ съ матерью только Бога благодарили.

— Вотъ, старая, и сподобились мы съ тобою за нашу жизнь правильную утѣшенія!—славословитъ, бывало, умиленный волкъ и въ награду сейчасъ же свою волчицу за ухомъ пощекочетъ.—Ужъ такого попльца-кормильца принесла, такого, что и нахвалиться нельзя!

А волчица въ отвѣтъ только слезы умиленія точитъ, да къ супругу головкой прижимается... Дамская душа, извѣстное дѣло, мягкая, восторженная.

— Да, ужъ можно сказать!—всхлипываетъ,—утѣшены!..

Не такъ дѣло съ Безъимяннымъ стояло... Грѣхъ ли какой вышелъ, случай ли подшутилъ, а только и волчьяго-то въ немъ какъ будто ничего не было, такъ что старая волчица даже въ конфузъ входила отъ язвительныхъ сосѣдушкиныхъ намековъ. Прямо сказать, отъ младшаго родительскому сердцу одно горе выпадало... И зубомъ не вышелъ, и шерстью не взялъ, ну, а на счетъ чутья и прочихъ талантовъ и говорить нечего, — овца-овцой, да и только! На Шельму, бывало, поглядѣть любо, а у того

и видъ-то такой, точно бы онъ отъ самаго рожденія подъ судомъ состоялъ... Добрые знакомые только диву давались, да головами покачивали. Статочное ли дѣло, чтобы волкъ да своего ремесла бѣжалъ, цапнуть не могъ, жалости разводилъ, да не волчьи думы раздумывалъ! Одни, какъ водится, небылицы плели, дамскую славу волчицы порочили, другіе сожалѣніе высказывали: «вотъ ужъ подлинно горе! Наградилъ, молъ, Господь старшимъ сыномъ, за то младшимъ обидѣлъ. Ужъ такъ обидѣлъ, такъ обидѣлъ!»...

Да и къ часу рожденія знаменіе дурное подошло,— ворона-вѣщунья бѣду накаркала... Только-что было волчица супруга съ новорожденнымъ поздравила, — глядь, откуда ни возьмись, ворона проклятая... усѣлась на осинѣ, хлопнула черными крыльями, вильнула хвостомъ, да и давай каркать:

— А что-й-то,—каркаетъ,—по свѣту слухъ прошелъ, будто лѣсу стоячему конецъ пришелъ, — расчищать будутъ. Опять же, сказываютъ, волчьей удали шабашъ,— на домашнее положеніе всѣхъ переведутъ. Кра, кра, кра!...

— Типунъ тебѣ!—только и отрѣзалъ старый волкъ, да такъ и замеръ со своей волчицей отъ страха... Большая тогда тревога по лѣсу шла. Хоть и брехливы вѣщуньи, а все-таки жутко было. А ну, вдругъ, какъ сбудется!..

Какъ бы тамъ ни было, съ того ли карканья или нѣтъ, а только Безъимянный еще щенкомъ тревогу вселялъ. Ни сноровки въ немъ, ни удали, ни живости, — одна превратность. Шельма грызетъ, кровью захлебывается, а тотъ слезы жалости точитъ; Шельма зубами скрипитъ, къ новой штукѣ готовится, а тотъ свѣситъ уныло башку,

да какія-то несуразныя мысли разводить. А не то вдругъ уставится въ полную луну, да таково жалобно зальется, что и волчицу за сердце схватитъ,—тоже выть начнетъ.

— Охъ, не къ добру это! — вздыхаетъ и злится старый волкъ, а волчица и сама это чуетъ и только слезы утираетъ.

И чѣмъ дальше, тѣмъ все хуже дѣло шло, все больше родительское горе становилось. Никуда не годится малый, да и только: ни виду должнаго, ни амбиціи волчьей, ни цапнуть, ни въ горло вцѣпиться,—какъ есть непутевый. Возьмутъ его на ловлю, а онъ, того и гляди, зайца отъ жалости пропуститъ. Въ стадо ворвутся, — Шельма такъ и рветъ зубомъ, старается, а тотъ подожметъ хвостъ, да къ сторонкѣ жмется,—не его ровно, молъ, дѣло. Соловьевъ даже втихомолку слушать повадился...

И чего, чего только не дѣлали, чего не придумывали отецъ съ матерью: и корили, и за вихоръ драли, и стыдъ насмѣшками пробуждать пробовали, и къ другимъ пріемамъ волчьей педагогіи прибѣгали,—ничего! все равно, что горохъ объ стѣну... Они ему свое, а тотъ тоже свое. Сидитъ ледащій, угрюмый, опуститъ понуро голову, да все воронье каркапье поминаетъ, скоро ли оно сбудется, гадаетъ. Не лежитъ душа къ волчьей удали, да и только: на умѣ одинъ лишь думушки несуразныя. И все ему, непутевому, знать нужно, зачѣмъ, да почему, даже лютое зло разбирало родителей. Добро бы барсукъ былъ, которому ученость на роду полагается, или тамъ кротъ-инженеръ, что ли,—а то волкъ, нашего же, волчьяго рода, одной удалью славнаго,—и вдругъ сталъ такой!

— И въ кого ты вышелъ такой ледащій!—рычитъ во гнѣвѣ старый волкъ.—Никогда у насъ въ роду жалостливыхъ слюняевъ не было, всѣ молодецъ къ молодцу! Что-жъ ты-то отца съ матерью терзаешь? Не видишь, что ли, какъ мать-то слезами исходитъ? А?!

Подожметъ малый на такую рѣчь мохнатый хвостъ, опуститъ низко башку, да подслѣповатыми глазами хлопаетъ.

— Отчего съ братца примѣръ не берешь, а?!—да хлопъ малаго-то по загривку.

Вздрогнетъ малый и только свое глупое «не могу» бормочетъ.

— А отъ чего не можешь? — допрашиваетъ старый волкъ, захлебываясь отъ ярости.—Душа не лежитъ, хе-хе-хе, а, не лежитъ?! На домашнее положеніе дураку хочется?! Вороны, дуракъ, наслушался, а?—да снова его по загривку, да еще и еще.

А ехидный Шельма еще и масла подольетъ.

— Ахъ, братецъ, братецъ,—тянетъ іудинымъ голосомъ,—и зачѣмъ это ты маманю съ папашей терзаешь, всякимъ карканьемъ увлекаешься? Замѣсто того, чтобы втихомолку соловьевъ слушать, да несуразныя мысли разводить, ты бы лучше свою линію велъ. Волкъ вѣдь ты!

Обидится Безъпмянный на Шельмино ехидство,—не любилъ онъ, чтобы ему его тайное пристрастіе къ соловьямъ поминали,—да и буркнетъ:

— А почему это я волкъ?

Такъ и зальется Шельма, который только и ждалъ этого.

— Хе-хе-хе,—заливается,—потому что ты родился волкомъ.

— А почему я волкомъ родился?

Ну, тутъ ужъ къ Шельминой радости старый волкъ такую баню Безъимянному нагрѣетъ, что у того, бывало, съ шерсти кипятокъ побѣжитъ. Такъ и накладываетъ: «вотъ почему, такой сякой, непутевый! Будешь помнить свои «зачѣмъ, да почему»! Самъ соловьемъ запоешь!»

И накладываетъ, и накладываетъ, а все того не беретъ!..

Какъ ни бились, сколько ни старались, а толку все-таки не выходило... Однако, какъ-никакъ, а свое-то дѣтище всегда жаль, что ни говори... Самаго леданцаго и то пристроить хочется. Стали волкъ съ волчицей ломать свои головы, съ добрыми знакомыми совѣтовались, къ ученому барсуку даже, скрѣпя гордое сердце, съ поклономъ ходили,—извѣстное дѣло, чего для своего сына не сдѣлаешь! У сороки-щебетухи, что въ тѣ поры за трезвыя рѣчи въ большой силѣ была, протекціи просили, да про вакансіи разспрашивали, а все толку нѣтъ; никому неудачникъ не нуженъ... Бились, бились, а наконецъ и махнули рукой,—а ну его, надоѣло! Пусть идетъ хоть по собачьей части, если ужъ никуда не годенъ! Долго крѣпились, съ волчьей гордостью боролись, а въ концѣ-концовъ все-таки надумали. Хоть и на цѣпи оно собачье дѣло, а все-таки сытное, покойное: и помои есть, и соломка, а въ добрую минуту и корочка лишняя... Больно-то оно для гордости, больно,—не къ лицу волку собакою

ходить,—ну, да что тутъ подѣлаешь... Все же оно лучше, чѣмъ такъ-то!... Крякнулъ старый волкъ, да и повелъ сына къ Алпатычу на торговый широкій дворъ... Поклонился купцу, посулы всякія сдѣлалъ и оставилъ малаго...

— Ну, старая, радуйся!—сказалъ со вздохомъ облегченья волчицѣ.—Какъ-никакъ, а пристроили мы шелопая нашего...

Да недолго только радость шла: черезъ сколько-то дней привелъ Алпатычъ сынка назадъ.

— Не съ руки онъ мнѣ, сынокъ-атъ твой! — сказалъ Алпатычъ,—не пригоденъ... И радъ бы тебѣ, сватъ, удружить, да, вишь, къ нашему дѣлу не приспособленъ малый!.. Собака намъ нужна настоящая, чтобъ она, значитъ, и цапнуть тебѣ могла, и голосиста была, и къ хозяину ласковая да веселая,—хвостомъ шалила бы... А малый твой ни зубомъ, ни голосомъ не взялъ, цапнуть не умѣетъ и опять же угрюмый сидитъ да все думы раздумываетъ,—только въ сумлѣніе вводитъ: можетъ зло какое намысливаетъ... Ослобони ужъ, другъ!..

Ничего не сказалъ волкъ, только вздохнулъ тяжко... Посидѣлъ онъ послѣ того, посидѣлъ, подумалъ, крякнулъ, да и повелъ сына въ лощинку...

— Ну, сынокъ, не прогнѣвайся! — сказалъ.—Дали мы тебѣ съ матерью шубу хорошую и клыки острые... Учили, какъ сами умѣли, старались, изъ кожи лѣзли,—промышляй теперь самъ о себѣ. Можетъ такъ-то и самъ свою линію найдешь... Ну, а у насъ и безъ тебя хлопотъ много!

И пошелъ Безъимянный самъ о себѣ промышлять по свѣту...

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается... Промышлялъ малый, шлялся по лѣсу, до того дошелъ, что при немъ только шкура да кости остались... Извѣстное дѣло, съ корня лѣсного да соловьинаго пѣнья поперекъ себя шире не станешь... Раздумывалъ онъ свои думушки, къ птичьему стрекоту прислушивался, гадалъ, скоро ли вѣщаніе сбудется,—пока отъ голодухи глаза на лобъ не выскочили... Взвылъ бѣдняга, да отъ вытья-то опять сытъ не станешь...

А Шельма ходитъ сытый да веселый, глазами водитъ, зубами щелкаетъ да надъ братомъ-слюняемъ издѣвается... «Что-й-то, братецъ,—говоритъ,—точно бы вы и взвыли отъ жалостливости вашей?.. Какъ будто оно и невыгодно жалости разводить, ась!? Я, вонъ, давеча,—издѣвается,—у Митяя барашка сволокъ,—превкусный, доложу вамъ, барашекъ!» И хохочетъ ловкій Шельма... И всѣ съ нимъ хохочутъ, надъ слюняемъ издѣваются,—и ворона, и сорока-щебетуха, и лисица, даже заяцъ-пуглякъ... Ученый барсукъ, и тотъ смѣется да ученый терминъ «неприспособленный» къ нему примѣняетъ... Шельмѣ—страхъ да почетъ кругомъ, а тому позоръ да смѣхъ только... Заяцъ, и тотъ не дрожитъ, завидя его, и прямо въ глаза рожи строитъ... Завидитъ издали, сдѣлаетъ въ насмѣшку «на-караулъ», да и ну стрекача...

— За что?—вздыхаетъ только Безъпмянный и еще ниже неудачливую башку свѣситъ... Невдомекъ ему, чѣмъ онъ лѣсу не угодилъ... Ну, добро бы Шельма одинъ издѣвался, а то вонъ и заяцъ, что отъ волчьяго духу дрожитъ, и тотъ съ Шельмой заодно... Дивно ему, ну, да и больно же!..

А чѣмъ дальше, тѣмъ больше... Смѣху да издѣвокъ мало,—обижаться стали... Сорока воронѣ обиду вслухъ выражала на неправильное поведеніе, на пороченье волчьей славы... Какой же это, молъ, и волкъ, что страху никакого не вселяетъ,—позоръ одинъ!.. Чего добраго, на такой примѣръ глядя, вся мелкая пташка, пожалуй, и къ нимъ уваженіе потеряетъ!.. Весь лѣсъ негодовать сталъ, даже заяцъ самъ... Безъимянный собственными ушами слышалъ, какъ тотъ своимъ зайчатамъ «слюняемъ» его называлъ, а къ Шельмѣ уваженіе вселялъ...

— Шельма — настоящій волкъ,—училъ заяцъ,—какъ должно быть... И видъ въ ёмъ есть, и зубъ, и сила,—ну, волкъ, какъ волкъ, и уважать его да бояться слѣдуетъ... Ну а слюняй, такъ тотъ пестующій, наплевать!..

Такой гомонъ пошелъ, такой гомонъ, что и лѣсъ малому опротивѣлъ.

— Ну, ладно же, и уйду,—рѣшилъ,—коли я вамъ въ обиду!...

И ушелъ. Вышелъ въ поле и глазамъ не вѣритъ малый отъ счастья... Ясно свѣтитъ солнышко, грѣетъ и ласкаетъ съ голубого неба... Ни тьмы, ни сырости лѣсной, ни издѣвокъ... Тихо все кругомъ, только зеленая трава о чемъ то шепчется любовно. Все дышетъ такимъ счастьемъ и миромъ, привольемъ и покоемъ, что и голодуха забылась. Рай, да и только! И дрогнуло отъ счастья сердце,—поднялъ малый башку, да и завылъ въ ликованіи...

Но не къ добру завылъ... Ѣхалъ на ту пору мимо купецъ, да про себя барыши высчитывалъ... Шарахнулись

кони, схватился и самъ купецъ съ испугу, наставилъ въ ликующаго малаго дуло, дернулъ, — такъ и отхватило клокъ шерсти. А тутъ еще и вѣрныя овчарки подскочили, откуда ни возьмись... Такая трепка пошла, что и самъ не помнилъ Безъимянный, какъ живымъ ноги унесъ...

И опять лѣсъ, опять издѣвки да негодованіе... Еще хуже пошло, еще горше стало... Такъ и заливается хохотомъ Шельма, а съ нимъ и лѣсъ отъ смѣху стонетъ... «Такъ тебѣ свѣту бѣлаго захотѣлось!? Пѣсню запѣлъ! Ха-ха-ха,—заливаются,—прочистили слюняю глотку овчарки!.. Ловко! Не суйся!» И заяцъ за бока берется, и ученый барсукъ пыхтитъ... Видитъ малый, что совсѣмъ не къ мѣсту онъ.

Знать и въ самомъ дѣлѣ не по нимъ я,—думаетъ.—Нѣтъ, баста! Будь что будетъ, а пойду лучше къ Митяю... Попрошусь къ нему въ услуги...

А дядя Митяй съ утра сердитъ былъ,—оброку срокъ подходилъ, а тутъ какъ разъ у него Шельма новаго телка́ стащилъ... Строгалъ онъ новую оглоблю, клялъ на всѣ лады Шельму, когда, глядь, предъ нимъ волкъ стоитъ, да еще и страшенный отъ голодухи,—такъ и сверкаетъ глазищами... Оробѣлъ парень. «Съ нами крестная сила!» шепчетъ и двинуться отъ страха не можетъ... А тотъ стоитъ предъ нимъ, хвостищемъ помахиваетъ, да сладкую рѣчь ведетъ.

— Возьми меня къ себѣ, Митяй,—говоритъ,—заслужу тебѣ...

— Къ себѣ взять?...—еле-еле лопочетъ Митяй.

—Да,—отвѣчаетъ Безъимянный,—вѣрой-правдой служить буду...

Пришелъ въ себя Митяй, опомнился... Во всей округѣ умникомъ считался,—отъ дѣдовъ зналъ, каково оно волку вѣрить. Смекаетъ про себя парень, а самъ и отвѣчаетъ таково ласково:

— Что-жъ? и возьму!.. А ну-ко,—говоритъ,— придвинься...

Изловчился, да какъ двинетъ сѣраго оглоблей промежъ ушей, такъ у того и буркалы выскочили...

Однако очувствовался... Сколько времени пролежалъ ни живъ, ни мертвъ, а все-таки оправился кое-какъ... Глядитъ: опять лѣсъ кругомъ, темь да сырость, поросль всякая... Прислушался: опять гомонъ идетъ, такъ и стонетъ лѣсъ отъ хохота,—всякая тварь надъ нимъ издѣвается... Жукъ-мозглякъ, и тотъ въ него усищами тычетъ, козявка всякая, и та ему рожи строитъ.

И тоска взяла малаго, тоска лютая, смертная... Не радъ что и ожилъ, въ память пришелъ... Лучше бы, молъ, Митяй па смерть ухлопалъ...

И сталъ онъ думать страшную, не волчью думу... Сталъ думать: зачѣмъ ему эта жизнь, что въ ней!.. Ни себѣ, ни другимъ... Голодъ, холодъ, позоръ, издѣвки. И главное—за что, за что, за что?!

— Нѣтъ, баста,—рѣшилъ,—а ну ее, эту жизнь, довольно! Пойду смерти искать!..

И пошелъ...

Печетъ солнце, тпшь да гладь кругомъ; лежитъ малый, уткнувъ морду въ лапы, на пыльной проѣзжей дорогѣ да

смерти ждетъ... Долго лежитъ, а все нѣтъ ея, и невдомекъ ему, что и она даромъ не дается и бѣжитъ того, кто ее ищетъ... А на ту пору какъ разъ проходимецъ шелъ,—голодными глазами поживу выслѣживалъ... Отецъ на обухѣ рожь молотилъ, мамаша въ мѣшкѣ шило таила, а сынка, какъ подросъ, промышлять пустили... Шелъ проходимецъ, шелъ, да, вдругъ, видитъ—волкъ и точно бы неживой лежитъ...

— Вотъ и послалъ Господь поживу!—думаетъ.—Хоть и плоха шкура, вытертая, а все-таки грошъ дадутъ!..

Сталъ вынимать острый ножикъ, да такъ и замеръ отъ испугу: видитъ,—шевелится волкъ... Хотѣлъ дать стрекача, да вдругъ слышитъ,—зоветъ его волкъ, самъ смерти проситъ...

— Что за притча?—думаетъ. Однако остановился.

— А не укусишь?—спрашиваетъ.

— Нѣтъ,—говоритъ волкъ.—Самъ смерти ищу!..

Смекнулъ про себя проходимецъ,—ловкая башка была... Подошелъ осторожно, да и спрашиваетъ ласково:

— А дозволишь прежде связать тебя?.. Боюсь я...

— Вяжи!

Связалъ ему проходимецъ лапы, морду связалъ. Закрылъ уже глаза Безъимянный: вотъ-вотъ полыхнетъ,—думаетъ... А не тутъ-то было! Взвалилъ его къ себѣ на плечи живымъ проходимецъ...

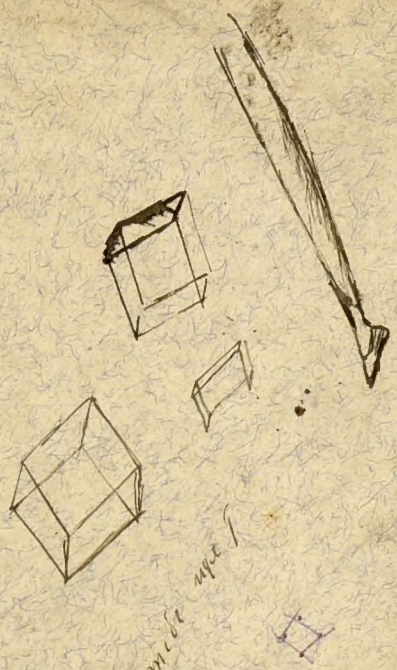
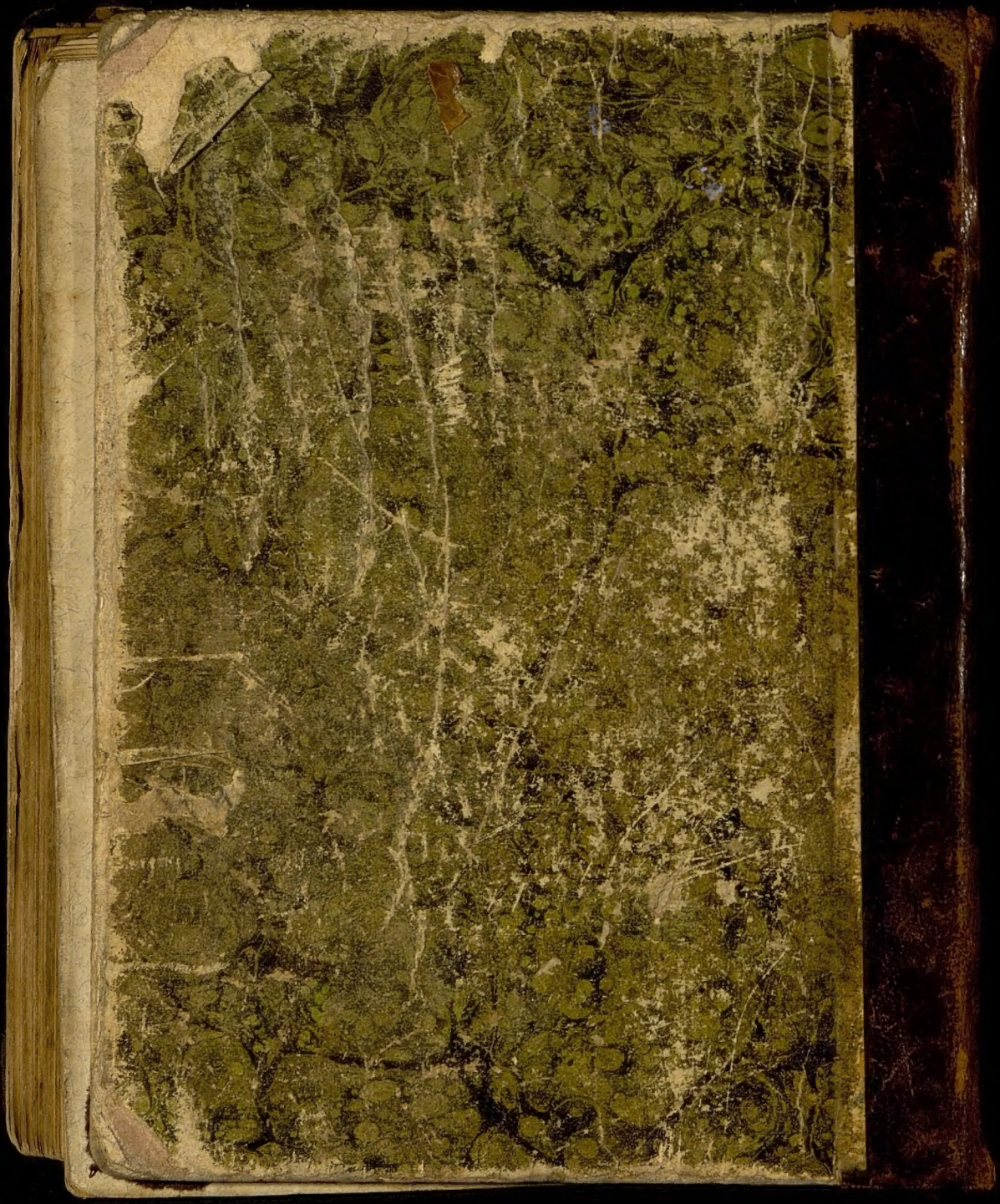
— Такъ-то больше наживу,—смекаетъ довольный и радостный.—На ярмаркѣ за показъ пригоршнею собирать буду!..

Лежитъ Безъимянный, свернувшись угрюмо, въ балаганной клѣткѣ... Дѣти Алпатыча ему языки высовываютъ, дамы его зонтиками потрогиваютъ, деревенщина отъ страха крестится, а проходимецъ гроши собираетъ.

— У... у... какой страшный!—гомонитъ все кругомъ...

А тотъ все лежитъ, лежитъ и лежитъ, только изрѣдка вздрагиваетъ... Иногда, когда отхлынетъ публика, подниметъ голову, да смертельно тоскующимъ взглядомъ, въ которомъ такъ и застыла слеза, въ родимый лѣсъ уставится... Тоскливо, обидно, больно... А все-таки внутри, гдѣ-то глубоко-глубоко, копошится что-то смутно похожее на надежду и нѣтъ-нѣтъ, да погадаетъ: А скоро ли сбудется воронье карканье?

Перм. Гос. Ун-т
им. Горького



[6 p]